

А ВОИНОВА

ТАМАРА и ДАВИД

КНИЖНЫЙ СЕКТОР
ЮГО-ОСЕТИНСКОГО
ИЗДАТЕЛЬСТВА

ЦХИНВАЛИ — 1967

А. ВОИНОВА,

ТАМАРА И ДАВИД

исторический
роман

Редактор *Рехвиашвили В. В.*
Художник *Гассиев У. Х.*

ВОИНОВА А. И.

Александра Ивановна Воинова родилась в 1885 г. в селе Воскресенском Тульской губернии, в дворянской семье. В раннем детстве потеряла родителей. Неполное образование получила в народной школе, после чего в 1908 г. окончила Тульскую женскую гимназию и поступила на фельдшерские курсы. Увлечшись литературой, она оставила фельдшерские курсы и поступила на историко-филологический факультет Высших женских курсов.

После окончания историко-филологического факультета перешла на философское отделение этих курсов. Здесь у А. Воиновой и зарождается желание попробовать свои силы на литературном поприще.

В 1913 г. Воинова А. пишет свою первую книгу «Записки курсистки». В ней правдиво описана жизнь тогдашнего студенчества, его революционный дух, участие в революции 1905 г.

В 1913 г. книга была конфискована и изъята из обращения, автора осудили на 3 года. В связи с 300-летием дома Романовых Воинову помиловали. В 1915 г. она выходит замуж и переезжает в Тамбовскую губернию в Борисоглебск, где занимается изучением положения крестьянства. Воинова подготовила повесть, посвященную жизни крестьянства. В этой книге описана тяжелая, беспросветная жизнь русского крестьянства в годы реакции. Рукопись была конфискована полицией и затеряна в Тамбовском губернском архиве.

После победы Октябрьской социалистической революции Воинова переезжает в Москву и активно включается в литературную деятельность. Она начала писать рассказы для «Молодой гвардии», для газет и «Театрального издательства». В период с 1920 по 1928 гг. работала над пьесами: «Совбарышня Нина», «Акулина Петровна», «Золотое дно», «Получка» и другие, которые ставились в театрах и рабочих клубах Москвы, Ленинграда, Тамбова, Тулы и других городов.

В 1930 г. в Москве издательство «Земля и фабрика» выпустило первый большой роман Воиновой «Самоцветы». Вслед за этим романом написан роман «Восток и запад», вышедший в 1935 г. А. И. Воинова с 1934 г. является членом Союза писателей СССР. В 1932 г. Воинова тяжело заболела и три года лечилась в Цхалтубо. «В этот период, — пишет Воинова, — меня крайне заинтересовала личность Тамары и ее взаимная любовь с Давидом-Сослани» (из автобиографии А. Воиновой). После чудотворного цхал-

тубского лечения Воинова ездила по историческим местам Грузии, связанным с жизнью и деятельностью Тамары и Давида.

В 1938 г. Воинова вернулась в Москву и начала работать в музеях и библиотеке им. В. И. Ленина; изучила средние века Запада и Ближнего Востока. Воинова собрала огромный материал по истории Грузии, Армении, сельджуцких султанов и Арабского Востока. Она пользовалась, помимо грузинских источников, арабскими, византийскими и историей крестовых походов. Неоценимую помощь в работе над романом писательнице оказал ее муж Д. С. Дандуров, глубокий знаток древней истории Востока.

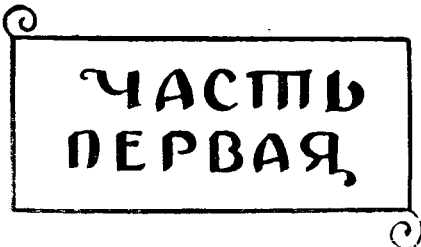
В 1941 г. Воинова переезжает в Тбилиси и продолжает работу над романом «Тамара и Давид». В 1942 г. издательством «Заря Востока» было опубликовано несколько глав из романа.

Исторический роман «Тамара и Давид» отображает значительную эпоху истории Грузии — рубеж XII—XIII столетий, когда древняя Грузия (Иверия) достигла наибольшего расцвета своей государственной, хозяйственной и культурной жизни. А. И. Воинова правдиво показала социально-политический строй, взаимоотношения отдельных княжеств, оппозицию феодальной верхушки, которая не могла примириться с усилением царской власти и объединением Грузии. Она всячески стремилась через патриарха Микеля добиться неограниченной власти. Роман передает атмосферу этой борьбы, развернувшейся между царицей и владетельными князьями.

Роман имеет большое эстетическое и воспитательное значение; читается с захватывающим интересом.

В 1962 г. Госиздат Юго-Осетии выпустил роман «Тамара и Давид». В 1964 году издательство перенздало книгу. Ввиду большого спроса читателей Москвы, Ленинграда, Томска, Омска, Киева, Орджоникидзе и других городов Советского Союза «Тамара и Давид» выходит третьим дополненным изданием.

Рехвиашвили В. В.

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ,

Со сторожевой башни, что стоит на сером гранитном утесе у изгиба реки Ардон в Кассарском ущелье, в двух километрах от летней резиденции царя овсов,¹ глашатай возвестил: — Едут!

Обычно сторожевые башни служили для военных целей: от башни к башне они передавали по ущельям вести о вторжении вражеских войск и их передвижении. Но на этот раз глашатай с башни сообщил радостную весть: царевич Сослан возвращался от кипчакского хана, где он гостил.

Свыше двух лет Сослан не был в летней резиденции овского царя. За это время он исколесил земли от Сурожского до Хвалинского моря, от Туал до Карногайских степей.

К полудню всадники достигли Нузальского замка. Впереди на вороных конях скачут царевич Сослан и его неразлучный друг—грузинский азнаур Гагели. Царевича сопровождали воеводы и старшины.

---

¹ Овсы — осетины.

Навстречу Сослану из южных ворот Нузальского замка вышли придворные во главе со старейшим рода Царазоновых, седобородым Бола. Никто бы не поверил, что ему за сто лет.

Не доехав до ворот, царевич Сослан и Гагели увидели Бола и спрыгнули с коней, за ними спешила вся свита. Сослан направился к Бола, остановившись на расстоянии десяти шагов, отвесил ему поклон. Как только начал говорить Бола, Сослан поднял голову и сосредоточенно стал слушать.

— О боги! О покровитель всадников Уастырджи, — произнес Бола, — вам обязаны благополучным возвращением нашего царевича. Да благословите его в будущем. Добро пожаловать!

Царевич узнал среди придворных своего боевого друга—азнаура Элизбара Палавандишвили, прославленного в битвах против спарсов и сельджуков. Сослан перевел свой взгляд на Гагели и тот быстро зашагал к Элизбару. Два картлийских богатыря слились в объятии.

Сослану и Гагели было ясно, что Элизбар мог появиться в резиденции овсского царя только как посланец царицы Тамары.

Открытое, благородное лицо Элизбара не могло скрыть от Гагели, что он прибыл с радостной вестью для Сослана.

— Какую весть нам привез витязь Иверии?¹ — полусшепотом спросил Гагели Элизбара.

— Хорошие вести, дорогой друг, — ответил Элизбар, понизив голос. — Светлоликая царица Тамара, дочь блистательного царя царей Георгия, скучает по дорогим друзьям. Я приехал по велению моей царицы и доблестного картлийского дворянства.

— Неясно говоришь, друг мой, — перебил его Гагели.

— О, не торопи, храбрый из храбрых. Царица решила, что настало время действовать.

Гагели повел Элизбара к царевичу Сослану.

На почтительном расстоянии от Сослана Элизбар остановился и отдал ему земной поклон, потом, подняв

---

¹ Иверия — так называлась Грузия в XII веке.

голову и расправив могучие плечи, обратился к царевичу:

— Лучезарная Тамара, царица Иверии, посылает тебе, храбрейшему на Кавказе, потомку великого Дургюля, поклон.

— Слава мудрой царице, приветствую тебя, доблестный витязь, — ответил Сослан и сделал шаг в сторону Элизбара.

Элизбар подошел к Сослану, но не успел опустить голову в поклоне, как царевич прижал его к своей богатой груди.

Высоко возвышается боевая башня над замком овского царя в Нузале, она гордо смотрит на гранитные и базальтовые отроги Нузальского ущелья. Горы, налезая друг на друга, замерли в величавой тишине. На седьмом этаже башни сидели Сослан, Гагели и Элизбар. Сослан молчал, он был сосредоточен. Гагели и Элизбар убеждали его, что надо ехать в Картли. Они замолчали и ждали, что скажет царевич Сослан. Он подошел к окну, выходящему во внутренний двор замка, и продолжал задумчиво смотреть. Сквозь ночную мглу еле были видны базальтовые колонны замка. Здесь Сослан провел детские годы. Он вспомнил последний взгляд своего отца перед уходом на помощь царю Георгию III в борьбе против сельджуков. Гагели подошел к Сослану и сказал спокойно:

— Царица хочет иметь рядом в трудную минуту тебя, своего друга. Только ты, царевич, глубоко понимаешь желания и чаяния Тамары. Ведь ты говорил всегда, что Иверия стала твоей второй родиной. Только ты, — повысив голос, продолжал Гагели, — сможешь избавить престол от самокорыстной опеки именитых вельмож. — Царевич продолжал молчать.

— Сослан! — с упреком сказал Гагели, — ты думаешь только о себе. Интересы Иверии и престола подчиняешь самолюбию и гордости. Пойми, единение Тамары и Сослана нужно не только вам, оно необходимо нашим двум народам в борьбе против спарсов и сельджуков. Византия ослабла, она слабее объединенных врагов христианства.

Сослан оторвался от окна и взволнованно произнес:

— Вот этого я от тебя не ожидал, — и, повернувшись обратно к окну, медленно с грустью продолжал, — я думаю всегда о нашей земле и о Тамаре, об опасности, грозящей нашим народам, о силе объединения, которая бы оградила христианство от мусульманства. Но вместе с тем, дорогие друзья, единение картвельцев, овсов, армян и других народов против общего врага зависит от внутреннего единства Иверии. Самая большая опасность — это междоусобица в стране. Против меня — князь, церковь, между мною и Тамарой лежит гнусная клевета, связанная с таинственным исчезновением царевича Демны. Я хочу единства картвельского государства и возвеличения Тамары, но не хочу стать причиной раздора на родной земле.

— Сослан! — начал молчавший до этого Элизбар. — Ты лучше меня знаешь характер Тамары. Царица может пойти на все, ее никто не остановит в достижении заветной цели.

— Тамара должна думать прежде всего об единстве страны, — перебил его Сослан. — В Картлии и вне ее есть достойные, которые просят руки Тамары. Церковь и князь уже сделали выбор.

— А клятва, священная клятва и слово рыцаря?! — вместе воскликнули Гагели и Элизбар, будто сговорились.

Сослан не стал возражать, подошел к окну, потом повернулся к Гагели и Элизбару и улыбнулся. Для них было ясно, что Сослан принял положительное решение.

На второй день состоялся Совет старейших, возглавляемый Бола.

— О, господи, сотворитель наш, — говорил Бола, — ниспошли нам разум и отвагу.

К нам прибыл посланец царицы Тамары. Она желает, чтобы наш доблестный царевич вернулся в Картли. Картли грозит опасность, спарсы и сельджуки хотят посрамить нашу племянницу, дочь Георгия Третьего. Что вы скажете, почтеннейшие, — обратился он к Совету.

Поднялся Туган и сказал:

— Сослан прежде всего должен думать о возвеличении своих предков: Дургуля и Царазона.

Другой почтенный старец сказал:

— Враг пробирается к нам с востока, нашей стране угрожает опасность. Кто может дать отпор врагу? В эти грозные дни нужен союз с северным соседом, с русскими. Не надо нам портить отношения с русскими.

Наконец Бола обратился к молодежи, чтобы они тоже сказали свое слово.

Молодой джигит Арават обратился к Бола с просьбой высказаться от имени молодежи Тасолтану.

— Говори, — произнес Бола, обратившись к Тасолтану.

Тасолтан, сделав три шага, поклонился старейшим и начал:

— Почтенные старейшие! Вы нас воспитали на гда-тах наших предков. Вы нам говорили, что народ, который не отстаивает свою честь и славу, не достоин жизни. Враги Тамары и Сослана оскорбили нас, оклеветали царевича, они выступили против единения наших народов. Надо собрать войска и двинуться на помощь Тамаре.

Слово попросил Гагели.

— Храбрые и доблестные овсы, — говорил он, — Сослан едет для того, чтобы вместе с царицей Тамарой возвеличить Иверию и Овское царство. Ум, храбрость царицы Тамары и ее избранника Сослана укрепят оба царства.

Бола, обратившись к сидевшему рядом Сослану, попросил его сказать слово.

— Я еду в Картли по зову сердца, — заговорил Сослан. — Царица зовет меня, я связан с нею священной клятвой.

Элизбар воскликнул: — Да здравствуют царица Тамара и царевич Сослан!

Поднялся Бола:

— Для витязя нарушение клятвы — позор, позор не только для него, но для рода и народа. Сослан клялся народом, предками. В роде Царазоновых нарушителей клятвы не было.

На поляне между крепостной стеной и сверкающей речкой Уналдон большое оживление. Здесь расставлены столы в несколько рядов. В первом ряду — кресла, отделанные богатым овским орнаментом, для двенадцати почтенных старцев, Сослана и иверийских азнауров.

К полудню к замку царевича стали стекаться гости. Из крепости вышли Бола и царевич Сослан, вместе с ними Гагели и Элизбар, вслед за ними шли остальные гости.

— Ближе к столам! — обратился Бола к народу. Все подошли степенно и заняли места в соответствии с адатом — по возрасту и знатности.

Встал Бола с большим турьим рогом в руках и начал тост:

— О, бог богов! Ты сотворил вселенную, землю и людей. Дай счастье нашим доблестным воинам.

О, златокрылый Уастырджи, ты являешься покровителем мужчин, путников, воинов, сохрани наших доблестных мужей, отправляющихся в путь на большое дело, береги и их от несчастья, прикрывая золотыми крыльями своими. Дай им непобедимую силу и честь наших предков!

Тосты чередовались, один краше другого. Выпили за дружбу картлийского и овского народов, за здоровье гостей, за предков.

Группа молодежи преподнесла старшим традиционные молодежные бокалы — огромные турьи рога, наполненные овским бархатным пивом. Получив согласие старейших, молодежь образовала полукруг, справа стали парни, слева девушки. Начали с традиционного массового овского народного танца «Симд». В ведущей паре стоял брат Сослана — Джандиер со своей двоюродной сестрой Ацырухс. Вереницей потянулись тридцать пар. Мужчины горделиво и степенно вели девушек по кругу, нежно держа их под руки. Грациозно плыли девушки, едва касаясь ногами земли.

Элизбар, смотря на танцующих, пришел в восторг:

— Замечательно, великолепно!

— А кто в паре с Джандиером? — вдруг спросил он Гагели, не отрывая глаз от танцующих.

— Она — иверийская невестка, просватана за сына аргветского владетеля... Опоздал, дорогой друг, — весело ответил Гагели.

После «Симда» начались парные танцы: «Приглашение», «Соревнование». Одни пары сменялись другими.

— Танец гостя, танец гостя! — раздалось несколько голосов.

Элизбара попросили выйти в круг. Гагели успел ему шепнуть: «Приглашай невестку».

Элизбар подошел к Ацырухс и склонил перед ней голову.

Ацырухс, которая была обучена картлийскому танцу, удивила Элизбара искусством танцевать. Закончился танец, Элизбар поклонился Ацырухс, она опустила голову и медленно пошла к подругам.

Попросили Гагели. Все были изумлены исполнением им овского «Легкого танца». Раздались мелодии овского «Плавного танца». Все были в ожидании, кто же будет исполнять этот величественный нартский танец. Взгляды девушек были устремлены к мужской половине, но никто не появился.

— Может быть, будет танцевать царевич,—сказала одна из девушек.

Бола понял, что джигиты воздерживаются потому, что хотят увидеть танцующим Сослана. Да и кто мог исполнить лучше него «Плавный танец»!

— Царевич, — обратился Бола к Сослану. — Ты — достойный потомок нартов, покажи нам, как танцевали нарты Батрадз и Сослан.

Сослан вышел. Встав на носки в полоборота к девичьей половине полукруга, он плавно начал поднимать могучие руки. Из группы девушек вышла красавица Фаризат, она сделала несколько шагов и замерла на месте. Приблизившись к Фаризат, Сослан начал отходить на носках вправо, дав дорогу напарнице. Фаризат поплыла, как лебедь, едва касаясь земли. Вдруг Сослан резко повернулся и на носках начал отчеканивать ритмичные па кругового плавного танца. Под взором восхищения всех Сослан и Фаризат оставили круг.

Восхищению Элизбара плавным танцем не было предела. Он обратился к Гагели:

— Это невероятно, чудесно. Этот танец имеет язык, передает самые сокровенные чувства. В нем показаны: сила, мужество и величаявая сдержанность, этот танец гимн женщине. А Фаризат, Фаризат! Она скромна и величаява, грациозна и легка.

— Да, мой Элизбар,—произнес Гагели.—В плавном танце воплощена величаявость Кавказа, плавность овских степей, прозрачность горных родников, осанка кавказского тура и оленя, гибкость чинары и стройность северной сосны, порывистость горного ветра, легкость вечернего ветра.

В это время за столом раздалась песня «Уастыр-джи» в честь Сослана.

Джандиер подошел к кругу. Раздался наигрыш боевого нартского танца. Джандиер, выхватив два кинжала, стремительно начал кружиться на носках. Танцуя и кружась на носках, он преодолевал движения с кинжалами, будто попал в окружение врагов, быстро изворачиваясь от вражеских клинков, сам наносил им уколы один быстрее другого. Движения его становились быстрее и быстрее, кинжалы сверкали, как молнии.

Седовласые мудрецы с восхищением смотрели на царевича:

— Вот это, действительно, нартский танец!

Девушки шептали про себя: «Хоть бы всю жизнь на тебя смотреть».

Спустя три дня, Элизбар со специальным поручением царевича Сослана выехал в Тбилиси.

В начале августа царевич Сослан в сопровождении Гагели и пятидесяти всадников во главе с царевичем Джандиером выступил в Верхний Туал. Радушно встретили туалыцы своего царевича. В честь Сослана был устроен пир. Молодежь сопровождала царевича до Кехвской теснины. Сослана и его свиту приветливо встретила древняя столица Картли — Мцхета.

На другой день к вечеру Сослан со своей свитой подъезжал к Тбилиси. Ночь вступила в свои права, когда Сослан и его друзья были уже в Тбилиси. Всюду

господствовала таинственная тишина южной ночи. Исанский дворец погрузился во мрак и безмолвие. Только не спала царица Тамара. Она стоит перед большим византийским зеркалом, рассматривая себя в ожидании возлюбленного. Вот слышались знакомые шаги.

Тамара прислушалась. — Да, это он.

Она подошла к тахте и присела. В дверях показался Сослан. Всю ночь провели они в душевной беседе, обсудив до мелочи все, что предстояло им в будущем.

Едва пропели петухи, Сослан и Гагели покинули Исанский дворец царицы Тамары.

Г Л А В А II

В Анчисхатском храме, в Тбилиси, на Спасов день шло торжественное богослужение. Небольшой храм был замечателен тем, что являлся подворьем для патриарха, и в нем с незапамятных времен хранилась древнейшая икона Спаса, которую, по преданиям, относили к первым векам христианства.

Почти каждое воскресенье сюда стекались из разных мест паломники, а по большим праздникам приезжали вельможи, царские сановники, владетельные князья из своих поместий, чтобы после службы зайти во дворец патриарха, побеседовать с ним о государственных делах и узнать все придворные новости.

В Иверии патриарх наравне с царем пользовался большим почетом и уважением и обладал как духовной, так и светской властью. Он владел обширными землями и угодьями, собирал повинности деньгами и натурой, имел в своем распоряжении вооруженные отряды и военачальников и производил суд и расправу.

В царствование Тамары, дочери царя Георгия III, патриархом был Микель, сыгравший большую роль в жизни царицы Тамары. Он был суровым по характеру и непреклонным в своих религиозных убеждениях, твердо держался старых обычаев и традиций и старался оградить Иверию от «тлетворных» влияний Запада и всецело подчинить ее Византии.

Патриарх Микель по рождению и воспитанию был связан с представителями знатных княжеских родов, которые не могли примириться с усилением царской власти и объединением Иверии и стремились через патри-

арха добиться неограниченной власти в управлении государством. Борьба между царицей и владетельными князьями шла непримиримая и ожесточенная. Пользуясь тем, что царица была молода и одинока, не имела иных защитников, кроме своей тетки Русудан, и отличалась глубокой религиозностью, Микель, опираясь на своих сторонников, постепенно распространял влияние на все стороны государственной жизни, не оставляя без внимания и личную жизнь царицы.

На Спасов день, как всегда, в столицу прибыли из разных мест Иверии почитатели древней иконы. Узкая кривая улица, прилегавшая к храму, была полна людьми, ожидавшими с одинаковым нетерпением окончания службы и выхода царицы из церкви.

Всем было известно, что молодая повелительница Иверии была очень щедра, любила оделять милостыней всех нуждающихся, не останавливаясь ни перед какими расходами при оказании помощи бедным, особенно вдовам и сиротам. Все были уверены, что по случаю храмового праздника царица отпустила из своей казны большие средства для раздачи неимущим, поэтому скопление народа близ храма все увеличивалось.

В самом храме, переполненном блестящим иверским обществом, молодыми рыцарями, составлявшими свиту царицы, вельможами и сановниками, было тесно и душно.

Направо, на возвышении, где находилось царское место, стояла царица Тамара, по левую руку от нее — пожилая женщина, державшаяся с большой гордостью и важностью, как подобало особе царской фамилии. То была Русудан — родная сестра царя Георгия III, воспитательница и наставница Тамары, которая стояла у кормила государственной власти и оказывала большое влияние на свою племянницу. К этим двум женщинам, различным по возрасту и положению, было приковано всеобщее внимание. Мысли присутствующих были заняты не столько торжественным богослужением, сколько наблюдением за каждым движением царицы и выражением лица Русудан, слывшей весьма умной и образованной женщиной, притом отличавшейся большой находчивостью и дальновидностью.

Невдалеке от Русудан стоял мандатурт-ухуцес — министр внутренних дел — Чиабер, державший в руке золотой посох, пожалованный ему царицей в знак милости и особого расположения. Он был невысокого роста, некрасивой наружности, но с очень умными наблюдательными карими глазами. На лице его застыло выражение почтительного внимания ко всем, с кем он разговаривал, были то люди высшего сословия или его подчиненные, и в то же время в глазах его ни на минуту не исчезала подозрительная недоверчивость, с какой он встречал и провожал каждого человека. И теперь, находясь в храме, Чиабер неотступно следил за всеми, ничто не ускользало от его внимания: ни тихое перешептывание витязей, ни частое переглядывание сановников, ни передвижение с одного места на другое именитых князей, из коих одни стремились попасть ближе к алтарю и выказать свою преданность патриарху, другие, напротив, старались быть рядом с царицей и ждали от нее милости и одобрения.

Чиабер поглядывал и на амвон, где часто появлялась внушительная фигура патриарха, бросавшего при каждом своем выходе пристальные взгляды в сторону царицы. Чиабер, привыкший мгновенно угадывать расположение духа патриарха и применяться к его настроению, понял, что этот второй царь Иверии был чем-то сильно раздосадован и расстроен и не мог скрыть своего недовольства. Чиабер знал, что молодая царица стремилась освободиться от неприятной опеки патриарха и даже созывала собор, чтобы низвергнуть его с патриаршьяго престола и лишить всех должностей, но попытки ее не увенчались успехом, и влияние Микеля еще больше усилилось среди придворной аристократии.

Заметив сильное раздражение патриарха, Чиабер сделался озабоченным и обменялся взглядами с Русудан, давая понять ей, что он бессилен бороться с Микелем и не имеет в своем распоряжении средств, которые бы могли заставить патриарха более почтительно относиться к царице. Чиабер привык к дворцовым интригам, умело сглаживал недовольство высокомерных князей, но сейчас он знал, что при дворе назревали большие

события, могущие близко коснуться самой царицы и потрясти страну смутой и раздорами.

Находясь в тревоге, он не мог отвести глаз от стоявшего впереди царского визиря Абуласана, самого опасного и коварного противника молодой царицы. Хотя Абуласан и был осыпан царскими милостями, однако действовал всегда заодно с патриархом и часто подстрекал его на различные неприятные выступления против царицы. Он стоял во главе старой родовитой аристократии и поддерживал ее стремление усилить свою власть и раздробить Иверию на отдельные мелкие княжества, где они могли бы жить и править, как царьки, ни в чем не покоряясь царской власти. Чиабер, добившийся высокого сана при Тамаре своими личными заслугами, не мог быть защитником родовитой знати, но в то же время он остерегался открыто противиться могущественным князьям и потому не был к ним особенно строг и взыскателен.

Абуласан стоял возле самого амвона, статный, осанистый, соблюдая важность и степенность в движениях и стремясь показать всем, что он, как величали его, амир над амирами, является первым сановником в государстве. Патриарх Микель при каждом своем выходе на амвон обменивался с ним сочувственными взглядами, без стеснения показывая всем, что они единомышленники, совместно устанавливали порядок жизни в стране и подчиняли своему влиянию не только народ, но и царицу.

При общем возбуждении одна только молодая царица сохраняла видимое спокойствие, и не огорчалась ни угрюмым видом патриарха, ни тревогой Чиабера, ни напыщенной важностью Абуласана, и была занята мыслями о том, как лучше украсить древнюю икону Спаса и какому мастеру поручить это дело. Как всегда в парадных случаях, она была одета по-византийски, в пурпуровую царскую мантию, поверх которой спускался нагрудник, унизанный крупным жемчугом, сапфирами, изумрудами и рубинами. На голове у нее была небольшая зубчатая корона, из-под которой спадала на плечи вязаная сетка—вуаль, так называемое риде, самое дорогое и

красивое из всех украшений, какие носила царица. Лицо Тамары было прекрасно не только своими правильными и изящными очертаниями, матовой белизной и блестящими черными глазами, оно пленяло и изумляло всех редким сочетанием скромности и величия, выражением ума и доброты, живости и глубокой, вдумчивой серьезности. Тамара имела много поклонников; в нее были влюблены рыцари и поэты, без усталы воспевавшие ее красоту, но никто из них не был удостоен ее благосклонности и никто из искателей, именитых женихов, не получил ее согласия.

Тамара обладала большим умом и сильным характером. Она унаследовала от отца умение управлять государством и горячую любовь к своему отечеству. Поставленная в тяжелые жизненные условия, окруженная лицемерными и изощренными в лукавстве врагами, она вынуждена была поступать осторожно и мягко, не раздражая никого и во многом уступая своим противникам. Понимая, что в этой тайной и ожесточенной борьбе с князьями ей необходимо иметь опору и защиту, Тамара неприметно стала приближать к себе способных людей из низших сословий и внушать народу уважение к личным заслугам и стремление к просвещению. Снисходительность и великодушные завоевали ей народную любовь, и она постепенно начала приобретать влияние в делах государства и отражать нападки патриарха и его приверженцев. Тамара обычно с глубоким вниманием относилась к церковной службе, усердно молилась, подавая пример своим подданным, но на этот раз, как заметил Чиабер, она была чем-то озабочена и, видно, с нетерпением ожидала окончания богослужения.

Ее воспитательница Русудан, никогда не отличавшаяся набожностью, была всецело поглощена земными заботами и волнениями, тщательно и аккуратно выслеживала, кто с кем переговаривается, куда направлены взгляды патриарха, как ведут себя молодые рыцари, и особенно ревностно наблюдала за Абуласаном, который был слишком заметен из-за своей высокой фигуры. Тревога Русудан еще более усилилась, когда Абуласан, видимо, что-то услышав или кого-то заметив в тол-

ле, вдруг оглянулся и затем быстро поднялся на клирос, боковой дверью прошел к алтарю с явным намерением передать важное сообщение патриарху. Вслед затем в храме возник неясный шум, который тотчас же сменился тихим, но довольно явственным шепотом, быстро пронесшимся по всем рядам и захватившим общее внимание. Русудан, сгорая от любопытства, невольно обернулась назад, стараясь угадать, что произошло в храме, затем перевела взгляд на алтарь и заметила, что сквозь просветы закрытых дверей чьи-то глаза пристально и жадно всматривались в середину церкви, очевидно, выискивая виновника, посмеявшегося нарушить порядок и благочиние службы.

Одна царица не проявила любопытства, не выразила желаний перекинуться словом с Русудан и узнать причину тревоги, возникшей в храме. Она не сделала ни одного лишнего движения, только чуть ниже наклонила голову, перебирая висевшие на руке четки с нанизанными на них драгоценными камнями.

Между тем внимание всех было направлено в одну сторону. В храме появился витязь-богатырь необычайно могучего телосложения, с красивейшими чертами лица, мрачный и грозный, видимо, глубоко страдающий, но готовый сокрушить каждого, кто посмел бы стать помехой на его пути. Этот печальный исполин был одет в особый костюм, какой носили лица, принадлежавшие к царской фамилии: на нем был темный бархатный кафтан с обтянутой талией, отороченный по швам и на прорехах золотою парчою; на поясе висела сабля, рукоятка которой сверкала золотом и бриллиантами, поверх кафтана была наброшена рыцарская епанча, носившая следы перенесенных им лишений и скитаний. Темно-русые волосы вились по плечам, большие голубые глаза горели огнем от сильного внутреннего напряжения, а бледное лицо с выражением суровости, непреклонной отваги и мужества внушало страх и уважение, заставляя всех невольно расступаться перед ним и провожать его почтительным и удивленным взглядом.

Витязь подошел к царскому месту в сопровождении двух рыцарей, которые следили за каждым его движе-

нием и зорко наблюдали за всеми находившимися в храме сановниками. Присутствующие сразу разделились на две группы, резко отличные между собою. Надутые высокомерием князя, придворные и военачальники отнеслись крайне неодобрительно к появлению витязя и метали в него взгляды, исполненные страха и ненависти. В противоположность им, молодые рыцари, служилые дворяне и выдвинувшиеся за свои заслуги представители простых сословий с большим оживлением встретили необычного пришельца и старались оказать внимание. Заметив недовольство сановников, внезапное исчезновение Абуласана и поднятую им тревогу в алтаре, они забыли про богослужение и с живейшим интересом перешептывались между собою, обсуждая последние новости при дворе. Между ними быстро разнеслась весть, что появившийся в храме молодой витязь был овсский царевич Сослан, который с детства воспитывался вместе с царицей Тамарой во дворце ее отца, Георгия III, и считался его приемным сыном. Многие тотчас же припомнили, что несколько лет тому назад он был по настоянию патриарха и его сторонников изгнан из Иверии, и теперь неожиданно вернулся в столицу, и открыто появился в храме.

Сослан и Тамара с детства любили друг друга, но патриарх под влиянием крупных владетельных князей преднамеренно разлучил их, очевидно, боясь, что этот брак положит конец их господству при дворе и усилит власть царицы. Возвращение опального царевича тем более возбуждало и горячило всех, что никто не знал, сделал ли он это с соизволения патриарха или самовольно вернулся из изгнания? И никто не мог догадаться, как отнесется к нему Микель и на чью сторону станут приближенные царицы. Но общее недоумение вскоре разрешилось. Патриарх вышел на амвон, окидывая суровым взглядом всех присутствующих, затем резко повернулся и ушел в алтарь, явно показывая, что он крайне возмущен появлением опального царевича в храме. Микель заторопился с окончанием службы и, вместо того, чтобы, по заведенному исстари обычаю, совершить торжественный молебен перед иконой Спаса, он вдруг, к

удивлению всех, нарушил это правило, сразу вышел с крестом на амвон и прочитал отпустительную молитву.

Царицу не смутило поведение патриарха, хотя она и видела, что Микель едва сохранял хладнокровие и благопристойность, как всегда, не спеша сошла с возвышения и вместе с Русудан направилась к амвону, чтобы приложиться к кресту и получить благословение патриарха. Едва она сошла с возвышения, как царевич двинулся вперед, и в тот момент произошло нечто странное и неожиданное, еще более усилившее общее волнение и замешательство. Царица пропустила впереди себя Русудан, и как только та приложилась и отошла в сторону, рядом с царицей оказался царевич Сослан и вместе с ней подошел к патриарху под благословение. Все сразу поняли, что если патриарх благословит их при всех, то это будет означать, что он изъявил свое согласие на их брак и готов примириться с опальным царевичем. Хотя Микель и был застигнут врасплох, но он тотчас же разгадал тайный умысел царицы и ее намерение всенародно помирить его с Сосланом и, прежде чем кто-либо мог опомниться, спешно благословил одну царицу, затем круто повернулся, не подпустив никого к кресту, ушел в алтарь и закрыл царские врата.

В храме поднялся шум. Сторонники Тамары громко выражали свое возмущение резкой выходкой патриарха, но шум и общее замешательство поднялись с еще большей силой, когда царевич Сослан, покинув Тамару, вдруг быстро вошел на амвон и боковой дверью прошел в алтарь. Возле царицы остановились молодые рыцари, сопровождавшие Сослана. Один из них попросил разрешения последовать за царевичем в алтарь, но царица сделала знак рукой, отклоняя его намерение, и, отойдя направо, поднялась на клирос, чтобы приложиться к иконе Спаса. Видно было, что она не хотела ни перед кем обнаруживать своего волнения от нанесенного ей оскорбления, так как хорошо понимала, что патриарх сейчас мог причинить непоправимое зло человеку, обреченному на несправедливые притеснения и гонения. Эта мысль сильно угнетала Тамару, но она сохранила твердость духа, помня, что там, в алтаре, решался вопрос не

только ее личной судьбы, но мира и спокойствия в государстве.

Она долго стояла перед иконой Спаса, всматриваясь в темный лик, как бы моля о пощаде; глубокая тишина воцарилась в храме, и никто не осмеливался нарушить безмолвие, с трепетом ожидая исхода встречи царевича с патриархом. Простые сердца были растроганы скорбью царицы, которая владела обширным государством, но оказалась в плену у недоброжелателей и не могла распоряжаться своей жизнью. Но сочувствие и горечь они не могли ничем выразить ей, кроме почтительного молчания, так как опасались озлобить всемогущего патриарха и настроить его на крутые и жестокие решения и поступки.

Русудан, не ожидавшая от беседы ничего хорошего, не хотела больше задерживаться в храме и тихо упрасивала царицу ехать вместе с нею во дворец, убеждая, что ее присутствие может только повредить царевичу и сильней раздражить патриарха.

Тамара, сопровождаемая Русудан, направилась к выходу, за ней последовали придворные и молодые рыцари, тихо обсуждая между собой последние события и грозясь открыто выступить против патриарха, если он посмеет вновь изгнать из Иверии царевича.

Между тем Сослан, войдя в алтарь, направился к патриарху.

— Святой отец! — с учтивой вежливостью произнес он. — Я пришел к Вам в это святое место, чтобы положить конец нашей вражде. Я подошел к Вам с чистой душой вместе с царицей, надеясь, что вы благословите меня в знак примирения и прощения, хотя я ни в чем не виноват перед Вами. Но Вы лишили нас пастьерского благословения и всенародно оскорбили меня и царицу. Я спрашиваю Вас, кто будет отвечать перед богом, если мир в стране будет нарушен и меч обрушится на голову вероломных?!

Микель, вначале ошеломленный его появлением в алтаре, куда входили только священнослужители и приближенные к нему лица, вскоре пришел в себя.

— Нет, не будет моего благословения отступнику! —

гневно возвысил он голос. — Немедленно удались отсюда!

В другом месте и с другим лицом царевич не сдержал бы своего гнева, но теперь совсем иные чувства — сильней гордости, сильней обиды и негодования — наполняли его душу, невольно заставляя смириться и продолжать беседу с патриархом. Он знал, что патриарх имел власть вновь разлучить его с Тamarой, и решил любой ценой добиться согласия на их брак, претерпев все резкие и заносчивые замечания Микеля.

— Святой отец! Вам ведомо, что я не отступник от веры, не заражен ересями и потому не заслуживаю от Вас столь тяжкого осуждения. Клянусь перед святым престолом, что я явился сюда не для отмщения своим врагам, а для того, чтобы покончить нашу распрю и водворить мир в стране. Благословите наш брачный союз с царицей, и благоденствие водворится в Иверии.

Последние слова царевича привели патриарха в сильнейшую ярость. Потрясая посохом, вне себя от гнева, он с горячностью, неподобающей его сану, воскликнул:

— Как ты смеешь, дерзновенный, простирать свои помыслы к царскому престолу! Разве ты забыл, что совершил страшное преступление, за которое будешь вечно гореть в геенне огненной! Немедленно удались отсюда!

Он наступал на него, как бы бесповоротно и навсегда изгоняя от себя, и не столько слова, сколько его лицо и резкие движения, воочию сказали Сослану, насколько безнадежна и бесцельна была сделанная им попытка склонить патриарха к примирению.

— Опомнитесь, святой отец!—воскликнул он.—О каком преступлении Вы говорите? Разве не клялся я перед святым престолом, что руки мои невинны в смерти царевича Демны и что вражеские измышления приписали мне его злодейское убийство? А если Вы хотите простереть свою власть и на сердце царицы, да будет Вам ведомо, что над ее сердцем никто не властен, кроме бога! Остерегайтесь ввергать ее в пучину горя и отчаяния!

— Уйди от меня, сатана! — глухо произнес Микель,

видимо озадаченный словами Сослана, но вслед затем разъярился еще сильнее и вскричал: — Покайся, пока не поздно, ибо на тебе невинная кровь царевича Демны! По закону он должен был наследовать престол Иверии. Уйди от меня, цареубийца, дабы я не предал тебя анафеме!

— Ваши приспешники измыслили эту гнусную ложь, чтобы лишить меня права быть царем Иверии! — в запальчивости воскликнул Сослан, но, вспомнив, с какой целью он явился в храм, тихо закончил: — Я пришел искать мира и не хочу вспоминать то зло, которое Вы причинили мне и царице.

— Нет мира между нами, — ответил коротко Микель. — «Не мир, но меч!»

— Не мир, но меч! — повторил Сослан и, уже не помня себя, кончил: — Пусть будет так! Вы раскаетесь в своих словах, но будет поздно. Помните: «Взявший меч от меча и погибнет».

Он отвернулся и, не заметив притаившегося в темной нише алтаря Абуласана, поспешно направился к выходу. Опустив голову и не глядя ни на кого, движимый горем и тоской, он покинул храм, за ним последовали сопровождавшие его рыцари. Они сели на коней и, едва протиснувшись сквозь плотные ряды богомольцев, быстро скрылись, сопровождаемые дружными и громкими возгласами одобрения и сочувствия.

После его ухода Абуласан вышел из своего убежища и начал тихо беседовать с патриархом, предварительно заперев все двери и обеспечив себя, таким образом, от всякого неприятного вторжения.

— Ваше святейшество! — говорил он. — Мы слишком положились на благочестие царицы, не приняв в разумение, что по молодости лет она будет избирать себе жениха, внимая голосу страстей, а не рассудка. Попечение о благе отечества нашего настоятельно требует, чтобы мы, не медля, приняли все меры к обеспечению спокойствия и порядка в государстве. Крамольник не остановится перед тем, чтобы поднять восстание в столице, а царица может встать на его защиту.

— Царица — послушная дочь церкви. Она не пре-

ступит наших повелений, — внушительно ответил патриарх. — Что делают западные отцы церкви, то сделаем и мы властью, данной нам свыше. Собери всех, кто печется о благе отечества, сегодня вечером в моих покоях, но собери людей испытанных, верных, коих присутствие приведет к единомыслию, а не к покорству. На сем совещании мы изберем достойного супруга нашей царице, незапятнанного, могущего с честью наследовать престол Иверии.

— Подобное совещание предпочтительней собрать не торопясь, тщательно подумав и подыскав подходящего жениха для царицы, — промолвил Абуласан. — Известно, сколько достойных людей ищут руки царицы, сколько влюбленных царевичей потеряли из-за нее головы, необходимо сыскать такого человека, который был бы всецело обязан нам своим избранием и не выходил из нашего повиновения. Следует избрать единове́рца, вроде Поликарпа, сына греческого императора, который больше думал бы о своей любви к царице, чем о делах государства, о которых мы сами позаботимся.

— Трудное ты затеял дело! — сокрушенно вздохнул Микель и опустил голову. Замужество царицы всегда представлялось ему неразрешимой задачей, так как ни один жених не мог удовлетворить требований патриарха, который хотел иметь в одно и то же время послушного царя и строгого мужа, могущего держать в своих руках царицу и оказывать на нее влияние. Он меньше всего интересовался мнением самой царицы, полагая, что она должна принести свою личную судьбу в жертву интересам государства.

— Поликарпа не избирай, — прибавил Микель, — он суеслов и тщеславен. Сын покойного императора Андроника, царевич Алексей, покорен, но без ума. В случае нужды можно избрать и его, благо он под рукой.

Абуласан вздохнул, зная, что царица никогда не согласится выйти замуж за слабовольного и неказистого греческого царевича, которого она из милости держала при своем дворе, спасая от преследований нового византийского императора Исаака, убийцы его отца Андроника.

— Царица в летах, ей исполнилось тридцать два го-

да, — продолжал патриарх. — Пора думать не о любви, а о том, чтобы даровать наследника Иверии. Предоставляю твоему благоразумию распорядиться этим делом. Оповести всех, кого нужно, и более всего изыщи способы, как удалить крамольника из столицы, дабы он не сеял возмущение и не отвращал царицу от церкви.

— Кто может удалить человека, который подобен тигру и по силе и храбрости не имеет равного? — с живостью возразил Абуласан и прибавил:—Заметили ли вы, Ваше святейшество, что Гагели открыто вместе с ним явился в церковь? Он издавна отличался вольномыслием, уста его полны злословия и кощунства, многие через него впали в соблазн и непокорство.

— Святая истина, — подтвердил Микель. — Но скажи мне, на кого мы можем положиться? Кто может служить опорой в такое смутное время? Чиабер? Двоедушен в мыслях, и на совести его лежит предательство. Не подобает забывать, что он был приближенным покойного царевича Демны и во время восстания первый изменил ему и перешел на сторону Георгия III. Темное дело, о чем до сей поры не могу вспомнить без содрогания!

— Не беспокойтесь, Ваше святейшество. У нас есть опора — Русудан, — утешил его Абуласан. — Она имеет влияние на царицу и не питает особого расположения к царевичу, хотя воспитывала его наравне с племянницей. Она больше всего боится смуты и недовольства в государстве и не допустит, чтобы царица затеяла ссору с Вашим святейшеством из-за любви к царевичу.

— Хорошие мысли приятно и слушать, — благосклонно произнес Микель. — Иди с миром. Благословляю тебя и разрешаю!

И он поднял руку, привычным жестом благословил Абуласана и отпустил его. Он вполне полагался на опытность своего советника, который действовал всегда мягко, осмотрительно, зато наносил противнику удары меткие и сокрушительные.

Абуласан вышел от патриарха крайне встревоженный.

Патриарх, оставшись один, впал в тяжелое раздумье.

Хоть он и был убежден в виновности царевича Сослана в убийстве наследника престола Демны и эта уверенность как бы вынуждала беспощадно преследовать и подвергать изгнанию жениха царицы, тем не менее последняя беседа с ним в алтаре произвела на патриарха сильное впечатление и заставила поколебаться в своем мнении. Микель был человек с фанатическим складом ума и считал своим долгом охранять чистоту церковных уставов и канонических правил и не отступать в борьбе с нарушителями закона и нравственности. Этой чертой его характера пользовались наиболее умные и тонкие его последователи и сторонники, вроде Абуласана, и разжигали в нем искру той пламенной ненависти к врагам церкви, что заставляла его иногда применять самые жестокие меры воздействия против мнимых нарушителей закона. Огонь этой ненависти сторонники Абуласана очень искусно направили против Сослана, приписав ему загадочное убийство царевича Демны и стремление захватить престол в Иверии.

Микель всегда действовал прямолинейно, без колебаний, не вдумываясь в последствия, к которым приводила его крутая расправа с противниками. Впервые почувствовал он раздвоение в мыслях и острое сомнение в правоте своих проступков.

Микель глубоко вздохнул и промолвил про себя:

— Суета сует и всяческая суета, — затем он погрузился в чтение правил, готовясь к завтрашнему богослужению.

Между тем народ, почуяв что-то неладное, долго не расходился. Нашлись предсказатели, вешавшие о временах страшных и лютых, о княжеских междоусобицах, нашествиях иноплеменников, напоминавшие народу о гибели царевича Демны и о том ужасном восстании, которое потрясло всю Иверию в конце царствования Георгия III.

Среди толпы выделялся оружейник Арчил, далеко известный мастерством по выделке оружия; его внимательно слушали. Своим ремеслом Арчил был связан с придворными кругами и хорошо знал про острую борьбу, что велась вокруг царицы.

— По всему видно, смута начинается,—говорил он.— Царица добра, да маломощна, а царевича патриарх не принял. Кому бороться против князей? Лютые времена идут! Никого не оставят в покое.

Народ с тревогой расходился домой. С тем же тяжелым чувством неизвестности возвращался Арчил в свою мастерскую, где его ждала кропотливая, напряженная работа. Он шел медленно и думал о том, что произошло в храме, пытался представить, как все это могло отразиться на его жизни и изменить установившийся порядок в стране. Он несколько успокоился, видя шумное оживление на улицах, караваны верблюдов с товарами и слыша привычный разноголосый шум мелких торговцев, перебранку пешеходов в узких переулочках, крики мальчишек, — все это сливалось в общий веселый гул, показывавший, что жизнь в городе текла, как всегда, без каких-либо намеков на грозившую смуту и беспорядок.

Множество садов, цветников украшало город, но особенную красоту ему придавали обширные княжеские поместья с бесчисленными строениями—тут были птичники с большим количеством птицы, псарня, соколиная охота, дворовые службы, окруженные высокими крепкими стенами, превращавшими жилища князей в неприступные замки. Вся эта великолепная панорама, обрамлявшая город, напоминала Арчилу, с одной стороны, о приятной, беззаботной жизни, а с другой — о той борьбе, что шла между князьями и царицей. Поднимаясь выше к горе, Арчил видел знакомые глиняные сакли с плоскими крышами, служившими террасами, где прогуливались женщины с детьми и спали в летние ночи.

Длинный квартал был занят ремесленниками; тут жили и работали многочисленные башмачники, кожевники, меховщики, золотых и серебряных дел мастера, шелкопрядильщики и оружейники. Все они работали при открытых дверях. Арчил остановился возле знакомого башмачника и разговорился с ним. Тот делал сафьяновые сапожки, заказанные каким-то иноземным рыцарем для подарка знатной синьорине; это была та-

кая тонкая и искусная работа, что Арчил невольно залюбовался его мастерством.

Башмачник Вальден рассказал ему, что английские купцы, проезжающие через Иверию в Китай и обратно — из Китая в Европу, всегда делают много заказов, особенно интересуясь башмачным и шелкопрядильным производством.

— Торговля идет широкая, — говорил Вальден, — караваны то и дело нагружаются товарами и двигаются на восток. А оттуда привозят к нам драгоценные камни. Таких изумрудов и бирюзы, как в Индии, нигде нет. Бирюза особенно ценится среди мусульман, которые верят, что она приносит счастье. Вальден показал ему изготовленные образцы обуви; одни из них были умело и тонко оторочены мехом, другие разрисованы узорчатой вышивкой из самоцветных камней, и все они были такие нарядные и дорогие, что скорей походили на изделия для украшения, чем на обычную обувь.

Вальден был умным и толковым ремесленником, тонким политиком, знал жизнь и всегда безошибочно чувствовал, за кем нужно следовать. Он имел заказчиков, главным образом, среди приезжих иноземных купцов, которые прекрасно знали обо всем, что делалось в Иверии. Он успокоил Арчила, сказав, что во всех странах идет сейчас борьба между князьями и королями, что народ хочет порядка и твердой власти и не пойдет за князьями. Вальден доказал Арчилу, что не только для ремесленников, но и для всех людей в стране желательней иметь одну царицу, чем сотни князей, которые расправляются с населением как им угодно и не считаются ни с какими законами.

— Что касается нашей царицы, то она насквозь видит всех смутьянов и никакого беспорядка не допустит, — закончил он.

Арчил, повеселевший, распрощался с ним и пошел в мастерскую. Возле дома он встретил Мелхиседека, знакомого оруженосца, который сопровождал многих витязей в походах и неотлучно был с царевичем Сосланом во все трудные минуты его жизни. Дом Арчила, как и все дома, был построен из глины, скрепленной

землей и известью, свет проникал через узкое отверстие. Внутри было душно, темно, грязно.

— Я пришел к тебе по важному делу, — сказал Мелхиседек, когда они вошли в саклю и сели закутить. — Надо приготовить оружие для царевича. Заказ срочный. Обрати особенное внимание на кольчугу, чтобы она была мягкая и крепкая. Материал — из царской казны. Не поскупись на отделку.

— Сделаю, как прикажешь, — охотно согласился Арчил, всегда чувствуя себя спокойным в присутствии Мелхиседека, который ничего не боялся и действовал хоть и осмотрительно, но очень смело и решительно.

— Что-нибудь готовится? Для чего срочно понадобилось оружие?

— После узнаешь. Непокойно кругом, надо остерегаться, — коротко ответил Мелхиседек.

— Кого остерегаться? — настороженно спросил Арчил, и опять его охватила неясная тревога. — Научи, кого надо остере... — Он не закончил, так как в саклю вошел вооруженный человек и коротко сказал ему:

— Быстро собирайся и пойдем к великому визирю. Не медли. Каждая минута дорога.

Арчил испуганно посмотрел на Мелхиседека. Тот подал ему знак беспрекословно повиноваться и успел только сказать шепотом:

— Вот кого остерегайся! Смотри, не болтай лишнего.

Они вышли на улицу. Мелхиседек, заметив, каким подозрительным взглядом окинул его посланец визиря, быстро отделился от них и исчез в одном из темных переулков. Арчил, склонив голову, понуро шел за посланцем визиря в страхе перед тем, что его ожидало.

Г Л А В А III

Тамара из Анчисхатского храма последовала в свой любимый дворец в Исани, куда она всегда удалялась для отдыха и уединения и где все напоминало ей о счастливых и безмятежных днях юности. Дворец был построен ее отцом, Георгием III, деятельным и умным царем, который завершал объединительную политику своих предшественников, усмирлял непокорных князей и стремился укрепить могущество Иверии и ее дружбу с Византией и другими государствами. Это было счастливое время для страны, истерзанной беспрестанными нападениями тюркского племени — сельджуков, персов, арабов, когда, наконец, все многочисленные разрозненные горские племена и армяне были объединены в одно обширное царство, которое могло отстаивать свою независимость и отражать дикие нашествия беспокойных кочевников. Георгий III хорошо знал, какое значение имело для его народа единство Иверии и сильная власть, и потому беспощадно расправлялся с мятежными княжескими родами, не допуская междоусобных браней и раздоров в своей стране. Он навлек на себя большое недовольство именитых князей, а так как незаконно владел престолом, то царствование его под конец было омрачено кровавым восстанием и убийством его племянника, законного наследника—Демны. Власть его пошатнулась, и он, хотя при жизни и короновал Тамару на царство, не смог предохранить ее от злых наветов и козней мстительной аристократии, решившей воспользоваться юностью царицы и подчинить ее своей власти.

Тамара росла, находясь под сильным влиянием своего отца, который руководил ею в первые годы царствования, приучал быстро разбираться в государственных делах и, несмотря на противодействия князей, всюду проводил свое влияние. Тамара глубоко чтит память отца и всегда в особо трудных обстоятельствах мысленно обращалась к нему, как бы ища помощи и защиты. Она никогда не забывала, что Георгий очень любил Давида Сослана и прочил его в свои преемники, и теперь, подъехав ко дворцу, она с особенной силой почувствовала свое одиночество и невольно вспомнила, какой нежностью и любовью окружал ее отец и охранял от всех жизненных невзгод и столкновений. Она вошла в цветник, благоухающий тончайшим ароматом роз, привезенных с Ливанских гор, и пришла в живописный сад с фонтанами и беседками. Руки ее были кротко сложены на груди, как бы в знак покорности и примирения с неизбежной судьбой, но тонкие брови были непокорно сдвинуты, и твердая линия непреклонного решения залегла в мягких изящных чертах лица. Тамара подошла к одинокой башне, прилегавшей к самой отдаленной части дворца, где находилась ее опочивальня. Навстречу ей вышла верная рабыня Астар, они вместе поднялись по крутой лестнице вверх тем тайным ходом, который известен был только ближайшим лицам, окружавшим царицу.

Царские покои блестели богатой отделкой, пышными украшениями; стены были сделаны из сланцев, украшенных самоцветами и драгоценными камнями, яхонтами и смарагдами, мерцавшими при ночном освещении, как звезды. Трон царицы играл в лучах сердоликов, отшлифованных в Персии, а вокруг него стояли массивные златокованные кресла, где важно восседали во время приема у царицы министры, эриставы и военачальники. Столовую украшали дорогие ткани, ковры и разноцветная посуда, привезенные из Греции, Египта, Аравии и Индии, с которыми Иверия вела оживленную торговлю. На столиках, этажерках отливали красноватым сиянием яхонтовые и рубиновые чаши, блестели золотые и серебряные кубки, византийские эма-

левые изделия, а в курильницах день и ночь, медленно сгорая, тлели куски нарезанного алоэ, или райского дерева, наполняя воздух сладким благоуханием.

Войдя в свои покои, Тамара в глубокой печали опустилась на тахту. Горькие мысли терзали ее сердце, но она ни на минуту не теряла ясности ума, стараясь проникнуть в замыслы врагов и оградить любимую страну от возможных мятежей и восстаний.

Тихо вошла Русудан, припала горестно к ее плечу и залилась обильными слезами. Она терпеливо молчала всю дорогу, дала время оправиться Тамаре и теперь испытывала крайнюю потребность излиться в задушевной и откровенной беседе. Русудан никогда не жалела слез, зная, что они скорей всего доходили до сердца царицы и вызывали в ней сочувствие и желание разделить с Русудан радости и огорчения. Пользуясь неограниченным доверием Тамары и осведомляя ее обо всем, что делалось при дворе, хитроумная Русудан тонко и незаметно внушала свои мысли царице и добивалась того, что она слушала и исполняла ее советы. Но на этот раз, как заметила Русудан, Тамара безразлично отнеслась к ее словам и нисколько не огорчилась удрученным видом наставницы.

— Душа моя! — вкрадчиво начала она. — Зачем ты скрываешь от меня свои намерения и не следуешь больше моим советам? Почему ты не поведала мне о том, что хочешь подойти к патриарху вместе с Давидом и получить от него благословение? Разве ты не знаешь, как ненавидят его князя и патриарх, они скорей поднимут мятеж в стране, чем позволят тебе выйти за него замуж, а ему — быть царем Иверии?! Кто внушил тебе эту пагубную мысль, которая не принесет нам ничего, кроме несчастья?!

Взволнованная речь ничуть не тронула Тамару, сердце ее было замкнуто, и она сдержанно, без обычной ласки, ответила:

— Десять лет молчания и терпения не образумили наших врагов, они больше ожесточились. Напрасно ты думаешь, что я могу снова уступить им и терпеть разлуку с Давидом. Пусть они сплотятся против нас, я обра-

шусь к народу, к моему воинству и найду у них защиту!

Решение Тамары обратиться за помощью к народу и идти на борьбу с князьями испугало Русудан:

— Умоляю тебя, мое солнце, не совершай этого безумия! — воскликнула она. — Лучше мне сравняться с прахом, лежать бездыханным трупом, чем вновь трепетать за твою жизнь и переживать те страшные дни, когда ты едва не лишилась царства! Неужели ты хочешь, чтобы враги тайно убили Давида, а потом всюду кричали, что бог спас страну от изменника?!

— Не устрашай меня,—возразила Тамара и умолкла.

Ее опечаленный строгий вид дал понять Русудан, что она больше не хотела продолжать беседу, стремясь остаться в уединении и предаться своим мыслям.

Между этими двумя женщинами всегда царило полное согласие, и только, когда речь заходила о Давиде Сослане, начиналось то глубокое расхождение, которое нельзя было прикрыть и смягчить никакими ласками и сердечными излияниями. Русудан знала также, что возражения и уговоры в таких случаях были бесполезны, и вовремя умолкла, полагая, что сама жизнь убедит Тамару в безнадежности ее любви к Сослану и навсегда разлучит их. Но теперь, уходя, Русудан сочла своим долгом предупредить ее.

— Помни, тень погибшего Демны всегда будет стоять между вами. Кто бы ни был виновен в его смерти, патриарх не отступится от своего решения. Никто не может доказать правоту Давида и найти настоящего виновника. Тайну эту раскрыть невозможно, и надо покориться.

Она ушла, не успокоив Тамару, а расстроив и возбудив ее до последней степени.

Мысли ее теперь с неудержимой силой устремились к прошлому, к роковым событиям, которые неизгладимо жили в ее памяти. Она никогда не могла забыть про таинственное исчезновение царевича Демны, который оставшись малолетним ребенком после смерти старшего брата Георгия, должен был наследовать престол Иверии по достижении совершеннолетия. Воспитывался Демна, по завещанию отца, у богатейших и знатнейших князей Орбелиани, которые всемерно противились объе-

динению Иверии и надеялись, возведя юного царевича на трон, получить доступ к власти. Между тем Георгий III, временно управляющий государством за малолетством законного наследника, объявил себя царем и, когда Демна вырос, вместо того, чтобы передать ему престол Иверии, назначил своим наследником не племянника, а дочь Тамару, которая была одних лет с Демной.

Тогда Орбелиани, видя крушение своих планов и ненавидя Георгия за проводимые им реформы, решили свергнуть его, собрав вокруг себя знаменитых князей, подняли сильный мятеж в стране и с войсками направились к столице. Но умный и ловкий Георгий призвал на помощь кипчаков — так назывались в Иверии половцы, назначил главнокомандующим войсками Давида Сослана, отличавшегося безмерной храбростью и искусством полководца, и быстро подавил восстание. Большинство из заговорщиков перешли на сторону Георгия и сложили оружие, только не сдавался Иванэ Орбелиани, находившийся в Лорийской крепости вместе с Демной. Юный царевич не выдержал длительного сопротивления, решил помириться с дядей и направился к царю для переговоров, но на пути в царский лагерь он бесследно исчез. Странное и непонятное исчезновение Демны породило самые противоречивые и тревожные слухи в стране: одни говорили, что он успел бежать и скрылся в Константинополе, другие уверяли, что он погиб, но где и при каких обстоятельствах — неизвестно, третьи утверждали, что царь Георгий ослепил его и заточил в темницу. Главные зачинщики восстания — братья Орбелиани — были казнены, а все остальные из рода их изгнаны навсегда из Иверии; вместе с их гибелью пропала всякая надежда установить причину таинственного исчезновения Демны.

Однако могущественные князья, бывшие сторонники Орбелиани, не успокоились и решили отомстить Георгию за свое поражение. Они знали, как сильно царь был привязан к Давиду Сослану и, не имея сына, готовил его себе в преемники, знали также, что Тамара и Давид с детства питали горячую любовь друг к другу и что

вскоре должна была состояться их свадьба и коронация на царство. Желая омрачить торжество Георгия, враги его распространили слух, быстро подхваченный населением, что наследник Демна убит в царском лагере и труп его сброшен в пропасть. Всем было известно, что главнокомандующий войсками Давид Сослан находился тогда в царском лагере и должен был сопровождать Демну к царю, поэтому нетрудно было убедить всех, что убийство совершил Давид Сослан с намерением устранить соперника Тамары и сделаться самому царем Иверии. Микель, убежденный в виновности Давида Сослана, подстрекаемый Абуласаном и его приспешниками, пригрозил Георгию публично обвинить Давида Сослана в гибели Демны и поднять смуту в столице, если он покроет цареубийцу и не удалит его из Иверии. Георгий, удрученный последними событиями и опасавшийся недовольства народа, не решился на этот раз ожесточить своим сопротивлением князей и патриарха, уступил их требованиям и изгнал Сослана.

Вспоминая этот мрачный эпизод из царствования своего отца, ускоривший его смерть и оказавший огромное влияние на всю ее жизнь, Тамара больше не могла успокоиться. Она знала, насколько коварны были их враги, как они ненавидели царевича Сослана и, конечно, они могли прибегнуть к самым изощренным способам борьбы, нисколько не считаясь с государственными интересами, не заботясь о благе и спокойствии страны.

Одиночество Тамары было нарушено появлением ее верной рабыни Астар, которая доложила, что мандатурт-ухуцес — министр внутренних дел — Чиабер просит царицу принять его. Тамара относилась к Чиаберу с полным доверием, так как он во время восстания Демны первый перешел на сторону Георгия и оказал ему большие услуги, уговаривая зачинщиков, в том числе и самого Иванэ Орбелиани, сдать царю, сложить оружие. Вспомнив, что Чиабер был приближенным Демны и находился при нем почти до того мгновения, как он вышел из крепости, Тамара очень обрадовалась его приходу. Царица хотела поделиться своими мыслями с

Чиабером, уговорить его во что бы то ни стало отыскать истинного виновника гибели Демны.

Чиабер вошел в царские покои неторопливой походкой, как всегда, осторожным взглядом всматриваясь в лицо царицы, чтобы распознать, в каком настроении она находилась, и не сказать лишних слов, могущих направить беседу в нежелательное для него русло. Тамара, отличавшаяся тонким умом, почти всегда безошибочно определяла ход мыслей и намерения своих собеседников, и поэтому тотчас же заметила непривычную растерянность Чиабера. Желая вывести его из неловкого положения, она попросила подробно рассказать ей, что делалось на границах царства, были ли за это время нападения турок и как выполнили свои обязательства по охране рубежей Иверии эристава.

Чиабер оживился и с большой точностью доложил о состоянии пограничных войск, о мелких столкновениях с турками-сельджуками и о вновь построенных крепостях с каменными стенами и башнями, которые могли выдержать любое нападение неприятеля. Затем он осторожно коснулся выполнения эриставами своих обязательств.

— О, державная царица! Да не будет сказано в укор Вашим подданным, но многие из влиятельных князей составляют свои ополчения, хотя по мирному времени в них нет никакой надобности. Они тратят большие средства на содержание дружин, перенимают западные образцы вооружения; причины подобных затрат никому не понятны. Я полагаю, что они имеют недобрые цели и втайне готовятся поднять мятеж в стране.

Тамара с грустью выслушала сообщение Чиабера, которое подтверждало ее собственные догадки о заговорщических планах сторонников Абуласана, и с укоризной произнесла:

— Сколько милости было проявлено, сколько благодеяний им было оказано, однако же неверный остается неверным и злоумышленник продолжает замышлять злое. Видно, гнилые корни никогда не дадут здоровых побегов. Прикажи веоначальникам, чтобы они строго следили за зачинщиками и не позволяли им собирать

свое войско. Затем, прошу тебя, обрати всемерное внимание на нужды народа, чтоб не было в стране нашей недовольных, готовых к мятежу и брани.

— Откуда же быть недовольным при таком милости-вом царстве, великодушная царица? — с некоторым удивлением отозвался Чиабер, даже не представлявший себе, чтобы простые люди могли испытывать недовольство. — После недавнего набега турок, — продолжал он, — страна наполнилась пленными, и каждый из горожан, те же ремесленники, могут взять себе их в услужение, что и делается у нас повсеместно. Помимо того, торговые люди пользуются большими льготами со стороны Вашего величества и пребывают в довольстве, — закончил Чиабер, видимо, стремясь успокоить встревоженное чувство царицы и не дать ей возможности думать о нуждах народа.

— О каком довольстве может идти речь? — с внушительной ноткой в голосе произнесла царица. — Разве мне неизвестно, что наши владетельные князья безжалостно расправляются с бедными и не отпускают должников на свободу? Известно, что бедняки нуждаются больше в милосердии, чем справедливости. Посмотри, сколько жалоб, — она указала рукой на свой рабочий столик, — поступает ко мне, жалоб на несправедливости и притеснения. Народ просит у меня защиты. Обидчиков и угнетателей нельзя оставлять без наказания! — Слова царицы прозвучали твердо и решительно и привели в смущение Чиабера. Он даже и подумать не мог о каком-либо наказании владельцев крупных поместий за их действительно жестокое обхождение с подвластными им крестьянами, находя, что такой порядок установлен свыше.

— О, царица! Ваш раб у ног Ваших, не будет навлекать на Вас неприятности, вызывая злобу и вражду среди именитых князей! — сокрушенно произнес он. — Настанет время, когда они сами смирятся и станут Вашими послушными рабами. Но сейчас нельзя сеять среди них смуту, она будет направлена против Вас и может подорвать величие Вашего царствования!

Тамара смотрела на него пристальным, испытываю-

щим взглядом, как бы стараясь проникнуть в его скрытые мысли.

— Поведай правду, откуда нам грозит опасность, чтобы мы могли достойным образом подготовиться и встретить во всеоружии противника!

— Непристойно докладывать Вашему величеству о неразумии подданных, чьи деяния вызывают скорбь и осуждение, — со вздохом ответил Чиабер. — Даже наш наставник душ, патриарх Микель, не устоял против соблазна. Но да будет ведомо Вашему величеству, что царевич Сослан ненавидим многими за свой горячий нрав и отвагу. Как гром с неба, грянул он, все онемели, потеряли способность говорить, со страхом и трепетом взирают на него, ожидая расправы. Кто из наших князей согласится попасть под его железную пяту? Кто захочет сменить власть легкую на могучую и всесильную, безжалостно сокрушающую всех непослушных и упрямых?!

Смелые и дерзновенные слова Чиабера, который до сих пор не позволял себе открыто беседовать с царицей об опальном царевиче, убедительно показали Тамаре, что ее дальновидный министр предвидел ожесточенное сопротивление сановников, которые могли мириться с щедрой царицей, но никогда не потерпели бы на троне сильного и непоколебимого человека, презиравшего их домогательства к власти.

И впервые после долгих лет молчания Тамара решила начать беседу с Чиабером о событиях, бросивших мрачную тень на все царствование ее отца и заставивших уйти в изгнание Давида Сослана. При дворе обычно никто из приближенных не осмеливался огорчать царицу печальными воспоминаниями, а ее противники не думали проливать свет на это темное дело, которое они сами создали в целях устрашения ненавистного им царевича.

Чиабер удивился, заметив необычное волнение царицы, и с испугом подумал, что она разгневалась на него, но вместо гневного обращения он вдруг услышал слова тихие, грустные и сердечные:

— Давно мне хотелось спросить тебя о том, что непрестанно мучит мое сердце и не дает мне ни днем, ни

ночью покоя. Прошу тебя, раскрой мне истину о смерти Демны. Да не будет лжи в твоих устах и не бойся открыть мне правду! Прошло десять лет, а я не могу забыть тот страшный день, когда разнеслась весть о его гибели. До сего времени нет мира в стране, и царевич Сослан не может снять с себя обвинение, бесчестьем покрывшее его имя.

В покои неслышно вошла Русудан, узнавшая о приходе Чиабера и имевшая намерение принять участие в их беседе. Тамара пригласила ее сесть рядом с собою. Чиабер ободрился присутствием Русудан, будучи уверен в ее крепкой защите и покровительстве. Ничто его так не пугало, как напоминание о загубленном царевиче Демне. Он был бы счастлив уклониться от неприятной беседы, но понимал, что если царица обратилась к нему с этой неожиданной для него просьбой, то не отпустит до тех пор, пока не услышит искреннего и полного признания.

Он глубоко вздохнул, показывая этим вздохом, как трудна и невыполнима просьба царицы в такое тревожное время.

— Приличней мне было бы, недостойному, в веригах проводить дни своей жизни в монастыре, чем быть осыпанным милостями Вашего величества, — ответил он вкрадчиво и неспешно. — Не могу забыть про несчастного Демну, который поддался наветам Орбелиани и навлек на себя гибель. Сколько раз я говорил ему, чтобы он не думал о себе больше того, что положено, и что Орбелиани больше заботятся о своих выгодах, чем о пользе Иверии. По молодости лет Демна склонился на лживые заверения князей, которые только и думали, как поднять племянника против дяди. Но бог судил иначе. Когда войска восставших заперлись в Лорийской крепости, я вел тайную переписку с Вашим отцом, вымаливая пощаду Демне, а его умолял ввериться великодушию дяди, царя Георгия. Он послушался моего совета и вышел из крепости, но что было с ним после того, я не знаю. Вашему величеству известно, что Иванэ Орбелиани хотя и сложил оружие, но был закован в железо и брошен в темницу, где и умер; братья его казнены, и

только один Липарит с сыновьями спасся бегством в Персию.

В его словах звучал невольный упрек Георгию за нарушение своего обещания, данного Орбелиани, — помирить его; и Тамара, уловив укор, с явным недовольством возразила:

— Почему ты умолчал, что Орбелиани хотели жестоко расправиться с нашим домом: отца — лишить престола и посадить в темницу, меня — ослепить и заточить в монастырь? Но не об этом сейчас скорбит душа моя! Продолжай свою речь! Что произошло с Демной, когда он вышел из крепости? Почему он бесследно исчез, не явившись к отцу? Припомни все обстоятельства! Назови мне тех людей, что находились при нем в последний день и кто сопровождал его в царский лагерь?

Вопрос царицы еще более смутил Чиабера. Не мог же он признаться ей, что, находясь в стане зачинщиков, он в то время больше всего трепетал за свою участь, стремился как можно скорее перебежать на сторону Георгия и постыдно бросил Демну вместе с Орбелиани. Кроме того, он не хотел давать царице сведений, могущих в будущем как-либо опорочить его перед владельческими князьями, которые почти все участвовали в бунте против Георгия, и поэтому сделался еще более осторожным.

— О, милостивейшая царица! Не могу без ужаса вспомнить об этом дне, а память не сохранила мне ничего достоверного. Царевич не пожелал дожидаться ни меня, ни Орбелиани, а со своим оруженосцем помчался прямо к главнокомандующему царскими войсками, надеясь через него получить свидание с дядей и испросить себе прощение. Главнокомандующим же, как известно, был тогда царевич Сослан, и, кроме него, никто не может знать о судьбе Демны.

— Царевич Сослан не дождался Демны и не видел его, так как он пропал по дороге, — прервала его Тамара, видя, что Чиабера уклоняется от правдивого ответа, и с несвойственной ей горячностью продолжала. — Князья отомстили отцу. Тебе известно, что я, не скупясь, раздавала свои сокровища, наполнила ими все монасты-

ри, церкви в надежде, что бог услышит молитву мою. Но, видно, всевышний требует от нас не слез и милостыни, а дел, направленных к тому, чтобы раскрыть тайну этого убийства и снять, наконец, с царевича Сослана тяжкое обвинение!

Чиабер с испугом посмотрел на царицу, боясь, что она что-то узнала и решила уличить его в лицемерии и предательстве.

— Кому по силам совершить это дело? — нерешительно произнес он. — Прошло столько времени, что и самое воспоминание о нем изгладилось из памяти людей. Многие из тех, кто были свидетелями этого печального события, уже давно спят вечным сном в могиле.

— Ты требуешь невозможного, мое солнце! — отозвалась, наконец, Русудан, опасаясь, что царица вступила на ложный путь, грозивший многими бедами. Она быстро решила в уме действовать совместно с Чиабером и отговорить Тамару от этого опасного и, по ее мнению, бессмысленного дела, которое не могло принести стране ничего, кроме волнения и раздоров.

— Для тех, кто стремится раскрыть правду, нет ничего невозможного! — спокойно отклонила ее возражения Тамара. — Для того власть в наших руках, чтобы мы утверждали правду, преследовали беззаконие и уличали нечестных. Терпению моему положен предел; я настоятельно прошу, чтобы были найдены виновники этого злодеяния, ибо свершить суд божий никогда не поздно. Не забывайте, что многие участники этого восстания живы и не утратили памяти о происшедшем. Употребите все силы на поиски оруженосца и князей, которые сопровождали Демну в последний раз, и ваше усердие будет вознаграждено по заслугам.

— О, милостивейшая царица! — возгласил Чиабер в смятении. — Недостойный раб Ваш готов положить жизнь свою, чтобы исполнить Ваше повеление, но кто может проникнуть в судьбы божии, которые подобны безднам, где теряется разум человеческий? Подумайте, Ваше величество, что ожидает нас, если мы снова подыдем старую вражду? Не навлечем ли новую беду на

царевича Сослана, начав дело, которое не сможет благополучно закончить?

— Всякое дело, начатое с благой целью, всегда увенчается успехом. Нельзя только колебаться и быть двудушным, — ответила царица и отпустила Чиабера, дав ему строгий наказ: вести тайное расследование и взять под надзор наиболее подозрительных и мятежных вельмож, которые составляли заговоры против покойного отца ее, Георгия.

Чиабер удалился с сокрушенным сердцем, так как втайне опасался воцарения Сослана и предпочитал жить в мире с князьями, чем отстаивать правду царевича, в которой он и сам не был достаточно уверен. Русудан, видя, что Тамара не охладевает, а, напротив, сильнее разгорается в своем желании выяснить истину, предпочла некоторое время помолчать, ожидая пока царица сама возобновит с ней беседу.

— Я уверена, — произнесла Тамара, — что Чиабер знает больше того, в чем сейчас признался мне. Он не прибавил ничего нового к тому, что нам известно, хотя находился в близких сношениях с зачинщиками и мог услышать от них в то время более правдивые свидетельства об исчезновении Демны. Но Чиабер сделал одно правильное указание. Если Липарит Орбелиани уцелел со своими сыновьями, то нам нечего искать более верного и правдивого свидетеля. Надо послать всюду гонцов, чтобы найти его. Непостижимо мне, как я могла столько времени быть в бездействии и дать распространиться клевете, вместо того, чтобы пресечь ее в самом начале.

Русудан почувствовала, что между ними опять произошла размолвка. Как ни была крепка и нежна их дружба, любовь к Давиду была неизмеримо сильнее и глубже этой дружеской привязанности и могла охладить чувства Тамары к ее воспитательнице. Едва скрывая свое недовольство и тревогу, Русудан поспешно поднялась с места.

— О, горе мне! — жалобно произнесла она. — Не я ли воспитывала вас вместе с Давидом, не я ли хранила и лелеяла вас и ради вас готова была на все жертвы! А теперь я вижу твою печаль и вместо утешения приношу

тебе одно огорчение. Но что я могу сделать? Лучше, если бы закрылись мои очи и оглохли мои уши, чтобы я не видела твоих слез, не слыхала злых речей твоих врагов и не трепетала за каждую твою ошибку. Не могу умолчать, какая над нами нависла угроза. Алексей Комнен, сын убитого Андроника, воспитывался у нас, в Иверии, а теперь ты приютила у себя еще и малолетних внуков Андроника. Царствующий сейчас в Константинополе Исаак затаил злобу против тебя, что ты дала убежище ненавистным ему Комненам. В любой момент Микель может обратиться за помощью к греческому патриарху и возмутить греков против тебя.

Напоминание Русудан сильно уязвило, но не смутило Тамару; и она, не замедлив, ответила:

— Никто не давал права императору Исааку вмешиваться в наши дела и мстить мне за несчастных внуков Андроника. Разве войска наши обессилели, а мечи наши обратились в воск, чтобы я могла бояться нападения греков и прощать императору Исааку все его злодеяния? Поверь мне, не так страшны враги извне, сколько внутри, в недрах самого нашего царства.

Они расстались без обычных ласковых слов и заверений в любви, так как сердца их были переполнены чувствами, резко несходными между собою, а мысли, хотя и были направлены к одному и тому же человеку, приводили их к еще большему душевному несогласию и расхождению.

* * *

Высоко в горах, возле уединенной пещеры, сидел погруженный в глубокое раздумье печальный витязь; у ног его лежали воинские доспехи и меч был воткнут в землю. Он сидел неподвижно, охваченный беспредельным чувством одиночества и тоски, но плененный дикой красотой горных вершин невольно забывал на время о своем горе.

Жизнь в горах, полная опасностей, выработала в Сослане, как и во всем овском народе, чувство бесстрашия, беспримерной отваги, отчаянной решимости защи-

щать свою жизнь и отечество. Иверия, красивейшая горная страна, все время подвергалась чужеземным нападениям, раздиралась феодальными смутами.

Перед глазами Сослана как бы проходила жизнь страны. По правую сторону от него мирно паслось стадо оленей, слышался топот копыт и мерный шорох передвигающихся животных. В горах бесчисленными стадами бродили туры, настолько быстрые, ловкие, что казались крылатыми.

Солнце клонилось к западу и яркими лучами золотило далекое пространство, все, что можно было охватить взглядом: и вершины гор, и глубокие пропасти, зияющие мраком, и небольшие полянки, покрытые зеленью. Цепи снеговых гор тянулись по черте горизонта и, залитые лучами солнца, казались огненными в красках багрового заката.

Сослан сидел на уступе скалы, кругом было тихо и безмолвно. Он ждал Мелхиседека, который должен был сопровождать его к царице. Тишина изредка нарушалась доносившимся издали блеянием овец, затем надолго все смолкало. Давид пристально смотрел вниз, пытаясь разглядеть лепившиеся по склонам гор небольшие сакли с виноградниками, разбросанные мелкие селения, где протекала мирная жизнь поселян. Сослану показалось, что спокойней и приятней этой жизни нет ничего на свете. Мирный труд земледельца, стадо овец с чабанами, горы с их величественной, поражающей красотой, где всегда можно было укрыться от любого обидчика и притеснителя — представлялись ему теперь верхом земного благополучия, где человек был надежно защищен от любых неожиданностей.

Но мысли Сослана были вдруг прерваны пронзительным визгом, который, не успев стихнуть, был подхвачен многоголосыми криками, свистом и далеко разносившимся по горам детским жалобным плачем. Сослан вскочил и схватился за меч, чтобы поспешить на помощь пострадавшим, но в это время заметил человека, бежавшего с быстротою и ловкостью тура, видимо, желая спастись в горах от преследования.

Увидев могучую фигуру Сослана, он сильно испугал-

ся, начал метаться по сторонам, а потом, решив идти навстречу опасности, быстро стал взбираться по круче прямо к тому месту, где находился Сослан. Беглец поднялся, пот лил по его лицу, на рваной одежде были видны следы крови, он весь был мокрый, покрытый не то пылью, не то грязью. Лицо выражало крайнюю изнуренность и отчаяние; впалые щеки, иссохшиеся от жажды губы придавали ему вид полумертвого человека, светились одни только глаза. Он бросил шапку и в полном изнеможении повалился на землю. Давид быстро налил в кружку вина и наклонился к нему.

— На, выпей, — участливо произнес он, — подкрепись!

Беглец приподнялся, с жадностью выпил вино и сразу оживился.

— Спасибо, добрый воин! — с трудом произнес он и сел у ног Сослана.

— Что это были за крики? — спросил Давид, проникаясь участием к незнакомому пришельцу. — Кто кого обидел?

— И не спрашивай, добрый воин. Опомниться не могу от страха. Что было... Гляди! — крикнул он, показывая рукой на пламеневшие в лучах солнца холмы и горные ущелья, где мелькали черные точки бегущих людей, которые рассыпались далеко по окрестности и оглашали воздух громкими воплями.

— Почему они бегут, — воскликнул Сослан, и у него опять возникло желание схватиться за меч. — Скажи мне, что случилось? Как помочь людям?

— Уму непостижимо, какое страшное дело случилось. Камня на камне не осталось. Был дом, была семья, а теперь ни дома, ни семьи.

Наступило молчание. Сослан ждал, пока бедняк успокоится, и не торопил его с расспросами. Наконец беглец пришел в себя и, медленно припоминая, как все произошло, запинаясь, начал рассказывать:

— Видишь, как было дело. Поутру князь с гончим псом проезжал через нашу деревню на охоту. Навстречу им попался кот, пушистый, как лисица. Завидел его пес, рванул, поднял его, сдвинул и кот подох. Маль-

чишка из пращи бросил камень, да так ловко, что пес упал с пробитой головой. Князь взревел, затрубил в охотничий рог, собрал свой отряд, и началась расправа. Народ кричит: «Караул!», «На помощь!», «Бьют!». По всем селениям разнеслась тревога. Бежит народ, кто с вилами, кто с дубиной, кто с ножом. Князь от злости разум потерял; послал отряд, за ним другой. Пощады не велел никому давать. Народ кричит: «Убийца, душегуб!» Началась резня. Рубили, резали, громили, а князь все больше в ярость приходил. Велел сжечь наше селение и всех выселить до одного. Поднялся такой плач, что страшно было слушать. Кто что мог, схватил и бросился бежать в горы. В один час стали голыми и нищими.

— Скажи мне, — воскликнул Сослан, — кто посмел совершить такое злодеяние?

— Добрый воин! Не осмелюсь даже назвать его имени. Все равно не справится с ним никто. А нас он может погубить!

Несчастный молчал, по лицу его текли слезы. Испытание, выпавшее на долю его деревни, казалось ему страшным и жестоким. Но Сослан во что бы то ни стало хотел узнать имя злодея.

— Скажи! — повторил он. — Не бойся! Насильник будет наказан.

Но беглец молчал, не веря уже ни во что хорошее, боясь излишней болтливостью накликать на себя и на поселян большее несчастье. В этих горах одинокий витязь казался ему таким же обездоленным и слабым, как и он сам, и от него нечего было ждать помощи в таком трудном деле.

— Я расскажу царице, — продолжал Сослан, — она накажет обидчика.

— Какое царице до нас дело? — с горечью возразил поселянин. — Разве князья слабее царей! В своих поместьях они что хотят, то и делают. Мы — их рабы, и жизнь наша в их руках. Никого они не слушаются и не будут слушаться.

Правдивые слова поселянина заставили Сослана задуматься. И правда, что могла для них сделать сей-

час Тамара? Как она могла защищать несчастных, когда не могла даже заступиться за них, и сама временно рассталась с Давидом, не имея возможности противопоставить свою волю воле непокорных князей! Разве сам Давид не был вынужден удалиться в Осетию из-за гнусной клеветы? Против кого он мог поднять меч, когда сам находился в положении осужденного? Острее возмущение против совершенной несправедливости сменилось глухим состраданием к несчастному, и он не горел больше желанием встать на его защиту. В это время показался Мелхиседек, осторожно оглядываясь по сторонам; один его вид еще больше убедил Давида, что он не мог сейчас помочь крестьянам в этой стычке с князем. Ходатайствовать за них перед царицей, это значит вовлекать ее в ссору с каким-нибудь могущественным князем и подвергать жестокому мщению со стороны бесчисленных противников в то время, как он находился вдали от нее.

Сослан дал ему денег, указал укромное убежище, где тот мог пересидеть трудное время, затем поднялся, собираясь уходить вместе с Мелхиседеком. Мелхиседек обладал большим умом, мог хорошо разбираться в трудных обстоятельствах и всегда живо отзывался на человеческие страдания.

— Не горюй, — успокоил он Вартана, так звали поселянина, — из каждой беды можно найти выход. Я тебя устрою пастухом в дальний монастырь, на границу. Там большое стадо и монахи ищут пастуха. Там можно надежно укрыться от гнева хозяина. Есть ли у тебя дети?

— Один мальчонка. Он убежал к дяде верст за десять. Мы с ним уговорились, как стихнет все, я его найду у дяди.

— Пока побудь здесь. А завтра я к тебе вернусь и все устрою,—Мелхиседек достал из сумки хлебец, сыр и подал Вартану. — Жди меня и не уходи! Кстати, я разузнаю, что случилось с твоими соседями.

Они простились и начали спускаться вниз, в долину, где их ждал с конями Гагели, который должен был вместе с Мелхиседеком сопровождать его к царице. Сте-

мнело. В горах стало мрачно и безмолвно. Один филин своим заунывным плачем нарушал тишину гор.

Пока Сослан был погружен в мысли о предстоящем свидании с царицей, Мелхиседек беседовал с Гагели о всем слышанном от Вартана.

— Как можно так поступать?! Вся деревня сгорела, люди остались без крова, без имущества. В какой-нибудь час всего лишились.

— Чье это владение? — спросил Гагели. — Надо было вызвать князя на поединок. У нас много рыцарей, которые хотели бы справиться с притеснителями, обгадряющими руки свои кровью поселян.

— Не сказал имени. Наверно, боится расправы. До того обезумел от страха, что думает только о том, как бы не погубить жизни своей.

Они въехали в столицу ночью, когда движение в городе стихло, и они могли безбоязненно подъехать к дворцу в Исани. Сослан, полный волнения, молча простился с Гагели, приказав Мелхиседеку укрыться с конем у оружейника Арчила, пока верная рабыня царицы Астар не известит его о конце свидания.

Как только Сослан вошел в калитку сада, пряный запах ливанских роз почти лишил его привычной рассудительности, и он, не помня себя, устремился к угловой башне.

Мгновенно приоткрылась дверь, блеснул огонек, вышла женщина, покрытая длинной вуалью, и, сделав условный знак, чтобы он молчал, повела его за собою. Они поднялись по узкой витой лестнице в царские покои, никого не встретив на своем пути. Кругом было глухое безмолвие. Строгие профили комнат, мерцание драгоценных камней на сланцевых стенах, сияние золотой и серебряной парчи и особая, затаенная тишина взволновали сердце Сослана, развеяли уныние и владевшее им горькое чувство безнадежности. Пурпурные, синие, зеленые камильницы изливали мягкий свет, в курильницах тлело нарезанное алоэ, и он, вдыхая дивный аромат, покорно следовал за Астар, которая вела его в самые уединенные покои Тамары, где находились опочивальня и молеельня царицы. Он поднял аксамитовый за-

навес, в тот же миг Астар скрылась. На низкой тахте сидела Тамара, печальная от обиды и счастливая от встречи с тем, кого она любила больше всего на свете. На голове у нее была повязка из другой ткани, длинные густые пряди черных волос кольцами вились вокруг шеи, нарядная узорчатая шаль покрывала ее плечи. Она сидела, замерев в ожидании, но, когда вошел Сослан, ее блестящие черные глаза ярко загорелись и грусть сменилась в них выражением смущения и застенчивой нежности. Видя, как он изнемогал от волнения, но сдерживал свои чувства, Тамара прервала тягостное молчание и тихо попросила его сесть рядом с нею. Сослан, боявшийся больше всего заслужить ее презрение, подошел к Тамаре с гордой почтительностью как рыцарь, который умеет достойным образом вести себя и может служить опорой своей возлюбленной. Он поцеловал край ее одежды, но сел не рядом, а напротив, несколько в отдалении и, не отрываясь, безмолвно смотрел на Тамару, не находя слов для беседы.

— Не огорчайся неразумием Микеля и не надрывай себя печалью, которой не может вынести ни одно человеческое сердце, — утешая его, сказала Тамара. — Мудрость состоит в том, чтобы покориться своей судьбе. Кто может нас разлучить с тобою? Разве мы не клялись великою клятвой принадлежать друг другу? Сердца наши неразрывны, и если я нарушу клятву, то пусть бог лишит меня рая, бросит меня в ад, и я навсегда потеряю свое царство! Никто не отнимет у тебя любовь, и пусть все силы ада соединятся против нас, я сохраню тебе верность и буду твоей, если мне суждено жить на этом свете!

Клятва, произнесенная с большой нежностью и в то же время с мужественной непоколебимостью, сразу успокоила Сослана.

— Я ждал смерти — ты воскресила меня для жизни! — воскликнул он. — Теперь я могу говорить с тобой, если будет нужно, вновь терпеть и переносить разлуку. Я готов встретить новые испытания и не поколеблюсь больше перед судьбой, какие бы удары она мне ни наносила!

Ласковая улыбка осветила лицо Тамары, ярко блеснула в ее живых черных глазах и убедительней всех слов показала, что царица осталась довольна ответом своего витязя. Завеса печали, разделявшая их, разорвалась, тоскующие сердца смягчились, горе притупилось, они сели, наконец, рядом и повели задушевную беседу, забыв на время о своих врагах, об их вероломстве и предательстве.

— Ты исцелила мое сердце, — тихо говорил Сослан, счастливый тем, что она разрешила ему поцеловать ее черные локоны и руки, унизанные драгоценными перстнями. — Пусть солнце отвратит от меня свои лучи, пусть небо обрушит на меня свой гнев, если я не сдержу мою клятву и оставляю тебя одну сражаться с врагами нашей страны! Микель отверг мою попытку к миру. Он крикнул мне: «Не мир, но меч!» Пускай отныне меч будет моим скипетром, я буду держать его до тех пор, пока меня не положат в могилу!

— Умному не подобает спешить! — остановила его Тамара, предвидя, что Сослан своей горячностью усилит гнев князей и навлечет на себя опасность, о чем предупреждала ее Русудан. — Я не хочу, чтобы ты был причиной раздора и пролил много крови. Помни: никто нам не причинит зла, если мы сами себе не будем врагами. Я не могу позволить, чтобы Иверия стала достоянием князей, которые хотят отнять у нас престол и поделить страну между собою.

За себя Сослан не боялся и предпочел бы открыто выступить против своих врагов, но он понимал, что сторонники Абуласана и Микеля не постеснялись бы воспользоваться его малейшей оплошностью, чтобы устроить заговор против царицы и лишить ее власти. Поэтому он не мог остаться равнодушным к предупреждению Тамары и замолчал, вновь вспоминая о своей беседе с патриархом и перенесенном оскорблении и разочаровании. В то время ему так надоело смиряться, терпеть и подчиняться ненавистным людям, что в нем вдруг вспыхнула нестерпимая жажда мщения и желание сразиться в открытом бою со всеми своими противниками, навсегда сокрушить их и остаться победителем в Иверии.

— Разреши мне показать им мою силу, — воскликнул он нетерпеливо, — неужели теперь, когда мы можем обвенчаться и вместе царствовать, я должен опять уйти в изгнание и носить на себе тяжкое обвинение! Пусть падут вероломные и страх овладеет их душами!

— Избавление к нам ближе, чем ты думаешь, не силой можно победить врагов, а правдой. Когда будут открыты виновники несчастной гибели Демны, тогда никто не посмеет противиться тому, чтобы ты был царем Иверии.

Но Сослан меньше всего думал сейчас о том, чтобы искать виновников смерти Демны. Он больше полагался на свою силу, чем на словесное убеждение закореневших в ненависти и злобе князей, чтобы добиться от них справедливости и примирения.

— Если бы даже сам Демна явился к ним и сказал, от чьей руки он погиб, то и тогда бы они ничему не поверили и продолжали клеветать на меня, — с мрачной убежденностью возразил Сослан. — Это лжецы, ничем не брезгающие, готовые на любое злодейство, чтобы разлучить нас с тобой и самим пользоваться властью. Один меч проложит мне дорогу к правде.

— От большой скорби у тебя помрачился разум, ты не ведаешь, что говоришь. Неужели ты думаешь мечом пробить себе путь к правде? Я даю тебе сердце за сердце и любовь за любовь. Для любви нет ничего невозможного!

Горячее признание, скрепленное сердечной лаской, успокоило Сослана, смягчило жгучую тоску и на время примирило его с тяжелой участью. Они предались мечтам о лучших и светлых временах, когда будут разбиты все вражеские ухищрения и они смогут управлять страной, пасаждая просвещение и добродетель и усиливая ее могущество и величие.

Несмотря на пламенную страсть к Тамаре, доводившую его до безумия, Сослан был сдержан и почтителен, так как в представлении рыцарей того времени высшая любовь состояла в том, чтобы подавлять чувственные порывы и благоговеть перед владычицей сердца. Он готов был служить ей до смерти, сохранять верность и

проявлять свою любовь в подвигах, покрывающих бессмертную славою самого героя и предмет его любви. Для любви он готов был пойти на все страдания, ни на что не жаловаться и в самом горе находить себе утешение. Вдали от любимой он мог безумствовать, терять рассудок, но вблизи он становился сдержанным и почти робким, не смел перейти границ, поставленных между ним жизнью и враждебными силами.

В конце свидания Сослан вспомнил про виденную им сцену в горах, про несчастье Вартана и нахмурился. Воспоминание о несправедливости и собственном бессилии жестоко затронуло его сердце, но, не желая огорчить Тамару, он не промолвил ни слова. Тамара сразу заметила в нем перемену, но объяснила ее утомленностью и грустью о предстоящей разлуке с нею. Однако Давид все-таки не удержался и загадочно бросил:

— Бойся князей! Твоя опора — в простом народе. Чем больше его обижают князья, тем больше ты должна его миловать.

Тамара внимательно посмотрела на Сослана. Если даже в такую печальную минуту он нашел нужным предупредить ее о коварстве князей, значит, заключила она, он что-то такое знал, чего не хотел прежде времени говорить ей.

— Я понимаю, — тихо, со скрытой горечью произнесла Тамара. — У меня нет друзей среди князей. Они никогда не помирятся со мною, будут чинить мне всякие препятствия и разрушат страну. Они хотят разделить Иверию и драться между собою. Они готовы принять любого противника — покориться персам, арабам, но не мне. Поэтому помни: любое твое выступление они могут направить против меня и начать кровопролитное восстание.

Сослан прекрасно знал это и только любовь к Тамаре удерживала его от мести за свое поражение.

— Скажи мне, — тихо попросила Тамара, — что ты узнал нового, чего мне нужно бояться.

— Об этом узнаешь после, — уклончиво ответил Давид, — я уйду в изгнание, но буду тебя извещать о себе

Погасли камильницы, еще тише, пустыней стало в

комнатах, в дверях появилась верная Астар и тихо провозгласила:

— Заря восходит, а враги наши не дремлют, — и тотчас исчезла, как бы давая понять им, что наступило время разлуки. Они поняли ее короткое предостережение и стали прощаться. Я сделаю все, что ты хочешь, — промолвил Сослан, — я не подниму меча своего без твоей воли и не причиню тебе ни малейшего огорчения. Но дай мне какой-либо знак надежды на жизнь, чтобы я вечно имел его с собою.

Тамара вынула жемчужину из своего головного убора, подала ему и сказала:

— Пусть она светит тебе в минуты уныния и напоминает, что я твоя и никто не может отнять у тебя то, чем ты владеешь. Клянусь великой клятвой — никогда не изменять и ждать тебя, даже если бы для этого мне пришлось расстаться с жизнью!

Они еще раз поклялись друг другу в верности, Сослан преклонил колено и совсем тихо обронил:

— Пока я жив, воля твоя для меня — закон! Я буду терпеть, пока судьба не сжалится надо мною и не даст мне снова увидеть тебя, — и совсем неслышно, почти про себя, прибавил, — если не в этой жизни, то в будущей!

Они простились спокойно, хотя сердца их были истерзаны печалью, никто из них не показал своего горя, стремясь мужественно и твердо перенести разлуку.

Астар проводила Сослана через потайную дверь к выходу. Он вышел из сада, привратник подал коня, он сел и, убедившись, что поблизости нет соглядатаев, быстро умчался.

Город спал, только во дворце патриарха светился огонек, так как он готовился к утренней службе.

Г Л А В А IV

Высоко на скале мрачно нависал над рекой древний Метехский замок, неприступный для вражеских нападений, носивший на себе следы далекого и славного прошлого Иверии. Угрюмый дворец, казалось, с одинаковым равнодушием взирал на все, что происходило перед его стенами: были ли это тишина и мир в стране или сокрушительные набеги диких завоевателей, кровавые побоища, опустошавшие столицу Иверии и не оставлявшие в ней камня на камне.

Внизу, напротив Метехского замка, тоже на берегу реки, скромно прячась за Анчисхатскую церковь, стоял небольшой дворец патриарха Микеля, весь обвитый виноградными лозами. Деревянная терраса выходила на реку, сердито и недовольно бурлившую внизу, но бесильную вырваться из каменных оков с обеих сторон надвинувшихся высоких скал. По другую сторону дворца виднелись массивные стены городской крепости, а по склонам гор лепились низкие дома с глиняными крышами; дальше, за городом, раскинулись предместья с обширными садами и уединенно возвышались замки владетельных князей, представлявшие собой хорошо защищенные маленькие крепости. Патриаршья покои никогда не видели в своих стенах столь пышной, именитой публики, что собралась сейчас на верховный Совет, созванный по распоряжению Абуласана и патриарха Микеля и породивший чрезвычайное волнение в обществе. Глухая и тайная борьба, происходившая при царском дворе, неожиданное появление в храме царевича Сослана, резкий отказ патриарха пойти с ним на примирение — все эти события создали тревожную атмосферу в столице и сильно возбудили молодых рыцарей, избало-

ванных милостями царицы и настроенных враждебно против аристократии.

В палатах Микеля собрались визири, вельможи, военачальники, эриставы, епископы, полководцы, высшие должностные лица, приглашенные по строгому отбору Абуласана, который стремился составить Совет, главным образом, из своих единомышленников. Но, несмотря на его старания, среди публики оказалось много приверженцев опального царевича, весьма настороженно относившихся к замыслам Абуласана и патриарха Микеля. Среди присутствующих также находились Чиабер и Русудан, занимавшие почетные места, но не вступавшие в прения. Они держались спокойно и величаво как особо доверенные и приближенные советники царицы. Многолюдное собрание сразу приняло бурный характер, особенно когда Абуласан огласил, что верноподданные ее величества, скорбя душою о безбрачии царицы и об отсутствии будущего наследника для трона Иверии и ратуя о благе государства, решили найти достойного мужа для царицы под стать ее добродетелям.

— Пусть чета выйдет подобающая, — закончил он при общем молчании, — равная чете древних патриархов Иакова и Рахили, Давида и Вирсавии.

Вслед за ним выступил Варданидзе, владетельный князь Сванетии, и предложил в женихи царице греческого царевича Алексея, сына убитого Андроника Комнена, сказав, что этим брачным союзом между двумя царскими династиями: византийской — Комненами и иверской — Багратидами — будет заключен тесный союз и, таким образом, царица Тамара приобретет право на византийский престол, незаконно занятый императором Исааком.

Предложение Варданидзе вызвало жестокий отпор со стороны Захария Мхаргрдзели, человека храброго, испытанного в боевых делах и известного своей преданностью царице.

— Святые отцы, мужи и братья! — воскликнул Захария с негодованием. — Разве вам неизвестно, что Византия терзается смутами, что народ, подобно взволнованному морю, мечется и восстает против своих прави-

телей, и на ветхий престол ее воссел Исаак Ангел, который дрожит за свою участь. Как можно допустить, чтобы наша пресветлая и боголюбивейшая царица, из милости приютившая сына Андроника, сочеталась с ним браком, да еще имела притязания на византийскую корону, из-за чего может возгореться война между Иверией и Константинополем? Нам нечего думать о византийских царевичах, когда есть более достойные и беспорочные, чтобы наследовать трон Иверни.

Слова Захария Мхаргрдзели произвели особое впечатление на молодых витязей и некоторых вельмож, настроенных более примирительно, чем Абуласан и патриарх Микель. Быстро уяснив себе цель собрания и поняв, что все заранее предрешено феодалами, Гагели сговорился со многими из рыцарей наотрез отвергать всех претендентов, выставленных Абуласаном, и выдвигать такие неосуществимые и химерические предложения, которые приведут к жестоким словопрениям и перессорят между собою участников Совета. Поэтому Гагели выступил с преднамеренной резкостью.

— В настоящее время, когда Запад устремился на Восток, нам необходимо примкнуть к европейским народам и среди семейств воинственных королей-крестоносцев искать мужа для нашей державной царицы. Нам надлежит восстановить посредством брачного союза наши отношения с западными державами.

Это предложение было настолько неприемлемо для Микеля, что он не выдержал подобного самовольного выступления Гагели, который мог подать дурной пример владетельным князьям, и властно оборвал его замечанием:

— Непристойно нам уклоняться от греков и смотреть в сторону латинян, коих нравы нам несвойственны. Нам не подобает забывать, что греческий патриарх обрекал в церкви святой Софии всех латинян смерти. Всякого осуждения достоин тот, кто отвращает наши взоры от Востока на Запад.

Гагели вспыхнул и хотел обменяться резким словом с патриархом, но Абуласан, решив прекратить возник-

шие споры, продолжал называть женихов, домогавшихся сердца и руки иверской царицы.

— Боэмунд, князь антиохийский, Мутафрадин, сын иконийского султана, давно с ума сходят от желания добиться руки нашей царицы. В таком же положении находится и сын испанского султана, принявший ради нее христианскую веру! — сообщил Абуласан, не обнаруживая при этом ни малейшего пристрастия ни к одному из названных претендентов.

— Про какого Боэмунда идет речь? — возразил задетый за живое замечанием патриарха Гагели. — Про того старого развратника, которого папа отлучил от церкви и который позорно бежал с битвы при Тивериаде? Наши государи, неусыпные борцы за честь и славу народа, еще никогда не имели дела с изменниками и предателями!

— Многие из королей-крестоносцев не отказались бы от союза с нашей царицей, — быстро поддержал его Гамрекели, служивший при дворе и втайне ненавидевший Абуласана, — Филипп-Август, король французский, Конрад, граф Монферратский, и многие другие. Разве они не искали руки нашей великой царицы, подобно которой нет на Востоке, ни на Западе, ни на Севере, ни на Юге?

Тогда выступил патриарх Микель. Он был явно недоволен тем, что собрание не носило единодушного характера, что был отвергнут византийский царевич и что выступления многих придворных грозили внести раскол в среду присутствующих и помешать быстрейшему осуществлению государственных планов. Он с раздражением начал обличать неосторожных защитников сближения с Западом, негодуя против самой мысли разорвать исконную связь Иверии с Византией.

— Кому известно, что немецкий император и все короли на Западе либо отлучены от церкви, либо находятся в разладе с папским престолом? Для замаливания своих грехов они отправляются в Палестину, чтобы бороться с неверными, — говорил он. — Нашей великой царице непристойно соединяться с латинянами, о чьих позорных деяниях мы много наслышаны.

В зале стало шумно, раздались громкие недовольные восклицания, выражавшие несогласие со словами патриарха, некоторые, вскакивая, энергично размахивали руками, готовясь вступить в ожесточенный спор с Микелем.

— Мы были свидетелями того, — с горячностью начал Гагели, — как известие о взятии Иерусалима грозным султаном Саладином потрясло Европу и привело в уныние все цароды. Несметные полчища направляются в Палестину, весь Запад пришел в движение. Останемся ли мы одни безучастными свидетелями завоеваний Саладина, который рано или поздно завладеет Сирией и направит свой меч против нас?! Наши полководцы и большинство дворян готовы по первому призыву пойти на жертвы и отправиться в Палестину.

Неожиданное заявление Гагели, произнесенное им в пылу раздражения против патриарха, произвело большой переполох в зале и такое неопишное волнение, что больше никто никого не хотел слушать. Владетельные князья, единомышленники Абуласана, возмущались поведением молодых витязей, которые без должного уважения отнеслись к верховному Совету и готовы были умалить его значение своими необдуманными действиями.

Между тем кто-то из витязей вдруг крикнул, повторяя призывный клич западных рыцарей: — Горе тому, кто не обагрит меча своего кровью! — И этого было достаточно, чтобы все повскакивали со своих мест и в ярости схватились за оружие.

Тогда поднялся патриарх Микель.

— Кто посмеет обагрить меч кровью ради торжества пап и усиления латинского влияния на Востоке? Да будет вам ведомо, что наша мудрая царица, по примеру Карла Великого, полагает свою славу не в освобождении Иерусалима, а в укреплении и усилении могущества своего царства. О какой брани может идти речь, когда между Иверией и султаном Дамаска Саладином воцарились мир и дружба?!

Волнение стихло, наступило молчание. Упоминание о царице, о ее мудрой и дальновидной политике сразу

прекратило все споры и вернуло пылким витязям потерянное хладнокровие. Тогда в тишине поднялся Абуласан и торжественно произнес:

— Не стоит перечислять всех желающих искать руки нашей августейшей царицы. Нам надлежит руководствоваться двумя соображениями при выборе будущего государя. Первое, чтобы он был одинаковой с нами веры, человек послушного и доброго нрава, а также принадлежал бы к сильному царству, способному оказать помощь Иверии своим воинством. Я знаю сына русского повелителя Андрея, великого царя, которому повинувались триста царей. По смерти отца сын его, князь Юрий, был изгнан, преследуемый своим дядей Всеволодом, он удалился в чужие страны. Мы направим к нему посольство и попросим пожаловать в нашу столицу в надежде, что сей князь будет достойным преемником царя Георгия III и успокоит наши сердца. По своему родству и происхождению он ничуть не ниже западных королей, а мудрость нашей царицы еще больше возвеличит его и укрепит связи с русской землей, по обширности своей превосходящей все европейские царства.

Слова Абуласана не были никем прерваны; так как и сторонники, и противники его намерений поняли, что русский князь намечен аристократией в будущие цари Иверии, что это — хитро сплетенная интрига, противоборствовать которой больше нельзя словесной шумихой, да еще в патриаршских покоях, где Микель весьма быстро привел бы всех непослушных к послушанию, угрожая им суровым церковным наказанием. Наступило безмолвие, изредка нарушаемое глубокими и продолжительными вздохами. Вслед за этим, к удивлению Абуласана, ожидавшего споров и раздражений, витязи внезапно и поспешно стали покидать покой, не изъявляя желаний вступить с ним в пререкания или каким-либо иным способом выражать свое недовольство. Когда недовольные удалились, Абуласан обратился с просьбой к Русудан, чтобы она довела до сведения царицы о желании подданных сочетать ее с русским князем, а также повлияла бы на свою царственную племянницу и заручилась ее согласием. Русудан поклоном подтвердила, что она бе-

рет на себя обязанность выполнить это трудное поручение, но, немного подумав, сказала:

— Не нам указывать свою волю царице. Вам известно, что у нее есть избранник сердца, от которого она никогда не отступится.

Абуласан оставил без ответа замечание Русудан, предоставляя действовать в подобных затруднительных случаях патриарху, тем более, что Чиабер выжидательно молчал, не проявляя ни одобрения, ни порицания тому, что происходило на Совете. Но Микель, не задумавшись, ответил:

— Как послушная дочь церкви царица не может выйти замуж за человека, который запятнал себя тяжким грехом перед церковью. Властью, данной нам свыше, мы не разрешим ее брака.

Чиабер молча отошел, думая про себя, что патриарх был несправедлив и что в отношении царицы он должен был соблюдать известное уважение и почтение и так грубо не посягать на ее свободу.

— Не нам, праху царей, входить во внутреннюю жизнь нашей державной царицы, — промолвил Чиабер, — ибо для нас превыше всего то, что ведет к ее благу, а не измышления и желания подданных, которые иногда накладывают тяжелые бремена, коих и сами понести не смогут.

Возражение Чиабера крайне не понравилось Микелю, который не терпел противоречий, находя свои постановления единственно правильными, разумными и определяющими поведение членов общества.

— Не наша ли великая царица заповедала нам блюсти добродетель и изгонять нечестивых?! — произнес он в запальчивости и в раздражении, — и не нам ли она говорила: «Покажите пример строгости надо мною», а теперь, когда в нашем царстве готово свершиться беззаконие, мы, облеченные силою свыше, должны молчаливо взирать, как строптивые и нечестивые укореняют здесь свое владычество?! С прискорбием мы должны напомнить некоторым заблудшим чадам, что царь Георгий III одержал победу над законным наследником Демной и остался на троне благодаря войску и предательству

изменников, а церковь никогда не благословляла по-
пранья прав престолонаследия, освященного древностью
и обычаями предков.

Резкое напоминание патриарха о царевиче Демне,
память о котором всегда тревожила Чиабера, произве-
ло на министра удручающее впечатление, заставляя ра-
скаиваться в том, что он выступил в защиту царицы и
ее любви к царевичу Сослану. Хорошо зная крутой нрав
Микеля, Чиабера тотчас же положил в сердце своем ни-
когда больше не вступаться в происходившую распрю
при дворе, так как ни тайно, ни явно, по многим сообра-
жениям, он не мог сочувствовать воцарению опального
царевича, с которым у него были связаны самые мрач-
ные воспоминания в жизни. Слова патриарха Микеля
окончательно отрезвили Чиабера и с охлажденным умом,
но с приятным и покорным выражением лица он подо-
шел к патриарху под благословение.

— Вы призваны, святой отец, руководить нашими ду-
шами, — почтительно промолвил он. — Обличайте нас,
когда мы говорим неправду, и наставляйте нас на путь
истины и покаяния. Вы действуйте словом, а я буду дей-
ствовать дозором. Будем совместно поддерживать пра-
вые начала и радеть о благосостоянии и величии нашего
царства.

Покорная речь Чиабера смягчила гневное сердце
патриарха, он благословил его и многозначительно про-
изнес:

— Не подобает тебе, служителю порядка и благочи-
ния, колебаться в мыслях и склоняться на сторону кра-
мольника, которого мы в недалеком будущем изгоним из
пределов нашего отечества. Царицу утверди в мыслях,
что корона дана ей для царствования, а не для покры-
тия богохульников.

Русудан не сказала больше ни слова, видя, что вся-
кие возражения бессильны сломить и переубедить па-
триарха, лишь ожесточат его, что может губительно отра-
зиться на судьбе Сослана. Она склонила голову под бла-
гословение и с покорным видом поцеловала руку па-
триарха.

— Употреблю все старания, чтобы исполнить Вашу

волю, святой отец! Не торопите, ибо душа царицы насыщена печалью, трудно ей поддаться увещаниям.

— Время не терпит отлагательства! — сурово сказал Микель. — Безрассудно тешить себя надеждами, которым никогда не суждено воплотиться в жизнь. Скоро прибудет русский князь, и царица должна встретить его с подобающими почестями.

Чиабер и Русудан молча расстались с патриархом и в глубокой задумчивости вышли из покоев. Когда Абуласан остался наедине с Микелем, между ними произошла беседа, которой они не хотели открывать никому из своих единомышленников во избежание огласки и шума.

— Не говорил я тебе, что Чиабер — хитрый лис, который больше печется о своей выгоде, чем о пользе церкви? — промолвил после некоторого молчания патриарх Микель, — а Русудан — старая лукавая женщина, которая с одинаковым усердием готова служить богу и мамоне, лишь бы не потерять своего места при дворе и находиться при царице. Не особо ретиво являлась она выполнять наше поручение, и не ошибся ли ты, возложив свои упования на нее?

— Не сшибся, святой отец! — твердо возразил Абуласан. — Русудан готова умереть за царицу и пуще всего боится, что царевич Сослан втянет страну в раздоры и волнения и навсегда лишит царицу покоя.

— Хочу я поведать тебе главное и нерушимое, — произнес Микель. — Не страшно нам, если уговоры Русудан ни к чему не приведут, и царица будет отстаивать своего избранника. Крамольник мне сказал в храме: «Кто положит запрет на сердце царицы?» Теперь он увидит, что церковь положит запрет на непокорное сердце, и цареубийца не наследует престола Иверии. Другое нам страшно. Все наши усилия останутся тщетными и бесплодными, если нечестивец будет возле царицы и мы не примем меры к его окончательному устранению.

Абуласан хотел спросить патриарха, какие меры он думает принять для устранения царевича, но Микель, озабоченный своими мыслями, продолжал без всякого стеснения, так как хорошо знал, что Абуласан не только

поймет его, но и приведет намеченные им планы в исполнение.

— Следует царице внушить мысль о том, чтобы отправить этого грешника для искупления греха в Палестину. Как известно, Саладин в битве при Тивериаде разбил крестоносцев, захватил крест, на котором был распят наш спаситель. Царица, узнав об этом, хотела предложить султану большую сумму денег и снарядить к нему посольство. Кому лучше, как не ее любимцу, ехать для этого дела к султану и вести с ним переговоры? По своему неукротимому нраву он ни перед чем не остановится, пробьется к самому Саладину и либо выкупит у него крест, либо обретет там погибель.

Абуласан выслушал Микеля с почтительным вниманием, долго обдумывал предложение патриарха и после тщательного взвешивания всех обстоятельств, наконец, ответил:

— Мудрому свойственно предугадывать события. Надлежит всемерно поддерживать мысль Вашу, так как она безболезненно и к общему благу разлучит царицу с ее приверженцем. Но не следует забывать, что наш мятежник отличается невероятной силой, в храбрости и отваге никто не может с ним сравниться. Если пустить царевича в бой, то безрассудно ждать его поражения, — мы будем лишь содействовать его славе. Надлежит действовать не силой, а хитростью, которая скорее приведет нас к намеченной цели. Как известно, император Исаак не может простить, что у нашей царицы воспитываются Комнены, которые рано или поздно отнимут престол его сына. Он давно ищет случая захватить какого-нибудь важного заложника и через него получить обратно Комненов. Необходимо сделать так, чтобы царица отправила свое посольство через Константинополь. Мы заблаговременно направим туда доверенных лиц, которые известят обо всем императора Исаака. От Исаака он не скоро освободится, а за это время царица выйдет замуж за русского князя и забудет про царевича.

Микель задумался. Он был фанатиком в отношении церковных канонов и упорно боролся с вероотступниками, но в то же время он готов был даровать им прощ-

ние, если они искупали свою вину и приносили публичное покаяние. Его прельщала мысль, что Давид Сослан поедет в Палестину и привезет древо креста, так как, по его мнению, такое опасное и невероятное дело мог совершить только человек, которому ничто не было страшно в жизни и который мог состязаться с самым грозным султаном. Про себя Микель полагал, что таким человеком именно и являлся Сослан. Кроме того, Микель считал приобретение креста великим, хотя и неосуществимым делом, и думал, что тогда иверская церковь возвеличится перед всеми церквами и не будет в зависимости от Византии. Ради этого он готов был примириться с крамольником, тем более, что за время его отсутствия царица сочеталась бы браком с русским князем, и Сослан больше не был бы претендентом на трон Иверии.

Поэтому план Абуласана не встретил с его стороны особого одобрения, но он не стал и противодействовать ему, будучи уверен, что Исаак побоится иверской царицы и не тронет ее посланника.

Он поднялся и сказал:

—Всяческой похвалы достоин тот, кто не силой, а умом побеждает врагов. Я давно располагал послать дары и приношения греческим монастырям и войти в сношения с константинопольским патриархом. Надеюсь склонить царицу, чтобы она отправила свое посольство в Палестину морем, через Константинополь. Остальное предадим воле божьей!

Абуласан поднялся, понимая, что беседа с патриархом закончена и что ему придется действовать в этом деле самостоятельно, полагаясь больше на свою изобретательность и единомышленников, чем на Микеля. Впереди предстояло много хлопот с посылкой доверенных лиц в Константинополь, и он торопливо удалился.

* * *

Ночь. Но в оружейной мастерской работа не приостанавливается ни на минуту. Все также непрерывно пылает огонь в горнах, искрится раскаленный металл и возле наковален беспрестанно мелькают усталые лица

оружейников, кующих оружие для богатых, владетельных князей Иверии. Дверь приоткрылась и вошел Арчил, видимо, обеспокоенный ночной работой, которая обычно производилась по особо важному заказу. Мрачная обстановка навевала на Арчила мрачное настроение.

— Что делаете? — тихо спросил он знакомого мастера.

— То и делаем, — тоже тихо ответил мастер, отличающийся крутым и прямым характером. — Куем оружие для врагов, а надо было бы ковать против них. Мы для них ослы, навалят поклажу — вези! И везем! А когда упадем — поднять некому.

— Что верно, то верно, — поддержал Арчил. — А на кого сейчас работаете?

— Разглашать не приказано, — сердито произнес мастер. — Разве не знаешь, что наше дело тайное? Князья скрывают друг от друга, кому что заказывают... Если станем болтать языками, — будем отвечать головами. Одно только и слышим: скорей, скорей! Ни днем, ни ночью не отдыхаем.

— Таиться нам друг от друга нечего, — не повышая голоса, чтобы не слышали другие, сказал Арчил. — Вся беда в том, что своих тайн не бережем, а за чужие готовы ответить головами.

— А для чего тебе это? — резко переспросил мастер.

— Для проверки, чтобы знать, одному ли хозяину служим или двум? — и еще тише добавил: — С печатью? — Значит, тебе тоже дали заказ? — оживился мастер. — Ловкое дело! Сразу двум оружейникам. Слышал я, — более дружелюбно продолжал он, — доверенные люди едут в Константинополь с важным поручением от визиря. Видимо, большие дела затеваются.

— Доверенные люди? — переспросил Арчил, глубоко вздохнул, больше ни о чем не спрашивая мастера, простился с ним и вышел. Одно только было у него в мыслях: к чему Абуласану понадобилось так много оружия, какие у него были планы и с кем он собирался воевать в Константинополе?

Луна была на ущербе, зато звезды ярко горели в вышине, и казалось, что от их блеска на улицах станови-

лось светлее. В полутьме загадочно высились неподвижные кипарисы, темной непроходимой чащей раскинулись кругом сады и цветники, совсем мрачными великанами казались неприступные замки феодалов, погруженные во тьму и полное безмолвие. Среди ночного мрака Арчилу чудилось, что за этими крепкими стенами, наверное, творились всякие беззакония, лились слезы обиженных и угнетенных рабов, но об этих столах никто не знал, до мира не доходили слухи о совершаемых здесь тайных убийствах. Грозно нависали над городом волнистые гряды гор, откуда в любой момент мог появиться неприятель и напасть на беззащитный город.

Боясь сбиться с дороги, Арчил смотрел на звезды. Он знал, что надо идти по линии созвездия Южного Креста, который был так хорошо виден из его сакли. Вдруг мимо него промчался всадник, осадил коня на полном скаку и крикнул:

— Эй, человек, остановись!

Арчил от этого неожиданного крика обомлел, сердце забилося от страха.

— Что ты шляешься ночью? Укажи мне дорогу, — он запнулся, — кто у вас тут первый человек в государстве?

— Никого я не знаю, — пробормотал в смущении Арчил. Я бедный человек. Ремесленник. Что я знаю, помимо своей работы?

— Не болтай зря! Едем со мной!

— Куда я поеду? Бога ради, отпусти меня! — взмолился Арчил. — Иду домой не с гулянки, а из мастерской. Еле живой. Что тебе надо? Куда я поеду?

— Не разговаривай! Ты мне нужен! — крикнул всадник, посадил впереди себя Арчила и, крепко обхватив его рукой, свистнул, и конь помчался вперед, видимо, хорошо знал нрав и привычки своего хозяина.

— Слушай! Говори мне правду, — сурово произнес всадник, — кто ты?

— Оружейник, — признался Арчил, но тут же решил, что надо как-то отгородиться от расспросов всадника, — работаю у главного мастера, как говорится, на побегушках.

— Ерунду не болтай! Оружейник, так оружейник. Ты можешь помочь в одном важном деле. Понимаешь, мне нужно знать: где находится сейчас царевич Сослан? В городе или в горах?

— Откуда мне знать про него? Я с ним дел не имею и знать о нем ничего не знаю, — твердо заявил Арчил, а про себя подумал: «Вот что ему надо! Куда хватил! Видно, хочет расправиться с ним!» А всадник продолжал:

— Слушай! Ты будешь на всю жизнь обеспечен, если окажешь мне услугу. Узнай точно, где скрывается царевич Сослан, и немедленно сообщи мне. У вас в мастерских заказывают оружие все рыцари. Через них можешь узнать про него.

Арчил пришел в ужас. Он вспомнил слова Мелхиседека, как нужно сего остерегаться, и понял, что попал в руки тех страшных заговорщиков, которые сеяли смуту в государстве. Он заохал, застонал, точно от сильной боли, и невнятно пробормотал:

— Ох... умом-то я поврежден. Я такое наделаю, что все дело испорчу. Найди кого поумнее, а у меня в голове такой шум стоит, что ни людей, ни слов не различаю.

И действительно, всадник заключил, что спутник его не годится для таких тонких поручений, и больше ничего не говорил. Между тем близился рассвет, и Арчил с облегчением вздохнул.

Когда они подъехали к Сионскому собору, ночной сумрак заметно рассеялся, стали виднеться очертания человеческих фигур, спешивших в храм к утренней службе.

Всадник вдруг резко остановил коня и, очевидно, желая скрыть себя, повернулся так, что Арчил никак не мог видеть его лица, и затем столкнул его с седла.

Однако Арчил успел заметить, что у закованного в латы всадника лицо было изуродовано глубоким шрамом, отчего оно казалось жестоким и мрачным. Всадник тронул коня и с усмешкой крикнул:

— Эх ты! Бедный оружейник! Упустил свое счастье. Но пусть трепещут властелины! Придет их смертный час! — и мгновенно исчез.

— Кто бы это мог быть? — в страхе спрашивал се-

бя Арчил, но радовался, что избавился от ужасной опасности. Страшась, что грозный всадник может вернуться обратно и схватить его, Арчил зашел в собор и оставался в нем до конца службы, все думая о загадочной встрече, которая потрясла его воображение.

ГЛАВА V

Печально и бурно сложилась жизнь князя Юрия, сына Андрея Боголюбского. Он родился и вырос в ту грозную и кровавую эпоху, когда Южная Русь раздиралась княжескими усобицами, опустошалась огнем и мечом степных кочевников, когда гибли воинские рати, разрушались города и села и стоны слышались во всех концах русской земли.

Это было время, когда изнемогала и падала сила русская и Киев, старейший и красивейший из городов, был брошен в омут безвыходных междоусобиц и обречен на разрушение, вызванное бесконечными спорами и раздорами князей между собой. Вокруг Киева кипела ожесточенная борьба между двумя княжескими линиями — Мономаховичами и Ольговичами, и каждый из князей стремился силой добыть себе Киев, не стесняясь при этом прибегать к помощи половцев. Постепенно терялось понятие об единой русской земле, о необходимости государственного единства, а княжеские крамолы лишь усиливали смуту в стране и окончательно подрывали и губили силу русскую. И вот появился князь, который понял причину государственных бедствий и захотел спасти от них ту область, в которой он правил. Это был внук Мономаха, Андрей Боголюбский, отличавшийся столько же храбростью, сколько и умом, расчетливый в своих намерениях и очень решительный в действиях. Видя, что нельзя установить порядок в Южной Руси, обреченной по своему географическому положению первой принимать на себя удары половцев, Андрей решил удалиться в Суздальскую землю, где он родился, провел свое детство и раннюю юность и где

не было княжеских междоусобиц и постоянной угрозы внешнего вторжения. Сделавшись могущественным суздальским князем, Андрей под конец своей жизни уничтожил старшинство Киева, занял своими войсками и стал управлять единовластно почти всей Русью, он не раздавал городов и областей своим родичам, изгнал братьев в Грецию и удалил старых бояр, сеявших раздор между князьями.

Бояре возненавидели Боголюбского за то, что он окружил себя новыми людьми и принимал на службу пришельцев из разных стран и народов. Князья боялись и ненавидели Боголюбского за новые порядки, за то, что он обращался с ними не как с родственниками, а как с подчиненными, и требовал, чтобы они беспрекословно выполняли его приказания.

Недовольство вскоре перешло в открытое сопротивление. Андрей Боголюбский трагически погиб, смерть пресекла его деятельность. Гибель Боголюбского печально отразилась на судьбе его сына, Юрия. По понятиям того времени, сын наследовал честь или бесчестие отца, и от него всегда ждали продолжения отцовских дел.

Спустя два года, его место в Суздали занял брат Всеволод, ранее изгнанный Андреем в Грецию, который, в свою очередь, поспешил выгнать из своего княжества осиротевшего племянника. Ни один из северных городов не встал на защиту Юрия. Не нашел он поддержки и среди южных князей, обиженных Боголюбским и боявшихся выступить против северного самовластца, каким стал теперь Всеволод.

Юрию пришлось бежать из Новгорода, где он княжил, во Владимир, из Владимира — в Москву, из Москвы — в Чернигов, из Чернигова — в Киев, из Киева осталась одна только дорога в Тмутаракань, а оттуда к половцам. Тмутаракань — излюбленное место всех обиженных князей—изгоев; там было степное приволье, толпились остатки разноплеменных народов, из коих всегда можно было набрать себе храбрую дружину и с ней идти на Русь, мстить за свою обиду и силой добывать себе города и области. Юрий мог бы поступить так,

как до него поступали все князья-изгои, начиная со знаменитого Олега Святославича, — вмешаться в междоусобную распрю Мономаховичей с Ольговичами, призвать к себе на помощь половцев, сжечь и ограбить русские города и области. Но Юрий вырос совсем в иных условиях и имел более высокие понятия об единой русской земле. Его детство и юность протекали в суровой, простой обстановке Суздальского княжества, под неослабным влиянием и руководством отца; там он получил первые впечатления, добрые навыки, по которым сложились у него потом взгляды на жизнь и понятия о воинской чести и доблести.

Юрий с юных лет участвовал в боевых походах; с многочисленной ратью ходил усмирять Киев; вместе с Игорем Северским осаждал Вышгород, где потерпел поражение; был закален в опасностях и ратных подвигах и никогда не выходил из послушания отцу. Он всецело разделял его стремления и был, подобно ему, носителем идеи северного единодержавия и объединения русских земель под единой властью. Когда Всеволод утвердился в Суздали, Юрий не стал ему противодействовать, не захотел поднимать усобицу на Севере и тихо, без борьбы, удалился из Владимира. По дороге он остановился у Святослава Черниговского, но не искал и не просил у него ни милости, ни защиты. Он знал, что Святослав заканчивал длительную и упорную борьбу за овладение Киевом и никогда не стал бы в такое горячее время помогать Юрию, ссориться и нарушать добрые отношения с самым сильным из князей — Суздальским Всеволодом.

Видя общее нерасположение, отчужденность и холодность, Юрий с небольшой дружиной покинул пределы Киевской Руси и отправился в Константинополь. Он прожил несколько лет в Греции, но после убийства Андроника вернулся и обосновался со своими дружинниками у союзника царей иверских — кипчаков. Кипчаки были расположены на берегу Понта (Черного моря), в живописной лесистой местности, где, казалось, самой природой были созданы все удобства для охоты. Юрий, живя среди кипчаков, перенимал у них все, что считал

для себя полезным, но больше всего занимался охотой. Охота была для него в своем роде школой войны, и он упражнялся в ней, развивая силу и ловкость. Он ловил и вязал диких лошадей, охотился на тура, на лося, на медведя, подвергался непрерывным опасностям и в этом находил утеху. Не меньше того предавался он и соколиной охоте, развлекаясь ею в своей одинокой и невеселой жизни. Он привез отличного белого сокола из Константинополя, подарок императора Андроника, и никогда с ним не расставался. Кипчакский хан всячески стремился разжечь в нем вражду против южных князей, обещая оказать ему помощь войском и снаряжением, но Юрий не поддавался на его уговоры, не желая наводить врагов на русскую землю и кровью мстить за свою обиду. Но спокойная жизнь Юрия скоро оборвалась. Когда до него донеслась весть о несчастном походе князя Игоря, с которым он когда-то, при жизни отца, стоял под Вышгородом, Юрий глубоко опечалился. При нем находился верный дружинник Роман, Юрий привык открывать ему свое горе и радости.

— Не след мне, русскому князю, оставаться у поганых, когда они жгут и грабят русскую землю и держат в плену нашего возлюбленного брата Игоря, — говорил Юрий Роману, как бы спрашивая у него совета. — Не пристойней ли нам удалиться отсюда, чтоб не слышать, как поганые хвалятся своею силой и проливают кровь русскую.

— Бог избавил тебя от греха навести поганых на русскую землю, но не избавил от другого несчастья, — ответил Роман, — подобно князю Игорю, мы сидим в плену у них, они полонили твою душу. Разве ты не привыкаешь к их обычаям и навыкам и не забываешь про то, чему был научен с детства? Не лучше ли было бы тебе поклониться великому князю Святославу и с ним удалиться, чтобы получить себе волость. Слышно, что с тех пор, как он стал княжить в столичном Киеве, он готов грудью вступить за русскую землю и отстоять ее от врагов. Слышно, что он собирает князей на помощь Игорю Северскому, а князья ему не помогают.

Роман был горячим приверженцем старой Южной

Руси. По его мнению, Юрия за то постигло наказание, что Андрей Боголюбский бросил древний город Киев, главу русских городов, и переселился на дальний Север.

— Святослав и сам не гнушался помощью половцев, — возразил Юрий, — а сколько он бился за место в Киеве — нам с тобой хорошо известно. Святослав, вместо того, чтобы со мной крест целовать, помог дяде Всеволоду выгнать меня и лишить княжения. Он не почтил память отца моего и заставил меня скитаться по чужим землям.

— У покойного князя Изяслава Мстиславича была поговорка: «Не идет место к голове, а голова к месту». Действительно, Святослав Всеволодович — единственная голова, которая идет к Киеву, — возразил Роман, — он правит мудро, и все его слушаются.

— А разве я шел когда-либо против Святослава? Обиды я не помню и зла на него не имею в сердце. Если бы Святослав прислал гонца ко мне и сказал: «Иди, поборись за русскую землю!» — в тот же час сели бы мы с тобой на коней и помчались на помощь князю Игорю. Но никто не хочет поклониться сыну Андрея Боголюбского и позвать его в бой против окаянного Кончака.

Так жаловался Юрий, не столько печалась о своей судьбе, сколько о русской земле и о пленении Игоря Северского. Мысль о Руси и ее бедствиях никогда не покидала Юрия, и печальное зрелище княжеских усобиц всегда стояло перед его глазами. Он унаследовал от отца и деда стремление к государственной деятельности, предприимчивость и неутомимость, но ему не к чему было приложить свои силы. Он знал, что никто из русских князей не согласился бы уступить ему свою область. Всеволод никогда бы не пустил его в пределы Северной Руси, и он вынужден был оставаться весь свой век изгоем.

— Ты еще молод и вернешься в свою вотчину, — говорил ему Роман. — Только не ходи по стопам твоего отца, не будь крут с боярами, а смотри на Киев. Ласковый и мудрый Святослав Всеволодович высоко поднял стяг русской земли, вернул Киеву былую славу.

Юрий обрывал этот неприятный разговор.

После победы над Игорем половецкие ханы загордились, стали думать, куда им идти дальше—к Киеву или к Переяславлю, начался спор между ханами, они никак не могли поладить между собою.

Известие о бегстве Игоря сильно обрадовало Юрия, подняло упавший дух его.

— Бог спас нашего брата Игоря! — сказал он Роману. — Теперь ты должен думать о себе. Пошел слух, будто половцы собирают весь свой народ, хотят идти на русскую землю, перебить всех князей и полонить наши города. Если такая беда случится, то и нас здесь не оставят в покое. Не сохраним ни славы, ни жизни!

— Бежать теперь некуда! — возразил Роман. — Вверх к Киеву все дороги заняты половцами, по Дону, по Днепру переплыть нельзя, а в степях еще хуже. Поганые заполнили своими кибитками всю степь, ни пройти, ни проехать.

Юрий, однако, и после слов Романа не поколебался в своем намерении расстаться с кипчаками и стал думать, куда ему направиться со своей дружиной. От кипчакского хана он много слышал об Иверии, не раз встречался с иверийцами, хорошо объяснялся на их языке и был не прочь завязать более тесные сношения с единоверной страной, рассчитывая на гостеприимство иверских царей. Он хорошо был осведомлен о положении в Иверии, так как кипчаки хвалились той помощью, какую они оказали царю Георгию III при подавлении мятежа царевича Демны, и слышал много похвал уму и великодушию молодой царицы. От него не было скрыто также, что внутри самой страны происходила тайная борьба между царицей и могущественными княжескими родами, которые стремились усилить свою власть и помешать объединению Иверии. Юрия привлекла Иверия, крепкая и сильная страна, хотя и примыкавшая к Азии, но грозно высившаяся на восточных рубежах как оплот христианской цивилизации среди мусульманства. Сходство положения иверской царицы с положением северских князей, стремившихся к единовластию, еще более усиливало в нем желание познакомиться ближе с государственными

порядками в Иверии, какие, по его мнению, рано или поздно должны были установиться на всей русской земле.

Роман, привыкший к Константинополю и с нескрываемым восхищением вспоминавший про греческие монастыри и храмы, особенно про храм св. Софии, уговаривал его отплыть к грекам, где византийские императоры обращались с ними ласково и предлагали Юрию занять Придунайскую область. Но Юрий отказался последовать его совету.

— Андроник убит, — сказал он, — убийца его воссел на троне и нам не следует обращаться к нему ни за советом, ни за помощью. Если не примут нас в Иверии, пределы которой велики, то поселимся около Трапезунда.

Юрий отправился на охоту, обдумывая по пути — уехать ли ему тайно от кипчакского хана или, напротив, с его помощью проникнуть ко двору иверской царицы и испросить у нее разрешения поселиться в Иверии. Но он не успел далеко отъехать от дома, как его нагнал Роман, который редко сопровождал князя на охоту, увлекаясь чтением и перепиской книг, и тревожно сообщил ему:

— Поспеши, князь, домой! Прибыли послы из Иверии, по всему видно, люди именитые, иверские воеводы, и сказали, что прибыли к нам по важному и секретному делу.

— Не ошибаешься ли ты, Роман? — усомнился Юрий, — зачем иверские воеводы поедут ко мне? Наверное, купцы направляются в Северную Русь и заехали к нам узнать, как идет там торговля?

Однако он не стал больше задерживаться и вместе с Романом быстро вернулся обратно. Подъезжая к дому, он заметил необычное оживление. Превосходные кони с серебряными коваными седлами, мулы с поклажей, иноземцы в богатых разноцветных одеяниях, слуги-невольники заполняли небольшой двор, где всегда было пусто и безлюдно, и оживленно разговаривали между собою. Юрий, привыкший за время своих странствований ко всякого рода приключениям, испытывал некоторую тревогу при виде необычных гостей. Он быстро соскочил

с коня, передал его конюшему и пошел навстречу приезжим.

— Мы из Иверии, подданные царицы Тамары, — начал самый важный и представительный из них, владетельный князь Варданидзе, — посланцы великого визиря Абуласана. Прими наши дары и милостиво выслушай наши слова.

Юрий учтиво пригласил их пройти в свои палаты, устроенные им по русскому образцу. Они были убраны просто и скромно, без всяких прикрас и нарядности; только на стенах висело несколько украшений из финифти и оружие, состоявшее из мечей, копий и кольчуг со щитами и шлемами. Кроме скамей и стола, мебели в комнате почти не было, и гости, видимо, привыкшие к более роскошному убранству дворцовых зданий в Иверии, переглядывались между собой, но ничем не выразили своего смущения. Юрий, не ожидавший от их посещения ничего приятного, через переводчика осведомился о цели их прибытия.

Джакели, один из царских военачальников, род которого участвовал во всех заговорах и восстаниях, направленных против династии Багратидов, заметил сухость в обращении Юрия и постарался расположить его льстивыми словами:

— У нас в Иверии, князь, высоко чтут память Вашего отца, слава о деяниях которого распространилась по всему свету. Вам, наверно, известно, что Ваш род связан родственными узами с царями Иверии. Знаменитый ваш князь Изяслав Мстиславич был женат на иверской царевне, которая приходится теткой нашей царице.

Упоминание о заслугах отца, о связи Мономаховичей с иверскими царями вызвало яркую краску на лице Юрия. Его настроение резко изменилось, холодность и подозрительность сменились приятным расположением духа, и он более приветливо и любезно отнесся к гостям, уже не боясь с их стороны какого-либо злого умысла и подвоха, он перестал стесняться, оставил переводчика и оживленно заговорил с приезжими на их родном языке, пригласив их остаться и принять участие в скромной трапезе.

Варданидзе и Джакели были обрадованы происшедшей переменой в князе и сделали знак приехавшему вместе с ними богатому купцу Занкану Зоробабелю, чтоб он распорядился принести дары, привезенные ими из Иверии. К удивлению Романа, вскоре их небольшие палаты наполнились ценными сосудами, шелковыми и шерстяными тканями и многими драгоценными изделиями. Кроме того, они подарили князю двух коней с коваными седлами и полным боевым снаряжением. Со своей стороны, Юрий одарил их мехами, соболями, черными куницами и многими другими подарками не столько от радушия, сколько из гордости, чтоб иноземцы не потеряли уважение к его отцу и не относились к нему, как к простому изгнаннику.

Но Юрий, соединявший вместе с предприимчивостью и отвагой большую наблюдательность, быстро заметил, что важные гости не были заинтересованы его подарками и ничуть не смущались скромностью и простотой его жилища. Напротив, они были даже довольны тем, что нашли русского князя в таком незавидном положении, и старались в своем обращении к нему показать ласковость и почтительность.

За обедом, состоявшим, главным образом, из рыбы, дичи и многих напитков, гости развеселились. Юрий стал вспоминать о княжении своего отца в Суздали, о его деятельности и намерении собрать воедино русскую землю.

— Многие упрекали моего отца за строгость, но он знал, что, чтобы водворить в стране тишину и порядок, надо быть грозным с врагами. Князья признали его власть, и он располагал Киевом как своей волостью, — закончил он.

Слова Юрия не понравились ни Варданидзе, ни Джакели, однако они не проявили недовольства. Они сдержанно слушали его, и, когда Юрий умолк, Варданидзе начал медленно и важно:

— Мы надеемся, князь, что Вы догадываетесь, зачем визирь нашей державной царицы отправил к Вам посольство? Мы просим Вас прибыть в нашу столицу, чтобы Вы ближе познакомились с нашей жизнью, предста-

вились нашей великой царице и получили благословение его святейшества патриарха Микеля.

Юрий сразу оторвался мыслью от Суздальской земли, от славных, хотя и горьких, воспоминаний об отце и с нескрываемым любопытством посмотрел на посланцев великого визиря, стремясь понять истинный смысл лестного, но загадочного для него предложения.

— Удивительно мне, о чем вы говорите, — после некоторого раздумья промолвил Юрий, — как я могу догадаться о намерениях вашего визиря, когда я ни с кем из ваших воевод не встречался и едва успел подумать, что хорошо было бы мне поискать убежище в вашей стране, как вы сами приехали. Считаю за великую честь увидеть вашу прославленную царицу, о которой много наслышан от покойного императора Андроника, и получить благословение патриарха.

— Внуки покойного Андроника воспитываются у нас и пользуются большой милостью царицы, — начал Врданидзе, решив про себя затянуть беседу с князем и постепенно подготовить его к важному сообщению; но Джакели был иного мнения, находя, что надо внезапно поразить Юрия и скорее получить его согласие. Кроме того, он не хотел долго задерживаться у кипчаков, спешил вернуться в столицу и потому резко и прямо перешел к объяснению:

— На нашем Совете, князь, было положено избрать Вас царем Иверии и предложить Вам руку нашей царицы. Мы прибыли к Вам для того, чтобы известить Вас о своих намерениях и осведомить подробно о наших делах, о событиях последнего времени. Мы надеемся, что Вы благосклонно отнесетесь к решению нашего Совета и согласитесь принять трон Иверии!

Князь Юрий был удивлен странным и ни на что не похожим предложением трона и руки царицы иноземному, и притом трона не какой-нибудь маленькой и ничтожной области, а обширного царства с народом воинственным и храбрым, упорно боровшимся в течение многих веков за свою независимость.

Юрий вежливо выслушал Джакели, не прерывая и не задавая ему вопросов, и решил, что его слова либо

неуместная, дерзкая шутка, вызванная неумеренным употреблением вина, либо какой-нибудь подвох, и ему нужно быть осторожным. Он хотел ответить резкостью, но смолчал, решив выждать и посмотреть, что Джакели будет говорить дальше. У него явилось подозрение, что иверские князья действовали самочинно и обратились к нему помимо воли царицы, что Совет их, наверно, преследовал какие-то нехорошие цели, и ему необходимо спокойно разобраться во всем этом странном деле.

— Простите, дорогие братья, — промолвил он после некоторого молчания. — Я должен признаться, что моему разуму непостижимо, как вы такие дела решаете без вашей царицы и посылаете гонцов, не осведомившись предварительно, будет ли на это ее согласие? Как я могу принять ваше предложение, когда мне неизвестно, что вас побудило обратиться ко мне? Хотелось бы мне также знать, чем я заслужил вашу милость и внимание?

Спокойные, произнесенные с большим достоинством слова Юрия показали его собеседникам, что перед ними не пустой и тщеславный человек, легко обольщавшийся всякими посулами и обещаниями, а человек, умный и серьезный, переживший тяжелые испытания и ничего не боявшийся в жизни.

Варданидзе и Джакели, привыкшие достигать своих целей самыми разнообразными способами, не смутились недоверием князя и, обменявшись взглядами, решили действовать с осторожностью. Варданидзе коротко рассказал ему о всех событиях, происходивших в Иверии за последние годы, особенно остановившись на периоде воцарения Тамары, восстания Демны и предполагаемом убийстве его царевичем Сосланом. Он не скрыл от Юрия той борьбы, которая происходила при дворе между Сосланом и родовитыми княжескими фамилиями, о любви царевича к Тамаре, его влиянии на нее, а также о непреклонном намерении князей удалить его из Иверии и водворить мир и порядок в стране.

Остерегаясь принять необдуманное решение, Юрий рассудил про себя не обижать посланцев иверского визиря резким отказом и в то же время не связывать себя преждевременным согласием.

— Не в укор вам будь сказано, именитые братья, — после продолжительного молчания промолвил он, — думается мне, что затеянное вами предприятие — пустое дело и само собой распадется. Ибо неслыханно и невиданно, чтобы народ пустил к себе царем чужого князя, когда у вас имеется царевич вашего же рода и племени, нареченный жених царицы, коему больше надлежит царствовать в вашей стране, чем пришлому князю, нрава и языка которого вы не знаете.

— Мы искали князя-единоверца, принадлежащего к сильному государству, а Ваш отец владел 300 княжествами и подобного ему на русской земле не было, — живо возразил Джакели, — нам известна также Ваша воинская доблесть и разумность, а что касается языка, то мы сами слышим, как Вы свободно изъясняетесь на нашем наречии. К тому прибавлю, что нам жить в нашей стране, а Вы будете жить и управлять нами.

Самолюбие Юрия было сильно уязвлено оскорблением, нанесенным ему дядей Всеволодом. Мысль, что он может вногь занять высокое положение и править могущественной страной, сразу вытеснила все остальные соображения и заставила иначе отнестись к переговорам с иверскими князьями и быть более обходительным и сговорчивым.

— Не мне, дорогие братья, судить и рядить о ваших делах, — уже другим голосом произнес Юрий. — Но не утаю от вас своих сомнений, чтобы вы впоследствии не укоряли меня в тщеславии и легкомыслии. Судя по вашему описанию, царевич Сослан по силе превосходит всех ратоборцев, никто не может противостоять его храбрости. Как можно допустить, чтобы этот непобедимый богатырь, пока он жив и держит меч в своих руках, уступил кому-либо свои права на престол и покорно ушел из Иверии, имея притом крепкую опору в самой же царице? Не пристало мне, как рыцарю и русскому князю, силой вторгаться в чужую землю, вступать в поединок с вашим царевичем и завоевывать себе трон оружием.

Юрий замолчал, представив, по его мнению, самые веские и неопровержимые доводы против своего избра-

ния, втайне, однако, надеясь, что высокомерные воеводы опровергнут его возражения и принудят дать свое согласие. Врданидзе, не допуская мысли об отказе Юрия, встретив с его стороны сопротивление, только сильно распалился гневом против Сослана. Он стал горячо доказывать князю, что они никогда не допустят брака царицы с ненавистным им царевичем и, если Юрий откажется от их предложения, то они выдадут царицу замуж за византийского царевича или сына покойного иконийского султана.

Джакели выразился еще сильнее и решительнее:

— Князь, мы не скроем от Вас, что царица наша была столь милостива к нам и щедра и осыпала нас столькими благодеяниями, что мы не имели причины раскаиваться в ее воцарении и быть чем-либо недовольными. Своим великодушием она приобрела себе многих почитателей и была послушна церкви, пока не явился этот отступник, цареубийца, грозящий истребить своих врагов и жестоко расправиться с нами. Мира и порядка не будет в стране, если мы не вырвем разящий меч из рук его и не принудим навсегда покинуть Иверию.

Князь Юрий, выслушав Джакели, вновь сделался задумчивым. Он слишком хорошо помнил усобицы родного края и не хотел вызвать ненависть к себе не только обиженного царевича Сослана, но и самой царицы. Помимо того, Юрий понял, что иверские князья искали себе послушного и угодливого царя, который выполнял бы их приказания, и невольно мысленно возмущался их притязаниями. Он долго молчал, сделавшись безучастным к разговору, наконец, с достоинством произнес:

— Мне пришлось пережить немало горя, удалившись с русской земли, и не в моих правилах, дорогие братья, не подумавши, давать ответ по столь важному делу. Дайте мне срок и время, чтобы я мог со всей серьезностью обсудить ваше предложение. Признаюсь вам, что даже не осмеливаюсь думать о вашей державной царице, но если она по своей воле решится расстаться с царевичем Сосланом, то я никогда не откажусь от чести стать царем вашего славного и могущественного царства.

На этом беседа их закончилась. Варданидзе и Джакели поняли, что князь Юрий не желает царствовать силою, а представляет им самим добиться изгнания соперника. Про себя Джакели решил, что князь Юрий — упорный и своенравный человек, не особенно приятный в обхождении. Однако, находясь под угрозой воцарения Сослана, он был вынужден примириться с ним, полагая, что заставят его как пришлого князя править страной по их указаниям.

Варданидзе ответил, что торопить князя они не будут, а просят его пожаловать к ним в гости в столицу, где ему будет оказан почетный прием как сыну великого русского князя Андрея Боголюбского.

На его любезное приглашение Юрий тотчас же ответил согласием, так как давно стремился посетить Иверию и получить доступ ко двору Тамары. Условившись о времени прибытия князя в столицу, Варданидзе и Джакели с ним простились. Они отправились к кипчакскому хану, чтоб расположить его в свою пользу и отговорить от вмешательства во внутренние дела Иверии и оказания помощи Сослану.

Вернувшись к себе, князь Юрий рассказал Роману о своей беседе с князьями, надеясь, как всегда, получить от него умный совет. Роман, которого отнюдь нельзя было смутить ни светлыми, ни мрачными рассказами, выслушал князя с большим вниманием и укоризненно покачал головой.

— Правильно сказано, — начал он, — что злomu скорее удается злое, чем доброму доброе. Давно ли мы с тобой лили слезы по русской земле и ругали князя Всеволода за все его происки. А теперь ради какой славы вздумалось тебе в чужую усобицу лезть, крамолу ковать и поливать слезами и кровью незнакомую тебе землю? Говорили мне люди, когда ты там сидел с ними, что эти князья — великие смутьяны. А один из слуг поведал мне, что они пуще всего боятся теперешнего жениха царицы и возвели на него всякую небыль, лишь бы разлучить с царицей. Не лучше ли тебе, князь, вступить за обиженного, чем становиться в один ряд с обидчиками? А мы — твоя верная дружина — скажем

тебе, как говорят новгородцы: «Куда, князь, ты взглянешь очами, туда обратимся мы своими мечами».

— Умное ты слово сказал! Пора моей храброй дружине стать в стремя и отправиться в путь-дорогу! Отец мой всегда порывался на великие дела, пора и нам с тобой следовать его примеру!

ГЛАВА VI

Через несколько дней после встречи Арчила с незнакомым всадником его вызвали к царице. Не ожидая для себя ничего хорошего, он отправился во дворец со страхом.

Тамара, обычно ласковая и приветливая к простым людям, встретила Арчила сурово, испытываяюще.

От ее взгляда Арчил окончательно оробел и низко поклонился, как бы прося сжалиться над ним и не карать его своей немилостью.

— Тебя вызвала, чтобы узнать, правду ли говорят, что визирь сделал тебе большой заказ на оружие и ты принял его? — Тамара говорила с ним повелительно, и Арчил понял, что она сильно разгневана.

— Истинная правда! — прошептал он и повалился перед ней на колени. — Милостивая царица, как я мог отказаться? Но я только взял малую часть, а большой заказ он передал в главную мастерскую. Там по его приказу работают день и ночь.

— Не открыл ли ты визирю, что готовишь оружие и для царевича? — тем же строгим голосом продолжала Тамара, и видно было, что она сдерживает свое недовольство и хочет во что бы то ни стало узнать от него правду, проверить, не обманывает ли ее оружейник.

— Ничего я не говорил ему, милостивая наша благодетельница. Ничего он не знает и не спрашивал меня ни о чем. Требовал только, чтобы я срочно приготовил оружие.

— Все ли ты говоришь, что знаешь? Говори без утайки, что было, — еще строже сказала Тамара.

— Как я могу что-либо утаить от Вас, милостивая

царица? Да покарает меня господь! Бог видит, что я служу Вам верой и правдой и в мыслях не имел никогда ничего дурного, — и тут же Арчил вдруг почему-то вспомнил про свою встречу с грозным рыцарем, его перевернуло от страха: неужели и царица узнала об этом?

Тамара заметила, как Арчил вздрогнул, и нетерпеливо произнесла:

— Говори и не скрывай, что на душе у тебя?

«Может быть это важно для нее», — подумал Арчил и решил рассказать ей про встречу со всадником.

— Был я ночью в мастерской, где готовят оружие для визиря, а на обратном пути вот что со мной приключилось, — начал Арчил и подробно рассказал, как он встретил неизвестного всадника, как тот схватил его и повез с собою и как вначале спрашивал про «первого человека в государстве», а затем пристал к нему, чтоб он узнал, где находится царевич Сослан, и обещал хорошо вознаградить за это.

— Уверил я его, милостивая царица, — заключил Арчил, — что знать ничего не знаю о царевиче и не в моих силах найти его...

Оружейник даже испугался и замер, когда увидел, как от его слов о царевиче изменилась царица и долго испытывающим взглядом смотрела на него.

— Каков был из себя этот всадник? — вдруг резко спросила Тамара.

— О, державная царица! Не утаю от Вас ничего, — воскликнул испуганный Арчил. — Поведаю Вам все, что было. Возле Сионского собора он скинул меня и сразу отвернулся, чтоб я не видел его. Но я все-таки успел разглядеть, что на лице у него был глубокий шрам и глаз стянут к щеке. Страшный человек! Уезжая, он крикнул: «Пусть трепещут властелины! Придет их смертный час!»

Сообщение Арчила глубоко поразило Тамару, так как оно оказалось гораздо более серьезным и опасным.

Еще накануне Астар осведомила царицу, что какой-то неизвестный всадник чуть не увез в горы оружейника Арчила. Удивление Тамары еще более возросло, когда

Астар в заключение сказала: «Всадник был страшный на вид. Неизвестно, откуда взялся разбойник!» Тамара хорошо помнила, что еще при покойном отце Георгии III в Иверии появились эмиссары с Ливанских гор от грозной секты исмаэлитов для сношения с владетельными князьями. Среди них, она знала, находился один рыцарь, сильно изуродованный шрамом, воспоминание о котором осталось у нее в памяти. Появление этого рыцаря в столице не предвещало ничего доброго, и потому она распорядилась немедленно вызвать к себе оружейника, чтобы подробно расспросить его и проверить, действительно ли этот всадник был со шрамом и о чем он с ним говорил.

Выслушав Арчила, Тамара поняла, что Давиду угрожает опасность. «Эмиссары исмаэлитов не резвезжают понапрасну. Надо думать, что они готовят тайное преступление». Эта мысль сильно взволновала Тамару. Она обернулась, и ее взгляд остановился на Арчиле, который беспокойно сидел и дожидался своей участи. Вспомнив, что Арчил выполнял заказы владетельных князей, и опасаясь, что он может нечаянно проговориться и своей неосторожностью наделает много бед, Тамара решила предостеречь его. Она намеренно холодным и властным тоном спросила его:

— Кому ты говорил о своей встрече со всадником?

— Говорил Мелхиседеку, милостивая царица, — признался Арчил, — кроме Мелхиседека никому ничего не говорил.

— Ты видишь сколько врагов кругом. Если до меня дошло известие о твоей встрече со всадником, то и другие могут узнать об этом и причинить нам горе. Впредь будь настороже и следи за языком, помня, что от него исходит всякое зло.

— Буду молчать, милостивая царица. Не гневайтесь на меня, убогого, неразумного. У меня глаза ослепли от огня, еле вижу, работаю день и ночь, может что и сделал по неразумию, простите окаянного!

— Иди с миром, — уже мягче сказала Тамара, но посмотрела на него строго, показывая, что она еще не простила и он должен непрестанно помнить о ее предо-

стережении и всячески стараться послушанием заслужить утраченное царское доверие.

Оставшись одна, Тамара с привычной рассудительностью начала обдумывать надвинувшуюся грозу не только для царевича, но и для ее собственной судьбы. Она больше всего дорожила своим царским достоинством и всегда приносила мелкие личные соображения в жертву большим государственным начинаниям, какие могли возвеличить и укрепить ее власть в стране. Но ей не на кого было опереться. К сожалению, у Тамары не было иных советников, кроме Русудан, которая узко понимала государственные вопросы, а относительно Давида Сослана горела только одним желанием скорей от него освободиться. Рыцарь со шрамом заполнил теперь все мысли Тамары, как бы являясь предвестником тех бедствий, какие могли постичь Иверию, если она своевременно не оградит себя и страну от всевозможных грозных потрясений. Она была прекрасно ознакомлена с положением в Византии, знала, что Палестина охвачена пожаром нескончаемых войн и, к довершению всего, там свирепствовала фанатичная секта исмаэлитов, распространившая свое влияние далеко за пределами Дамаска и Египта.

Загадочная фраза рыцаря: «Пусть трепещут властелины!» как раз и напоминала ей, что в Иверии были тайные сторонники этой секты, не брезговавшие никакими средствами борьбы против царской власти. «Наши враги не дремлют, — решила Тамара, — они могут обратиться за помощью к этим людям, недаром таинственный всадник искал свидания с Абуласаном.»

День клонился к вечеру, и после томительного зноя наступила, наконец, желанная прохлада. Особенно страдали от жары ремесленники, прикованные к душным мастерским с утра до вечера. Башмачник Вальден успел уже навестить Арчила и полюбоваться на его клинки. Спрос на оружие возрастал непрерывно, и к тому же воинственные рыцари; побывав в Сирии и Аравии, стремились перещеголять друг друга богатой отделкой своих боевых доспехов.

Вальден знал, что у Арчила свой особый секрет из-

готовления булатных клинков, нисколько не уступавших по блеску и крепости дамасским, поэтому всегда с интересом следил за его работой. Помимо этого, Арчил славился красивой и прочной выделкой оружия, филигранными украшениями, бывшими тогда в большой моде на всем Востоке, и его изделия украшали дома многих знатных иверцев и служили крепкой защитой рыцарям в боевых походах и битвах с персами и арабами.

Вальден, от природы любознательный и переимчивый, не прочь был поучиться у Арчила его ремеслу, так как спрос на оружие никогда не прекращался. Но он заметил, что Арчил последнее время занимался необычным делом: вместо клинков ковал кольца для кольчуг, не разгибая спины, сидел в мастерской, не отлучался ни на минуту, сделался неразговорчивым, невеселым, ссылаясь на работу и все о чем-то думал. В этот день, зайдя к нему под вечер, Вальден решил вызвать его на разговор и допытаться, расспросить о такой перемене в нем.

— Больно хороша кольчуга! — начал Вальден, рассматривая ее со всех сторон. — Такой я еще нигде не видел!

Арчил любил свои изделия, и похвала Вальдена была ему приятна. Он прилагал большие усилия, чтобы сделать кольчугу крепче и неуязвимей для ударов и в то же время как можно тоньше и легче, чтобы она была гибкая, прилегала к телу и не давила своей тяжестью. Для красоты же он прибавлял серебряные и золоченые кольца, а остальные перевивал серебром, отчего кольчуга отливала матовым блеском и издали казалась скорей нарядным одеянием, чем воинским доспехом.

— Для кого ты ее делаешь? Скажи! — настойчиво пристал к нему Вальден. — Зачем скрываешь? Такая кольчуга под стать самому царю или знаменитому витязю.

Арчил молчал.

Молчание Арчила удивило Вальдена, и он перевел разговор на другое.

— Был я сегодня на базаре. Много слышал жалоб от крестьян. Не жизнь, а слезы! Земли столько, сколько

блѣха напрыгает, одни горы да ущелья, а князя задушили поборами. Каждый волосок на голове считают, каждый листик винограда исчисляють. Давай им жита, лошадей, овец, птиц, рыбы всякой, вина, налоги и подати, а жаловаться некому. На князей суда нет.

— Зато нам, ремесленникам, жить легче стало, — отозвался Арчил.

— Царица все делает напротив. Князя жмут, а она льготы дает. Простых людей вперед продвигает. Оттого князей ненавидят, а за нее богу молятся. Слыхал, что в Константинополе делается?

— Не слыхал. Некогда мне слухами заниматься.

— Некогда! — Усмехнулся Вальден. — Там бунты за бунтами. Цари сменяются чуть ли не каждый день. Перерезались все. Как бы и до нас не дошло.

— До нас далеко. У каждого народа своя жизнь.

— Говорят, будто царицу замуж выдают за русского князя. Новый царь будет.

Арчил оторвался от работы и посмотрел на Вальдена.

— Зря много болтаешь.

— А ты слыхал?

— Мало ли что слыхал, всего не переслушаешь, — уклонился Арчил от прямого ответа.

— Говорят, с гор спустился какой-то необыкновенный всадник: не то князь, не то рыцарь. Полагают, что прибыл к нам по большому делу.

— Всадник? — повторил Арчил и сразу вспомнил про свою ночную встречу, про рыцаря со шрамом, хотел расспросить Вальдена, но вдруг увидел, что к мастерской подъехал на муле человек в темном полукафтани, похожий на монаха.

— К тебе гость приехал. Наверно, из монастыря, — сказал Вальден, простился и вышел.

Между тем прибывший быстро соскочил с мула, привязал его к дереву и уверенно направился к мастерской. Было видно, что он хорошо знаком с местностью, знает все привычки и образ жизни Арчила.

Когда гость появился у входа, Арчил узнал в нем своего старого друга, мастера Бека, который жил в Опизском монастыре и получил широкую известность

своей чеканной работой золотых и серебряных риз для окладов на иконы и церковные книги. Арчил изредка навещал его, особенно когда нужно было отдать ему для украшения рукоятки сабель и мечей именнейших вельмож Иверии, но в последнее время они оба были обременены работой и давно не виделись. Неожиданное появление друга тем более удивило Арчила, что Бека редко покидал Опизы, выполняя бесчисленные заказы для церквей и монастырей. Он настолько прославился своей чеканкой, что все почитали за особую честь оковать икону и Евангелие рукой мастера Бека. Наиболее знаменитые оклады того времени имели короткую, но очень памятную для всех надпись: «Окован рукою Бека из Опизы».

Друзья крепко обнялись и поцеловались, и хотя Арчил был очень озабочен своей работой, он на время отложил кольца в сторону и принялся расспрашивать Бека о причине его внезапного появления в столице.

— Прибыл я сюда, брат, не по своему желанию, — объяснил, наконец, Бека, найдя подходящее место в глубине мастерской, где его не могли видеть любопытные горожане, интересующиеся каждым лицом, прибывшим в столицу, — а по повелению епископа Анчийского, которому наша великая царица поручила вызвать меня в столицу для свидания с нею.

Услышав эти слова, Арчил от удивления и испуга невольно положил на себя крестное знамение.

— Что ты говоришь, Бека? — воскликнул он. — Как же ты не узнал, для чего вызвала тебя царица? У меня даже работа из рук валится после такого известия. Боюсь, не случилось ли чего плохого. Царица понапрасну никого не вызывает.

— Возносил я к небу усердные молитвы, чтобы уразуметь мне, ради чего я понадобился нашей царице, — ответил Бека в раздумье, — но полагаю, что для какого-либо срочного и важного заказа. Давно я не был в столице и не знаю, что у вас делается.

— Много всяких перемен у нас, какие тебе и во сне не снились. Мира и покоя не стало на нашей земле.

— Не так мирно течет жизнь и у нас, — признался

Бека с грустью, — хотя мы и удалены от мира. Покажи мне свое изделие.

— Ты, брат, не видел еще многих клинков, а про себя, наверно, думаешь: пустая работа, — говорил Арчил, радуясь случаю показать такому мастеру, как Бека, свою работу, — а они сэберегут жизнь любому воину, кому надо сражаться с недругом. Могут тебе сказать, не хвальнось, что по узору везде узнаешь мои клинки. На них узор крупный, сетчатый, белый, а грунт черный, а на черном рисунок всегда виднее. Я тебе покажу для сравнения чужие изделия. Вон они валяются, — указал Арчил, — ты на них не найдешь рисунка, на цвет бурые. А мои отливают золотом, либо красным цветом. Ты послушай только, как они звенят! — Арчил с гордостью ударил один клинок о другой — раздался ровный, протяжный и чистый звон, — такого звона ты нигде не услышишь. И в самом Дамаске не будет лучше.

Бека задумчиво смотрел на узорчатую сталь, мягко отливавшую золотистым блеском, на замысловатый узор, отчетливо выделявшийся на черном фоне, и думал, что работа Арчила куда труднее, чем его искусство выбивать рисунки и фигуры на золоте или серебре. Затем они вместе направились к горе, где у крепостной стены находился домик Арчила.

Проходя по улицам, Бека заметил, что город изменился, в нем появилось много новых строений, предназначенных не для жилья, а для каких-либо иных целей.

Арчил, указывая на них, с горячностью объяснял:

— Посмотри, брат, вот где наша сила! Куда ты ни глянешь, теперь всюду увидишь мастерские. За всем, что нужно для жизни, обращаются к нам. В одном месте выделяется оружие, конская сбруя, в другом — домашняя утварь, там дальше идут мастерские для тканья сукон разных сортов, шелковых материй, позументов, ковров. Вот ближе сюда сидят мастера по эмали, таких изделий не найдешь и в самом Константинополе. А по мастерству плетения ни одна страна на свете не сравнится с нами!

Бека внимательно слушал его, не прерывая и с лю-

бопытством осматривая мастерские по эмали, особенно близкие его сердцу.

Когда они вышли за город, Арчил переменял разговор и начал рассказывать про все новшества, вводимые царицей в Иверии. Она всячески помогала земледельцам, стремясь облегчить их положение, поощряла торговлю с иноземными странами и, главное, старалась объединить и усилить ремесленников, в руках которых сосредотачивалась вся промышленная жизнь городов. Но царедворцы и князья усмотрели в действиях царицы угрозу своим кровным интересам и ни за что не хотели допускать к государственному управлению никого из простых лиц, кто мог бы выдвинуться и потом верно служить царице.

— И вот, Бека, что я скажу тебе, — говорил Арчил не умолкая, торопясь передать новости своему другу, — сегодня наш башмачник Вальден рассказал мне, будто царедворцы хотят насильно заставить царицу выйти замуж за русского князя, а ее жениха, царевича Сослана, хотят убить.

Арчил смолк, обернулся и, не видя кругом никого, тихо рассказал о своей встрече с грозным всадником, о том, как его вызвала царица и сколько он пережил страха.

— Вот какие дела у нас творятся, Бека, и какую власть забрали князья, трудно даже передать, что делается с бедным человеком! — закончил Арчил.

Бека был настолько ошеломлен его сообщением, что долго не мог прийти в себя и ничего не отвечал Арчилу. Ему всегда жизнь в столице представлялась необычайной и привлекательной, а теперь вдруг оказалось, что жизнь в Опизе, где он чеканил украшения для церквей, была гораздо спокойней и радостней.

Незаметно они подошли к жилищу Арчила. Бека привязал своего мула, накормил, напоил его, а потом они вошли в дом, сели за стол, чтобы закусить и несколько подкрепить свои силы.

После обильной еды и красного вина, выпитого ими обоими в достаточном количестве, полилась еще более задушевная и теплая беседа. Арчил признался, что де-

лал кольчугу для царевича Сослана, для него же он готовил и остальные боевые доспехи, с которыми царица, видно, хотела отправить его куда-нибудь, в дальние страны.

— Никому не говорил, а тебе скажу, Бека, — признался Арчил. — Не так давно какой-то Куртлу-Аслан попытался поставить шатер на Исанийском поле и стал чинить суд и расправу над населением, а когда царица хотела взять его, то он поднял против нее восстание. Царица едва усмирила его, а князья после того еще собрали силу и принялись опять теснить нас. Может случиться, приведут неверных и тогда начнется смута.

Они улеглись спать поздно. Бека, взволнованный всеми услышанными новостями и предстоящей встречей с царицей, не мог уснуть до утра и, рано поднявшись, начал собираться во дворец.

Бека не мог вспомнить впоследствии, как дошел до дворца и о чем думал дорогой. Одна мысль была у него на уме, что нет мира в стране и кругом измена и предательство. С этой мыслью он вошел в приемную залу, где уже собрались и гордо восседали придворные вельможи, ожидая приема у царицы. Бека скромно сел возле дверей. Перед ним проходила вся иверская знать — министры, эриставы, военачальники, сановники. Среди них выделялся один старый важный монах, сидевший поодаль с несколькими светскими лицами и терпеливо ожидавший, когда его позовут к царице. Из разговоров присутствующих Бека понял, что важный монах был игумен Иверского крестного монастыря в Иерусалиме, приехавший в столицу по какому-то важному делу. Бека не успел подойти к нему и попросить благословения, как его назвали по имени и пригласили к царице. Бека с волнением вошел в залу, где сидела царица, и повергся к ее стопам. Тамара попросила его встать и любезно осведомилась, он ли тот самый мастер Бека, о работах которого пошла слава по всей Иверии. Затем она поблагодарила его за быстрое и точное исполнение ее повеления о прибытии в столицу.

— Для Вашего верного раба, о милостивая и боголюбивая царица, нет большей радости, как выполнять Ва-

ши приказания, — с почительностью ответил Бека. Он с удивлением, смешанным со страхом, смотрел на царицу, которая казалась очень простой и ласковой, а между тем во всем ее облике была видна такая величавость и строгость, что Бека невольно испытывал страх перед нею.

Она попросила Бека рассказать о своих последних работах, в точности ли он следует византийским образцам или вносит изменения в свою чеканку. Затем сказала, что она, посоветовавшись с Иоаном, епископом Анчийским, решила сделать ему два заказа: оковать древнюю икону Спаса из Анчисхати и Цхароставское четвероевангелие, недавно переведенное на иверский язык, украсить их драгоценными камнями.

— Прошу тебя поспешно, но со всей тщательностью заняться этим делом, — прибавила царица, — так как мной дан священный обет и я желаю, чтобы он был выполнен твоею рукою. Не жалея ни труда, ни золота, ни дорогих камней, дабы сохранились эти святыни на многие века в память о нашем царствовании!

Бека едва нашел слова, чтобы поблагодарить царицу за проявленное к нему доверие, и поклялся, что приложит все силы к тому, чтобы своим искусством прославить Иверию и царицу. Сидя почти рядом с Тамарой, Бека обстоятельно рассказал ей, как он думает делать работу, в чем намерен следовать греческим образцам, в каких деталях сделает необходимые изменения.

— Не гневайтесь, милостивая царица, если что предложу от себя сделать по нашему, иверскому образцу, — говорил он, — думаю, что выйдет куда лучше, ризу и поля иконы чеканить по золоту и покрыть рисунками праздников. Для евангелия, по моему смиренному разумению, оклад надо сделать тоже серебряный, золоченый, чеканный с разводами — по греческому образцу, а по кайме посадить аметисты, бирюзу и сапфиры, либо другие камни, какие Вашему величеству приглядней покажутся.

— Требуя все, что понадобится, — сказала царица, выслушав его объяснения. — Чего не хватит — закажи

в константинопольских мастерских. Помни, что эта священная икона будет покровом и хранителем моего царства, нашей победой и прославлением.

— О, державная царица! — воскликнул Бека в радости, что удостоился милости выполнить такую важную и славную работу.—Все сделаю по Вашему повелению. Икону вставляю в золотое поле и усыплю жемчугами, рубинами, изумрудами и топазами. Пусть блеском своим они прославляют наше великое отечество.

Царица милостиво отпустила Бека, дала ему грамоту на получение драгоценных камней из казны и простилась с ним.

Когда Бека вышел из дворца, его остановил человек в одежде поселянина и тихо сказал:

— Ты был у царицы. Научи, как мне попасть к ней?

Бека смутился. Он видел, что перед ним стоял бедный человек, очевидно, обиженный и искавший справедливости у царицы. Но Бека не имел права выслушивать жалобы на государевом дворе, где проходили на прием именитые вельможи, иноземные послы, и не знал, что ответить и как помочь поселянину.

— Какое у тебя дело к царице? — прервал, наконец, тягостное молчание Бека, отойдя с ним в сторону. В это время подошел секретарь Тамары, поэт Шавтели, который спешил на прием, и стал прислушиваться к их разговору.

— Несколько времени тому назад, — начал поселянин свой рассказ, — по приказу нашего владельца сожгли деревню, где я жил, мы все разбежались в разные стороны. В горах я встретил царского оруженосца, и он, будучи свидетелем моего горя, устроил меня на работу в Хахульский монастырь, а мальчонку моего поставили там стеречь стадо, и мы были сыты. На мою беду наш князь заехал на богомолье в монастырь, увидел меня, узнал, что я там на послушании, рассвирепел хуже зверя, как я смел устроиться на работу без его ведома, мальчонку схватили, уволокли, куда — не знаю, а я успел убежать и скрылся в горах. Князь так и сказал в монастыре, что если найдет меня, то убьет, чтобы другим не было повадно бегать от хозяев. Добрые люди,

скажите, что мне теперь делать? Куда деваться? И мальчонку потерял — жалко, и жизнь загублена, и что делать — не знаю! Он жаловался, и слезы текли по его лицу; Бека готов был все для него сделать, лишь бы утешить бедного человека.

— У меня есть место для тебя, — сказал Бека, — в нашем Опизском монастыре я тебя устрою. Но для этого надо испросить разрешение у царицы, иначе, если князь тебя найдет, будет плохо и тебе, и нам. Как тебя звать?

— Вартан. Спасите меня, добрые люди! — взмолился он, обращаясь к Шавтели. — Попросите за меня царицу! Пусть смилуется надо мной и даст жизнь мне и сыну.

Он плакал, а вместе с ним плакал и Бека, но вдруг Вартан оглянулся, весь сжался, в диком ужасе прошептал: — Он! Спасите! — и скрылся.

Шавтели взглянул: на коне, украшенном богатой сбруей, подъехал знатный феодал эристав Карталини — Рати Сурамели, коротко осведомился, есть ли на приеме Абуласан, и, узнав, что его нет и не будет, быстро отъехал. Шавтели обрадовался, что Сурамели не заметил Вартана, иначе он бросился бы за ним в погоню. Бека стоял ни жив, ни мертв от страха, и Шавтели, который хорошо знал знаменитого мастера по чекану, тихо сказал ему:

— Будь спокоен! Я доложу обо всем царице. Если можно спасти — спасем его. Найди несчастного и помоги!

— Все сделаю! — сказал Бека и потрясенный пошел к Арчилу, чтобы вместе с ним искать беглеца.

Шавтели понимал, что царица была бессильна перед феодалами, которые сидели в своих поместьях, как цари, и никому не позволяли вмешиваться в их отношения с крестьянами. Поэтому он решил действовать с крайней осмотрительностью, чтоб никому не причинить вреда и добиться смягчения участи несчастного. Он был известен как поэт-одописец. Он слагал хвалебные песни в честь Тамары, веря, что Тамара призвана стать оплотом христианства на Востоке, спасительницей Иверии от исконных врагов — сельджуков и персов. Шавтели

знал, какими испытаниями и жертвами наполнена была жизнь царицы и сколько у нее было вероломных друзей, покрывавших свое предательство личиной мнимой покорности и преданности, а в действительности стремившихся ограничить ее власть и ослабить единство страны. Шавтели был горячим приверженцем Тамары и с искренним воодушевлением восхвалял ее царствование.

Высокий и худой, с проникновенным выражением лица, Шавтели был всегда задумчив и серьезен, никогда не смеялся, был поклонником высоких идей любви, красоты, верности и чести.

Он вошел тихо и застенчиво, по этикету преклонил колено перед царицей и, получив разрешение, сел напротив нее в златокованное кресло.

— О, солнцеподобная, мудрая царица! — начал он возвышенно. — Хотя враги Ваши не дремлют и замышляют коварное, но царствование Ваше освещается лучами нетленной славы и Вам нечего опасаться своих противников. Цветы поэзии наполнили своим благоуханием все долины и увенчали все вершины. Мы свидетели Ваших страданий, о мудрая и терпеливая, как Иов, царица! Уста наши никогда не умолкнут слагать Вам песни, а в песнях, как известно, сила непобедимая!

После такого патетического вступления Шавтели немного помолчал, а Тамара с улыбкой посмотрела на него и с живостью спросила:

— Скажи мне, благочестивейший из людей, где находится наш чудный певец? Зачем он покинул нас и больше не веселит моего сердца своими дивными стихами? Что случилось с ним? Какие думы и печали отягощают его душу?

— О, прекрасная царица! Он удалился от суеты мира и, подобно отшельнику, проводит жизнь свою в тишине и уединении, стремясь создать песнь великую, превышающую человеческий ум и могущую покорить самых непримиримых и всесильных противников. Объятый желанием достойно воспеть свою повелительницу, он избрал себе на помощь двух спутников — молчание и терпение. При прощании он сказал мне: «Мысль, искус-

ство и чувство — вот три светила, освещающие мне путь к прославлению моей богини».

Шавтели смолк, не решаясь даже взглянуть на царицу. Он боялся, что принесенная им весть об отъезде любимого и знаменитого поэта Руставели сильно огорчит царицу, особенно в такое время, когда он один мог облегчить ее скорбь. Но Тамара, вероятно, думала иначе, так как на лице ее не появилось и тени недовольства, а в глазах отразилось живое сочувствие к тому, кто ради любви к искусству сменил пышную и праздную жизнь при дворе на тихое уединение.

— Зачем мне скрывать от тебя, — наконец, промолвила она, — что новые беды прибавились к нашим бедам и врагов у нас стало больше, чем шипов на розе, но не всем надлежит нести брань с вероломными. Поэт не должен попусту расточать свой труд и время. Высшая доблесть в том, чтоб претерпеть временные страдания и лишения и создать вечное и прекрасное. Я радуюсь, что он пренебрег утехами жизни и вступил на путь, где может стяжать себе славу и бессмертие.

После этого Тамара переменяла тему беседы, интересовалась, как распространялось в стране просвещение, какие переведены книги с греческого и персидского языков, сколько юношей отправлено в Афины для завершения образования.

Шавтели обрадовал ее сообщением, что в стране появилось большое число любителей просвещения, ораторов, переводчиков, богословов, философов, историков, рисовальщиков, миниатюристов и поэтов.

Были переведены творения Платона, Аристотеля, Сократа и множество других сочинений духовного, философского и литературного содержания.

— Немыслимо обнять умом всего содеянного Вами, о могущественная и просвещенная царица! Невозможно поведать, сколько милостей изливается на Ваших подданных, благославляющих судьбу за то, что им довелось жить в столь счастливое время!

Тамара с грустной недоверчивостью выслушала горячие излияния Шавтели о счастье ее подданных, так мало они совпадали с ее собственным представлением

о внутреннем состоянии государства, и оставила его слова без ответа. Она коснулась в беседе с ним также миссионерской и благотворительной деятельности иверских монастырей на Востоке, особенно Крестного монастыря, который славился в Палестине; игумен монастыря являлся официальным представителем Иверии, через него иверские цари имели связь с иерусалимским патриархом и вели сношения с дамаским султаном.

Видя, что беседа заканчивается и надо уходить, Шавтели осторожно рассказал Тамаре о том, что слышал от поселянина. Тамара сильно изменилась в лице; впервые увидел на нем Шавтели выражение безмерного негодования, смешанного с состраданием, и смутился. Чтобы успокоить возбужденное чувство царицы, он прибавил, что мастер Бека, который был всем известен, обещал устроить его в Опизах, если на то будет воля царицы.

— Кто этот князь? Скажи мне его имя, — гневно спросила Тамара. — Вот кто порочит и бесчестит мое царствование! Он должен понести наказание.

Шавтели глубоко вздохнул. Он знал, что Тамара не имела власти над эриставами, могла их только награждать, но не наказывать, и тихо промолвил:

— Это могущественный князь Карталинии, его нельзя делать Вашим врагом, великая царица! Он один из самых яростных противников Сослана, и в такое время нельзя озлоблять его, нарушать мир с ним.

Тамара задумалась, сейчас, в эти решительные дни, когда нужно было соблюдать крайнюю осторожность, чтобы не повредить Сослану, она могла совершить непоправимую ошибку и ввергнуть страну в кровавую междоусобицу.

«Милосердие должно быть разумно», — решила она и подняла глаза на Шавтели. Ее одописец стоял убитый, не зная, что сказать и какой предложить выход царице.

— Изготовь указ! — вдруг произнесла Тамара, и лицо ее осветилось. — Крестьяне, повинные перед своим князем, имеют право убежища в монастыре и могут жить там без согласия хозяина, если пройдут послушание и примут пострижение с благословения настоятеля.

По этому указу несчастного не тронут, и он может работать в Опизах. А эристав Сурамели не будет знать, что этот указ направлен против него!

— О, мудрейшая из мудрых! — воскликнул обрадованный Шавтели. — Все будет сделано согласно Вашей воле! Милость и справедливость теперь восторжествуют.

Он низко поклонился Тамаре, чувствуя, что Вартан, к которому он почувствовал искреннее расположение, будет спасен, и счастливый вышел от царицы, думая о том, как найти Бека и передать ему радостную весть.

Вслед затем она вызвала игумена Антония и обсудила с ним многие важнейшие вопросы государственной политики на Востоке. Тамара настолько горячо относилась к государственным делам и, главное, к поднятию могущества своей родины, что, слушая Антония, перенеслась мысленно в иные страны. Сейчас решалась не только судьба Палестины, но от столкновения западного и восточного миров зависела вся дальнейшая жизнь Иверии, ее процветание и благосостояние или, напротив, упадок и разрушение. Она внимательно выслушала Антония, который подробно рассказал ей о нуждах своего монастыря и затем передал Тамаре письмо Льва II, царя Киликийской Армении, через владения которого он проезжал, направляясь в Иверию.

Лев II восхвалял Тамару и сообщал ей, что его трудами и воинскими подвигами Южная Армения в Киликии, где он правил, распространила свое господство на запад, к Помфилийскому заливу, но он был огорчен печальной участью Северной великой Армении, которую безжалостно разоряли и истребляли сельджукские турки, и просил иверскую царицу взять армян под свое покровительство и защитить их от ига иноземцев. В то же время он писал, что готовится принять участие в 3-ем крестовом походе, и выражал надежду, что могущественная иверская царица также примкнет к крестоносцам и будет сражаться против Саладина.

Прочитав письмо, Тамара передала его содержание игумену и спросила, что делается в Армении.

— О, боголюбивая царица, — ответил Антоний, — армянский царь очень честолюбивый и умный человек.

Но он признал главенство папы над своей церковью и насаждает в стране нравы и обычаи западных государств.

— Иверия всегда выступала на защиту восточных христиан, — задумчиво сказала царица. — Я готова так же, как и мой отец, защитить их от турок. Об этом мы будем говорить с нашими полководцами и амир-спасаларом Мхаргрдзели. — Затем она спросила:

— Поведайте мне, как вы живете, притесняет ли вас султан Саладин?

— О, великая царица, — ответил Антоний, — слава о Вашем благочестии и щедрых деяниях разнеслась повсюду, султан оказывает нам почет и уважение; мы живем в совершенной тишине и покое. Но скорбь терзает наши сердца при мысли о том, что древо креста находится в руках неверных. Нам подобает скорбеть об этом, так как наш Крестный монастырь основан, по преданию, на том самом месте, где росло древо креста, отчего он и получил свое наименование. А поэтому мы просим Вас, боголюбивейшая царица, — снарядите посольство к Саладину и предложите ему богатый выкуп за священное древо, ибо никому не надлежит ходатайствовать об этом деле так, как Вашему величеству!

Речь Антония, назначенного еще при царе Георгии III игуменом Крестного монастыря и проведенного в нем многие годы, дала более светлое и возвышенное направление ее мыслям. Она тихо повернула голову, глубокая складка грусти, лежавшая у нее меж бровей, разгладилась, живой блеск снова загорелся в глазах, и она произнесла ласково и сердечно:

— Благодарю Вас, святой отец, что Вы успокоили мое сердце благими вестями и обрадовали меня сообщением, что не терпите никаких притеснений и живете в мире и покое. Скорблю душою о взятии Иерусалима султаном Саладином, но думаю, что в этом дан великий урок со стороны провидения, которое посылает грозных завоевателей для наказания царей и народов, а после того сокрушает орудия своего правосудия. Что касается Вашей просьбы выкупить у неверных древо креста, то, если всевышний не оставит нас своей милостью, мы в

ближайшее время направим к Саладину царского посла, облеченного самыми высокими полномочиями и снабженного богатейшими дарами. Будем надеяться, что ему удастся смягчить сердце султана и исполнить Вашу просьбу.

Поощренный словами царицы и ее обещанием снарядить посольство, Антоний подробно рассказал ей о том, что делалось в Палестине.

После взятия Иерусалима войска Саладина продолжали вторгаться во владения христиан и постепенно оттеснять их к морю. По всей Европе начались приготовления к новому крестовому походу. Палестина вновь должна была сделаться ареной самых ожесточенных и кровопролитных сражений, принять на себя удары как европейских, так и мусульманских ратей.

В такое решительное время царица Тамара должна была продумать направление своей внешней политики: скрестить ли ей путь своей родины с европейскими странами и соединиться с крестоносцами или же действовать самостоятельно, не ставя себя в зависимость от европейских союзников? Тамара не сомневалась, что положение на Востоке складывалось крайне благоприятно для могущественного развития Иверии. Крестовые походы, начиная с царствования Давида Строителя, отвлекали от Иверии огромные мусульманские силы, и впервые за все свое историческое существование страна могла оправиться от опустошительных набегов диких завоевателей и освободиться от иноземного ига.

Царице было ясно, что благо и могущество родины зависели от правильного направления политики на Востоке и отношения Иверии к крестовым походам. Она не могла остаться равнодушной к призыву армянского царя присоединиться к крестоносцам и вместе с ними выступить против Саладина, чтобы освободить Палестину от его владычества, но благоразумие удерживало ее от этого рискованного и крайне опасного для Иверии соединения с европейцами. Крестоносцы, покинув родину, сражались на чужой земле, но их государства были ограждены от нападений вражеских полчищ. Тамара же, напротив, двинув свои вооруженные силы в Палестину,

оставляла позади себя воинственных сельджуков, которые могли воспользоваться ее вмешательством в европейские дела, беспрепятственно вторгнуться в Иверию и опустошить всю страну, как делали это раньше. Тамара, отправив свои войска на помощь крестоносцам, оставила бы беззащитным государство и, начав поход против Саладина, не имела бы возможности его благополучно закончить. С другой стороны, она думала, что может оказать гораздо более существенную пользу христианству, не вмешиваясь в борьбу крестоносцев и сдерживая огромные силы сельджуков, которые боялись Иверии и не присоединялись к остальным мусульманам, сражавшимся под знаменем Саладина. Кроме того, Тамара по своим религиозным убеждениям не могла пойти против греческой церкви, которая считала крестовые походы измышлениями римских пап и не давала на них своего благословения. Все эти соображения побудили Тамару не торопиться с решением вопроса об участии ее в крестовом походе, а прежде всего заняться тем важным делом, о котором просил ее Антоний: выкупом древа креста у Саладина.

Во время беседы с Антонием у нее явилась мысль отправить на восток вместе с посольством доверенных лиц, хорошо знакомых с военным искусством, которые на месте ознакомились бы с положением крестоносцев, выяснили военные силы Саладина и сообразно с этим определили исход предстоящих схваток между восточным и западным мирами.

Приобретение древа креста невольно становилось важной государственной задачей, так как доставляло ей возможность войти в непосредственные отношения с могущественным противником крестоносцев — Саладином, что помогло бы определить в дальнейшем свою политику в Палестине.

— Были ли вы у патриарха? — заканчивая беседу, спросила царица и пристально посмотрела на игумена.

Антоний, видимо, смутился от неожиданного вопроса царицы и решительно ответил:

— Наш ученейший муж Николай Гулабридзе, которого Ваше величество выписало на церковный собор из

Иерусалима, не будучи в состоянии низвергнуть с патриаршьяго престола Микеля, приказал мне с ним не встречаться. Но патриарх вызвал меня для беседы, обещал исходатайствовать всякие льготы и дары для Крестного монастыря, и я пока не имею причины быть чем-либо недовольным.

Царица больше не промолвила ни слова. Она поняла, что игумен был нужен Микелю.

Она отпустила Антония с милостью, прося зайти к ней перед отъездом в Палестину. Оставшись одна, Тамара хотела написать несколько приказов и послать их Чиабери, но вошла Астар и доложила, что явился патриарх Микель, которого царица вызвала к себе утром по особому распоряжению, и просит принять его. Тамара с внутренним содроганием ждала Микеля, одного из самых опасных противников Давида Сослана, но тем не менее мужественно пошла навстречу этому мучительному и неизбежному объяснению с патриархом. Она без промедления попросила Астар провести его в ее покои и никого не впускать к ней до конца беседы.

Микель, высокий и грузный, вошел поспешно и важно в покои царицы, отнюдь не с кротким желанием успокоить свою духовную дочь, а с грозным намерением призвать ее к покорности, покаянию и послушанию. Тамара подошла к патриарху под благословение, пригласила его сесть в особое кресло с золотой инкрустацией и резьбой из слоновой кости, но сама села поодаль от него, чтобы он не мог заметить ее волнения.

Микель выжидательно молчал, решив про себя, что если его вызвала царица, то ей подобает первой начать беседу. Он приготовился беспощадно пресекать все ее женские прихоти и капризы, как он про себя мысленно называл любовь царицы к ненавистному Сослану.

Угадав по нетерпеливым движениям Микеля, что он горит желанием узнать, зачем она его вызвала, Тамара начала твердо и спокойно свою речь.

— Святой отец! Вы поставлены во главе церкви и несете ответ за спасение душ наших. И потому не подобает мне скрывать перед Вами своих сердечных намерений, но следует поведать о них со всей прямоотой и ис-

кренностью как служителю церкви. Еще в ранней юности я обручилась с царевичем Сосланом, поклялась быть его женою и сохранять ему верность. Те испытания, какие были нам ниспосланы свыше, ни в какой мере не поколебали моего чувства, и если бы мне не суждено было соединиться с ним брачными узами, то я предпочла бы девство, дабы не осквернять себя нарушением клятвы. Теперь же, когда наше царство укрепилось, я решила выполнить свою клятву и дать царевичу Давиду престол Иверии, на который он имеет право, как прямой потомок нашей династии.

Тамара кончила и строгим взглядом посмотрела на Микеля, как бы заранее прекращая всякие возражения и заставляя его подчиниться ее решению. Но Микель вовсе не был склонен уступать царице, особенно в таком важном вопросе, как ее замужество и выбор будущего царя Иверии. Он произнес с надменностью:

— Властью, данной мне свыше, снимаю с тебя клятву и освобождаю от уз, какими связала тебя твоя юная душа с богоотступником. Да будешь ты отныне свободна в избрании себе мужа, который достоин принять трон Иверии! Да благословит господь твое потомство и снимет позор бесчадия с царского дома!

Тамара встала, будучи не в силах сдерживать своего гнева и волнения.

— Кого вы называете богоотступником? — строго спросила она патриарха. — Кто этот грешник, подвергшийся столь жестокому осуждению? Назовите мне имя того нечестивца, кто отрекся от церкви, дабы я могла наказать его по всей строгости законов, ибо нам, царям, надлежит соблюдать добродетель и искоренять зло в своем царстве!

Царица ждала, что Микель откажется от своих дерзких речей и найдет для беседы с нею иные слова, более сдержанные и приличные. Но патриарх гордо выпрямился, расправил бороду и, вопреки благоразумию, произнес высокомерно и заносчиво:

— Богоотступник тот, кто поднял меч, обагрил себя кровью законного наследника Иверии, не загладив своего греха церковным покаянием, устремился сделать

новое зло и путем обольщения пробиться к трону. Бог не даст совершиться этому преступлению!

— Более греха на том, кто принимает клевету на невинного и бесчестит его, не имея к тому достаточных оснований, — возразила Тамара с непоколебимой твердостью, исключавшей всякую надежду на проявление с ее стороны уступчивости и снисходительности. — Никому из нас не ведомо, от чьей руки погиб Демна, и никто не посмеет утверждать, что царевич Сослан повинен в его смерти.

— Запрещаю тебе общение с богоборцем, который рождает в тебе такие нечестивые мысли! — вдруг произнес Микель спокойно, но с холодной непреклонностью. — Я не разрешу твоего брака с преступником!

— Вы забыли, святой отец, что сказано в писании: «Кого бог сочетал, того человек да не разлучает», — прося полную непослушание, ответила царица. — Мы обручились перед богом, и я утверждаю твердо и неизменно, что не изберу иного мужа, кроме Сослана, никогда не нарушу своей клятвы и сохраню ему верность до смерти!

Тамара говорила негромко, ничуть не повышая голоса, чтобы не раздражать патриарха, но Микель вдруг встал с кресла и поднял руку:

— Если сей отступник немедленно не покинет пределы нашего отечества, а будет возбуждать умы и соблазнять верных чад церкви, — грозно, точно в испуге, произнес он, — то властью, данной мне свыше, он будет отлучен от церкви и предан проклятию! Да изымет его христианское общество из своей среды, пусть ни одна церковь не даст ему убежища. Всякий, кто убьет его, да совершит суд божий!

Хотя царица была ко многому подготовлена и ждала всяких нападений и покушений на царевича Сослана, однако заявление Микеля поразило ее тем сильнее, чем меньше она имела средств бороться с его жестоким и несправедливым решением. Она хорошо знала, что отлучение от церкви, особенно, если бы Микель предал Сослана публичному проклятию в храме, влекло за собой лишение всех прав и ставило его вне закона. Каж-

дый из его врагов мог взяться за меч и убить отступника, никто не посмел бы вступить за отлученного. Тамара ни минуты не сомневалась, что Микель мог привести свою угрозу в исполнение, и долго молчала, думая, как избавить Сослана от неминуемой гибели и отвести от него опасность вечного изгнания.

После долгого безмолвия, когда, казалось, противники испытывали стойкость и силу друг друга, Тамара, к изумлению патриарха, вместо слез и мольбы о пощаде, спокойно произнесла:

— Игумен Крестного монастыря Антоний просил меня отправить посольство к Саладину для выкупа древа креста. Царским послом мы решили отправить царевича Сослана, которому даны будут чрезвычайные полномочия вести переговоры с султаном. Дайте ему ваше пастырское благословение и молитесь всевышнего даровать ему свою милость.

— Благославляю и разрешаю! — милостиво произнес патриарх, обрадованный и удивленный тем, что царица по собственному изволению решила отправить Сослана в Палестину, тем самым идя навстречу его желаниям и осуществляя планы, которые он втайне начертал в своем уме. Теперь у него не было больше никаких оснований ссориться с царицею, и он пожелал вознаградить ее за проявленное послушание и кротость.

— Великое дело совершит он, если привезет древо креста, — благосклонно сказал Микель. — Да благословит его бог искупить свой грех и послужить церкви! Обещаю даровать ему полное прощение и примирение! Церковь примет его в свое лоно, и он сможет спокойно пребывать в Иверии.

Впервые после нескольких лет борьбы, вражды и недоверия между патриархом и царицей не было никаких разногласий, и они оказались единомышленными в принятом решении. Теперь у Микеля совершенно изменилось настроение, и царица предстала перед ним совсем в ином свете. Он даже решил не упоминать пока о ее предполагаемом замужестве, находя, что достигнутая победа уже решает ее брак с русским князем в будущем; успокоившись на этой мысли, сделался весьма любезным и об-

ходительным. Он попросил царицу отправить подарки греческим монастырям и патриарху в Константинополь вместе с его духовным посланием и, зная, как царица принимала близко к сердцу дела милосердия, подробно рассказал ей о намеченной помощи вдовам и сиротам. Затем он как министр просвещения обсудил с ней вопросы образования и воспитания в школах, преподавания философии, истории и словесности, наряду с богословием; они долго и дружески беседовали, быстро приходя к взаимному пониманию и согласию. Микелю во время беседы даже казалось, что умнее, краше и боголюбивей их царицы нет никого на свете, и, уходя, он еще раз пообещая простить Сослана, если он привезет древо креста в Иверию. На прощание он напутствовал ее как благословенную и именитую царицу, которой надлежит совершить славные дела и возвысить свое отечество.

Похвалы и любезность Микеля не растрогали и не воодушевили Тамару, но его обещание примириться с Сосланом влило в ее сердце глубокое успокоение и надежду на светлое будущее. Теперь она более не страшилась ни разлуки, ни интриг противников, находясь в твердой уверенности, что Сослан своей храбростью и воинственным рвением преодолест все препятствия, выкупит древо креста у Саладина и привезет его в Иверию.

ГЛАВА VII

В столицу Иверии с большой пышностью прибыл князь Юрий. Он ехал со своей дружиной, хорошо вооруженными всадниками, как и подобало сыну великого русского князя Андрея Боголюбского, сзади шли мулы, на которых навьючены были тюки с одеждой, провизией и дарами. Юрий вез в подарок царице изящные эмалевые украшения, приобретенные им во время пребывания в Константинополе, индийские тончайшие ткани, меха и пару ручных барсов.

Князь Юрий был в наилучшем расположении духа, шутил со своим верным дружинником Романом и заранее представлял себе все прелести отдыха в резиденции иверских царей, издавна славившихся своим гостеприимством, богатством и великолепием придворной жизни. Он думал об охоте, о пирах, развлечениях, рыцарских состязаниях и стремился скорей увидеть царицу и познакомиться с жизнью народа, который издавна привлекал его внимание своей храбростью, твердостью в вере и мужественной борьбой с мусульманством.

В таких приятных мыслях незаметно закончилось путешествие, и князь Юрий вступил в столицу, совсем неподготовленный к тому, что его там ждало. Даже осторожный Роман, всегда с боязнью относившийся к каждому их новому переезду, на этот раз ехал спокойно и беззаботно и во время остановок вел продолжительные беседы с населением, встречавшим и провожавшим их большим радушием и гостеприимством.

Их встретили в столице с царскими почестями; отвели роскошное помещение в загородной вилле Абуласана, окружили блестящей свитой царедворцев, одари-

ли богатыми и разнообразными подарками и проявили столько внимания, радушия и любезности, что князь Юрий оказался в приятном плену, лишенным всякой возможности самостоятельного и свободного общения с людьми.

Подобный хитрый прием, употребленный Абуласаном, вначале не был замечен Юрием, полагавшим, что его конница и богатое вооружение произвели такое неотразимое впечатление на иверских вельмож, что они стали заискивать перед ним и искать его дружбы. Однако Роман сразу заподозрил в поведении окружавшей их придворной знати известную преднамеренность и недоверчиво приглядывался к окружающим, ко всему прислушиваясь и пристально наблюдая за новыми друзьями своего князя. Пока Юрий развлекался с ними то на охоте, то в конных состязаниях, то проводил время на веселых пирах и собраниях, Роман исходил всю столицу, побывал в различных монастырях и свел дружбу с Арчиллом, восхищаясь его искусством ковать оружие и делать булатные клинки, которым, по его мнению, не было равных на всем свете. Он уговорил Юрия заказать ему саблю и украсить рукоятку драгоценными камнями. Он подробно рассказал Юрию, какую мудрую политику проводит царица, покровительствуя ремесленникам и торговцам, какую обширную торговлю ведет с заморскими странами — в первую очередь с Индией и Аравией.

— Ты мне лучше поведай, как народ живет? — спрашивал его Юрий, не столько из участия, сколько из желания узнать о положении народа в стране, где ему предлагали царствовать. — Смотри не вверх, а вниз. В столице блеска много, а что за городом делается?

— Что за городом делается — не расскажешь! — отвечал Роман. — Народ бедный-пребедный! Земли-то у них мало, и та не своя, а княжеская. У нас степи, поля — без конца в длину, без края в ширину, а у них — одни горы и ущелья. В ущельях много хлеба не соберешь, а что соберешь, то отдавай князю. Живут войной, походами, всякими добычами. Потому царица милостыню раздает, что народ бедный. Будь народ богатый, никто бы

в ее милостыне не нуждался! А городская беднота только и живет милостями царицы!

Сообщение Романа огорчило Юрия. Теперь ему понятно стало, почему царица славилась всюду своей щедростью. Этой щедростью она хотела облегчить вопиющую нужду народа.

Однажды Роман вернулся удрученный из города, куда любил ходить, чтобы посмотреть на порядки и обычаи горожан, и сказал князю:

— Будь осторожен, князь! Не доверяйся воеводам: слышно, что они замыслили что-то лукавое и недоброе, и тебя недаром чествуют и ласкают.

— А не слыхал ли ты чего о царевиче Сослане? — спросил Юрий, огорченный словами Романа, вспомнив, что ему не пришлось пока познакомиться с опальным царевичем и предложить свою помощь и дружбу.

— Никто ничего не знает о нем, а может, и говорить бояться. Одни болтают, что он укрылся в монастыре, а другие — будто видели его в горах недалеко от столицы, третьи говорят — давно уехал в Осетию. Но помни, князь, царица одинока, у нее нет защитников, а войско не выйдет из повиновения воеводам.

Предостережение Романа совпало с тайными мыслями Юрия, который успел уже ознакомиться с военной силой Иверии, видел военачальников, эриставов, вполне преданных патриарху и Абуласану, и понимал, что ни он со своей дружиной, ни царевич с отрядом молодых рыцарей не смогут достичь победы. Несколько охладев в своем великодушном порыве, Юрий перестал стремиться к запретному свиданию с Сосланом. В то же время, заметив, что при дворе происходят какие-то тайные переговоры, интриги и недомолвки, Юрий решил избегать общения с царицей. Но Абуласан, пока решался вопрос об отъезде Сослана в Палестину, всячески оттягивал это свидание, опасаясь, что царица может обратиться к русскому князю с жалобами на своих подданных, склонить его к отказу, и тогда они потеряли бы самого угодного им претендента на трон Иверии.

— Вам надлежит, князь, прежде представиться царской наставнице — Русудан, — сказал Абуласан, когда

Юрий начал просить свидания, — царица слушает ее и исполняет все ее ходатайства. Русудан — первая государева советчица, она превыше всего ставит благо своего отечества, — хитро добавил Абуласан. — Она вскормила и воспитала царевича Сослана, но, когда он совершил тяжкое преступление и покрыл позором царский дом, Русудан первая воспротивилась его браку с царицей и потребовала удаления мятежника из Иверии.

Абуласан сказал это с тонким расчетом, чтобы князь больше не колебался и не думал о царевиче Сослане, как о своем сопернике. Он хотел заранее отвести Юрия от благородного стремления оказать помощь царице и, кроме того, решил подготовить ему такую встречу, когда Юрий при всем своем желании не смог бы расстроить их планы. Юрий вспыхнул, возмущенный словами Абуласана, который без всякого стеснения распоряжался судьбой повелительницы Иверии, но смолчал, поняв, что князья не отступятся от своего решения и никогда не позволят царице соединиться с царевичем.

Вскоре после этого Юрий встретился с Русудан в покоях Абуласана и после любезных приветствий сказал ей:

— Смею просить Вас передать Вашей повелительнице, что мне необходимо видеться с нею по одному важному и неотложному делу, которое не могу никому открыть, кроме царицы.

Русудан, думая, что князь уже дал свое согласие Абуласану и хочет в личном свидании с Тамарой сказать ей о своих намерениях, была удивлена его решительностью и смелостью, так как до сих пор никто из искателей руки царицы не дерзал прямо явиться к ней и выражать свои чувства. Между тем Юрий хотел совсем иное. Он только стремился скорей узнать, как относится царица к его пребыванию в столице и предполагаемому избранию в цари Иверии и не даст ли ему поручение оказать помощь Сослану.

Русудан долго расспрашивала его о Киевском княжестве, о его дяде Всеволоде, о княжеских междоусобицах, затем попросила рассказать о пребывании в Кон-

стантинополе у императора Андроника и о жизни кипчаков на берегу Понта.

Ответы Юрия ей понравились своей прямою, серьезностью, глубоким знанием жизни и больше всего тем, что обнаруживали в нем ясный и трезвый ум и твердый характер.

— Этот князь не даст себя в обиду нашим врагам! — подумала Русудан. Она с удовольствием отметила про себя, что он был весьма привлекателен, с открытым мужественным лицом, с пышными светло-русыми кудрями и статной фигурой и нисколько не уступал иверским витязям. Она рассталась с ним дружески, пообещав исполнить его просьбу, но предупредила, что едва ли царица согласится принять его в ближайшее время.

Неискушенный в интригах придворной жизни, Юрий с огорчением отнесся к словам Русудан, решив, что царица смотрит на него как на приспешника своих врагов, и ему нечего надеяться на свидание с нею. Юрий тщетно искал человека, кому он мог бы поведать свои думы и испросить совета, как вдруг патриарх Микель прислал ему свое пастырское благословение и просил принять от него в дар драгоценный перстень с разводами византийского стиля и с большим изумрудом. Обращение Микеля, главы иверской церкви, означало, что он приветствовал князя как представителя великой страны, одинакового вероисповедания с Иверией и втайне поддерживал мысль о его брачном союзе с царицей.

Необычайное внимание Микеля, лесть придворных сильно повлияли на Юрия, заставив его забыть о привычной осторожности и слепо положиться на своих новых друзей, неустанно твердивших ему, что он призван управлять обширным царством и быть мужем прекрасной царицы. Но эта беспечность бесследно исчезла, как только Абуласан сообщил ему, чтобы он пожаловал на торжественный пир, устраиваемый в его честь в Метехском замке, в бывшем дворце Георгия III, и что там произойдет, наконец, его встреча с царицей. При этом Абуласан намекнул ему, что если он произведет благоприятное впечатление на их повелительницу, то они не замедлят объявить населению о предстоящем браке

царицы с русским князем и вскоре отпразднуют их свадьбу.

Юрий ничего не ответил, но, оставшись наедине, предался грустным мыслям. Он не хотел явиться к царице, как друг и наперсник Абуласана, участвующий в их заговоре против царевича Сослана, и в то же время понимал, что ему нельзя открыто выступать в роли защитника царицы против ее притеснителей, так как они немедленно удалили бы его из Иверии. Как всегда в затруднительных случаях, Юрий призвал Романа и поделился с ним своими думами.

— Как я предстану перед лицом царицы и что скажу ей? — горестно вопрошал он Романа. — Не навлеку ли я на себя ее гнев, когда она увидит меня в стане врагов своих, и как оправдаюсь перед нею? Но, с другой стороны, пристойно ли мне восставать против князей из-за того, что они предлагают мне царскую корону? Как я могу укорять людей, готовых повиноваться мне как своему государю? Скажи, брат, что делать, чтобы честь свою не уронить и царицу не разгневать?

Роман и сам понимал всю неловкость и необычность положения князя.

— Тайн судеб божьих никто не знает, — глубокомысленно заметил он, — и что нам будет — доброе или злое — тоже никому неизвестно. Но полагаю, князь, что нет тебе иного пути, как преклониться перед волею царицы. Как она скажет — так и делай. Изгонит из своего царства — не прекословь, велит остаться — благодари за честь! А дальше, как говорил великий князь Святослав Всеволодович, «пусть будет так, как бог даст!»

— Правильно рассудил, Роман! — обрадовался Юрий. — Поступлю так, как скажет царица, без думы и без печали.

На другой день Юрий поехал во дворец, подбирая в уме слова, как ему лучше, изысканней приветствовать царицу и дать понять ей, что он не пойдет против ее воли и никогда не будет ставленником ее врагов.

Он был одет в парадный великокняжеский костюм, с чрезвычайно богатой и красивой отделкой. На нем был кафтан, немного ниже колен, малинового цвета, и поверх

него синий плащ, с красным подбоем, застегнутый на правом плече. Воротник, рукава, подол были украшены золотом. От шеи до пояса шла золотая обшивка с тремя поперечными золотыми полосами. Сапоги у него были красные, сафьяновые, остроносые. На голове красовалась синяя шапка с красными наушниками и зеленоватым подбоем. Он был настолько наряден и привлекателен лицом, что горожане, торговцы, ремесленники и люди простого сословия толпами заполняли улицы и шумными одобрительными возгласами приветствовали русского гостя.

Подъехав ко дворцу, Юрий сошел с коня и в нерешительности остановился. Томительная и неведомая до той поры грусть овладела им, точно он расставался навек со своей привольной жизнью и обрекал себя на долгие и тяжкие страдания.

Меж тем во дворце уже собралось множество гостей — прекрасных дам, изысканных молодых рыцарей, сановитых князей и эриставов, соперничавших друг с другом в изяществе одежды и галантности обхождения. Среди них находился византийский царевич Алексей Комнен, сын Андроника, вокруг которого собралась большая группа вельмож, оживленно обсуждавшая с ним последние придворные новости. Но как только появился Юрий, все присутствующие обратились к нему, горячо и дружно встретили русского князя, открыто выражая ему свою радость и одобрение. Князь Юрий растерялся от волнения, совсем не ожидая такого приема. Но он тотчас же вспомнил своего отца, Андрея Боголюбского, который никогда, ни при каких обстоятельствах не терял своего княжеского достоинства и спокойствия. Вооружившись хладнокровием, кланяясь налево и направо, Юрий проследовал между гостями в главный зал дворца, где он надеялся увидеть царицу. В зале, украшенном позолоченными колоннами, Юрия встретила Русудан в пышном царском одеянии и сообщила, что она исполнила его просьбу, и царица изъявила согласие почтить своим присутствием пир, устроенный в честь русского князя. Это сообщение ободрило и в то же время еще больше взволновало Юрия. Он передал ей пода

рок для царицы и не успел оправиться от своего смущения, как появилась высокая фигура патриарха Микеля в сопровождении епископов, Абуласана и преданных военачальников. Он вместо приветствия, как полагалось, благословил князя Юрия и осведомился, доволен ли он своим пребыванием в столице.

— Благоверная отрасль великого русского государя! — произнес он с важностью. — Да будет исполнено мира и веселия твое сердце, ибо тебе предстоит держать скипетр и править обширной страной от края и до края!

Юрий едва поборол свое замешательство при этом неожиданном и лестном обращении к нему патриарха. Он не мог сразу найти слов, наиболее подходящих для такого торжественного случая, но, как видно, никто и не ждал от него никакого ответа.

Разнеслась весть, что прибыла царица, и взоры гостей обратились к выходу. Среди глубокой и напряженной тишины раздалось нежное пение, звуки тимпанов и цимбал; вошла царица Тамара, окруженная свитой. Юрий так же, как и все, смотрел на нее, не отрываясь, с сильным биением сердца, пораженный ее красотой и величием. Золотая ткань покрывала стройный стан царицы; мантия в изумрудах, диадема и порфира составляли ее царское одеяние. Корона из офазского золота была унизана драгоценными камнями, и весь вид ее, могущественной и державной царицы, казалось, должен был напомнить князю о неосуществимости его помыслов и заранее внушить мысль о неизбежном отказе. Пораженный ее красотой, Юрий на мгновение замер. Весь пышный зал, пленивший его своим великолепием, сразу исчез из его глаз; он не видел никого и ничего кругом, потрясенный, стоял и смотрел на царицу. Если бы князь Юрий не был в таком смятении, лишившем его обычной находчивости и рассудительности, он заметил бы, как в зал вошел вместе с царицей молодой рыцарь и неотступным взглядом следил за ним. Но Юрий стоял, как глухонемой, и очнулся от своего неподвижного состояния в тот момент, когда твердая и властная рука Микеля коснулась его плеча.

Вблизи она показалась ему еще более прекрасной, поражая своей скромностью и величием. Вместе с восторгом он испытывал и невольный страх от взгляда ее больших черных глаз, сверкавших умом и живой наблюдательностью. Юрий забыл все, о чем хотел сказать ей, все слова показались ему пустыми и ничтожными, он боялся даже вымолвить приветствие, которое могло вызвать презрительное отношение к нему царицы. Вероятно, его немое, но искреннее восхищение тронуло и удивило Тамару; слабая, едва уловимая улыбка мелькнула на ее лице и пробудила к жизни застывшего в безмолвном созерцании князя. Он, неожиданно для самого себя, обрел слова и воскликнул:

— О богоподобная царица! Я — раб Ваш. Мне ли, слабому и безгласному, слагать хвалу Вам, когда никто из смертных не сможет достойно восхвалять Вас! Повелите мне исторгнуть свою жизнь и бросить ее, как опаленную солнцем траву, к Вашим ногам! Ибо не подобает жить тому, кто раз увидел Вас и у кого сердце насмерть ранено Вашей красотой!

Он преклонил колено пред нею, выражая в глубочайшей степени свою почтительность и покорность, а все дивились его смелости, с какой он высказал свое признание.

Но еще более сам Юрий дивился собственному душевному состоянию, испытав в одно мгновение столько чувств, сколько не изведаль за всю свою бурную и неудачливую жизнь. Чувство любви, до сих пор незнакомое князю, охватило его с неудержимой силой и его не могли ограничить и сдержать ни доводы рассудка, ни внутренние, ни внешние преграды, стоявшие между ним и царицей. В этот момент князь Юрий не подозревал, что никогда при всей своей изобретательности и находчивости он не нашел бы лучшего способа сломить недоверие и гневную досаду царицы, чем этот внезапный порыв, где так просто и непосредственно вылилось его восхищение и преклонение перед нею.

Вероятно, Тамара угадала душевное состояние князя. Вместо того, чтобы отнестись к нему с негодующим презрением, как к неосторожному смельчаку, дерзнув-

шему искать ее руки и сердца, она снисходительно посмотрела на него, милостиво приветствовала гостя из дальней, но дружественной страны и пожелала ему приятно провести у них время. Князь Юрий от звука ее тихого, мелодичного голоса пришел в еще большее возбуждение.

— О, незаходящее солнце! Пока Ваши лучи светят, нам тепло и хорошо, даруйте нам радость, чтобы мы всегда Вас славили! — воскликнул Юрий вне себя от восторга и низко поклонился ей, как бы свидетельствуя, что передает в ее полное распоряжение свою жизнь и душу.

Неожиданное пылкое объяснение Юрия глубоко запечатлелось в сознании того молодого рыцаря, который сопровождал царицу. Гагели явился на пир с единственной целью увидеть князя, чтобы судить, насколько он серьезен как противник Сослана и как сильно подчинили его себе Микель и Абуласан. Он мгновенно постиг душу князя, поняв, что он занемог неизлечимым недугом — любовью к царице и тем самым делался послушным ставленником вельмож, домогавшихся через него получить власть. Гагели, передавший Сослану весть об отъезде в Палестину, видел все его горе, начиная с мрачного отчаяния, яростного гнева и кончая тихой меланхолией. Постепенно, однако, Сослан увлекся мыслью о высоких подвигах, зажегся жаждой славы и желанием скорей выполнить высокое поручение царицы и вернуться с победой на родину. И в это же время на пути его нечаянно вставал русский князь.

Гагели успел заметить, что Абуласан и некоторые именитые вельможи вели себя как заговорщики, тайно переговаривались между собою и слишком много внимания уделяли византийскому царевичу Алексею Комнени. Поведение их показалось Гагели подозрительным. Он с исключительным вниманием стал наблюдать за всем происходящим на пиру, стараясь постичь, чем заняты их мысли, чтобы предохранить своего друга от всяких роковых случайностей.

За обедом князь Юрий весьма предусмотрительно оказался возле царицы, и она не выразила недовольства

его близостью. Обед начался шумно и весело, с застольными речами, стихами, и сопровождался игрой на арфах, пением. Музыка и пение еще более подогрели счастливое возбуждение князя. Он не заметил пристальных взглядов Гагели, сидящего напротив него. Но Тамара, как видно, чего-то ждала от князя и, когда гости несколько отвлеклись от них, тихо спросила:

— О чем Вы хотели поведать мне, князь? По какому неотложному делу Вы прибыли в Иверию?

Вопрос царицы, означавший, что Русудан передала ей его просьбу, привел Юрия в смущение, так как сейчас он меньше всего был склонен говорить о царевиче Сослане. Но он тут же внутренне устыдился своего отступничества и укрепился в желании быть великодушным и честным.

— О, царица! Не гневайтесь на меня, если я скажу Вам правду. Прибыл я сюда, чтобы помочь Вашему горю. Услышав о несчастье царевича Сослана, решил я со своей храброй дружиной встать на его защиту. Сколь ни мала моя помощь, — еще тише промолвил он, — но я с радостью готов сложить свою голову за Ваше счастье!

Эти грустные, простые слова, лишенные всякой самонадеянности и бахвальства, растрогали Тамару. Она увидела в нем человека доблестного и правдивого, воодушевленного самыми благородными побуждениями, и лучшего защитника и друга она не могла бы сыскать Сослану в его борьбе с врагами. Но никакая помощь не была в силах изменить создавшегося положения и поколебать принятого ею решения отправить Сослана в Палестину, где он мог стяжать славу не только для себя, но и для Иверии.

Не желая привлекать чьего-либо внимания, Тамара замедлила с ответом. Но уверившись, что громко звучащие кастаньеты и хор заглушали их речь, а Микель с Абуласаном ничего не подозревали об истинном характере беседы и готовы были всячески содействовать ее сближению с князем, Тамара, обернувшись к нему, тоже тихо сказала:

— Приятно мне было выслушать Вас и узнать о Вашем желании, князь, помочь нашему другу. Но если

Вам известно, какие бури колебали наше царство, а также коварные происки наших врагов, то не утаю от Вас правды. Мы решили для блага нашего отечества искать средства к защите царевича, надеясь, что всевышний даст ему иным путем завоевать себе славу.

Сердце Юрия наполнилось радостью. Он понял, что Тамара отнеслась к нему с полным доверием, полагаясь на его рыцарскую честь и благородство.

— О, царица! — с жаром произнес Юрий. — Если бы мне пришлось ради Вас биться день и ночь, рука моя не знала бы устали! Какая брань устроит меня, позабывшего о радости, утерявшего отцовский престол, странника и пришельца на земле чужой?!

Царица, видя, что пыл князя разгорается, и он в своем усердии мог утратить благоразумие и вызвать подозрения Абуласана, решительно остановила его:

— Моя воля, князь, чтобы Вы оставили царевича и не думали о его защите. По нашему велению он уезжает надолго в Палестину и больше не нуждается ни в чьей помощи! — И затем она сразу прекратила беседу и обернулась к Гагели. Во взглядах, коими они обменялись между собой, было что-то затаенное, только им одним понятное. Юрий мгновенно лишился спокойствия, поняв, что царица отстранила его от себя и больше не интересуется его судьбою. Боясь, что она покинет пир раньше, чем он сможет высказать ей свои мысли, Юрий обратился к ней с тихой мольбою:

— О, преславная царица! Навеки Вы взяли мою душу! Не отвращайте от меня Ваших взоров! Не отнимайте у меня надежды, чтоб мне не кончить свою жизнь в тоске и отчаянии!

Изумленная его горячим и смелым признанием, когда никто из ее поклонников не решался на такую дерзость, Тамара с укором посмотрела на князя, призывая его к сдержанности.

— Знайте, князь, что я связана вечной клятвой, — строго произнесла она. — Не питайте никакой надежды, дабы она не ввела Вас в заблуждение.

Юрий, в беспамятстве от ее слов, забыв, что он находится на пиру и их беседа стала привлекать общее

внимание, хотел умолять царицу, чтобы она позволила ему остаться в Иверии, но в это время в зале произошло небольшое смятение. Пирующие поднялись со своих мест; царица, отвернувшись от него, что-то тихо сказала Русудан, и на устах ее появилась улыбка. Вслед за этим наступила мертвая тишина, как-будто в огромном зале совсем не было людей. Гости почтительно и как бы со страхом расступились, и Юрий увидел, что к столу прошел витязь и направился к тому месту, где сидел Микель. В его взоре и движениях было столько решимости и отваги, что никто не остановил его, никто не приветствовал, все молча ждали взрыва негодования со стороны Микеля, не зная чем разрешится это внезапное происшествие на пиру. Юрий услышал шепот:

«Царевич Сослан», «царевич Сослан явился!»

Могучий и суровый на вид царевич заставил Юрия сразу забыть про царицу.

Между тем Абуласан, издали завидев царевича Сослана, не без ехидства тихо проронил Микелю:

— Заранее все было сговорено, Ваше святейшество! Недаром и царица соблаговолила пожаловать на пир, как видно, не для русского князя, а для царевича.

— Мы не караем грешников, когда они вступают на путь покаяния, — снисходительно ответил Микель, — и пускай нас не укоряют впоследствии, что мы желали его гибели, ибо мы восставали не против него самого, а против проявленного им непослушания и непокорства. Мы твердо соблюдаем свое слово царице!

И, к удивлению всех, патриарх Микель вдруг с приятной улыбкой поднялся и сам двинулся навстречу Сослану. С благожелательным видом он дал ему свое благословление, приглашая принять участие в их пиршестве, отнюдь не проявляя при этом никаких признаков гнева и раздражительности.

Абуласан как хитрый царедворец громко и в изысканных выражениях обратился с приветствием к Сослану:

— Чтим Ваше появление, доблестный витязь, и просим принять участие в нашем пиршестве! Радуемся тому, что Вы отправляетесь в Палестину как посол нашей импе-

нитой царицы во исполнение дела высокого и святого! Надеюсь на Вашу испытанную храбрость и мужество, мы твердо верим, что Вы склоните Саладина уступить нам древо креста и укрепите мир между Иверией и султаном Дамаска и Египта.

Это напыщенное приветствие, преднамеренно произнесенное во всеуслышание, открыло многим, что царевич, хотя, быть может, и не добровольно удалялся на долгое время из Иверии и тем самым опять превращался в изгнанника, становился безвредным для патриарха. Один его вид — строгий и печальный, но без гнева и уныния, показал всем, что он смотрел на свое путешествие в Палестину как на предприятие, опасное и в то же время неизбежное. Там он мог прославиться воинскими подвигами, но оттуда же он мог и не вернуться. Всем было понятно, что он мирился с изгнанием для сохранения спокойствия в стране и ограждения царицы от всяких нареканий. Он сел рядом с Гагели против Тамары и своего предполагаемого соперника, князя Юрия. Взгляд его — быстрый, как молния, исполненный гнева и презрения, устремился на князя, но Гагели тихо сказал ему:

— Все идет лучше, чем Вы думаете. Не гневайтесь и не давайте торжествовать Вашим врагам.

Микель заметил, как Сослан перехватил взгляд Юрия, устремленный на царицу, и сразу утратил душевное равновесие.

— Верно сказано мудрецами: «Не предпринимай ничего, пока не продумаешь тщательно все дело», — тревожно сказал Микель, наклонившись к Абуласану, — напрасно мы пустили царевича сюда. Смотри, не вышло бы столкновения между ними!

Замечание Микеля было справедливо, так как Сослан бросал грозные взгляды на своего соперника, и его волнение передалось Юрию. Оба они не могли больше спокойно сидеть на местах; Сослан нетерпеливо поднялся, за ним тотчас поднялся Юрий и пошел вслед за Сосланом. Он сделал то, чего никто от него не ожидал и чему впоследствии он и сам дивился, не понимая своего поступка. Юрий отважно направился к Сослану и по-

просил разрешения сказать ему несколько слов. Поступок Юрия, как и все его порывы, исходил больше от движений сердца, чем от измышлений ума, и заставил Сослана несколько поколебаться в своем мнении. Он согласился его выслушать. Гагели готов был устремиться вслед за ними, но остался неподвижным, встретив взгляд царицы, как бы повелевавший ему не вмешиваться в беседу царевича с князем.

— Я приехал сюда вовсе не для того, чтобы быть Вашим соперником, а защитником, о чем я сообщил царице и получил от нее повеление не выступать в Вашу защиту. Убейте меня, если я говорю неправду!

Прямота и смелость Юрия убедили Сослана в том, что русский князь говорил правду и что с ним надо искать мира, а не ссоры.

— Единственная защита, в которой я нуждаюсь, — тихо ответил Сослан, — это защита от посягательств на руку и сердце царицы. Когда я возвращусь из Палестины, враги мои умолкнут, а я получу то, что принадлежит мне по праву. Пусть с Вами, князь, не случится никакого зла и Вы не будете изменником ни мне, ни царице!

— Выслушайте мой совет, — живо откликнулся Юрий, — никогда я не видел человека, кому бы царский венец соответствовал в такой мере, как Вам. Надобно искать мудрого выхода, чтобы помочь Вашему горю. Не лучше ли сделать так, чтобы Ваши враги не искали новых женихов для царицы и не замыслили против Вас ничего плохого? Надо притупить их злобу, чтобы они забыли про Вас. Надо оставить возле царицы человека верного, который отвел бы их внимание в сторону, дал бы Вам возможность совершить свое дело и вернуться обратно. Кругом расставлены сети, и Вам не обойтись без помощи друга.

Предложение Юрия понравилось Сослану своей искренностью и дальновидностью, и он уже спокойно и доверчиво ответил ему:

— Никогда не откажусь от помощи друга. Да ниспошлет Вам господь мудрость успокоить наших врагов и предохранить царицу от новых испытаний. Клянусь своей честью, что врата нашего отечества всегда будут

открыты для Вас и Вы будете иметь во мне крепкую защиту!

Они протянули руки друг другу и, к общему удивлению, мирно разошлись в разные стороны. Давид Сослан вышел. Царица, ссылаясь на усталость, тоже вскоре покинула собрание и удалилась вместе с Гагели.

Абуласан с Микелем обменялись многозначительными взглядами.

— Не говорил ли я, что наш мятежник, как лев, будет биться и завоеует полмира, лишь бы добиться победы, — с досадой сказал Абуласан. Но Микель и на этот раз не был с ним согласен.

— Полмира для Иверии не так плохо, — ответил он, — а если он привезет древо креста, то еще лучше. Ты слышал, что царевич едет в Константинополь? Посмотрим, что сделает Исаак.

Абуласан промолчал, утаив от Микеля, что их доверенные лица уже прибыли в Константинополь и он получил от них известие. Он был иного мнения о выкупе древа креста, так как это событие, по его мнению, могло пойти на пользу только царице и Сослану, а вовсе не его единомышленникам, именитым князьям, которые отличались вольнодумством и поддерживали связи с тайными сектами — последователями Горного Старца. Абуласан был осведомлен об их деятельности в Ливанских горах и о том, что их услугами широко пользовались для истребления виднейших вождей на Востоке. Поэтому он не стал спорить с патриархом, решив действовать осторожно и собственными средствами.

Между тем Юрий после ухода царицы впал в унылое состояние и долго сидел за столом в оцепенении, чуждаясь всяких развлечений. Любовь и тоска жгли его сердце. В глазах стоял образ царевича, который рано или поздно должен был вернуться к своей возлюбленной, а в памяти неотступно звучали слова Тамары: «Знайте, князь, что я связана вечной клятвой, не питайте никакой надежды».

Г Л А В А VIII

Давид Сослан покидал Иверию в необычайное время. Крестовые походы потрясли до основания всю Европу и Азию. Несметные полчища народа двигались с Запада на Восток, ища спасения от разразившихся бедствий.

Самые разнообразные мотивы руководили этой массой людей, бежавшей от разорения и обнищания в Палестину. Наряду с религиозными идеями «освобождения гроба господня» и помощи христианам, страдавшим от ига неверных, огромную роль в этом массовом всемирном движении играло также неудержимое стремление выбитых из жизни людей к легкой наживе. Восток рисовался в самом фантастическом освещении — страной сказочных чудес и неисчислимых сокровищ, где рыцарей ждала неслыханная добыча, а простых людей — освобождение от неволи, дарование земель, разных льгот и преимуществ. Общий воинственный дух усиливался от того, что в Европе рушился старый порядок, феодальная система была обречена на гибель, и не только низшие круги, но и военные уже не могли найти себе средств к существованию. Между тем прибрежные города Сирии и Палестины являлись центрами, где протекала мировая торговля, в которой принимали одинаковое участие как франкские рыцари, так и народы Индии и Китая. Это обстоятельство придавало всему движению крестоносцев завоевательный характер. Стремясь завладеть опорными пунктами, где сосредотачивались все товары и богатства, участники крестовых походов уже забывали об истинной цели своего путешествия в Палестину и не только не освобождали местных христиан, но и сами становились их поработителями.

Начинался третий крестовый поход, в котором должны были принять участие все лучшие полководцы Европы и самые сильные многочисленные армии, какие когда-либо видела Азия. Известие о взятии Иерусалима и разгроме христиан при Тивериаде знаменитым султаном Саладином поразило всю Европу. По мнению того века, благоденствие христианского мира было тесно связано с сохранением Иерусалима, и победы Саладина, поставившего себе целью изгнать христиан из Палестины и утвердить там торжество ислама, заставили весь Запад подняться на борьбу с новым завоевателем Востока.

Впервые за всю долголетнюю историю объединились и примирились всегда враждовавшие между собой короли французский и английский, Филипп-Август и Ричард Львиное Сердце, и дали клятву подвизаться совместно для одного общего дела — отражения мусульманских полчищ, собранных под знаменем Саладина. Оба короля были молоды, пылки и храбры, одинаково честолюбивы; они собрали огромные армии, флот и двинулись морем в Палестину. К ним примкнули ломбардцы, генуэзцы, норманны, и весь этот несметный человеческий поток устремился к Константинополю, чтобы через Малую Азию сухим путем переправиться в Палестину.

Греки были до крайности раздражены и стеснены проходившими через их владения армиями крестоносцев, чинили им всякие препятствия и наносили такой большой урон войскам, что многие из королей обращались с просьбой к Римскому папе объявить крестовый поход против греков.

В такой сложной и странной обстановке, когда западные христиане объявили Саладину борьбу не на жизнь, а на смерть, а восточные, в лице греков, проклинали и ненавидели их — начинался третий крестовый поход, ознаменовавшийся важными событиями, мощным движением народов и грандиозными битвами.

В нем участвовало столько народов, армий, рыцарей и полководцев, что Саладин был охвачен тревогой и с

напряженным волнением ждал начала великих битв, которые должны были решить судьбу ислама на Востоке.

И вот в это удивительное время, запечатленное как чрезмерными подвигами, так и страданиями, превышающими человеческое воображение, Давид Сослан отплыл от родных берегов, направляясь со своей небольшой, но верной свитой в Константинополь. С ним ехал Гагели, имевший большой опыт в путешествиях, оруженосец Мелхиседек и двое слуг, на обязанности которых лежало, прежде всего, хранение золота и драгоценностей, вверенных им царицей, и наблюдение за всеми лазутчиками и грабителями, которые могли окружить царевича в пути и отобрать сокровища, которые он вез Саладину.

Тамара преднамеренно снарядила скромное на вид посольство, чтобы не привлекать к нему внимание и не вызывать ни в ком зависти, но зато снабдила Сослана чрезвычайными полномочиями и личным письмом к султану. Она хотела, чтоб он смело действовал от имени иверской царицы, скорей добился свидания с Саладином и начал переговоры о выкупе древа креста.

С великой скорбью, которая, казалось, не могла вместиться в человеческой душе, простился Сослан с Тамарой, прося извещать его о всех переменах при дворе и немедленно вызывать обратно, если она подвергнется преследованию Абуласана и его приверженцев. Тамара же сохраняла бодрость духа.

— Помни мудрое изречение древних: «В несчастье — надейся, в счастье — беспокойся, ибо все меняется», — сказала она ему на прощание. — Поезжай спокойно, зная, что мы не должны бояться с тобой ни врагов, ни страданий, ни смерти.

В то же время она дала поручение Гагели — побывать во всех греческих и сирийских монастырях и узнать, где находится Липарит Орбелиани с сыновьями.

— Не скупись на золото, — прибавила она, — и тщательно обследуй места, где он мог укрыться после своего бегства. Если Липарит жив, обещай ему царское прощение и скажи, что я осыплю его милостями, если он раскроет истину и укажет виновников гибели царе-

вича Демны. Вверяю тебе нашего друга, храни его и будь ему верным стражем! Помни, что в Палестине находится страшная секта исмаэлитов. Бойся их и будь осторожен!

— О, царица! Я не оставлю царевича Сослана, хотя бы мне грозили самые лютые мучения и смерть! Клянусь отдать за него свою жизнь, если потребуется!

Тамара осталась довольна ответом Гагели и попросила его не полагаться на царевича Сослана, самому составлять план путешествия и не обременять его излишними заботами, так как он удручен печалью и равнодушен ко всему земному.

Давид скрыл от Тамары, как он был оскорблен и уязвлен событиями, происшедшими перед его отъездом, и хотя сохранял внешнее спокойствие и покорность, но в душе у него оставались горечь и обида.

Глядя на удалявшиеся берега Иверии, Сослан долго находился в мрачной задумчивости, не слушая, что говорил ему Гагели, и не отвлекаясь от своих горьких мыслей.

Однако Гагели не был обеспокоен душевным состоянием Сослана, полагая, что постепенно в путешествии он отойдет от своих мрачных мыслей и забудет про то тяжелое, что ему пришлось испытать в Иверии. Гагели больше всего был озабочен тайным наказом царицы найти в Сирии Липарита Орбелиани и тщательно следить за безопасностью царевича. Все мысли его были направлены к тому, чтобы не впустить в сношения с подозрительными людьми, которые могли узнать об истинной цели их посольства и сильно повредить им в Византии.

Поэтому, как только скрылись берега Иверии, он предусмотрительно сказал Сослану:

— Да не вызовут мои слова Вашего гнева! Никто не должен знать в дороге, кто мы такие, куда и с каким поручением едем. При нынешних нравах никто не отважится с таким количеством золота пускаться в дальний и опасный путь, не имея при себе достаточного войска. Особенно нельзя разглашать нашей тайны в Византии. Если император Исаак узнает, зачем мы едем к Са-

ладину, то он из зависти не пропустит нас через свои владения. Он сам начнет переговоры с султаном относительно выкупа древа, дабы причинить зло крестоносцам.

— Надлежит ли нам искать свидания с Исааком? — спросил Сослан, соглашаясь с рассуждениями Гагели. — Мы можем прямо пересечь на один из кораблей, отплывающих в Сирию, не задерживаясь в Константинополе. Что касается подарков царицы, то мы можем часть их передать патриарху, а остальное вручить ему на обратном пути, если нам только суждено вернуться обратно!

— Благие мысли всегда приходят поздно! — с сожалением ответил Гагели. — Мы не сядем ни на один корабль без разрешения Исаака, так как из Византии никого не пропускают сейчас в Палестину.

Гагели преднамеренно подобными разговорами отвлекал Сослана, разгоняя его тоску, заставляя думать о путешествии и странах, где им предстояло действовать среди всевозможных опасностей и добиваться свидания с Саладином.

Хотя Сослан и Гагели бывали по несколько раз в столице Византии, они испытывали сильное волнение и необъяснимую тревогу, приближаясь к знакомым берегам Босфора. Омываемый водами Босфора и Пропонтиды (Мраморное море) Константинополь представлял величественное зрелище. Двойная стена окружала его на расстоянии нескольких миль; прекрасные здания, стоявшие на берегу Босфора, храмы, дворцы, сады и улицы, казалось, тихо двигались и погружались в прозрачные воды пролива. Невозможно было оторвать взгляда от созерцания чудного города Нового Рима, соединяющего Европу с Азией.

Корабль их прибыл к вратам Босфора и бросил якорь в пристани Золотой Рог, которая называлась также Рогом Изобилия.

Обозревая любопытным взглядом окрестности, они спускались на берег. Внезапно их окружила группа греков, предлагавших свои услуги и указывавших им гостиницы и монастыри, где бы они могли лучше устроиться. Получив отказ, греки тотчас же исчезли, но поведе-

ние их показалось Гагели подозрительным, и он долго провожал их взглядом, стараясь понять, кто они и откуда явились.

Мелхиседек, часто развозивший пожертвования царицы по греческим монастырям, предложил остановиться в Студитской обители, основанной в V веке и славившейся своим уставом и строгостью нравов обитавших в ней иноков. Отправив впереди себя слуг и Мелхиседека, Сослан и Гагели бродили по городу, невольно вспоминая те дни, когда они жили и учились в Константинополе, который являлся центром мировой цивилизации. Бурная жизнь кипела на улицах и площадях, Сослан и Гагели не могли не восхищаться величием и красотой византийской столицы, сочетавшей живописность природы с редчайшими памятниками искусства.

Бесчисленные статуи из бронзы и мрамора, сокровища древности, собранные с Востока и Запада, украшали дворцы, цирк, улицы и площади.

Любуясь городом, ни Сослан, ни Гагели не подозревали, что они видят его в последний раз и что какое-нибудь десятилетие отделяет их от того страшного момента, когда Константинополь будет сожжен, разрушен крестоносцами и все великолепные создания античного гения будут бесследно уничтожены.

Когда они прибыли в Студитский монастырь, утомленные, но довольные своей прогулкой, их встретил испуганный настоятель монастыря и с таинственным видом сообщил, что явился посланец императора Исаака — Лазарис и ищет свидания с ними. Вслед за этим вошел молодой, с неприятной наружностью грек, сказал, что он по поручению императора приветствует посольство иверской царицы, и прибавил:

— Прошу вас завтра к полудню пожаловать во Влахернский дворец к императору Исааку. Он просил передать вам, что вы можете остановиться в его дворце, где все приготовлено для вашего приема.

Сослан сделал вид, что он польщен любезностью Исаака, но ответил отказом:

— По повелению царицы мы должны посетить греческие монастыри и затем предстать перед вашим импе-

ратором. Мы устали с дороги и просим разрешения немного отдохнуть, прежде чем явиться в царский дворец и передать дары вашему императору, присланные нашей царицей.

Лазарис не стал особенно настаивать на своем предложении и, простившись с ними, скрылся, еще раз напомнив перед уходом о завтрашнем приеме у императора.

— Хотел бы я знать, — воскликнул Гагели после ухода грека, — кто известил его о нашем приезде? Почему императору Исааку вздумалось оказать нам такое внимание, когда наша царица не обращалась к нему с просьбой о гостеприимстве? Что ему надо от нас? Кто мог интересоваться нашим приездом в Константинополь? Я думаю, скорей наши враги, чем друзья.

— Время нашего отъезда всем было хорошо известно. Немудрено, что Микель известил патриарха, а патриарх — Исаака. Хуже, что они узнали, где мы остановились.

— А вы забыли про греков, которых мы видели на пристани?! — быстро припомнил Гагели. — Надо полагать, что мы окружены лазутчиками Исаака и должны соблюдать крайнюю осторожность.

— Прежде всего следует подробно узнать об Исааке, — решил Сослан, и они направились к настоятелю монастыря, который находился в сильной тревоге.

— Ничего нельзя ждать хорошего, — мрачно сказал он, выслушав сообщение Гагели о беседе с Лазарисом, — если они следили за вашим прибытием, то вам надо искать себе другое убежище. Этот государь мнителен и везде видит своих врагов. Он был храбр только один раз в жизни, когда добывал себе трон Византии. Покойный император Андроник узнал через кудесника, что будет свергнут с престола полководцем по имени Исаак, и приказал заточить его в темницу. Исаак, вместо повинения, убил исполнителя воли Андроника, побежал к храму св. Софии, собрал народ и воинов, которые провозгласили его императором. По его повелению толпа растерзала Андроника, подвергнув его нечеловеческим мучениям. Бог будет судить царей, но то, что делается

у нас, в Константинополе, не поддается человеческому разумению. Скольких убил Андроник — не пересчитать, теперь его сменил Исаак. Но этот государь хуже Андроника: тот умел угодить народу. Исаак совсем не умеет править, окружил себя шутами, кудесниками, предался пьянству и разврату. Не могу передать, как он кощунствует, употребляет за своим столом священные сосуды и утверждает, что у бога с царем все нераздельно. Говорят, ему тоже предсказано, будто у него отнимет престол некий принц по имени Алексей, и поэтому все, кто носит это имя, находится под угрозой.

Выслушав настоятеля, Сослан сказал:

— Я думаю, нам нечего бояться Исаака, который из трусости не сделает нам вреда и постарается скорей отправить из Константинополя.

— На этого государя нельзя положиться, — возразил настоятель. — Он заключил тайный союз с Саладином, и султан обещал ему передать древо креста, если он задержит немецкую армию и не пропустит ее через свои владения. Говорят, он хочет снарядить в Дамаск пышное посольство, надеясь укрепить трон получением великой святыни.

Настоятель ушел, оставив их в сильном волнении. — У нас появился серьезный соперник, — заметил Сослан. — Мы должны опередить Исаака и раньше прибыть к Саладину.

К вечеру они опять отправились гулять по городу и были глубоко изумлены тем, что им привелось видеть и слышать.

В Константинополе собрались народы из всех стран мира. Здесь были представители Севера, Запада, Востока и Юга; воины, облаченные в самые разнообразные одежды, франкские рыцари и князья, щеголявшие своими боевыми доспехами и вооружением; немецкие бароны и их вассалы; поселяне и ремесленники, стремившиеся уйти из неволи и обрести в Палестине желанную свободу; представители северных стран и русской земли — все они с интересом бродили по Константинополю, нарушая установленный порядок жизни, внушая к себе страх и недоверие греков.

Франки, или, как их называли в Византии, латиняне, преимущественно заполняли Константинополь; они беззастенчиво издевались над греками, называя их нацией писарей и переписчиков. Греки же, напротив, были возмущены необузданностью и распущенностью крестоносцев и были уверены, что те явились к ним с завоевательными целями и вместо освобождения Иерусалима хотят покорить Византию и подвергнуть ее разгрому и уничтожению. Западные армии породили в Константинополе хаос и беспорядок, и греки как бы утратили свою столицу, возмущенный народ толпами устремлялся на ипподром, где недовольные имели обыкновение собираться вокруг Каледонского вепря, служившего символом разъяренного народа, и здесь приносить свои жалобы. За толпой сюда направились также Сослан и Гагели, движимые не столько любопытством, сколько желанием уяснить себе, что довело до такого катастрофического положения могущественную Византийскую империю и что послужило причиной непомерного народного раздражения и гнева. Ипподром был заполнен народом, стоял такой шум, крики и гомон, что нельзя было понять, что говорили и к чему призывали ораторы.

Из этих речей выяснилось, что греки были недовольны управлением Исаака, ненасытной жадностью сборщиков податей, продажностью и беспутством вельмож, которые взяли на откуп все государственные должности, расхищали казну, за взятки давали чины и отличия, не было правого суда, куда можно было бы пожаловаться на виновных. Но самое большое возмущение народа вызывала трусливая, двоедушная политика императора относительно внешних событий. Греки ненавидели крестоносцев, не с меньшим озлоблением они относились и к мусульманам; они не могли понять, как Исаак, с одной стороны, заискивал перед немцами, с другой — хотел соединиться с мусульманами для совместных действий против франков. Греки чувствовали надвигающуюся на столицу катастрофу и презирали императора.

Народ обезумел от страха, от ожидания всяких бедствий, вторжения западных армий и не мог разобраться в происходивших событиях.

—Внемлите, откуда идет к нам погибель! — восклицали одни. — Погибель идет от латинян, кои навлекут на нас невиданные бедствия и разорят наше отечество!

— Погибель идет к нам от неверных! — кричали другие. — Кто соединяется с мусульманами, тот навлекает на себя проклятие! Иерусалим взят. Кто поручится, что и на наших стенах не будет развеяться зеленое знамя пророка? Где мы тогда найдем спасение?!

Иные вопили, что звездочеты предсказывают приближение конца мира, что нельзя избежать гибели и надо с покорностью ждать смерти, так как спасти народ некому и незачем. Неслись неистовые вопли: — Мы гибнем! Кто спасет нас? Надо действовать не словом, а мечом! Немедленно изгнать крестоносцев. Убивайте изменников! Спасайте отечество!

Наконец среди неопишуемого шума и криков на постамент статуи Геркулеса поднялся молодой грек, перепоясанный мечом. У него был сильный голос, взгляд гордый и повелительная осанка. В руках он держал железную палицу. В толпе его хорошо знали и сообщили Гагели, что он происходил из знаменитого дома Дукков и прозывался Мурзуфлом за то, что брови у него на лбу сходились одна с другою. Одни его хвалили за смелость и храбрость и за то, что он восставал против императорской власти; другие, напротив, укоряли его и говорили, что он возбуждает народ и имеет претензии на византийский престол, но скрывает свои истинные намерения под личиной преданности и покорности Исааку. Но, как видно, большинство простого народа было к нему сильно привязано и желало видеть его своим государем. Все свободное время он проводил на ипподроме, возле Каледонского вепря, искусно разжигая народные страсти и внушая всем мысль, что спасение народа — в частой смене правителей, причем он умело играл такими словами, как «отечество, свобода, религия», пленявшими простые сердца и служившими прикрытием для его властолюбивых и корыстных целей.

И теперь, стоя на возвышении, он поднял руку, чтобы прекратить неистовство толпы.

— О чем шумите вы и к кому взываете о спасении? — начал Мурзуфл важно и патетически, и волнение в народе сразу стихло. — Разве вы не видите, что Византия окружена врагами? С того времени, как династии сделались жертвой своеправия черни и властолюбия злоумышленников, — в ком вы ищете спасение?! Константинополь — прославленная столица цезарей — теперь сделался рынком, на котором идет торг: кому владеть столицей мира? Разве вы знаете, где наши друзья, где враги? В одно и то же время заключается мир с дамаским султаном и простираются дрожащие руки к немецкому императору. Издавна известно, что тиран есть враг человечества, щедроты его так же лицемерны и непостоянны, как и власть его, захваченная по произволу и силой переворотов. Найдите достойного человека, кому дорого было бы благо отечества, кто ради религии готов пожертвовать своей жизнью, кто не будет уклоняться ни в сторону сынов рая, как именуют себя мусульмане, ни в сторону чад тартара, какими вы считаете крестоносцев, и доверьте ему свое спасение!

Мурзуфл говорил, показывая всем своим видом, что он именно и есть тот достойный человек, который может спасти империю от гибели, защитить Константинополь от крестоносцев и устранить несчастья, нависшие над народами. Многие хотели провозгласить его царем, но Мурзуфл находил, что для этого еще не наступило время. Будучи самым осторожным из осторожных политиков, он начал защищать Исаака, хотя никто не хотел о нем слушать.

После ухода Мурзуфла Сослан с Гагели некоторое время оставались на ипподроме, желая поговорить с отдельными лицами о тех внутренних причинах, которые вели к падению империи.

— Еще недавно Византия была сильнейшим государством, — удивлялся Сослан. — Кто мог довести ее до такого позорного краха? Неужели Исаак своим неумелым правлением? — Сослан сказал это тихо Гагели, но какой-то важный грек, с худошавым, аскетически строгим лицом неожиданно ответил Сослану:

— Не удивляйтесь тому, что здесь происходит. К со-

жалению, в высших кругах не понимают, что мы стоим на краю гибели, но народ это понимает и по-своему ищет спасения. Обратите внимание на ненависть народа к крестоносцам. В этом заключается вся трагедия. Сейчас, по указаниям римских пап, крестоносная война охватила мусульманский восток, а затем она обратится против нас. Вот где опасность! Наша гибель от латинян, а император поддерживает их. Помните мои слова: пройдет немного времени, латиняне разрушат Константинополь и завладеют нашими сокровищами. — Он повернулся и, не прибавив больше ни слова, с печальным видом удалился.

Под впечатлением всего услышанного глубоко опечаленные Сослан и Гагели возвращались с ипподрома. Им казалось, что они как бы присутствовали при падении великой империи, видели народ, доведенный до отчаяния, и ловких авантюристов, не брезговавших обманом и иными гнусными средствами для осуществления своих честолюбивых замыслов. Они невольно вспоминали Иверию, где также шла борьба и не было спокойствия в стране, но мягкое правление Тамары предохраняло народ от таких государственных потрясений, какие они видели в Византии. Для Сослана в этом сознании было утешение, так как и его отъезд в Палестину тоже являлся жертвой, принесенной им для ограждения родины от всякого рода смут и раздоров.

На другой день рано утром, облачившись в боевые доспехи, Сослан и Гагели с богатыми дарами отправились во Влахернский дворец на прием к Исааку. Они приказали Мелхиседеку явиться туда позднее, предварительно осмотрев, нет ли чего подозрительного возле монастыря, и дожидаться их выхода из дворца, тщательно наблюдая за тем, что делалось кругом.

Приняв необходимые меры предосторожности, они поехали в спокойном расположении духа, отнюдь не ожидая со стороны трусливого императора, каким он рисовался им теперь по рассказам настоятеля, каких-либо неприятных действий или подвохов. Они были уверены, что он так занят вопросами личной безопасности и подавления в народе недовольства и возмущения,

что не станет задерживать их в Константинополе и постарается сохранить добрые отношения с иверской царицей.

Они прибыли с некоторым опозданием во Влахернский дворец, где их с нетерпением поджидал Лазарис, видимо, боявшийся, что они обманут его и совсем не явятся на прием. Он был неприятно поражен, увидев их закованными в латы и больше похожих на западных рыцарей, чем на знатных иверийцев.

Исаак принял их торжественно, в царской порфире, сидя на золотом престоле, окруженный многочисленными сановниками и вельможами. Он стремился показать гостям, что Византийская империя под его скипетром вступила в период процветания и обрела силу прекратить междоусобицу и отразить нашествие как сельджукских турков, так и проходивших через нее крестоносцев. Однако ни великолепие дворца, ни богатое оружие императора, ни важная напыщенность его свиты несколько не смутили Сослана, который решительной поступью направился к Исааку, вызывая всеобщее изумление своей смелостью, благородством и больше всего исполинской фигурой.

Несмотря на то, что Исаак был одет в самую лучшую царскую одежду и корона его сияла драгоценными камнями, в сравнении с Сосланом он казался жалким и невзрачным и с завистью смотрел на иверского царевича, который своим богатырским видом превосходил всех. Давид по этикету преклонил перед ним колено в знак почтения к его царскому достоинству и преподнес богатые дары, вызвавшие нескрываемую радость у Исаака. Сослан тут же заметил стоявшего у трона Мурзуфла, с усмешкой следившего за всей торжественной церемонией.

— Приветствую тебя, доблестный сын единственной дружественной нам страны! — благосклонно произнес Исаак. — Много добрых вестей приносят нам наши братья, побывав в Иверии. Мы много слышали о разуме и красоте вашей царицы. Поведай нам, подвергаетесь ли вы нападению со стороны ваших соседей или живете с ними в мире и согласии?

При этом Исаак любезно предложил Сослану сесть рядом с собою. По мановению его руки вельможи расселись по своим местам. Гагели оказался недалеко от трона, так что мог хорошо следить за императором и всей окружающей его свитой.

Давид, помня совет настоятеля, остерегался Исаака, предпочел воздержаться от излишних похвал Тамаре, дабы не вызвать в нем зависти и раздражения, и скромно ответил:

— Царство наше претерпело столько разрушений, что мы радуемся каждому дню, когда с гор не спускаются враги и не уничтожают наших городов. Царице чужды воинственные замыслы; со всеми соседями она живет в мире и согласии.

— О мирных намерениях вашей царицы известно далеко за пределами вашего царства, — согласился Исаак, которого мало интересовали завоевательные стремления Тамары, так как иверские цари никогда не воевали с Византией.—Но скажи мне,—сказал он,—правда ли, что царица установила мир с султаном Дамаска Саладином?

— Царица всегда готова оказывать помощь своим единоверцам, но она не принимает участия в крестовых походах, полагая, что не мечом истребляются заблуждения и нельзя утверждать веру среди угроз и неистовых бедствий войны, — спокойно ответил Сослан. — Она посылает нас к Саладину, дабы закончить переговоры с ним и установить мир и дружбу между Иверией и Дамаском.

Исаак, как заметил Гагели, быстро переглянулся с Лазарисом, затем перевел взгляд на Мурзуфла и тотчас же прекратил беседу с Сосланом. Видимо, он чего-то испугался и впал в состояние раздумья и нерешительности, и, может быть, эта нерешительность избавила бы Сослана от многих неприятностей, если бы Мурзуфл вдруг круто не переменял тему разговора.

— Правду ли говорят у нас, что покойный Андроник являлся родственником вашей царицы, — задал он коварный вопрос Сослану, — и что отродье его, внуки, скрывшиеся во время мятежа, воспитываются при дворе вашей царицы?

Этот вопрос таил в себе большое ехидство и сильно обеспокоил Сослана. Гагели побледнел и едва сохранил присутствие духа, видя, как Исаак возгорелся яростью от слов Мурзуфла, приподнялся на троне и, не сдерживаясь, воскликнул:

— Исчадие ада должно быть уничтожено! Мне была ниспослана помощь свыше низвергнуть с престола такого дьявола, каким был страшный и ненавистный всем Андроник! Об этом и хотелось мне поговорить с тобою!

Давид Сослан вспыхнул, затем краска на его лице сменилась бледностью. Он сразу понял, как и Гагели, почему Исаак вдруг принял так близко к сердцу его приезд в Константинополь и добивался с ним свидания. Теперь для Сослана было ясно, что Исаак трепетал перед молодыми Комненами, которые по достижении совершеннолетия могли предъявить свои права на византийский престол и, поддержанные иверской царицей, легко бы достигли своей цели. Одержимый страхом и злобой даже к тени погибшего Андроника, желая истребить память о нем, Исаак, подстрекаемый коварным Мурзуфлом, мог не выпустить Сослана из Константинополя. Быстро взвесив в уме все эти обстоятельства, Сослан, соблюдая осторожность, медленно произнес:

— Наша царица, как известно всему миру, славится своим милосердием. Единственно по своему человеколюбию и снисхождению она приютила несчастных сирот, воспитывая их, как верных чад церкви, в духе покорности Вашему величеству. Так что исчадие недостойного отца может явиться Вашим достойным верноподданным.

— Исчадие сатаны не будет моим верноподданным! — в ярости воскликнул Исаак. — Ибо от злого семени не порождается добро — только соблазн и смущение для народа!

— Вы забыли, государь, что внуки Андроника еще слишком малы, чтобы служить для кого-либо соблазном и смущением, — с достоинством ответил Сослан, — ведь хорошо известно: то, чему человек научен в детстве, он сохраняет до самого преклонного возраста, и нрав, ут-

вержденный в нем хорошим воспитанием, ограждает его от пороков. Царица прилагает все усилия, чтобы потомки Андроника выросли в добродетели и стали полезными для своего отечества.

Исаак опять как бы заколебался от слов Сослана, дышавших твердостью и искренностью, но Мурзуфл тотчас рассеял его сомнения ядовитым замечанием.

— До нас дошли слухи, что в вашей стране также обитает сын Андроника от нечестивой и развратной Феодоры и вовсе не в таком нежном возрасте, чтобы не поддаваться злым внушениям. Насколько нам известно, его намечали в женихи вашей царице, дабы упрочить за ней право на византийский престол. Ибо сей царевич, именуемый Алексеем Комненом, мнит себя законным преемником убитого Андроника и, по слухам, намеревается в ближайшем времени предъявить свои права на трон Византии.

При упоминании имени Алексея Комнена Исаак вздрогнул, взор его, исполненный любопытства и страха, устремился на Мурзуфла. Исаак знал о пребывании в Иверии внуков Андроника, но ему не было известно, где скрывался Алексей Комнен и был ли вообще жив, так как приближенные не хотели возбуждать императора против иверской царицы и вызвать столкновение между двумя странами. Между тем Мурзуфл своим открытием явно стремился разжечь страх и злобу императора и поразить его воображение тождеством имен сына Андроника и предсказанного кудесником будущего похитителя престола, некоего принца Алексея.

Исаак больше всего боялся Комненов, представителей старой династии, которая, несмотря на свои ошибки, почти на целое столетие обеспечила Византийской империи блестящее положение. Боязнь лишиться престола и быть умерщвленным, как Андроник, сразу изменила настроение Исаака. Никто из присутствующих вельмож не одобрял дерзкого обращения Мурзуфла с официальным представителем иверской царицы, но все молчали, понимая, что император находится под влиянием ловкого и коварного советника, и может в порыве злобы

нанести тяжкое оскорбление царевичу, и вызвать войну с Иверией. В зале наступило замешательство.

Сослан за один миг пережил больше, чем за все годы своих скитаний, так как там никто не угрожал его свободе, он мог беспрепятственно скитаться всюду, избирая для своего местопребывания любую страну. Исаак же, как он прекрасно теперь понимал, не только не выпустил бы его из Константинополя, но заключил бы в темницу и держал в заточении заложником до тех пор, пока царица в обмен не выдала бы ему Алексея Комнена и малолетних внуков Андроника.

Сослан больше не сомневался, что все это было заранее подготовлено его врагами, чтобы он никогда не вырвался из рук Исаака. Он не видел сидевшего сзади Гегели и не мог предупредить его об опасности. Хотя собственная участь казалась ему предрешенной, он решил защищаться до последних сил и не дать наложить на себя оковы. Он обратился к Мурзуфлу, так как считал его главным зачинщиком и подстрекателем императора, и смело заявил:

— Кто распространяет ложные слухи, что Алексей Комнен — жених иверской царицы и мнит завладеть византийским престолом, тому надо снести голову, дабы сей смутьян не распространял заведомой лжи и не вводил в заблуждение императора! Престол Иверии принадлежит мне как будущему мужу царицы Тамары! Никто, кроме меня, не отвечает за то, что делается у нас в царстве! Клянусь храмом Софии, что все слухи о Комнемах — ложь и никто в Иверии не думает посягать на Византийскую империю!

Давид произнес свои слова стоя и с такой внушительной силой, что Исаак сразу изменился. На лице его появилась любезная улыбка, и он сделал знак Мурзуфлу не вмешиваться в их беседу. Как Исаак ни ненавидел Комненов и как ни был готов на любую жестокость, чтобы расправиться со своими врагами, но все же он не решился открыто выступить против Сослана, объявившего себя будущим царем Иверии и ехавшего полномочным послом к Саладину. Он решил теперь действовать тайно, чтобы не вызвать нареканий со стороны вельмож

и духовенства, пользовавшихся щедротами иверской царицы, и не прослыть в народе тираном и злодеем, чего он больше всего опасался.

Исаак осведомился, сколько времени царевич думает пробыть в Константинополе, и когда узнал, что срок пребывания иверского посольства зависит от его императорского разрешения, успокоился, сделался еще более любезным. Он просил его погостить в столице и пригласил принять участие в празднествах, устраиваемых во дворце по случаю бракосочетания сестры Исаака с одним из знаменитейших крестоносцев — Конрадом, маркизом Монферратским.

Сослан много слышал про геройские подвиги Конрада и несколько удивился тому, что он женится на сестре Исаака, но поблагодарил последнего за любезность и выразил желание познакомиться с прославленным рыцарем Запада.

Казалось, напряженное чувство ненависти, владевшее императором и доводившее его до бешенства, несколько развеялось. Мурзуфл исчез, вслед за ним скрылся Лазарис. Исаак, оставшись один, начал жаловаться на крестоносцев, разорявших, по его мнению, Византию и доводивших империю до полного обнищания своими поборами и грабежами.

— Ваша царица ослепляет всех своей щедростью, и надо удивляться, откуда у нее такое богатство, что рука ее никогда не оскудевает, — с завистью добавил он. — Но чтобы царица не думала, что ее послу и нареченному жениху мы не оказали царских почестей, предлагаю вам своих телохранителей. Они будут всюду сопровождать вас и ограждать от всяких злоумышленников. Их особенно много развелось в городе с тех пор, как здесь основались латиняне!

— Я не боюсь злоумышленников и с юности привык обходиться без охраны, — ответил Сослан. — Сколько бы ни было нападающих, надеюсь, что они все будут отбиты с божьей помощью и ни один из них не уйдет от меня живым.

Спокойные слова Сослана, произнесенные без хвастовства и задора, внушили грекам чувство уважения и

почтения к невиданному богатырю, а у Исаака вызвали опасение, что Сослан может оказаться непобедимым при нападении, стража не будет в силах справиться с ним. Теперь он не спускал с царевича глаз, удивляясь его атлетическому сложению и в то же время решая вопрос, как ему тайно задержать иверского посланника, не прибегая к кровавому столкновению, которое кончится плачевно не только для слуг, но и для самого императора. Восстание в столице могло вспыхнуть по любому поводу; еще совсем недавно Конрад Монферратский подавил мятеж, который грозил свергнуть Исаака с престола. Эти соображения побудили его усилить любезность к гостю. Он обещал Сослану предоставить лучший корабль для отбытия в Азию, снабдить его грамотами и оказывать всяческое содействие, какое только понадобится иверскому посольству в сношениях с дамасским султаном. Они расстались внешне дружелюбно, но затаив про себя недоверие и враждебность друг к другу. Исаак взял с него слово, что он прибудет завтра на пир во дворец, обещая за это устроить его скорый отъезд в Палестину. Но как только Сослан, отвесив низкий поклон, отошел от трона, лицо Исаака резко изменилось. Он проводил его взглядом, не предвещавшим ничего доброго, велел немедленно позвать Мурзуфла и удалился с ним в свои уединенные покои.

Гагели, трепетавший за участь Сослана, не скрывая перед окружающими своего волнения, подошел к царевичу. Внешне спокойные, они вышли из дворца, не веря даже тому, что их никто не задерживал и Исаак не отдал приказ об их заточении. Они встретили Мелхиседека возле коней и хотели уже направиться в монастырь, как он тихо сказал им по-иверийски:

—Игумен повелел передать вам, чтобы вы не возвращались обратно. Мы спрятали золото в потайном месте, а сами перебрались на окраину города, куда нас послал игумен. Там у него верные люди, у них можно на время укрыться.

Они медленно поехали, показывая всем своим видом, что никого и ничего не боятся, готовы беспечно ездить по городу и осматривать памятники искусства. А между

тем сами продолжали тщательно обсуждать план, как им покинуть Константинополь, не навлекая на себя никаких подозрений.

— Если они открыли наше местопребывание в Студитском монастыре, — говорил Гагели, — то где бы мы ни спрятались, лазутчики Исаака все равно нас откроют.

— Мне лучше оставить вас, — посоветовал Мелхиседек. — Я буду издали следовать за вами, а то боюсь как бы они не застали нас врасплох и не вовлекли в засаду.

Друзья согласились с его мнением и только что хотели отпустить Мелхиседека, как их обогнали вооруженные всадники и скрылись по направлению к Студитской обители. Сослан и его спутники поняли, что им решили устроить засаду в монастыре, и сочли за лучшее немедленно скрыться. Увидев древнюю церковь Апостолов, служившую усыпальницей императоров, они соскочили с коней и условились с Мелхиседеком, где им встретиться ночью, когда минует опасность преследования. Затем тихонько прошли в пустой храм, решив переждать там до вечерней службы. Возле входной двери, у ящика, сидел одинокий монах, ничем не проявляя своего любопытства и внимания к их странному появлению. Они хотели расспросить его, когда здесь служит патриарх, чтобы в крайнем случае прибегнуть к его защите, как вдруг в церковь вошел рыцарь в шлеме, в броне зеленого цвета, как бы не замечая их, прошел вперед и остановился перед алтарем. Монах мгновенно очнулся и с удивлением посмотрел на зеленого рыцаря, который, очевидно, был знаком ему. Появление его в такой неурочный час в храме означало, что он выполнял какое-то серьезное поручение. Сослан и Гагели стояли в боковом приделе за колоннами, делая вид, что рассматривают мозаичные изображения на стенах, блестящих золотом и лазурью. Гагели прошептал чуть слышно:

— Если он посланец Исаака — мы пропали. Или придется убрать его с дороги.

— Стой спокойно! — ответил шепотом Давид. — Подождем, пока он уйдет.

Между тем безмолвие в церкви вдруг сразу наруши-

лось. С воплем вбежала молодая, красивая, но очень бедно и неряшливо одетая женщина и, бросившись к иконе Богородицы, громко зарыдала. Она лежала на полу, громко и отчаянно всхлипывала, видимо, не думая ни о чем, кроме своего горя, и ожидая помощи свыше.

— Она пришла сюда излить свою скорбь, — движимый участием подумал Давид, — если это потеря любимого человека — мы вознаградить ее не можем; если нужда, — он обернулся к Гагели и прошептал, — брось ей несколько монет! Золото скорее осушит ее слезы, чем наши слова и утешения.

Гагели понял, чего хотел Давид. Совсем неслышно он приблизился к плачущей и бросил на пол несколько монет. Рыдания сразу прекратились. Женщина схватила монеты, подняла глаза, как бы желая увидеть своего благодетеля, но кругом никого не было, так как Гагели исчез за колоннами. Женщина быстро спрятала золото и с плачем повернулась ниц, чтобы поблагодарить за ниспосланное чудо, в это мгновение она услышала злобный окрик:

— Уйди вон, бесстыдная тварь!

Она вскочила в страхе и, увидев перед собой зеленого рыцаря, громко крикнула:

— Собака! Что тебе нужно? Мало тебе со своим императором обирать нас, нищих, и гоняться...

Она не кончила, как он схватил ее за руку и поволок из церкви; женщина визжала, желая собрать криком толпу возле церкви. Давид хотел броситься за ними, чтобы вырвать женщину из рук обидчика, но Гагели остановил его:

— Время ли думать о ней, когда по всему видно, что мы окружены лазутчиками. Она защитит себя лучше нас!

Они выглянули в притвор и увидели, что женщина весьма успешно отбилась и вырвалась из рук зеленого рыцаря. Однако она продолжала неистово кричать и призывать на помощь, видимо желая наказать своего обидчика, который требовал, чтобы она замолчала. На шум собирался народ; крики и возмущение нарастали, испуганный монах быстро запер церковные двери, боясь, что начнется драка и разъяренная толпа ворвется в церковь.

Воспользовавшись этим благоприятным обстоятельством, Давид подошел к монаху и дал ему золото на церковные нужды.

— Мы из Иверии, слышал ли ты про иверскую царицу?

— Кто про нее не слышал? — быстро и радушно ответил монах. — Иверская царица хорошо известна патриарху и всем монастырям. Недавно мы получили от нее щедрое пожертвование.

— Мы посланники иверской царицы. Нам надо скрыться от врагов. Скажи, кто был этот зеленый рыцарь?

— Начальник стражи императора Исаака. По жестокости разве только дьявол превзойдет его! — с возмущением произнес монах. — Он преследует бедных людей и бросает невинных в темницу. Что я могу сделать для вас?

— Можешь ли ты вывести нас из церкви каким-нибудь тайным ходом, чтобы нам не попасться начальнику стражи на глаза?

Монах охотно согласился исполнить просьбу Сослана. Не отпирая закрытых дверей, он решил на некоторое время отлучиться со своего поста для выполнения такого важного поручения. Он взял с собой факелы и провел их тайным ходом в усыпальницу, сооруженную при храме, где стояли порфиновые саркофаги патриархов и императоров, начиная с Константина Великого. Из усыпальницы они вышли во внутренний двор, окруженный высокими стенами, где росли кипарисы и платаны. Здесь было пусто. Издали едва слышно доносился шум города. Монах провел их в конец двора, зажег факелы и открыл люк, скрытый под платаном. Они стали спускаться вниз по крутой каменной лестнице в какое-то глубокое подземелье. Затем долго шли узким, но высоким коридором, пока, наконец, не вступили в обширный зал. Часть помещения была залита водой, и Сослан догадался, что это был акведук — одно из древнейших водопроводных сооружений Константинополя римской эпохи. Он успокоился, поняв, что монах избрал верный путь, желая вывести их под землей на другую улицу и скрыть от зеленого рыцаря, который, наверное, находился поблизости от храма.

Они поднялись наверх, дневной свет слился с красноватым отблеском факелов, и монах быстро затушил их, сказав, что уже пришли к выходу. Сослан щедро одарил монаха за помощь.

Монах поблагодарил их и сказал:

— Постарайтесь выйти из столицы Златыми воротами, там вы не встретите стражи. На пути будет обитель св. Стефана, где в случае опасности вы сможете укрыться. Но к патриарху не показывайтесь, знайте, что он — исполнитель воли Исаака и немедленно выдаст вас императору. Мир да будет с вами!

Сослан и Гагели вышли на улицу, где начинался большой базар. Теперь они были совсем на другой стороне, так что преследователи их даже при хорошем знании города не могли бы угадать, куда они внезапно исчезли. Базар, на котором торговали товарами со всех стран света, состоял из многочисленных складов, галерей и помещений. Здесь бойко вели свои дела греки, персы, немцы, венецианцы, пизане, мешая наречия, зазывая покупателей и показывая товары, какими могли похвалиться в одинаковой степени как жители Запада, так и Востока.

Гагели с удовольствием приметил, что в лабиринте полутемных помещений, среди многообразного и шумного людского потока они могли безопасно пробить до самого вечера, не боясь быть узванными или схваченными подосланной императорской стражей.

— Многие я видел во время своих путешествий по свету, но нигде не встречал, чтобы злоумышленники пользовались такой свободой и почетом, как в Византии, — произнес Гагели, когда они сели, наконец, закупить в лавочке грека.

— Верно сказал вчера Мурзуфл, хотя и превзошел всех по своему лукавству, что «тиран есть враг всего человечества». А видали вы, как он старался угодить Исааку, хотя на ипподроме произносил против него речи — дерзкие и громовые? Трудно сказать, кто из них превзошел другого в лживости и лицемерии! Я слышал, как кто-то из вельмож назвал Мурзуфла скорпионом, уязвляющим не головой, а хвостом. Он хочет вовлечь

Исаака в темное дело, а затем поднять восстание в народе. Греки больше всего боятся новой брани и предпочтут сменить своего самодержца, чем воевать с Иверией. Тонкий расчет, вполне достойный его вероломства и жестокосердия! Мурзуфл получит престол, а мы сделаемся игрушкой в руках хитрого честолюбца.

— Он опаснее, чем Исаак, — согласился Сослан, представляя себе, как Мурзуфл будет возбуждать малодушного императора против них. — Сегодня же в ночь мы должны покинуть столицу, иначе нас не спасут никакие убежища и предосторожности. До завтрашнего дня Исаак будет ждать нас, а когда увидит, что мы обманули его и не пришли, он примет все меры, чтобы схватить нас и заточить в темницу. В нашем распоряжении осталась одна ночь!

По взволнованному голосу Сослана Гегели понял, что он меньше всего имел желание сделаться сейчас узником Исаака. Плен в Византии, сокрушаемой смутами, означал—быть заживо погребенным в темнице и навсегда лишиться надежды вернуться на родину.

Охваченные тревогой, они сидели в жалкой харчевне. Когда стемнело и они вышли на галерею базара, по которой сновал тот же нескончаемый человеческий поток, чья-то фигура показалась из соседнего помещения и последовала за ними. Они не успели еще выйти из полутемного лабиринта, как возле них послышались шаги, кто-то по-иверийски прошептал:

— Вы открыты. Спасайтесь, пока не поздно! Вокруг базара расставлена стража! — и тотчас же фигура исчезла во мраке, не дав возможности определить друзьям, кто предупреждал их об опасности. Сослан и Гегели переглянулись молча, как бы говоря один другому: «Мы все равно погибли. Надо пробиться силою, чего бы это ни стоило».

Они схватились за мечи и, исполненные неустрашимой отваги и решимости, смело пошли вперед.

— Не укрываться надо было, а наступать, — проговорил в негодовании Сослан, — ибо наступающие побеждают, а отступающие гибнут!

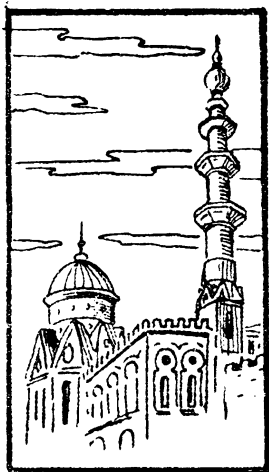

ЧАСТЬ
ВТОРАЯ,

ГЛАВА I

Двор царицы Тамары в полном составе, по заведенному обычаю, проводил время на охоте в Гегути. Сама царица на этот раз покинула охотничий замок и непрерывно была в разъездах. Прежде всего она смотрела недавно выстроенные крепости, знакомясь с тем, как поставлена оборона на границах, проверила деятельность эриставов, которые самостоятельно управляли обширными областями и, как говорил Чиабер, хотели иметь свои ополчения. Затем посетила высшую школу в Икалто, откуда воспитанники направлялись для дальнейшего образования в Византию, присутствовала при закладке новых дворцов и монастырей. Особое внимание царица уделила проведению каналов для орошения Ширакской и Караязской степей и постройке новых кораблей.

Приморские города Иверии вели оживленную торговлю с венецианскими и генуэзскими купцами, которые проникали с товарами на побережье Черного моря и обосновывались здесь со своими факториями, завязывая теснейшие связи с соседними странами. Тамара не только не препятствовала проникновению в Иверию инозем-

ных купцов, но прилагала большие старания к развитию морской торговли, особенно с городами Италии и южной Франции, зная, что это будет иметь большое значение для укрепления мощи Иверии. Через города проходили большие караваны с товарами на Восток, а оттуда доставляли всевозможные изделия, шелковые ткани и драгоценные камни, особенно из Индии. Везде были караван-сарай, которые были местом остановок и крупных торговых сделок. Жизнь сельского населения представляла более однообразную и жалкую картину. Уединенно и гордо возвышались на горах замки-крепости крупных феодалов, а на склонах гор, в ущельях, лепились небольшие селения крестьян, находившихся в полной зависимости от князей, распорядившихся их жизнью, имуществом и свободой по своему усмотрению.

Царица Тамара впервые за время управления Иверией получила возможность ближе ознакомиться с жизнью народа. Отягощенные налогами крестьяне, помимо оброка, во время войны обязаны были еще выставлять ополчение и нести военные расходы. Пользуясь случаем излить свои жалобы и нужды царице, многие обращались к ней с просьбой, чтобы она передала их монастырям со всем имуществом и дворами или перевела на положение торговых людей, чтобы они могли выйти, наконец, из рабского состояния и жить свободно.

Как ни справедливы были их требования и нарекания на тяжелую участь, царица Тамара при всем желании не могла исполнить ни одной просьбы, так как владельцы поместий строго запрещали крестьянам уходить и оставлять земли. Этих прав, утвержденных веками, никто не мог отнять, и царская власть до сих пор на них не посягала.

Проезжая через обширное поместье князя Сурамели, крупнейшего владельца и влиятельного эристава, Тамара сделала остановку, и князь устроил в честь царицы торжественный прием. Роскошный дворец Сурамели еще более оттенял в глазах Тамары нищету, убожество и бедственное положение, в котором находились подвластные ему крестьяне. Во время пира царица обратила внимание на богатейшее убранство стола, за которым сиде-

ли гости: чаши и кубки были украшены бирюзой и рубинами, рога диких зверей, из которых пили вино, были отделаны, как самые дорогие вазы, все блестело золотом, драгоценными камнями и освещалось факелами, которые придавали всему помещению необычайно торжественный вид.

Тамара еще ни разу не была в загородном поместье среди такого многолюдного собрания именитых князей и рассудила, что ей нужно установить с ними добрые отношения и заставить повиноваться ей как царице.

— Давно я хотела побеседовать с вами о ваших делах, — начала она, — услышать также о ваших нуждах и требованиях и я желаю, чтобы вы служили мне опорой и помогли утвердить в стране начало справедливости и порядка.

Гости дружно выразили Тамаре чувства преданности и благодарности за сердечное обращение к ним, восхищались ее мудрым правлением, но Сурамели решил, не нарушая правил гостеприимства, испросить у царицы защиты своих прав как владельца:

— Не могу позволить себе прекословить распоряжениям Вашего величества, — произнес он почтительно, — но одно обстоятельство заставляет меня просить у Вас милости. Тамара с удивлением посмотрела на князя. Он продолжал:

— Вашему величеству угодно было издать указ, по которому провинившимся перед своим владельцем поселянам разрешается принять пострижение в монастырь и работать там на послушании без согласия хозяина. Этот указ лишает нас права наказывать преступников, а крестьянам дает свободу бросать землю и уходить в монастыри без нашего ведома. Я должен пожаловаться Вашему величеству на серьезное нарушение закона. У меня был такой случай: убежало более 15 человек крестьян, и я с трудом заставил их вернуться обратно на свои места. Но один из бежавших отказался повиноваться моему приказу и нашел себе приют в монастыре. Благодаря Вашему распоряжению, я не могу вернуть его обратно и распорядиться его судьбою. Нарушается веками установленный порядок, и мы теряем право производить суд

над виновными. Усердно прошу Ваше величество не давать свободы беглецам и преступникам, иначе расстроится вся наша жизнь!

Это звучало смело, почти дерзко, и в зале наступила тишина. Тамара тотчас догадалась, о ком говорил Сурамели, и хотела сказать ему, что ей известен этот случай так же, как и его расправа с населением, из-за чего несчастный беглец потерял все имущество и скрылся, спасая свою жизнь. Но, благоразумно взвесив все обстоятельства, Тамара решила, что в данной обстановке нельзя изобличать князя в жестокости и открыто защищать свой указ. Тогда присутствующие владельцы восстали бы против нее и стали бы требовать отмены распоряжения о крестьянах-беглецах. Момент для Тамары был очень серьезный и опасный. Если бы она решила уступить Сурамели, то ее правам царицы был бы нанесен огромный ущерб, и эриставы перестали бы считаться с ее распоряжением. Не столько человеколюбие, сколько государственные соображения заставляли сейчас Тамару искать достойного ответа Сурамели, чтоб этим ответом поднять, с одной стороны, престиж царской власти и, с другой — положить конец чрезмерным злоупотреблениям князей по отношению к крепостному населению.

Гости выжидательно молчали, они не хотели ссориться с царицей, на которую никто из них не имел оснований жаловаться. Тамара прекрасно понимала, что сейчас, на этом пиру решался очень важный вопрос: подчинится князь ее власти или она должна будет признать власть эриставов и прекратить борьбу с ними? После долгого молчания Тамара ответила мягко, но властно и непоколебимо:

— Вам известно, князь, что, приняв престол, я с божьей помощью старалась всюду насаждать справедливость и сохранять божественные законы. Помня, что наш Спаситель принял покаяние разбойника на кресте, я издала указ, чтобы раскаявшиеся преступники могли честной жизнью в монастыре искупить свою вину и спасти душу. Наравне со справедливостью нельзя забывать о милосердии. Поэтому я обращаюсь к вам, как к братьям, и прошу вас: подадим друг другу руку помощи

в разумном управлении страной. Не будем притеснять бедных, отягощать крестьян налогами. Пусть наше отечество славится делами милосердия и добродетели!

Сурамели про себя подумал, что царица меньше всего заботилась сейчас о спасении души и добродетели, но умело и искусно воспользовалась этим благородным предложением.

Гости единодушно отозвались на призыв царицы, восхваляя ее милосердие и щедроты. Сурамели, подчиняясь общему решению, не стал прекословить и возражать, молча поклонился в знак согласия, но решил действовать по-своему и рано или поздно найти способ справиться с непокорным крестьянином.

Тамара рассудила, что она добилась некоторой уступки со стороны князей, но что больше нельзя настаивать на каком-либо изменении существующих порядков и устоев, милостиво простилась со всеми и уехала.

Так вскрылось глубокое, почти непримиримое расхождение между феодальными кругами, занятыми получением личных льгот и преимуществ, и царицей, стремившейся к централизации власти и единству Иверии.

В то время, как Тамара путешествовала и знакомилась со своими противниками, Юрий терпеливо ждал ее возвращения, решая неотвязный вопрос: что ему делать дальше и как устраивать жизнь?

Роман ясно видел, что царица уклоняется от брака с русским князем, и хотел только одного, чтоб Юрий как можно скорее уехал из Иверии.

— Негоже тебе, князь, кланяться вельможам и ждать милости. Ты у них — не в услужении, уедем отсюда, пока не поздно!

— Уехать никогда не поздно, — возражал Юрий, — но надо с честью уехать, а не с бесчестьем.

Однако слова Романа он запомнил и при первом же свидании с Абуласаном заявил, что хочет покинуть Иверию, не дождавшись царицы.

— Не волнуйтесь, князь, — решительно произнес Абуласан, прекрасно понимавший, что беспокоило Юрия, — мы хорошо знаем, что делается в Константинополе и Палестине. Оттуда царевич едва ли вернется. В са-

мом скором времени мы разрешим Ваши сомнения и Вы будете царем Иверии!

Это категорическое заявление сразу ободрило Юрия, и он больше не стал беспокоиться.

Когда Тамара вернулась в столицу, Микель с согласия военачальников и вельмож потребовал, чтобы царица больше не откладывала своего решения, так как русский князь может обидеться и навсегда покинуть Иверию.

Давид Сослан, который должен был прислать гонца из Константинополя, между тем не давал знать о себе; посилились темные слухи, что он бесследно исчез в пути вместе со своими спутниками. Но однажды вечером в Исани явился один знатный ивериец, по фамилии Донаури, и через Астар передал Тамаре, что он только что прибыл из Константинополя и должен по важному делу видеть царицу. Его немедленно провели в царские покои. С глубокой печалью он поведал Тамаре о всем виденном и слышанном им в Константинополе. Не утаивая ничего, он раскрыл все козни Абуласана и Врданидзе, имевших сношение с любимцем Исаака Мурзуфлом. Сообщил также о волнениях в Константинополе, боязни Исаака быть свергнутым с престола Алексеем Комненом и подробно рассказал о преследовании Сослана и Гагели, закончившемся побоищем возле большого базара.

— Я узнал об их приезде в Константинополь и в тот же день, как им предстояло свидание с императором, — повествовал Донаури, — один из доверенных лиц Абуласана предупредил меня, что Исаак намерен захватить царевича заложником и требовать в обмен на него Комненов. Я бросился ко дворцу, но было поздно. Император, видимо, не решился схватить царевича явно и, выпустив его с Гагели из дворца, послал вслед за ними погоню. Возле церкви Апостолов мне сказали, что начальник царской охраны поскакал с отрядом телохранителей к большому базару, и я поспешил туда. Время было позднее, я долго искал царевича и Гагели по всем складам и помещениям и случайно увидел, как они выходили из харчевни. Остерегаясь лазутчиков, я еле ус-

пел предупредить их, что они открыты и им угрожает опасность. Издали незаметно я следовал за царевичем и Гагели, чтобы видеть, что будет дальше. Я думал, что они скроются между строениями и не выйдут на улицу. Но, к удивлению моему, они прямо направились к выходу, и я пошел вслед за ними. У входа стояла вооруженная стража, очевидно, не ожидавшая, что царевич осмелится вступить с ней в открытый бой, намереваясь задержать его без всякого сопротивления. Царевич врезался в толпу врагов, как коршун в стаю голубей. Завязался рукопашный бой. Я видел, как царевич с Гагели пробивались вперед, вокруг сбежался народ; я ринулся к ним на помощь, но меня быстро смяли и ранили в руку. Затем началась такая драка между стражей и народом, что я потерял царевича и Гагели из вида и ничего больше не знаю. Одни потом говорили в народе, что видели, как начальник стражи в зеленой броне с конницей пересек им дорогу и схватил их. Другие, напротив, уверяли, что они отбились от начальника и им будто бы удалось бежать и скрыться. Но я полагаю, что Мурзуфл, руководивший поимкой царевича Сослана, никогда бы не выпустил его из своих рук. Ему с Гагели больше ничего не оставалось делать, как сдаться.

Тамара выслушала печальное сообщение Донаури. Она подумала, что если бы Сослан спасся от своих преследователей, то прислал бы ей весть о событиях, бывших в Константинополе, и о своем дальнейшем путешествии в Палестину. Отсутствие вестей от него означало, что он был лишен свободы и отрезан от общения с внешним миром. Но в то же время, по рассказам Донаури, она уяснила себе политическую обстановку в Константинополе и поняла, что не в расчетах Исаака было предавать смерти иверского царевича, через которого он мог надеяться получить в свою власть злополучных Комненов. Напротив, ему было выгодно держать Сослана заложником в темнице, чтобы начать переговоры об условиях выдачи Комненов. И она приняла твердое решение — обождать, пока Исаак обратится к ней с требованием относительно обмена, и тогда немедленно выступить с войсками, занять все погранич-

ные с Византией области и начать войну против вероломного императора.

Тамара отпустила Донаури, наградив его за верность Сослану, и немедленно вызвала к себе амир-спасалара—главнокомандующего Мхаргрдзели, чтобы поручить ему привести войска в боевую готовность и разработать план выступления на Византию со стороны Трапезунда.

Захария Мхаргрдзели был человек испытанный в верности и храбрости; он печально взирал на неравную борьбу царицы с придворными кругами, зная, что в своем сопротивлении Юрию она не находила опоры ни среди духовенства, подвластного Микелю, ни среди военачальников, разделявших стремления влиятельных князей. И он понимал, что как бы ни хотела царица избежать брака с русским князем и как бы ни откладывала своего решения, рано или поздно ей придется уступить настояниям патриарха, которого поддерживали также Русудан и сторонники самой царицы.

Поэтому он с сожалением выслушал сообщение о судьбе Сослана в Константинополе и о ее намерении воевать с Исааком.

— О, великая царица! — с грустью произнес Захария. — Кто заставит наших князей, объятых ненавистью к царевичу Сослану, воевать против Византии? Не будут ли они втайне сочувствовать Исааку, который избавил их от противника, с коим они сами не могли справиться? Надо, чтобы у него нашелся иной защитник, помимо Вас, обладающий властью, который не стал бы считаться с происками князей и эриставов, а единодержавно распоряжался бы судьбой Иверии. О, милостивая царица, выслушайте совет верного раба Вашего! Дайте согласие русскому князю, и он из любви к Вам подаст помощь царевичу в столь великом злополучии. Князь Юрий, клянусь Вам своей верностью, приведет Ваших врагов к полной покорности и заставит их не только пойти войной против Византии, но и выполнить все, что Вы найдете нужным для спасения царевича Сослана.

Тамара терпеливо выслушала доводы Мхаргрдзели, не стала возражать ему и настаивать на выполнении своих требований. Она быстро отпустила его и скрылась

в дальних покоях, чтобы предаться размышлениям и молитве. Она считала себя виновной в непростительной оплошности и неосторожности, отправив Давида в Палестину через Константинополь, и поэтому не могла никому жаловаться, просить помощи и совета. Ее любимая тетка Русудан, напуганная исчезновением Сослана, не только не разделяла ее горя, но настойчиво умоляла царицу, чтобы она не колебалась и скорее выходила замуж за Юрия. Одна только верная Астар неотлучно находилась при ней и проливала горькие слезы о пропавшем царевиче.

Глубокая тишина стояла в безлюдных покоях. Здесь еще недавно Тамара клялась Сослану, что не будет ничьей женой, кроме него, и что никакие угрозы и страдания не заставят ее нарушить клятву и изменить любимому. Однако ни душевная мука, ни тоска о печальной участи, постигшей Сослана, не заслоняли перед Тамарой ее обязанностей перед своим отечеством, которое она любила не меньше, чем Сослана, и которое призвана была оберегать от всяких бурь и потрясений.

Всю ночь она провела в мучительной борьбе сама с собою, в сердечных терзаниях, отчаянных колебаниях и неутешной скорби. Только под утро успокоилась и приняла решение, которому суждено было впоследствии необычайностью ошеломить врагов, подвергнуть ее многим испытаниям и обречь Юрия на великие страдания. Она позвала Астар и тихим голосом, едва слышно, проговорила:

— Иди к Русудан и скажи ей, что роза покрылась снегом и цвет ее опал. Пусть передает патриарху, что я согласна выйти замуж за русского князя.

Астар задрожала, стала жалобно причитать:

— Зачем смерть забыла меня? Зачем суждено мне сносить такое несчастье? Солнце скрылось для меня навсегда и я обречена проливать слезы, ни в чем не видеть улады.

Тамара переждала, пока кончится поток слез, и тихо остановила ее:

— То, чего ты не понимаешь теперь, уразумеешь после. Не утруждай меня своими слезами и помни: пока

я живу, я буду любить и принадлежать моему другу. Иди и исполняй мою волю!

— О, моя повелительница!—упала перед ней на колени Астар. — От печали я лишилась сердца, а человек, лишенный сердца, не может быть человеком. Прости неразумную!—она поднялась и ушла с верой в то, что царица знает больше ее и сможет исполнить обещанное.

К вечеру Тамара вызвала князя Юрия, который уже был оповещен Абуласаном о согласии царицы. Он вошел к ней с трепетным сердцем, исполненный надежды, но в то же время застенчивый и робкий, так как до него дошла весть об исчезновении Сослана в Константинополе и о заточении его в темницу. Он даже не ожидал, что царица в такое скорбное время изъявит согласие на брак, боясь оскорбить ее неосторожным словом, старался быть сдержанным и проявлять только безграничную преданность и покорность.

Тамара приняла его с небывалой сухостью и важностью. Она была так опечалена, что Юрием овладело раскаяние за свою радость. Он в безмолвии склонился пред нею, не зная, что сказать. Вероятно, скромность Юрия понравилась Тамаре, так как она уже более любезно попросила его встать и сесть рядом с нею.

— Поведайте мне, царица, что Вас угнетает, чем можно исцелить Вас? — вдруг с неудержимым чувством произнес Юрий, не будучи в силах сохранить привычную рассудительность и теряясь перед неожиданным поворотом в своей жизни. — Нет такого злополучия, где не могла бы помочь дружба, исполненная единственного желания — видеть Вас счастливой! Ваша печаль терзает мою душу и заставляет проклинать жизнь, приносящую Вам столько огорчений!

Не было ни в словах, ни в тоне, ни в обращении Юрия оскорбительной и навязчивой страсти. Только глубокая нежность светилась в его глазах и голос немного дрожал от волнения и боязни разгневать царицу нескромными проявлениями любви и заслужить ее презрение и гнев.

— Я призвала Вас, князь, чтобы сказать Вам истину, раскрыть будущее, которое Вас ожидает, если Вы приме-

те мое согласие, — начала Тамара, ничуть не смягчая своих слов и надеясь резкостью отвратить его от желания соединиться с нею. — По настоянию моих подданных, которые хотят видеть Вас царем Иверии, я согласна царствовать вместе с Вами. Полагаю, что Вы оправдаете наше доверие и будете храбро защищать от врагов нашу родину. Но я Вам раньше говорила, князь, и теперь повторяю, что я дала клятву царевичу Сослану быть его женой, и своей клятвы не нарушу. Напоминаю Вам об этом в последний раз, дабы Вы не питали надежд, каким не суждено осуществиться в жизни!

«Вы связаны клятвой до тех пор, пока жив царевич Сослан, а если его нет в живых, тогда Вы свободны от своей клятвы», — хотел возразить Юрий, но он не посмел сказать ей то, что думал, так как недостойно было говорить о возможной гибели царевича и напоминать ей об этой ужасной утрате. И он произнес совсем другое:

— Разрешите, о царица, сказать Вам, что нет такой любви на свете, какая не была бы соединена с надеждой. Если моим надеждам не суждено сбыться и жизнь не дарует мне того, чего я ждал от нее, то смерть из-за любимой будет мне отрадой. Легче мне умереть, чем расстаться с Вами! Но зная, что Вы удручены печалью, я не смею простирать далеко дерзновенные помыслы и прошу Вас об одном: доверьтесь мне, и Вы будете иметь друга, который укрепит царство и... — Он остановился, как бы ища самого сильного довода, чтобы убедить царицу и прекратить ее сомнения, и решительно закончил, — будете иметь человека, который поможет Вам отомстить всем Вашим недругам, ищущим гибели царевича Сослана!

Юрий, не ведая сам, нашел слова, определившие окончательно его брак с Тамарой. Она наклонила голову, как бы благодарая за дружеское участие и готовность помочь Сослану, и больше не стала говорить об этом. Она задала ему несколько вопросов о его боевых походах и воинских подвигах и вскользь промолвила, что ему предстоит в ближайшем времени сразиться с врагами отечества.

— О, преславная царица! — воскликнул Юрий. — Я

чувствую себя как во сне. Жалкая слабость овладела мною, я умирал от тоски, но милость, которую я услышал от Вас, осветила мне жизнь. Я готов кинуться в самую жаркую битву, дабы прославить Вас и Иверию бранными подвигами!

Тамара отпустила князя милостиво, примирившись с ним из-за его скромности и покорности; Юрий же ушел от нее, воспрянувший духом, так как был уверен, что царице не придется сдержать своей клятвы, и она в скором времени делается свободной.

Юрий хорошо знал нравы византийского двора и не сомневался, что Исаак не выпустит царевича из темницы, и тому придется быть в заточении до нового государственного переворота — свержения императора. Юрий был настолько ослеплен любовью к царице, что крайне легкомысленно отнесся к ее предупреждению, полагая, что, когда они повенчаются, он сумеет склонить Тамару быть его женой, и она не сможет долго противиться его чувству.

Весть о предстоящем браке царицы с русским князем быстрее молнии разнеслась по всей столице. Больше всех торжествовали Абуласан и его приверженцы. Планы и расчеты их полностью оправдались и привели к желаемой цели. Они допросили Донаури о разыгравшихся событиях в Константинополе и, еще не имея от своих посланных подробного извещения, вполне доверились его сообщению. Все знали, что Донаури был сторонником Сослана и не стал бы распространять по Иверии ложных слухов о его гибели.

Один Микель не разделял радости Абуласана. Вместе с предполагаемой гибелью Сослана у него отпадала всякая надежда на приобретение древа креста у Саладина. Втайне он негодовал на себя, что послушался Абуласана и настоял перед царицей на поездке Давида в Константинополь. Но эти запоздалые сокрушения отнюдь не изменили его решения относительно замужества Тамары, вместе с Абуласаном он горячо приветствовал ее согласие и начал пышные приготовления к свадебным празднествам и коронации Юрия.

Бесчисленные милости дождем посыпались на насе-

ление. Бедные получили щедрые подаяния, церкви были обогащены золотом и драгоценными камнями, и все это делалось для того, чтобы увеличить славу русского князя, снискать ему любовь и уважение в народе и заставить всех забыть про Сослана.

Возведение Юрия на царство произошло в Сионском соборе со всей торжественностью греческих обрядов. Полководцы и вельможи, по византийскому образцу, подняли на щит князя Юрия и внесли его в Сионский собор.

Юрий воссел на золотом престоле, украшенном рубинами и алмазами, по правую руку Тамары: епископы облачили его в царскую одежду, перепоясали мечом, а Микель возложил на него золотой венец и дал в руки скипетр. Получив эти знаки царского достоинства, Юрий невольно перенесся мыслями на русскую землю, где еще ни один князь после Мономаха не короновался на царство, не облачался в порфиру. Он первый из всех русских князей был наименован «августейшим» царем, державным повелителем семи царств, раскинувшихся между странами Запада и Востока. Впервые также русский князь утверждался царем в иноземной стране и становился равным византийским императорам не только по внешнему блеску и силе, но и по влиянию на всю восточную политику. От волнения он едва слышал, как хор певчих пропел величание. Микель, став перед алтарем, громко возгласил сначала по-гречески, потом по-иверийски: «Он достоин царствования!». Затем началось венчание Юрия с Тамарой. Среди придворных было нескрываемое ликование, но простой народ, несмотря на обильные милости, хранил угрюмое и недовольное молчание. Печальный вид царицы внушал всем жалость и ясно говорил, что повелительница Иверии оказалась в плену у своих недоброжелателей, стремившихся как можно скорей лишить ее свободы и сковать брачными узами.

Юрий находился в самозабвении от счастья соединения с Тамарой и от мысли, что скоро будет управлять обширным царством, решать государственные дела, воевать, прославлять царицу воинскими подвигами и под-

держивать отношения с Киевской Русью в укор своему гонителю, князю Всеволоду.

Во время свадебного пира в Метехском замке царица хотя и казалась спокойной, но улыбка ни разу не осветила ее лица, и никто из присутствующих не был удостоен ее внимания. Она с молчаливым безразличием относилась к веселью пирующих, давая понять Микелю и Абуласану, что этот брак по принуждению ни ей, ни им не принесет счастья. Она только искала предлога, чтобы незаметно удалиться из зала, как вдруг появилась Астар и, остановившись возле дверей, знаками показала, что ей нужно передать царице известие чрезвычайной важности.

Ссылаясь на усталость, Тамара тотчас же покинула пиршество и скрылась в дальних покоях. Астар доложила ей, что явился гонец из Константинополя с каким-то тайным поручением, которое он не может открыть никому, кроме царицы.

Тамара велела немедленно привести его к себе и приказала Астар не отходить от дверей и никого не впускать к ней во время беседы. В царские покои вошел воин, закованный в латы, сухощавый, но очень ловкий и проворный в движениях, преклонив колена перед царицей, молча вынул спрятанное под кольчугой письмо и подал ей.

Тамара никогда в жизни не знала страха, с одинаковым мужеством относясь как к серьезным испытаниям, грозящим смертью, так и неожиданным поворотам судьбы, приносившим с собою славу и счастье. Но теперь впервые ее объял трепет перед неизвестностью и она долго не решалась открыть письмо, боясь прочитать в нем роковое известие о гибели Сослана. Она тихо спросила воина, кем он послан и почему он никого не хотел видеть, кроме царицы? Воин оказался фракийцем и коротко объяснил, что письмо он получил в Константинополе на большом базаре от какого-то важного, но неизвестного ему лица, которое поручило ему немедленно ехать в Иверию и передать письмо в руки самой царицы.

— Мне было приказано, — добавил он на ломаном иверийском наречии, — ни с кем не говорить в дороге,

никого ни о чем не спрашивать, а найти во дворце рабыню Астар и через нее просить свидания с царицей.

Упоминание об Астар успокоило Тамару, так как никто из врагов Сослана в Константинополе не зная про ее верную рабыню и послать гонца к ней могли только сам Давид или Гагели. Она уже уверенее сорвала печать и начала читать письмо. Ее черные глаза попеременно выражали то чувство жалости и тревоги, то неизъяснимую радость, то грусть. Послание состояло из любовных признаний, но подобранных так искусно и осторожно, что в них выражалось не только нежное чувство, но и сообщалось о том, что произошло с ним за последнее время:

— О, моя возлюбленная! — писал Сослан. — Солнце делает невидимыми планеты, а ты сделала меня невидимым для врагов, которые искали души моей и в гибели моей полагали свое спасение. Судьба даровала мне жизнь, отныне я больше не стану жаловаться на судьбу и буду верить в ее покровительство. Помни, сколько бы страданий ни налегло на меня и какое бы горе ни угнетало мою душу, я сохраню мужество и никогда не забуду твоей клятвы. Сходя с ума из-за любви к тебе, я буду стремиться к подвигам, превышающим человеческий разум. Будь уверена, что твой князь вернется к тебе с залогом счастья, и враги наши будут побеждены. Жди моего прибытия после того, как я совершу наше дело, и пусть солнце превратится в тьму, если я не сдержу данного слова! Ты душу мою зажгла огнем, который никогда не погаснет. Красота твоя, подобная звездам, освещает мне путь в жизни, и я горю в пламени, стремясь соединиться с той, подобно которой нет на свете! Твой верный витязь никогда не погибнет, если ты ему не изменишь. Помни свою клятву и жди моего возвращения!

На этом письмо обрывалось, так как Сослан, видимо, торопился отправить его, а внизу стояла коротенькая приписка: «Если посланный останется жив и дойдет до тебя, щедро одари его и пришли известие».

Тамара несколько раз перечитала письмо, радуясь, удивляясь и восхищаясь мыслью, что Давид жив, и в то

же время бесконечно скорбя, что вынуждена была покориться врагам и выйти замуж за Юрия. Стремясь узнать еще что-либо о судьбе Сослана и где он скрывался, она спросила фракийца, где он его видел, но не получила ответа. Тамара поняла, что фракиец ничего не знал, ему преднамеренно ничего не сообщили. Если бы по дороге его случайно схватили лазутчики Исаака, то он никак не мог бы проговориться, от кого письмо и где находится Сослан со своими спутниками. Подобная осторожность и крайняя расчетливость в действиях приоткрыли царице, какие опасности угрожали ее другу и как верно охранял его Гагели, избегая всякого общения с посторонними людьми, которые вольно или невольно могли оказаться предателями и изменниками.

Обещав фракийцу щедрую награду, Тамара поручила Астар позаботиться о нем и, отпустив их, еще раз перечитала письмо. В покои поспешно вошла Русудан и, подняв руки, бросилась к ней.

— Душа моя! Зачем ты покинула нас? Что случилось? Точно копье пронзило мое сердце! Я нигде не нахожу себе покоя.

— Я получила известие от того, кого мы считали мертвым. Он жив! Жив! Солнце опять засияло над нами. Порадуйся со мною!

Тамара тронула руку, желая передать письмо Русудан, но в этот момент порывисто вошел князь Юрий и, точно в оцепенении, остановился. Он увидел письмо в руках царицы, ее взволнованное, радостное лицо, растерянную, испуганную Русудан и невольно подумал, что царица получила чье-либо любовное послание и обсуждала его содержание с любимой наставницей.

В этой мысли князя убедил не только строгий взгляд царицы, но невольный жест ее руки, скрывшей письмо от его взоров, и та поспешность, с какой она выпрямилась, как бы готовясь изгнать князя из своих покоев. Лицо Юрия покрылось яркой краской от бушевавшей в нем ревности, но он сдержал гнев и стоял в скромной и почтительной позе.

— О, царица, без Вас приостановилось все празднество, — тихо произнес он. — Гости приуныли и ждут,

когда Вы вновь явитесь и, как свет, озарите их своим присутствием.

— В сегодняшний день, когда Вы венчаны на царство и стали царем Иверии, у меня не может быть от Вас ничего тайного,— с величавым достоинством промолвила Тамара. — Вы обещали мне помочь в поисках царевича Сослана и изъявили желание сразиться с его врагами. Возвещаю Вам свою радость! Царевич жив и больше ни в чьей помощи не нуждается. Вот письмо от него, которое не должно быть от Вас скрыто! — и, к изумлению Русудан, она с доверием протянула ему письмо Давида.

Юрий побледнел, с сердцем, дрогнувшим от испуга и волнения, прочитал нежное послание Сослана и долго не мог оторваться от последних слов: «Твой верный витязь никогда не погибнет, если ты ему не изменишь. Помни свою клятву и жди моего возвращения», — слова, которые должны были лишить его всякой надежды когда-либо получить любовь царицы и заранее предупреждавшие его, что он должен уступить престол Сослану по его возвращении. Только временно, как бы в насмешку, он был коронован на царство. Эти слова делали его положение столь нестерпимым и фальшивым, а самого его такой жалкой игрушкой, нужной только лишь для достижения определенных целей, что он не мог подавить оскорбленного самолюбия, не мог примириться с унижением и не мог прикрыть свое бешенство почтительным ответом, выражавшим сочувствие радости царицы.

Он еле удержался, чтобы не смять и не бросить на пол письмо Сослана, резким движением передал его царице и гордо произнес:

— Мне дана церковью власть царствовать над Иверией. Законы церкви навечно соединили нас, Вы должны мне повиноваться как мужу и царю Иверии.

Он круто повернулся и вышел из покоев, как бы прекращая навсегда все разговоры о Сослане и его правах на престол, будучи вполне уверен, что поступил так, как подобало сыну великого князя Андрея Боголюбского, который привык управлять единодержавно и не признавал ничьей воли, кроме своей.

Эта резкая выходка вызвала у царицы и у Русудан разные чувства. Русудан была недовольна поведением Тамары, слишком явно и открыто выражавшей свою любовь к Сослану. Втайне она сочувствовала Юрию и испытывала к нему жалость, предвидя, что он обречен на долгие мучения и унижения не только из-за любви к Тамаре, но из-за того высокого положения, в какое поставила его судьба, не подарив ему за это ничего, кроме несчастья. Но вслух она не высказала ничего, не желая огорчать Тамару в этот радостный момент, когда она получила письмо от Сослана. Тамара, напротив, была возмущена и разгневана поступком князя, который пренебрег ее доверием и дружеским расположением и, вопреки рассудку и здравому смыслу, бросился в пучину страстей, бессмысленных надежд и признаний. Но она поняла, что Юрий больше не пойдет ни на какие уступки и сговоры, а предъявит свои права, пользуясь властью, данной ему церковью.

Вместо мира, спокойствия и радостного ожидания возвращения Давида ей предстояла впереди ожесточенная борьба с человеком, облеченным царской властью и обезумевшим от несчастной любви к ней. Тамара поднялась и лицо ее изменилось.

— Да будет тебе ведомо! — обратившись к Русудан с непреклонной решимостью, сказала она. — Перед людьми я наречена быть женой русского князя, но перед богом я никогда не стану его женой, хотя бы мне пришлось броситься со скалы или заколоть себя. Я никогда не нарушу своей клятвы Давиду!

— О, горе нам! — в ужасе воскликнула Русудан. — Кто предотвратит несчастье, грозящее нашему дому! Будь милостива! Не обрекай нас на гибель!

Тамара взглянула на тетку и с особенным выражением в голосе промолвила:

— Этот государь причинит много огорчения тем, кто его избрал. Он явится орудием правосудия и мстителем нашим врагам. Предоставим ему делать свое дело и не будем предаваться унынию. Я не была бы достойна имени царицы, если бы не умела презирать опасность и очищать отечество от непокорных и вероломных!

Она ушла, оставив Русудан в полном отчаянии.

Между тем Юрий вошел в зал с таким бледным и искаженным лицом, что Абуласан испугался.

— Что случилось с нашим царем? — шепнул он Микелю. — Какие он получил вести, что сразу потерял спокойствие? Почему скрылась царица? Нет ли каких сообщений от Исаака?

Юрий подошел к патриарху и попросил разрешения на некоторое время удалиться, сославшись на внезапное недомогание, не позволявшее ему больше принимать участие в пиршестве.

Абуласан проводил его из зала. Когда они оказались одни в пустых покоях, Юрий вдруг остановился и грозно обратился к Абуласану:

— Кто принудил вас играть столь недостойную игру? Почему прибегли вы к постыдной лжи? Разве вы не знали, что царевич Сослан жив и находится вне опасности? За эту ложь вы понесете жестокое наказание! — и, не дождавшись ответа от Абуласана, он быстрой и гневной походкой удалился.

Напуганный его словами, Абуласан поспешил к Микелю и кратко сообщил ему, что Сослан спасся от Исаака, а новый царь грозит им наказанием за ложное сообщение.

— Теперь я вижу, что бог лишил тебя разума! — произнес патриарх, испытывая раздвоенное чувство: удовлетворения и радости оттого, что Сослан уцелел и сможет поехать за древом креста в Палестину, и неудовольствия и страха от выходки Юрия, который в первый же день воцарения проявил свой непослушный характер и мог в будущем причинить им большие неприятности.

Свадебный пир кончился, гости разошлись. Микель покинутый друзьями и приверженцами, выходил один из дворца в страшном раздумье. С одной стороны, пред ним вставала исполинская фигура Сослана, который победителем возвращается в Иверию, с другой — на него грозно смотрел новый царь, введенный ими в заблуждение, который мог жестоко расправиться с ними и подчинить непокорных князей своей власти.

Г Л А В А 11

Отбиваясь от стражи Исаака, Сослан прокладывал себе путь мечом, за ним неотступно следовал Гагели. Он видел, как начальник охраны старался остановить бегущих, но греки, напуганные богатырской силой Сослана, пришли в такое смятение, что мчались без оглядки подалее от опасного места.

Сослан и Гагели остались одни. В наступившей темноте при слабом мерцании звезд они долго блуждали в глухих переулках и никак не могли определить, куда они двигались. Поэтому шли очень медленно, приглядываясь ко всему, боясь заблудиться и опасаясь встретиться со своими противниками.

Вдруг раздался глухой крик. Гагели, шедший впереди, исчез из вида. Ошеломленный Сослан остановился и увидел перед собой глубокий ров, зиявший в темноте, как пропасть, куда, очевидно, свалился Гагели, не успев предупредить своего спутника об опасности. Он громко окликнул его, но не получил ответа и поспешно начал спускаться вниз, придерживаясь за кустарники, чтобы самому уберечься от падения. Из глубины пропасти донесся тихий голос Гагели:

— Осторожней! Держитесь левее! Наверно, я сломал себе ногу.

Ров оказался таким обрывистым и глубоким, что внизу не было ничего видно, и Сослан спускался ощупью, со страхом думая о том, в каком положении он найдет Гагели. Когда, наконец, Сослан ступил ногой на ровное место, по голосу он нашел Гагели, тот беспо-

мощно лежал внизу, не издавая жалоб и стонов, чтобы не выдать их пребывание в яме.

Радуюсь, что они опять вместе, они сидели в этой мрачной пропасти, обнявшись, как родные братья, ободряя друг друга и ища путей к своему спасению.

— Нельзя падать духом, — говорил Сослан. — То, что предопределено, обязательно должно совершиться. Теперь, когда случилась такая беда с тобой, мы должны изменить свое решение и искать спасение не в бегстве, а в каком-нибудь тайном убежище, где можно меньше всего навлечь на себя подозрений. Я уверен, что после сегодняшней схватки Мурзуфл предпочтет взять нас хитростью, а не силой. Закроет все ворота и поставит стражу у пристани.

— Мурзуфл, наверное, будет искать нас в предместьях, полагая, что будем избегать людных мест, и направит свое внимание на загородные монастыри, — сказал Гагели. — Нам же придется укрыться в самом городе и поискать ближайший монастырь, так как, по всему видно, я буду скоро в состоянии двигаться.

Гагели был удручен сознанием, что лишился подвижности в такой важный и решительный момент, когда быстрота движений обеспечила бы успех в спасении. Он упрекал себя за неосторожность, боясь, что сделался помехой Сослану. Угадывая его мысли, Давид произнес с укоризной:

— Неужели ты думаешь, что у меня не хватит силы пронести тебя на руках до того убежища, где мы укроемся? Будь уверен, как только мы достигнем безопасного места, мы излечим твою ногу, потерпи немного, дабы преодолеть последнее препятствие!

— Клянусь святым Георгием! Я готов не только терпеть, но потерять ногу, лишь бы не быть Вам в тягость, — воскликнул Гагели. — Если бы наши враги знали, в какую беду мы попали, они бы не выпустили нас живыми из этой ловушки!

Гагели еще не успел закончить своей речи, как вдруг вблизи послышался шорох, затем чьи-то тихие, осторожные шаги, и почти над самой ямой они увиде-

ли, как кто-то зажег фонарь, очевидно, чтобы лучше разглядеть, что делалось внизу, во тьме.

— Мы пропали! Видно, нашли нас, — прошептал в ужасе Гагели, думая, что они открыты начальником стражи. Забыв о ноге, он вскочил и невольно застонал от боли, но Сослан ничуть не смутился. После всего пережитого днем ничто больше ему не казалось страшным, он сказал Гагели:

— Успокойся! Какой бы это ни был враг, живым отсюда не уйдет, — и стал ощупью подниматься наверх, цепляясь за выступы и кустики.

— Простите, я напугал вас, — прошептал наверху человек с фонарем, — я пришел за вами.

— Кто ты такой? — спросил Сослан и при слабом свете фонаря едва разглядел участливое простое лицо.

— Меня послал Мелхиседек искать вас. Он целый день искал, но не нашел. Я живу здесь поблизости, хорошо знаю все закоулки. Пойдемте, мы вас укроем!

Как только он упомянул о Мелхиседеке, Сослан очень обрадовался и успокоился. Верный слуга, оказывается, не забыл про них и, находясь в трудных обстоятельствах, поспешил им на помощь.

Вместе они вытащили Гагели из ямы и направились к жилищу неожиданного покровителя. Шли они в темноте, Сослан бережно нес Гагели на руках. По дороге они узнали, что человек, отыскавший их, был грузчиком во Влахернской гавани, но жил близко от Золотого Рога, в укромной и безопасной местности. Звали его Петр Драча, но среди грузчиков он слыл под кличкой «Питер», был дальним родственником Арчила, который перед отъездом сообщил о нем Мелхиседеку.

Получив все эти сведения, Сослан и Гагели уже спокойно вошли в бедный домик Петра на берегу залива, где их ждал Мелхиседек со слугами.

От неожиданности Мелхиседек долго не мог прийти в себя, плакал, смеялся и сокрушался о сломанной ноге Гагели, рассказывал о всех ужасах, пережитых им, когда он узнал о побоище возле базара между греками и иверийскими рыцарями.

Пока готовился скромный ужин, Мелхиседек растер

маслом ногу Гагели, выправил ее, затем крепко перевязал, боль утихла.

За столом, когда они уже вместе сидели и закусывали, Мелхиседек произнес с чувством искренней радости:

— Как мне благодарить господу за такое счастье! Не чаял, не гадал я видеть вас в живых и на свободе!

Питер, сжав свои крепкие мозолистые руки, добавил:

— Теперь уж мы не дадим вас в обиду. Здесь безопасно!

Мелхиседек сообщил, что поблизости он видел какой-то монастырь с крепостными стенами и уверен, что там можно укрыться.

— Никогда я не чувствовал себя так хорошо, спокойно, как в этой хижине. Я вижу, что нет сердца добрее и благороднее, чем у бедняка. Поистине, как мало нужно человеку, чтобы быть довольным! — воскликнул Гагели, протягивая больную ногу на жесткой скамье.

Между тем Питер рассказал Сослану о хищениях, совершаемых его начальством.

— Нашим правителям никогда не хватает денег, — жаловался он, — что они делают — страшно смотреть! К Константинополю подходят неприятельские суда, и вместо того, чтобы строить корабли, они, как воры, распродали корабельный лес, паруса, канаты, гвозди, якоря и промотали за бесценок последние суда. Да что говорить! Начиная сверху, все воруют и распродают должности, как овощи на рынке!

Возмущение Питера было тем понятней Сослану, что он сам являлся в известной степени жертвой беспорядочного управления и должен был скрываться, как преступник, от ненависти Исаака.

Продрогшие и утомленные Сослан и Гагели задремали, возле них сидел Мелхиседек, а Питер всю ночь не спал, беспрестанно выглядывал на улицу и разбудил их, как только бледная полоска зари, чуть розовея, окрасила небо.

— Вставайте! Заря занимается! Как бы не опоз-

дать! — озабоченно произнес он, — надо идти, пока кругом тихо.

Сослан щедро одарил его и вышел на улицу, оставив слуг на попечении гостеприимного Питера.

Едва они успели пройти небольшое расстояние, как вдруг к несказанной радости Сослана и Гагели перед ними показался высоко на холме красивый монастырь. С каждой минутой он становился все ясней и грандиозней, отчетливо выделяясь в прозрачной глубине предутреннего неба. Сослан и Гагели некоторое время в безмолвии смотрели на монастырь, который так кстати явился на их пути.

— Зачем нам искать себе убежище, когда оно находится у нас перед глазами? — радостно промолвил Сослан. — Надо узнать, чей это монастырь. Я уверен, что там можно пробыть некоторое время, пока мы решим, что нам делать дальше.

— Вы правы, — подтвердил Гагели, — ни в коем случае медлить нельзя. Пока совсем не рассвело и нас не увидели.

Сослан, осмотревшись кругом, увидел узенькую дорожку, ведущую к монастырю, и стал подниматься в гору. Он был полон нетерпеливого желания скорей подняться наверх и узнать, в какую часть города они попали, что это за монастырь и можно ли в нем укрыться.

— Не говорил я тебе, что судьба посылает нам избавление! — вскрикнул Сослан, когда они поднялись на холм, где стоял монастырь, и увидели знакомые приморские стены вдоль Золотого Рога и древнюю дорогу, проложенную еще во времена императора Валентина. — Ведь это же Пантакратор! Монастырь, построенный Комненами! Здесь укрывались внуки Андроника и похоронены последние Комнены. Как мне помнится, монастырь находится в опале и содержится на средства нашей царицы. Здесь мы найдем приют, нас не выдадут Исааку.

— Я вам говорил, что монастырь подходящий, — подтвердил Мелхиседек, — лучше не надо... Идемте!

Не раздумывая, они направились к монастырским воротам, разбудили привратника, дали ему денег и по-

требовали, чтобы он немедленно провел их к настоятелю по очень важному делу.

Настоятель, по имени Никифор, человек книжный и весьма толковый, несмотря на ранний утренний час, любезно принял их. Узнав, что Сослан является послом царицы Тамары и подвергся преследованиям со стороны Исаака, которого настоятель ненавидел за совершение насильственного переворота и свержение династии Комненов, он поклялся так укрыть их, чтобы никакие хитроумные лазутчики не нашли Сослана и его спутников в тайных помещениях монастыря.

Пантакратор, как и все византийские монастыри того времени, имел несколько дворов, соединенных между собою переходами. Он был заполнен пристройками и садиками и, благодаря тому, что стоял над о́брывом, мог служить прекрасной крепостью, где легко было обороняться в случае нападения. Помимо того, Пантакратор имел еще то удобство, что он был скрыт за холмами (его не было видно из города) и открывался только с моря, так что преследователи не догадались бы искать здесь иверийцев, если бы даже и вели поиски во всех частях Константинополя. Настоятель Никифор предоставил им помещение в глубине монастыря, совершенно уединенное, с отдельным садом и выходом, с подземельем, никому не известным, наполненным саркофагами и мраморными изваяниями. Здесь началась отшельническая жизнь Сослана, так как Гегели из-за сломанной ноги временно поместили в келье Никифора. К нему был приглашен для лечения старый лекарь, умевший искусно сращивать кости при переломах и обязавшийся в короткий срок поставить на ноги своего пациента. Для соблюдения тайны Сослан не посещал церковь и совсем не соприкасался с монахами, так что никто из них не мог бы даже случайно разгласить о его пребывании в Пантакраторе.

Благодаря принятым предосторожностям, жизнь Сослана протекала спокойно. Он увлекся чтением книг, а по вечерам вел долгие беседы с Никифором об истории прошедших веков, о познании духов обществ и, главное, о причинах падения и гибели великих империй.

Находясь в бездействии, отрезанный от общения с внешним миром Сослан поручил Мелхиседеку собирать для них новости и подыскать подходящего человека для посылки в Иверию.

Мелхиседек успел за это время вместе с другими слугами перенести вещи в монастырь, он ежедневно бывал на пристани, следя внимательно за всеми кораблями, приходившими и уходившими из Константинополя.

— Не могу понять, — говорил Сослан Никифору, — что привело Византию к такой катастрофе. Лет десять тому назад я учился в Константинополе, здесь процветали наука и искусство. Ничто не предвещало такой страшной смуты, какую я вижу сейчас.

— Многие тому есть причины, — задумчиво отвечал Никифор. — Прежде всего, народ возбужден полным пренебрежением правительства к его интересам и угрозой порабощения со стороны латинян, но самое главное, — Никифор глубоко вздохнул, — это наша вина. В наиболее грозные моменты своей жизни народ находил опору в духовенстве, особенно в монастырях, а сейчас он лишился и этой опоры. Ни среди высшего духовенства, ни среди монашества нет такой силы, которая встала бы перед царем на защиту народных интересов и проявила бы истинную любовь к отечеству! Нет никого, кто решился бы смело сказать правду, указать путь к спасению!

— А разве Исаак или Мурзуфл эту правду послушают, — возражал Сослан, — для них важно не благо народа, а только свои выгоды и честолюбие.

— Но это важно для нас. Мы должны скорбеть, что перестали быть опорой для народа, — признался Никифор. — Вместо того, чтобы поднимать нравственный уровень общества, заниматься вопросами спасения души, наши настоятели начинают философствовать о том, какой виноград дает лучшее вино, как братья собирать больше доходов, рассуждают о маслинах, фигах и прочих житейских вещах... Наш монастырь гонимый, живем мы строго и не допускаем лихоимства, а что делается кругом, хорошо сказано одним умным архиереем: «Неприятельский набег не так пагубен для населения,

как соседство святых отцов, которые больше радеют о накоплении земных сокровищ, чем о приобретении добродетели».

Слушая Никифора, Сослан не переставал думать о предстоящем путешествии к Саладину. Теперь свидание с султаном представлялось ему еще более трудным и важным делом, чем раньше. Злополучное положение Византии вновь напоминало ему о родной Иверии, укрепляло в намерении воинскими подвигами прославить и спасти как от внешних, так и от внутренних бурь и потрясений свое отечество.

Каждый день Мелхиседек бывал на базаре, собирал все новости, затем шел к Питеру, беседовал с ним и поздно вечером окольными путями возвращался в монастырь, пробираясь через потайной ход к царевичу.

Однажды, проходя возле Вукелеонского дворца, служившего тюрьмой для важнейших государственных лиц, Мелхиседек заметил, что туда направлялся Мурзуфл с каким-то почтенным сановником и весьма оживленно обсуждал с ним последние события, происшедшие в Константинополе. Занятые разговором, они не обратили внимание на Мелхиседека и несколько задержались возле портика.

— Ужас овладел Исааком, — говорил Мурзуфл, — когда вчера пришло известие, что наши войска разбиты и крестоносцы вступают в столицу. Исаак от страха потерял голову. Теперь он величает Фридриха победоноснейшим императором и готовит ему великолепные дары. Свою дочь Ирину он решил выдать замуж за Филиппа Швабского, лишь бы заслужить милость у немцев.

— Мрачные времена! — со вздохом произнес его собеседник, видимо, не доверявший Мурзуфлу. — Как сказано у древних: «Не бойся открытого моря, но берегись скал и камней у берега». Напали ли вы на след того иверийского посла, поразившего нас силой и отвагой?

— К сожалению, пока не нашли следов, хотя всюду расставлены наши лазутчики, — ответил Мурзуфл. — Все равно он не выйдет из Константинополя. Везде от-

даны приказы задержать его и немедленно представить Мурзуфлу. В случае сопротивления с ним церемониться не будут, так как он опасен для империи.

На этом они прекратили беседу и ушли во дворец, а Мелхиседек, как обычно, направился на базар, оттуда к Питеру, благодаря судьбу за то, что подслушал важный разговор и узнал о намерениях Мурзуфла. Теперь он стал еще осторожнее, решив вести неусыпное наблюдение за монастырем. Он выдавал себя за грека, что ему хорошо удавалось, так как бывал раньше в Константинополе и умел объясняться по-гречески.

Идя по улицам, Мелхиседек заметил, что город был весь заполнен иноземными войсками; стоял шум, какой всегда бывает при входе победителей в завоеванные области. Франки держались с нетерпением, высокомерием, одним своим видом раздражая население. Греки враждебно стояли возле своих домов, одни из них сохраняли угрюмое молчание, другие выкрикивали ругательства, а иные злобно смотрели на проходивших воинов, грозя им проклятием всевышнего.

На углу площади Капитолия Мелхиседек встретил воина, который издавал жалобные стоны, взывал о помощи. Мелхиседек заинтересовался его участью и выяснил, что он был фракиец. Вначале он сражался с греками против немцев, затем немцы принудили его драться против греков. Семья его попала в плен к крестоносцам, которые требовали от него большого выкупа, полагая, что он грек, а греков они ненавидели и разоряли, не давая никому пощады. Он умолял, чтобы его продали в рабство к какому-нибудь знатному рыцарю и отправили в Палестину, где он надеялся опять завоевать себе свободу и заработать деньги.

— Слыхал ли ты про Иверию? — спросил его Мелхиседек, — и не хочешь ли вместо Палестины поехать туда с одним важным поручением и получить столько денег, что тебе хватит не только выкупить семью, но и прожить остальную жизнь в довольстве и изобилии?

— Как мне не знать Иверию? — неожиданно поверийски ответил фракиец. Я — каменщик, объездил немало стран и нигде не получал такой хорошей пла-

ты, как в Иверии. Я был в Питаретах на постройке монастыря и имею оттуда много заказов, но, когда нагрянула война, пришлось надеть латы и вместо молота взять в руки меч. Какое бы важное поручение вы мне ни дали, я выполню его в точности.

Обрадованный Мелхиседек уговорился с ним встретиться на следующий день на базаре: обещал принести необходимую сумму денег для выкупа семьи и строго прибавил:

— Помни, будешь болтать, лишишься головы, ибо ни немцы, ни греки тебя не помилуют. Погубишь себя и семью!

— Давно ли я положил себе за правило не давать волю своему языку, — ответил фракиец, — а в такое время, когда у зверей нет такой злобы, как у людей, готовых поесть друг друга, я скорей вырву себе язык, чем вымолвлю лишнее слово. Довольно и той беды, из какой вы хотите меня вызволить.

Они расстались, довольные друг другом; и Мелхиседек направился прямо в монастырь, стремясь как можно скорей принести радостные вести своему господину. Невольные отшельники, выслушав его рассказ о встрече с Мурзуфлом, об ожидаемом приходе союзных армий и, главное, о фракийце, обрадовались, получив, наконец, достоверные сведения, что они не открыты и Мурзуфл не имеет никакого представления о том, где они находятся.

На следующий день Мелхиседек встретился с фракийцем на базаре, вручил ему письмо, дал денег на дорогу и на выкуп. Остальное вознаграждение фракиец должен был получить в Иверии, при том условии, если сохранит в пути полное молчание и сделает все так, как объяснил ему Мелхиседек.

Фракиец поклялся, что оправдает доверие своего избавителя, и они дружески расстались, не зная, придется ли им когда-нибудь свидеться в будущем.

Между тем Гагели поправился, перешел в келью к Сослану, хоть и хромал, но был в состоянии двинуться в путь. Помня о поручении царицы, он тщательно расспросил Никифора о Липарите Орбелиани и был огор-

чен, узнав, что в ближних греческих монастырях его не было и о нем в Византии ничего не слышали.

— Такие люди, — прибавил Никифор, — по монастырям не укрываются. Ищите его либо у иконийского султана, либо в киликийской армии у царя Льва. Если о нем до сей поры нигде ничего не слышно, надо полагать, что его в живых нет.

Никифор, подобно Мелхиседеку, с предосторожностями выходил в город, чтобы узнавать политические и военные новости, о событиях, происходивших как на Востоке, так и на Западе.

— Дорогие братья! — сообщил он им однажды вечером. — В Палестине началась осада приморской крепости Акры, или Аккона. Туда направлены все силы крестоносцев, слышно, что к Акре отплыл Филипп-Август, король французский, и Ричард Львиное Сердце, король английский. Там же, под Акрой, находится и сам знаменитый Саладин, объединивший под своими знаменами всех последователей ислама! Вот где, наконец, решится вопрос на многие века: победит ислам или христианство!? Кто разгадает тайну судеб божьих?

Это сообщение сразу определило направление дальнейшего пути Сослана и прекратило его колебания.

— Плыдем и мы в Акру! — сказал он.

Настоятель посоветовал завязать сношения с капитаном какого-нибудь иноземного корабля через Питера, чтобы он устроил им тайный отъезд в Палестину.

Гагели одобрил предложение настоятеля.

— Питер целый день работает на пристани, выгружая товар. Кому, как не ему, поручить это дело? Он договорится с капитаном обо всем и выручит нас. Наконец, мы отправимся в Палестину!

— Не обольщайте себя надеждой, что Палестина — та же обетованная земля, какой она была во времена царей Давида и Соломона, — со вздохом сказал Никифор. — Над ней как будто тяготеет вечное проклятие. Хотя народы всего мира поднялись на защиту Иерусалима, им не освободить святой земли. Разве вы не слышали, что там действует страшная секта исмаэлитов, союз тайных убийц, и вождь их, так называемый Ста-

рец с горы, сидит в своем неприступном замке на Ливане. Ни одна жертва, намеченная им, не избежала своей ужасной участи.

Гагели тотчас же припомнил слова Тамары при прощении, чтобы они боялись страшной секты тайных убийц, и переглянулся с Сосланом, как бы говоря ему: «Если этот Старец с горы узнает, что мы едем с золотом к Саладину, то нас ожидает не меньшее зло, чем здесь от Исаака. А без золота с чем мы явимся к Саладину?»

Сослан понял это немое предупреждение.

— Исмаэлиты тем и ужасны, что они действуют тайно и беспощадно, — продолжал Никифор. — Эти отколовшиеся от мусульманства приверженцы Магомета отличаются страшным изуверством. Они готовы на какое угодно лицемерие, передеваются монахами, воинами, дервишами, кем угодно; принимают, если нужно, христианскую веру, и все это делают для того, чтобы всюду установить свое господство и приобрести себе последователей. Кто бы ни выступал против них — калифи, эмиры, султаны, все падают под их ударами. Они никому не дают пощады. Эти тайные убийцы наполнили ужасом весь Восток! К этому надо прибавить, что и христианские государи, к сожалению, не брезгают прибегать к их услугам и с их помощью расправляются со своими врагами.

— Вы повергли нас в изумление, — признался Гагели, — у нас в Иверии много говорят про исмаэлитов, но все считают их поклонниками огня, света и солнца. Некоторые даже увлекаются их учением.

— Тем хуже для вас, — ответил Никифор, — эта секта шиитов хранит в глубочайшей тайне свое учение, никто не знает, кому они служат: сатане или Магомету. Но известно, что они разрушают всякую веру в нравственность и действуют страшными средствами. Берегитесь их, если они встретятся вам в Палестине!

— Не будем унывать! Я твердо надеюсь, что эти злодеи пожалеют хромого рыцаря и оставят нас в покое.

Гагели хотел шуткой сгладить неприятное впечатление от разговора, но, оставшись наедине с Сосланом, он сказал:

— Не так, видно, просто пробраться к Саладину, когда Палестина полна разбойников и изуверов. К сожалению, со своей хромой ногой я больше буду Вам в тягость, чем в помощь.

Сослан успокоил Гагели, сказав, что сил у него хватит на двоих и что нуждается он сейчас не столько в физической помощи, сколько в умном совете и находчивости, какие больше всего требуются для завершения их трудного дела в Палестине.

Немного прошло времени после этого разговора, как Никифор пришел опять.

— Видно, судьба покровительствует вам, — сообщил он. — Питер все устроил. Венецианский корабль идет прямо в Акру, капитан согласился взять вас за хорошее вознаграждение, не спрашивая разрешения императора Исаака. Среди того сброда, который он везет, ему приятно будет иметь дело со знатными людьми, которые могут хорошо заплатить за услуги. Но с капитаном Питер условился, — прибавил он, — что вы поедете монахами. Мы дадим вам бумагу, что вы состоите на послушании в нашем монастыре, а так как вы хорошо изъясняетесь на всех наречиях, то вам нетрудно будет иметь дело с пилигримами и объясняться с капитаном, если возникнет какое-либо затруднение. Больше медлить нельзя, ибо Питер слышал, что Исаак велел разослать своих лазутчиков по всем монастырям и после отхода крестоносцев вновь усилил свои поиски. Наш верный Питер заранее известил нас об этом.

— Наконец, пришло избавление! — воскликнул Гагели. — Я был уверен, что Питер справится с этим делом. Благодаря ему, мы едем в Палестину!

Поздно ночью, когда город был погружен во мрак, переодевшись монахами, Сослан, Гагели и слуги тихо вышли из Пантакратора и отправились к пристани в сопровождении Никифора и Питера, который должен был вести переговоры и передать их капитану. Они вошли на корабль спокойно, никем не замеченные, и сердечно распростились с Никифором и Питером.

Прощаясь, Сослан сказал Никифору:

— Если наша царица, как обычно, пришлет тебе

дары, то извести ее о нашем пребывании в своей обители и отъезде в Палестину. Донесение пошли тайно и с надежным лицом, когда мы уже будем далеко.

Питера он обнял, крепко поцеловал и растроганно произнес: — Этой услуги я никогда не забуду!

— Все будет сделано так, как вами сказано! — ответил Никифор и прибавил: — На обратном пути, если река времени унесет нашего врага, не забывайте нашей обители! Если же его существованию суждено продлиться, тогда возвращайтесь к себе на родину иною дорогою.

Никифор и Питер, оставшись на пристани, долго ждали, пока, наконец, корабль отчалил от берега и поплыл сквозь ряды многочисленных судов.

Г Л А В А III

Когда царь Георгий IV, как теперь именовался Юрий, восседал на троне и принимал своих подданных, вид у него был угрюмый, неприветливый, редко улыбка озаряла его лицо. Особенно суровым становился он, когда к нему подходили наиболее влиятельные сановники, царедворцы и вельможи, оказывая знаки внимания и почета и преподнося подарки, состоявшие, главным образом, из воинских доспехов и украшений.

— Да утвердит бог царствование Вашего величества! — становясь перед тронем, провозглашал каждый из них, — и да пронзит копьё грудь изменников Ваших!

Равнодушно слушая все эти льстивые заверения в преданности, не веря их искренности, Юрий тяготился праздным этикетом, который не доставлял ему больше ни малейшего удовольствия, не возбуждал самолюбия и ничуть не укреплял его престижа.

Юрий понимал, что у него создалось в Иверии трудное положение. В сравнении с ласковой, щедрой царицей он казался неприятным, жестоким, даже коварным царем, от которого избалованные сановники не ожидали никаких милостей, а, напротив, готовились к самым резким и неожиданным выходкам с его стороны. Между тем, Юрий очень внимательно и старательно изучал государственную жизнь Иверии и не только не хотел проводить время в праздности и блистательных пиршествах, но стремился к деятельности, расширению своих обязанностей по управлению страной, чтобы сильней укрепить царскую власть.

Видя, что владетельные князья, уединившись в своих

роскошных поместьях, никому не подчинялись и творили, что хотели, Юрий решил, что его главной обязанностью является наведение порядка в стране. Царица очень заботилась о просвещении, о том, чтобы поднять духовный уровень своих подданных.

Столица была богато украшена, здесь уже образовалось рыцарское общество с иноземными нравами и обычаями, нарождались новые идеи гуманизма, поэты в своих произведениях прославляли отечество и царицу. Но, наряду с этим внешним блеском и широким размахом жизни, столица не была благоустроена. Многочисленные мастерские, наполненные ремесленниками, выполнявшими срочные заказы на всю Иверию, множество приезжих купцов, иноземцев, оживленные торговые сношения с восточными странами — все это нуждалось в строгом надзоре и упорядочении.

Роман неоднократно говорил Юрию, что хотя город и знатный, но ночью, пожалуй, вряд ли пройдешь спокойно. Караваны, нагруженные товарами, часто подвергаются нападениям, население не ограждено в достаточной степени от всякого рода зачинщиков беспорядков.

Юрий был уверен, что царице одной трудно справиться с новым укладом жизни, установить справедливость и правосудие. На этом пути она встретила всевозможные препятствия не только со стороны владетельных князей, но и Микеля, потакавшего своеволию высшей знати. В государстве не было твердой руки, которая держала бы в страхе непокорных и защищала от произвола население. Юрий считал своим долгом помочь царице, в этом его поддерживал Роман. — Суди право, — поучал он. — Первый суд — великое дело! Если случится разбирать спор между богатым и бедным, держи сторону бедного. Не отклоняйся от правды, чего бы это ни стоило!

— Мое дело навести порядок, — замечал Юрий, — удалить вероломных от царского двора и каленым железом выжечь измену и предательство. Тогда царица будет довольна!

— Ты лучше каленым железом выжигай грех из

своей души, — наставительно говорил Роман, подразумевая под грехом любовь князя к царице, но Юрий не слушал его, увлекшись мыслью благоустроить жизнь в столице.

Сосредоточив на этом все внимание, Юрий сам стал производить суд, принимать жалобы и разбираться в делах ремесленников и торговцев. По горячности нрава он не был так рассудителен, как Тамара, вступал в споры с влиятельными людьми государства и за короткое время приобрел себе среди них много врагов. Однажды к нему явился Арчил с башмачником Вальденом, которому Юрий заказал красную сафьяновую обувь для парадных выходов. Вальден был чем-то сильно расстроен и долго вздыхал, пока, наконец, не высказался:

— Беда со мной приключилась, царь. Сегодня в ночь мою мастерскую закрыли. Вашего заказа не могу выполнить.

— Кто закрыл? — вспыхнул Юрий. — Немедленно найти виновного и предать суду!

— Ничего нельзя сделать! — тихо сказал Вальден и сокрушенно посмотрел на Арчила, как бы спрашивая: говорить или нет? И, помолчав, добавил:

— Нехорошее дело вышло, государь. Я сам виноват.

— Говори! Чего боишься? Я тебе помогу, — сказал Юрий.

— Вот такое дело. Тут один князь заказал мне для жены башмаки. Он дал мне две большие жемчужины для застежек. Таких жемчужин я никогда не видал, цены им нету. Видно, привез издалека. Пришла беда, пропала жемчужина. Искал, искал, нигде не мог найти. Ох, что было — не передать! Как жив остался, не знаю. Князь закрыл мастерскую, наложил печати; пока, говорит, не найдешь жемчужину — не открою! Сам без работы и все материалы в мастерской остались! И судиться не с кем!

— Кто этот князь? Скажи мне его имя.

— Джакели.

— Джакели? — переспросил Юрий и, что-то вспомнив, нахмурился. — Знаю я этого князя. Потерпи немного. С ним дело иметь труднее. Я тебе дам работу.

Вальден ушел. Юрий сделал Арчилу большие заказы по изготовлению оружия и воинских доспехов, а для себя лично заказал меч полтора аршина длиною с надписью на рукояти: «Своей чести никому не отдам» и кинжал с рукоятью, подобный булаве, но без надписи.

Юрий всегда охотно беседовал с Арчилом, который сообщал ему многое из того, что делалось при дворе.

Узнав, что Тамара очень любила эмалевые изделия, какие выписывались из Константинополя для украшения церквей, Юрий распорядился вызвать оттуда искусных мастеров для того, чтобы они научили этому искусству местных ремесленников и перенесли в Иверию лучшие образцы константинопольских изделий.

От Арчила Юрий узнал также, что царица имела большое пристрастие к строительству дворцов, храмов и крепостей в недоступных местах и что ею намечалось строительство грандиозного пещерного двора Вардзиа, который должен был по своим размерам и оформлению превзойти все подобные сооружения.

Это подсказало Юрию мысль воздвигнуть на вершине горы храм невиданной красоты и великолепия. Он пригласил к себе лучших строителей, поручил им составить план будущего храма, соединявшего, по его мысли, древнерусский стиль со строгостью и величием византийского зодчества.

Арчил, оставшись с царем после ухода Вальдена, рассказал ему, какие собраны материалы, какие каменотесы будут прорубать скалы в горах и какое место выбрано для построения храма.

— Нет лучшего места, государь, — говорил Арчил, — чем на той вершине, что вблизи Гелати.

Роман всегда присутствовал при беседах Юрия с Арчилом и вполне одобрял его стремление построить храм.

— А какой храм построил во Владимире покойный князь Андрей Юрьевич, — вспомнил Роман, — далеко по Руси шла его слава. Недаром владимирцы называли его «Златоверхим». Строили его известные мастера. Не пожалел Андрей Юрьевич своей казны на это святое дело!

— Помню! Как сейчас помню: церковные ворота были обложены золотом; амвон из золота и серебра, стены расписаны по золоту, а сколько драгоценных камней, жемчуга было на иконах — не пересчитать! Вот и здесь надо украсить храм по такому образцу! — с живостью отозвался Юрий.

— Правильно сказано! — одобрил Роман слова Юрия, а Арчил добавил:

— Выпишите из Опизского монастыря Бека, мастера по чекану, его царица издавна почитает и жалует. Недавно поручила ему оковать икону Спаса в Анчисхатской церкви. Возложите на него все украшения храма, чтобы он поставил работу по чекану, по эмали и всяким узорам. Лучше мастера Бека по всей стране не сыщете!

— Хорошее ты слово сказал! Завтра же выпишем твоего Бека! — распорядился Юрий и обратился к Роману:

— Устрой мастера во дворце и отпусти из нашей казны средства для его содержания!

Вместе с начатыми работами по строительству храма Юрий горячо стремился к воинским подвигам и походам, к которым он привык с юности. Иверия все время подвергалась нападениям турок и персов и нуждалась в строгой охране своих государственных границ и владений.

Юрий не без основания полагал, что царица оценит по достоинству его стремление к защите и возвеличению ее отечества, и надеялся, что она постепенно свыкнется с мыслью, что он — царь и вместе с нею призван управлять государством. Кроме того, Юрию хотелось показать Тамаре, что в храбрости и мужестве он не уступает Сослану. Пребывание в столице, как убедился Юрий, ничуть не приближало его к царице, скорей даже отдаляло и только вызывало в нем мучительное раздумье об ожидавшей его печальной участи.

Пока собирались люди и готовились материалы для построения храма, Юрий решил предпринять какой-либо поход, чтобы пополнить казну и напомнить царице не только о своем существовании, но и о своих правах как царя и военачальника.

Однажды на приеме, когда он, как обычно, скучал, выслушивая донесения феодальных владельцев, он вдруг увидел появившегося в зале своего любимого амир-спасалара Захария Мхаргрдзели и оживился, ожидая услышать от него важные военные новости. Захария, умный, испытанный человек, хорошо понимал душевное состояние нового царя, подошел к нему смело, хотя и с печальным поклоном, и стал подробно докладывать о положении дел в стране и о состоянии войска в Иверии.

— Все ли готово к походу? — быстро спросил Юрий, с интересом выслушивая спокойный рассказ главнокомандующего, который один из всех вельмож умел подойти к царю, а иногда даже вызвать улыбку на его лице и привести в хорошее расположение духа. Успех Захария Мхаргрдзели вытекал из его любви к походам, из-за неустанного стремления составлять военные экспедиции, отражать врага на границах, возвеличивать славу Иверии и с богатыми трофеями возвращаться на родину. Новый царь, как быстро заметил Захария, подобно ему, был также преисполнен воинственного пыла и с большой охотой беседовал с ним о ратных подвигах и приключениях.

— Сельджуки поблизости от Карса нападают на наши границы, убивают воинов и быстро скрываются, — сообщал Мхаргрдзели со скрытым негодованием, не желая раздражать царя и взвешивая в уме последствия тех решений, какие могли быть приняты в результате их беседы.

— Я со своей дружиной один ходил к Трапезунду, — гордо заявил Юрий, — разве у нас не хватает войска, чтобы дать отпор сельджукам, надолго отучить их ходить в наши владения? Скажи мне, какое количество воинов находится на царском содержании и может выступить в поход по первому нашему зову?

— Около шестидесяти тысяч хорошо вооруженных воинов могут в любой день отправиться в путь по царскому приказу, — быстро ответил Захария, видя, как разгорячился царь. — Но нам известно, что под Карсом стоят ничтожные силы противника, всего войска не

потребуется для похода. Под городом сильные позиции, если мы вовремя займем их, то враг к нам не подступится, мы легко завладеем крепостью.

— Наконец-то, ты меня порадовал настоящим делом, в котором можно показать свои силы, — с непривычным оживлением отозвался Юрий. — Незамедлительно собери войско и позаботься о хорошем снабжении. Пусть воины наши ни в чем не нуждаются! Поспеш с этим делом, дабы враги не узнали раньше времени о наших намерениях. Быстрее извести царицу!

Захария понял, что царь больше всего заботился о том, чтобы царица скорей узнала о их предполагаемом походе, надеясь хоть воинской славой снискать ее благосклонность. При дворе ни от кого не было скрыто, что Тамара жила отдельно от нелюбимого мужа, изредка только при посторонних принимала его в своих покоях и не жаловала его ни милостью, ни вниманием. При таком положении многие вельможи и военачальники одобряли поведение Мхаргрдзели, который неожиданной экспедицией решил увести царя из столицы, предоставляя ему возможность прославиться своим мужеством и отвагой завоевать сердце царицы.

Беседа амир-спасалара с царем неожиданно всколыхнула иверских рыцарей. Они громкими и шумными возгласами приветствовали Захария, единодушно принимая его предложение и высказывая положение, чтобы царь не задерживался в столице, а скорее двинул бы войска к Карсу, где они могли прославить свое отечество. Общее одобрение предстоящего похода еще сильнее воодушевило Юрия. После приема он отправился на смотр войск, где должна была присутствовать также и царица. Его сопровождал верный дружинник Роман, который и раньше не отличался говорливостью, а после воцарения Юрия превратился в молчальника. Он с глубокой скорбью наблюдал за душевными переживаниями своего князя, который не столько сделался счастливее от того, что стал царем, но, по его мнению, приобрел неизлечимую душевную рану, могущую преждевременно свести его в могилу.

Как всегда на приемах, Тамара находилась вместе

с Русудан и Чиабером, не желая оставаться с царем наедине и выслушивать его жалобы на неразделенное чувство, причинявшее ему теперь одни горькие страдания. Он, как заметили все присутствующие, направился прямо к царице, почтительно поклонился и сел рядом с нею, из гордости показывая гостям, что между ними установилось полное семейное согласие. В то же время Юрий робел перед Тамарой, боясь каким-нибудь неосторожным словом или движением вызвать ее недовольство.

Начался смотр. При звуках воинской музыки выступили войска — гордость и слава Иверии.

Тамара пришла в восхищение при виде войск, представленных к смотру. Мужественный вид воинов, отличные кони, блестящее дорогое вооружение и, главное, многочисленность армии, заполнившей обширное Дидубийское поле, доставили удовольствие не только придворной знати, но и самому Юрию. Он невольно вспомнил бесчисленные рати и ополчения русских князей, какими он часто предводительствовал в междоусобных бранях и особенно в осаде Киева. Но теперь, готовясь к походу, в котором он должен был проявить не только свою храбрость, но и военное искусство и победить не столько сельджуков, сколько неприязнь Тамары, он внимательно рассматривал вооруженных воинов, обмениваясь замечаниями с Чиабером по поводу предохранительного снаряжения. Кольчуги и латы с набедренником, по его мнению, были сделаны искусно, но слишком нарядно и легковесно для ожесточенных схваток с врагами.

— До сего времени нам не приходилось жаловаться на наше оружие в бою с неверными, — произнесла Тамара, еще не зная о воинственных планах царя. — Турки давно извели нашу силу, и пока никто из них не смеет вторгаться в наши пределы.

— Дозволь думать несколько иначе, чем ты полагаешь, — живо возразил Юрий, — нельзя допускать, чтобы враг заносился перед нами и в нашем миролюбии видел свою силу. Пришло время устранить наших противников и изгнать их из областей, откуда всегда могут угрожать нашим войскам и производить свои

набеги. Сильному царству подобает не ждать нападений, а предотвращать завоевательные замыслы врагов и останавливать их далеко за пределами своих владений. Спроси амир-спасалара Мхаргрдзели, он тебе поведаст, что делается на границах и как враги беспокоят наших подданных!

Внимательно выслушав Юрия, царица поняла, что он затеял серьезное дело, иначе бы не упоминал о Захария, который никогда попусту не беспокоил ее своими воинственными планами. Она решила вначале ознакомиться с их доводами и затем высказать свое суждение.

Хитроумная Русудан тотчас же разгадала тайные замыслы Юрия, его желание прославиться перед царицей и решила поддерживать его боевые стремления. Она строго посмотрела на Чиабера, как бы приглашая его присоединиться к ее мнению, и затем с важностью произнесла, обращаясь к Тамаре:

— Твой отец никогда не давал покоя врагам. При малейшей их попытке продвинуться к границам царства отправлялся в поход и, разогнав неверных, возвращался на родину с победой, обогащая казнохранилища несметными богатствами. Разве преданное тебе войско и наши витязи не стремятся повторить подвиги своих отцов?!

— О том же будет и моя речь, — скромно прибавил Чиабер, избегавший после изгнания Сослана опрометчивых высказываний и державшийся пока в тени, чтобы не навлечь на себя ни недоверия царицы, ни презрительного отношения царя. Он опасался его, как своенравного, упрямого человека, чьи поступки и решения он никогда не мог предвидеть. Хотя Юрий ничем пока не проявлял себя с худой стороны и не подвергал гонениям ненавистных ему сторонников Абуласана, тем не менее Чиабер ожидал от него всяких неприятностей. Он был уверен, что в недалеком будущем царь покажет свой истинный нрав и жестоко отомстит подданным за свое унижение перед царицей. Он с предубеждением и даже некоторым страхом взирал на неприветливого и хмурого царя, представлявшего полную противополож-

ность любезной и милостивой со всеми царице. Но вместе с тем Чиабер не был доволен и царицей, которая одна могла успокоить Юрия и смягчить его нрав. По его мнению, внутренние разногласия между царицей и Юрием вели к большим государственным осложнениям. Они не только не вносили мира в управление страной, но порождали раскол в иверском обществе, разделяя его на сторонников царя и приверженцев царицы, всегда готовых ожесточенно враждовать между собою.

Тщательно следя за Юрием, Чиабер видел, что он рьяно стремился управлять государством, но, не встречая сочувствия со стороны царицы, был стеснен в своих действиях, еще сильнее переживал отвергнутую любовь и затаивал в себе недобрые чувства. Поэтому Чиабер считал самым благоразумным отправить Юрия в поход, где он мог бы принести гораздо больше пользы, чем находясь в столице.

— Да будет разрешено напомнить Вашему величеству, что разные времена и сроки положены для процветания и отмирания царства, а также для войны и мира, — вкрадчивым тоном продолжал Чиабер, пытливо наблюдая, какое действие произведут его слова на царя, — бывает время, когда плохой мир надо предпочесть хорошей ссоре, а бывает и другое время, когда необходимо нарушить мир и разжигать ссору. Хорошо сказано у древних: «То дело преуспевает, которое совершается во времени, положенном сроками».

Пространная речь Чиабера, обычно молчаливого и предусмотрительного, в защиту, как казалось Тамаре, предложения Юрия о походе внушала ей подозрение — не было ли тайного сговора между ним и Русудан в пользу Юрия? Но она не выразила своего недовольства, а деловито спросила:

— Амир-спасалар даст мне отчет, что делается на наших границах, надлежит ли двинуть войска или лучше сохранять мир с соседними народами?

Царица не удостоила Юрия ни взглядом, ни приветливым словом, так как предвидела, что он воспользуется благовидным предлогом явиться во дворец для свидания с нею.

Русудан взглядом одобрила Чиабера, но, озабоченная холодностью царицы, решила оказать на нее влияние, чтобы она более милостиво отпустила Юрия и не препятствовала его завоевательным стремлениям. Юрий, охваченный нетерпеливым желанием воинскими подвигами стяжать себе славу, решил немедленно добиться свидания с царицей.

— Сегодня же к вечеру мы будем с амир-спасаларом во дворце и назначим время нашего выступления, — твердо заявил он. — Не предпочтительней ли в боях закаляться духом и укреплять сердце мужеством, чем предаваться неге и беспечности? Они расслабляют человека и ввергают его в бездну скорби и отчаяния. Разрешите мне искать успокоения в боях и покрыть славой твое царство, дабы все народы прославляли твое имя!

Тамара поняла, что Юрий больше не мог спокойно выносить свое ложное положение при дворе. Терзаемый стыдом, уязвленным самолюбием и злополучной любовью, он взирал на ее верных слуг, как на личных врагов, и собирал себе новых приближенных, какие могли в будущем стать яростными противниками Сослана. В таких обстоятельствах поход, предпринимаемый Юрием и горячо поддержанный Чиабером, несомненно, для всех них являлся спасением. Он давал надежду, что царь увлечется славой, сменив праздную и наскучившую ему жизнь на боевую и полную опасностей, постепенно забудет про царицу и обретет душевное спокойствие.

Вспомнив про письмо киликийского царя Льва, просящего ее защитить армян от сельджуков, Тамара обратилась к Захария с предложением.

— Давно я думаю помочь нашим братьям-армянам, как делал мой отец. Отогнав турок от Армении, мы защитим и наши границы, — затем, обернувшись к Юрию, милостиво добавила, — не мне противиться твоему желанию, направленному на благо нашего отечества. Сегодня же вечером приму вас с амир-спасаларом и мы вместе обсудим, когда и в каком порядке наши верные войска выступят к границам. Тебе надлежит предводительствовать над ними!

Согласие Тамары, ее ласковый взгляд, доверие, оказанное ему, как будущему предводителю похода мгновенно изменили угрюмое настроение Юрия. Он сразу сделался любезным, веселым и обходительным со всеми, как и в первые дни своего приезда в столицу Иверии. Эта разительная перемена не укрылась от наблюдательных глаз Чиабера. Он обменялся с Русудан взглядом, дав понять, что благоденствие и процветание Иверии в зависимости от расположения царицы к царю, и призывал верную союзницу умолить племянницу не отталкивать от себя Юрия и быть более благосклонной к нему.

Смотр кончился военными играми, метанием копья, джигитовкой; молодые рыцари, стремясь показать перед царицей свою отвагу и ловкость, с такой горячностью и изяществом предавались военным состязаниям, что Юрий распорядился выдать щедрые награды особо отличившимся воинам. Теперь, когда он надеялся видеться с Тамарой, жизнь представлялась ему такой обольстительной и приятной, что он одинаково радовался как мастерству рыцарей, так и солнечным лучам, весело освещавшим Дидубийское поле. Оно казалось ему самым привлекательным и живописным местом из всех мест, какие только он видел во время своей скитальческой жизни. Невольная жалость овладела сердцем Тамары, но она больше всего боялась и избегала этого чувства. Оно одно могло изменить ее отношение к Юрию и склонить на милость, а милость неминуемо привела бы к измене Сослану и к нерасторжимому союзу с русским князем. Поэтому она быстро удалилась с ристалища вместе с теткой, сославшись на неотложные государственные дела и на необходимость рассмотреть их, прежде чем она примет царя с Мхаргрдзели. Глубокие и беспрерывные вздохи Русудан, грустный, озабоченный вид не оставляли ни малейшего сомнения у Тамары, что ее спутница стремится скорее начать задушевную беседу и излить жалобы по поводу ее сурового обращения с Юрием.

— Что ты хочешь мне поведать? Говори, не бойся! — поощрила ее к высказыванию Тамара, и Русу-

дан, как всегда, прежде чем приступить к сетованиям, залилась слезами.

— Душа моя! — говорила она жалобно, но мягко, без упреков, что сильнее всего действовало на царицу. — Я не имею покоя с тех пор, как в дом отца твоего вошел новый царь, которого постигло жестокое искушение. Его слезы и стоны могли бы тронуть и самые камни, но та, кто милости свои щедро изливает на всех окружающих, остается равнодушной к его страданиям. Не твой ли друг в своих песнях неумолчно повторял: «Влюбленного даже и враги жалеют». Как ты можешь быть столь бесчувственной и лишать милости того, кто больше всего в ней нуждается?!

— Странно мне слушать твои неразумные речи, — строго прервала Тамара жалобы Русудан, показывая, что ее невозможно склонить к уступкам, противным чувству долга и справедливости, — разве ты не знаешь, что скорей смерть закроет мои очи, чем я нарушу данную мной клятву о верности. В свое время я предупредила русского князя, что ему не следует вступать на престол, который по праву принадлежит другому. Если он, вопреки разуму и моим указаниям, пожелал выполнить невыполнимое, то никто не может быть ему утешителем, кроме бога.

— Достоин осуждения тот человек, который принял твою клятву и связал тебя на всю жизнь! — воскликнула Русудан, решившись во что бы то ни стало побороть упрямство Тамары. — Как можешь ты идти вопреки воле народа, и брак, освещенный церковью, превращать в посмешище для людей и в страдание для мужа? Не повелевает ли тебе церковь подчиниться ее закону и не уклоняться от выполнения супружеских обязанностей? Тем самым ты успокоишь страну и снимешь с себя позор бесчадия. Не забудь, что в твои годы промедление опасно, ты можешь оставить Иверию без наследника, и твои враги завладеют ею.

Это был самый сильный довод, который только могла привести Русудан для убеждения царицы, и казалось, что она достигла цели. Тамара замолчала. Она не стала больше ни опровергать Русудан, ни защищать

свою любовь к Сослану, замкнулась в самой себе, не желая поверять тетке своих тайных мыслей.

Русудан не подозревала, что ее слова о необходимости «снять с себя позор бесчадия и дать наследника Иверии» больше всего устроили Тамару, так как рождение ребенка, особенно сына, от русского князя закрепило бы его права на престол и уже навсегда разлучило бы ее с Сосланом. Каким образом она могла бы в будущем соединиться со своим возлюбленным, имея законного наследника от Юрия, и как она могла бы изгнать его из Иверии, не имея веских причин для развода? При том неодолимом влечении, какое он испытывал к ней, Тамара не могла надеяться, что он когда-либо добровольно уйдет от нее и предоставит свое место другому. Скорее она могла ожидать обратного, что любовью и покорностью Юрий постепенно в какой-то мере заслужит ее привязанность и уважение. Все эти глубокие и серьезные соображения вынуждали Тамару всячески избегать сближения с Юрием, так как она боялась не столько проявления его любви, сколько собственной слабости и мягкосердия. Если бы Юрий был менее настойчив и не так решителен и упорен, Тамара никогда не относилась бы к нему с такой суровой холодностью и не избегала бы общения с ним, как вынуждена была делать теперь. Она хотела лишить его всякой надежды и заставить искать себе счастье вне пределов Иверии. Тамара ясно видела, что Юрий, несмотря на постигшую его неудачу и любовные терзания, проявлял исключительную выдержку и терпение, задавшись целью тем или иным образом — хитростью или лаской — овладеть сердцем царицы и вынудить ее нарушить клятву верности Сослану. Читая в его сердце, Тамара также видела, что, благоговей перед нею и послушно исполняя ее повеления, Юрий тем более придирчивым и взыскательным становился для окружающих его подданных, как бы преднамеренно вызывая общее недовольство. В то же время он ясно давал понять всем, что раздражительность в нем происходила из мучительных отношений, сложившихся между ним и царицей, и если бы она изменилась к нему, то он сделался бы самым добрым и

снисходительным из всех царей, какие только были в Иверии. Он весьма искусно и расчетливо восстанавливал вельмож и придворную знать не столько против царицы, сколько против Сослана, верность которому принуждала Тамару отвергать любовь мужа и ждать возвращения своего друга. Создавшееся опасное положение усугублялось еще тем обстоятельством, что Тамара весьма благосклонно относилась к Юрию. Мужество царя, его порывистость, храбрость и в свое время благородная решимость выступить на защиту Сослана, терпеливая покорность в страданиях волновали царицу и заставляли ее задумываться о нем и его печальной судьбе чаще, чем она могла бы позволить себе, соблюдая верность Сослану. Не так равнодушно, как казалось, она встречалась с ним на приемах, стараясь не замечать его восторга и пламенных взглядов. Но чем больше сжималось ее сердце от жалости к нему, тем она внешне становилась строже и холоднее, стремясь всегда сократить время их встречи.

Вероятно, Русудан угадывала происходившую борьбу в своей племяннице и, помолчав немного, опять начала вкрадчиво и нежно.

— О, душа моя! Зачем ты так безрассудно убиваешь себя и с тоской зришь на жизнь вместо того, чтобы предаваться радостям и утехам? Разве наш молодой царь не блистает, подобно солнцу, своей красотой? Разве он уступает кому-либо в храбрости и отваге? Разве под твоим мудрым водительством не суждено ему прославить Иверию и быть твоей верной опорой?

Строгий взгляд Тамары не остановил Русудан, она с увлечением продолжала:

— Не будут ли радоваться подданные нашему счастью, и мир и благоденствие водворятся, наконец, в стране? Из-за любви к тебе царь готов на всякие жертвы! Он не пожалеет своей жизни ради тебя...

— Оставь меня! — прервала Тамара, и Русудан, всегда безошибочно распознававшая настроение царицы, не обиделась на ее просьбу, но молча покорилась и вышла.

Они расстались взволнованные и обеспокоенные, и

хотя сильно любили друг друга, однако каждая из них желала противное тому, о чем думала другая. Русудан своими коварными речами сильно смутила Тамару, она долго не могла успокоиться после ее ухода. Эти речи пленили сознание царицы, внушая ей желание покориться неизбежности и, уступив общим настояниям, прекратить борьбу с Юрием. Она устала от одиночества, от внутренней борьбы, от несогласия и сопротивления приближенных и печально смотрела на будущее. Иногда она даже думала о том, что не будет нести ответственности ни перед богом, ни перед своей совестью, соединившись с Юрием, так как не в ее воле было предотвратить этот брак и не ее была вина, что Абуласан и Микель не пожелали считаться с ее любовью, а искали только одного — как бы погубить и сокрушить Сослана. Но дойдя до этой мысли, Тамара сразу пришла в себя, представив со всей ясностью, что у Давида, помимо нее, не было никого в жизни, и, изменив ему, она тем самым делала его вечным изгнанником, который предпочел бы скорее погибнуть на чужбине, чем примириться с потерей родины и возлюбленной. Непреодолимая пропасть легла между нею и Юрием, и ни доводы Русудан, ни недовольство подданных, ни чувство жалости к Юрию не имели больше власти над ее душою и не могли заставить ее отречься от Сослана.

Привыкнув к терпению и постоянному самоотречению, Тамара предалась государственным занятиям. Но и здесь ей пришлось невольно опять вспомнить про Юрия. Она с удовольствием заметила, что новый царь постепенно отстранил от государственных дел именитых сановников, не слушался ни Микеля, ни Абуласана, сам чинил суд над виновными и приближал ко двору людей новых, служилых и щедро раздавал им земли и всякие награды. Тамара видела, что у него было высокое понимание своей роли и возложенного на него долга перед государством, что он стремился к большой деятельности, и меры, проводимые им, вели к укреплению и усилению единовластия и уничтожению розни между высшими и низшими сословиями. Юрий поступал так, как будто хорошо знал о государственных планах Тамары и хо-

тел облегчить ее борьбу с непокорными князьями; ни одно из его распоряжений не вызывало в ней недовольства и противодействия. Она тщательно скрывала от него это неожиданное единомыслие их в делах управления, боясь, что он возгордится, вознамерится серьезно царствовать и совместно с нею решать все важные государственные вопросы.

Бумаги, лежавшие перед нею, состояли, главным образом, из прошений и жалоб на различные беззакония, творившиеся в Иверии, благодарственных писем из разных монастырей за пожертвования, пространных сообщений эриставов, военачальников о положении в областях, просительных грамот купцов о предоставлении им всяких льгот и преимуществ и, наконец, обращений послов иноземных стран. Просматривая все эти бумаги, Тамара с огорчением вспомнила о Микеле, который, как министр просвещения, должен был заниматься благотворительными делами, опекать больных, вдов и сирот, заботиться о развитии образования в стране, а вместо этого он награждал угодных ему лиц и только изредка докладывал о книгах, полученных из Византии, и о помощи бедным.

Вошла Астар и доложила Тамаре:

— Из монастыря Опизы прибыл мастер Бека и просит принять его. Он сказал, что выполнил повеление царицы.

— Бека? Зови его! — с живостью отозвалась Тамара, так как с его именем у нее было связано воспоминание об иконе Спаса в Анчисхатской церкви, и она давно ждала его появления.

На пороге показался знаменитый мастер Бека в монашеском одеянии, державший в руках массивный чеканный оклад на икону Спасителя. Он низко поклонился царице, не имея возможности пасть пред нею на колени с окладом, царица ласково пригласила его сесть рядом с собою.

— Покажи мне твою работу, — с живейшим участием произнесла Тамара и приготовилась слушать объяснения Бека.

Бека с торжественной медлительностью раскрыл зо-

лотой чеканный оклад на икону Спасителя, осыпанный крупными алмазами, яхонтами, сапфирами и окатистым жемчугом, имевший двенадцать эмалевых изображений праздников, украшенных драгоценными камнями. Верх оклада был увенчан короной с огромным сапфиром, перекрещенным бриллиантами. Работа была сделана так искусно, тонко и богато, с такой изящной отделкой, что поражала каждого, кто смотрел на это великолепное сочетание драгоценных камней с золотым фоном всего чекана, отливавшего несравненным блеском различных цветов и оттенков. Тамара долго молчаливо созерцала это дивное произведение своего любимого мастера, в глазах ее стояли слезы радости и восторга.

— Ты достоин большой похвалы, мой дорогой Бека, и будешь прославлен в веках! Ты утешил мое сердце и наполнил его радостью.

Бека упал к ее ногам, не зная, как благодарить царицу за ее великодушные слова, которые поставили его превыше всех мастеров в Иверии. Затем он показал ей другой оклад на Цхароставское евангелие. Это был богатейший чеканный оклад, каких до сей поры в Иверии не было.

— Не могу тебе сказать, Бека, — с чувством благодарности произнесла она, — как я довольна твоей работой, и не знаю, как оценить и наградить твое усердие и старание на пользу нашей церкви. Скажи мне, в чем ты нуждаешься, как мне достойно возвысить и отблагодарить тебя?!

— Всемиловитая царица! — воскликнул Бека, — не нуждаюсь я ни в чем, кроме Вашей милости и благоволения! Да будет эта работа во славу творца нашего, кто дал нам жизнь и разум!

— Да будут твои слова, мой дорогой Бека, вечной хвалой твоей мудрости! Из нашей казны тебе будет отпущено все потребное, и даю тебе царское слово, что любая твоя просьба будет немедленно мною исполнена! Я никогда не оставлю тебя, и жизнь твоя отселе будет охраняться нашим престолом.

Бека едва удержался от слез и не знал, что ему ответить царице. От сильного, но скрытого волнения крас-

жа выступила на его бледном лице, он хотел говорить и не мог.

— Что с тобой, Бека? — заметив его смущение, тихо спросила царица. — Я вижу, что у тебя что-то лежит на сердце. Поведай мне всю правду, не бойся! Если что случилось в монастыре — говори! Я приду к вам на помощь! — Наступило молчание. Затем Бека вынул хранившийся у него на груди под одеждой сверток и, повалившись к ногам царицы, промолвил:

— Простите Вашего верного раба, державная царица. Выслушайте милостиво, что я скажу Вам. На днях из Константинополя в Опизу прибыл монах с тайным поручением от какого-то важного лица, передал мне этот сверток и велел немедленно отвезти его иверийской царице. Кто он и кем он прислан, мы не могли допытаться. Он сказал мне только одно: «Вези царице! Царица все знает. А меня не расспрашивай!» И, так как работа у меня была вся готова, собрался и приехал в столицу.

По знаку Тамары он поднялся и передал ей большой пакет, обвязанный тесемкой. Царица развернула с большим волнением таинственный свиток и среди духовных песнопений на греческом языке она с удивлением увидела письмо, лежавшее отдельно, написанное на небольшом куске старого пергамента.

«Милостивейшая царица! — читала она. — Смирный и убогий Ваш раб Никифор всегда возносит молитвы за Вас, моля всевышнего умножить лета Вашей жизни, утвердить и возвеличить Ваше царствование!

Согласно Вашему изволению, двое Ваших усердных богомольцев вместе со слугами благополучно отплыли в святую землю, напутствуемые моим пасторским благословением, воссылая за Вас к небу горячие благодарственные молитвы.

Да сохранит Вас всевышний и ниспошлет Вам свою милость!

Никифор».

Царица глубоко задумалась над этим загадочным посланием. Она несколько раз перечитала его, стараясь понять смысл необычайного письма и разгадать его содержание. О каких двух богомольцах со слугами мог пи-

сать ей Никифор, когда она никого, кроме Сослана и Гагели, не посылала в Палестину и никому не давала на то своего изволения?

После недолгого раздумья Тамара утвердилась в мысли, что письмо могло касаться только Сослана и Гагели и что Никифор был лицом, у кого они скрывались и кому поручили известить ее о своем отъезде. Тамара была так обрадована и взволнована этим неожиданным известием о Сослане, что больше не могла продолжать беседу с любимым мастером и отпустила его, пригласив на следующий день в Анчисхатскую церковь. Бека упал к ее ногам:

— О, любезная царица! — взмолился он. — Окажите мне такую милость, отпустите меня в Опизы! Не могу я оставаться в столице, где не буду иметь покоя ни днем, ни ночью! — И тут же Бека рассказал ей, что по повелению царя он должен теперь остаться в столице и заняться таким важным делом, как выработка эмалевых изделий для Иверии.

Сообщение Бека встревожило Тамару, она поняла, что приказание царя имело какое-то большое значение.

— Успокойся, Бека! — сказала она, подумав. — Я поговорю с царем и постараюсь исполнить твою просьбу. Иди с миром!

Бека ушел. Наконец, она осталась одна, испытывая глубокое чувство радости от сознания, что близкие ей люди спасены от гибели.

Она забыла обо всем, что происходило в Иверии. Забыла о предстоящем свидании с Юрием и перенеслась мыслью в далекую Палестину, где теперь находился Сослан со своими спутниками и где должна была произойти встреча с султаном Саладином.

ГЛАВА IV

Был уже вечер, когда Астар вошла в покои царицы, встревоженная ее долгим молчанием, и доложила, что главнокомандующий Мхаргрдзели и царь просят принять их и что они ждут ее в приемном зале.

— Проводи их сюда, — распорядилась Тамара.

Когда Юрий и Захария вошли в покои царицы, она сидела в кресле такая строгая, задумчивая и неприступная, что Юрий сразу растерялся и оробел, но потом преодолел свою застенчивость и, опередив Мхаргрдзели, решительной походкой направился к царице.

Тамара с удивлением посмотрела на него, как он резко изменился. Юрий был в парадном костюме иверского царевича, в кафтане, отороченном мехом, с золотыми пряжками и серебряным чеканным поясом. Нарядная одежда так красила его похудевшее, но оживленное лицо, так выделяла его стройную фигуру, что Юрий отнюдь больше не походил на угрюмого и разочарованного царя, который одним своим видом отвращал от себя взоры подданных. Его смелая, отважная манера, беззаветная преданность, горячность невольно тронули Тамару, и она, встретив их официально, затем приветливо улыбнулась и пригласила занять места возле себя, намереваясь вести с ними продолжительную и серьезную беседу. Юрий сел молча в кресло напротив Тамары и велел Мхаргрдзели докладывать царице о задуманном походе и о новых способах осады крепостей, какие были применены крестоносцами в Палестине.

К большому удовольствию Юрия Захария с добросовестной последовательностью начал излагать царице все подробности предполагаемого наступления на Карс. Царь, довольный тем, что предоставлен самому себе, и

впервые находясь напротив Тамары на таком близком расстоянии, беспрепятственно наслаждался созерцанием красоты и желал только одного — не покидать этого места. Тамара быстро угадала эту невинную хитрость Юрия и как ни была смущена и раздосадована, она не могла ни сделать замечания Юрию, ни посадить его на другое место. Доклад Захария, имевший большое государственное значение, требовал пристального внимания. и нельзя было прерывать его.

Между тем Юрий безмолвно и неотрывно смотрел на Тамару, любуясь каждым ее движением и особенно той серьезностью, с какой она слушала Мхаргрдзели, изредка задавая вопросы.

Восхищенный, он неотступно следил, как быстро и неуловимо менялось выражение ее блестящих черных глаз, отражавших, как в зеркале, все то, чем жило и билось ее сердце. Юрий видел, как внезапно разгорался румянец на ее бледных щеках и как сразу лицо становилось невыразимо грустным и в своей грусти еще более прозрачным.

Теперь Юрию казалось, что вся его предыдущая жизнь была подобна темной, беззвездной ночи, и он тоскливо, одиноко бродил, не видя перед собой дороги. И вдруг перед ним засиял яркий свет, жизнь озарилась тысячей огней, но, к его ужасу, огни вспыхнули, ослепили его и тотчас же погасли. Любовь росла в нем, точно трава из земли ранней весной, неудержимо, стремительно, но солнце безжалостно сжигало ее палящими лучами и превращало в сухие и мертвые стебли. Мысль, что надеждам его не суждено никогда сбыться, сводила его с ума.

Чрезмерная тоска поглощала его душу, жизнь представлялась непосильным бременем, а смерть — освобождением. На минуту он отводил глаза и погружался в беспросветный мрак. Тоска становилась острее, непереносимей, и он вновь оборачивался к Тамаре, испытывая временное облегчение и отраду. Теперь глаза его не отрывались от нее, в них попеременно отражались боль и мука, очарование жизнью, отчаяние и превосходящая сознание любовь, с которой он бессилен был

бороться. Он совсем не стеснялся Мхаргрдзели, видя в нем своего сторонника, и готов был перед всем миром кричать о своих страданиях, лишь бы вызвать к себе внимание и сочувствие царицы.

Несколько растерянная таким откровенным, хотя и безмолвным любовным признанием, Тамара с усилием слушала мерное и обстоятельное повествование главнокомандующего, делая вид, что она не замечает странного поведения Юрия. Между тем Захария, отличавшийся тонкой наблюдательностью, преднамеренно затягивал свое сообщение, подробно излагая стратегические преимущества иверских войск под Карсом. Он особо остановился на разработанном им плане наступления, которое должно было привести к полному разгрому турок и быстрому овладению крепостью.

— Всемиловнейшая царица, — неторопливо говорил он, изредка бросая взгляд на страдальческое лицо Юрия и тотчас опуская глаза, чтобы не быть свидетелем его мучений, — давно было у меня желание поведать Вам, что мы не должны больше давать спуску сельджукам, которые высматривают наши незащищенные места и производят набеги. В такое время, когда крестоносные войска сражаются с мусульманскими полчищами, нам подобает нанести сокрушительный удар по сельджукам, отогнать их навсегда от наших границ и защитить Армению. Мы должны пойти на Карс, на Эрзерум, на Хорасан, дабы навсегда пресечь происки неприятелей и предотвратить нападения, коим наше отечество может подвергнуться в любое время... — Он взглянул на Юрия и не узнал его: взгляд его померк, лицо сделалось бесцветным, безжизненным, а неподвижно склоненная фигура дышала усталостью и безразличием ко всему, что происходило вокруг него.

— А что поведает нам царь? — внезапно произнесла Тамара, обращаясь прямо к нему, с явным желанием вовлечь его в беседу. В голосе еле слышалась непривычная теплота и участие, и Юрий мгновенно воспрянул духом, в его душе возникло мучительное подозрение: не смеется ли царица над ним, не желает ли она поймать его на рассеянности и показать своему главнокоманду-

юшему: «Вот какой у нас безрассудный царь, не слушает нашей беседы, не вникает в государственные дела, а хочет управлять народом». — Эта мысль настолько сильно уязвила Юрия, что, не помня себя, он поднялся с кресла, в котором несколько минут тому назад хотел бы просидеть всю свою жизнь. Глаза его засверкали гневом, он с запальчивостью произнес:

— Главнокомандующему подобает составлять планы, следить за нуждами и состоянием войска и руководствоваться больше измышлениями ума своего, чем силой меча, а царю надлежит крепко держать меч в руках и не давать пощады врагам, воодушевляя и ободряя воинов своим примером. Посему каюсь, царица, за свою беспамятность и невнимательность! Мое дело орошать землю кровью противников, а не вступать в обсуждение дел, какие решаются не словами, а мечами!

Не постигая причины его внезапного раздражения, Тамара укорила себя за снисходительность, проявленную к его печали и отчаянию. Она решила, что, благодаря своему дурному, вспыльчивому нраву, Юрий не умеет ценить великодушия и, как воин, закаленный в боях и житейских буднях, привык больше к суровому, чем к нежному обхождению. Она промолвила сдержанно, без досады, но со строгостью, давая ему понять, что он оскорбил Захария своим резким замечанием, умалявшим его честь и достоинство:

— Царю надлежит, прежде всего, беречь жизнь своих подданных. Мы должны предвосхищать намерения противников, превосходить их не только доблестью нашего войска, но и воинскими планами, рассчитанными на их быстрое поражение.

Захария Мхаргрдзели воспринял вспышку Юрия несколько иначе, чем Тамара, и не мог подавить сожаления по поводу размолвки между Юрием и царицей.

— Храбрость Ваша, царь, — залог нашей победы! — со вздохом произнес он. — Не льщу надеждой, чтобы мои измышления могли что-либо прибавить к Вашему испытанному в боях мужеству. Но да будет мне разрешено предохранить Вашу жизнь от опасности, дабы не-

продуманным наступлением не предать Вас в руки врагов и кровью наших воинов не обогреть вражескую землю.

— О, мой храбрый и верный Захария, — воскликнул Юрий, раскаиваясь в своем гневе, — прости меня, если я тебя чем обидел! В мыслях моих не было корить тебя и заноситься перед тобою, зная, как предан ты своему отечеству и как горишь желанием сразиться на ратном поле. Поведаю тебе истину. Погружен я в задумчивость и не слыхал слов твоих. Но, воспрянув, как бы ото сна, я не подумал, что надо было сказать, и произнес речь, неосмысленную и обидную! — Затем, обратившись к царице, закончил: — Витязи сражаются или за жизнь, или за честь свою, или за отечество. Ни жизнью, ни честью я не дорожу и проливать за них кровь не стану. Отечества я давно лишился и, хотя ваша страна стала для меня новым отечеством, не скрою, что не любовь к нему воодушевляет меня на ратные подвиги! Я горю желанием, царица, пролить свою кровь ради тебя, чтобы каждая капля ее прославляла твое имя и слава о тебе прошла по всей земле!

На пылкое признание Юрия царица ответила не сразу. Ей надо было подумать и решить, что же сказать Юрию. Она хорошо понимала, как чистосердечен и искренен был Юрий, как он страдал от ее холодности и искал малейшей возможности проявить свою любовь к ней. Она также не могла не заметить печальных взглядов Мхаргрдзели и была в нерешительности, как ей поступить дальше. В такой радостный день, когда она получила известие о Давиде, ей не хотелось огорчать Юрия резким отпором и показать перед Мхаргрдзели свою нелюбовь и неприязнь к мужу. Но и опасно было мягко отнестись к Юрию, так как он захотел бы продолжить свидание с нею и возгорелся бы надеждой на взаимность. Поэтому она ответила коротко и сухо:

— Не во власти земных царей распоряжаться жизнью человека и непристойно пользоваться ею для своего честолюбия, — и затем попросила Мхаргрдзели продолжать изложение о войне, а также о положении дел в Палестине.

Несколько охлажденный замечанием царицы. Юрий после своей гневной вспышки ослабел, сел в кресло против Тамары и на некоторое время замер, не находя больше ни в чем для себя утешения. Он закрыл глаза и унесся мыслями в родную землю, не видя и не слыша ничего, что кругом происходило. Ему казалось, что высоко в небе блестят стяги русской земли, раздастся заунывный перезвон колоколов Великого Новгорода, где он княжил, хоть и недолго, но жил беспечно, не видел горя. Здесь же его постигла неизведанная до той поры любовь, сердце его как бы иссохло от печали, и жизнь перестала пленять своей сладостью. Не было ничего, что могло бы сейчас доставить ему отраду или вновь вернуть веселые дни юности, но вместе с тем он, к удивлению своему, и не рвался к прошлому, не хотел расставаться с мучениями, наполнявшими все его существование в Иверии. Он чувствовал себя пленником, потерявшим все основы жизни, но в то же время и не стремился вырваться на волю, так как свобода казалась ему теперь хуже плена.

Он очнулся, открыл глаза в тот момент, когда смолк голос Мхаргрдзели и в покоях водворилась тишина. Он испуганно посмотрел на царицу, но взгляд ее был устремлен мимо него. Она, видимо, ждала его пробуждения, полагая, что он забылся от утомления или печали. Захария молча стоял перед царицей, ожидая, когда она его отпустит. Юрий в страхе понял, что свидание кончилось, царица ждет, когда они удалятся, и она останется одна в своих покоях. Но мысль о расставании так ужаснула Юрия, что он в волнении приподнялся, обернулся к Мхаргрдзели и решительно заявил:

— Мой добрый Захария! Не сетуй, что тебе придется одному совершать свой путь обратно! Завтра утром ты явишься ко мне, мы закончим наши переговоры. Готовься к выступлению, которое, по всему видно, сулит нам победу! Пускай трубят трубы и знамена развеваются в столице!

Мхаргрдзели про себя одобрил намерение Юрия, но внешне отнесся безразлично к его словам. Он почтительно простился с царем и сказал, что будет ждать его рас-

поряжений и сделает все необходимые приготовления к походу.

Тамара менее всего желала сейчас оставаться наедине с Юрием, но из деликатности молча отпустила Мхаргрдзели, проводив его долгим и сожалеющим взглядом.

После ухода Захария, в покоях некоторое время господствовало безмолвие, как будто каждый любезно предоставлял другому право начать свою речь первым.

Но как ни избегала Тамара опасного столкновения с Юрием, она ясно видела по его выразительным взглядам, что он возложил слишком большие надежды на свидание с нею и готов был выдержать самое лютое испытание, лишь бы она не удалила его от себя и не напоминала о Сослане. Свидание предстояло тягостное и мучительное. Тамара решила дружески повлиять на Юрия, склонить его к мысли добровольно расстаться с нею и покинуть навсегда Иверию. Но объяснение началось иначе, чем она предполагала. Прежде чем она успела подумать и подготовиться к беседе, Юрий стремительно бросился к ее ногам и зарыдал, будучи не в состоянии произнести ни слова. Испуганная таким бурным и неожиданным проявлением чувства, Тамара хотела успокоить Юрия, но чувствовала свое полное бессилие перед человеком, который ничего не просил, не требовал, а только слезами и немymi страданиями молил о милости и снисхождении. А между тем это был царь и венчаный муж ее, терпевший столько времени ее пренебрежение и холодность.

— О, солнце светлое! О, милая, желанная! Ненаглядная и прекрасная! — восклицал Юрий, целуя ее ноги и как бы находясь в забвении. — Ты всем даруешь тепло, отраду и радость! Зачем ты меня одного безжалостно изнурила немилостью и презрением и безвременно сводишь в могилу? Разве мало тебе терзать мою душу, обгащать кровью мое сердце, которому смерть стала милее жизни?

Тамара с содроганием прислушивалась к его речам, не замечая, как из глаз ее текли слезы жалости и сострадания. Она не прерывала его излияний, но остава-

лась неподвижной, боясь усилить его возбуждение как излишней строгостью, так и мягкостью и участием. Она уже больше не могла ни о чем думать, как только о том, как бы вернуть ему утраченную силу жизни, могущую погасить пламя любви и облегчить его страдания.

— Мужайся, царь! — тихо промолвила она, и в голосе ее зазвучала неслыханная им до того проникновенная нежность и ласка. — Помни — бранные подвиги залечивают сердечные раны. Не подобает сыну великого государя Андрея Боголюбского терять мужество, проливать слезы и забывать про свою честь и славу!

Юрий вспыхнул и встrepенулcя не столько от слов, сколько от нежных и мелодичных звуков ее голоса: он поднялся и с гордостью произнес:

— Ни про честь свою, ни про славу я не забывал, и нет бесчестья в любви моей к той, величию, красоте и уму которой дивятся все народы. Затмила ты мою душу, и здесь, у твоих ног, я обрету себе или погибель, или счастье, а вместе с ним и честь, и славу!

В его словах прозвучала непреклонная решимость не отступать и не уходить отсюда до тех пор, пока царица не сжалится над ним и не дарует ему свою любовь и милость.

Видя, что он несколько пришел в себя и готов слушать ее, Тамара рассудила, что лучше всего действовать на него кротостью и лаской.

— Ты был бы истинным витязем и достойным всяческой похвалы, если бы сердце твое было подчинено разуму, — примирительно промолвила она. — Порывы твои губительны и не принесут тебе ничего, кроме несчастья.

— Голубица моя чистая! — воскликнул Юрий, опять придя в необычайное возбуждение от ее ласковых слов. — Горлинка моя! Заклинаю тебя! Не отвергай моей любви! Не ввергай меня во тьму могильную, откуда мне нет возврата! Пожалей меня не за любовь, а за безумие мое!

Однако, умоляя о пощаде, он ни разу не упомянул о правах своих, освященных церковью, и, теряя рассудок, все же надеялся только мольбами и лаской исторгнуть

согласие Тамары, которая уже не имела сил резко оттолкнуть его от себя. Сейчас она больше всего страшилась озлобить Юрия и вынудить его обратиться к защите церкви. Тамара ни на одну минуту не забывала, что перед нею был ее законный муж, она не имела никаких нравственных оснований отвергать его любовь и лишать надежды на счастье. Но в то же время из ее памяти ни на одну минуту не исчезал образ Давида, она ясно понимала, что сейчас решалась их судьба на всю жизнь.

Обескураженный молчанием и необычайной снисходительностью Тамары, Юрий очнулся и, увидев ее грустное лицо, залитое слезами, ужаснулся собственной дерзости, причинившей ей такое огорчение. В его затемненном сознании блеснула мысль, что царица склоняется на его мольбы, любовь его не останется безответной. Эта надежда оживила Юрия, вернула ему утраченное самообладание и желание показать перед царицей свое великодушие и благородство.

Он поднялся, сел рядом с нею и более спокойно промолвил:

— Ты — моя жизнь, светозарная царица! Хотя божественный закон дал мне власть над тобою, чтобы ты во всем подчинялась мне, но я не хочу вопреки твоей воле владеть тобою. Склоняю свою голову под твою милость, но молю тебя: не отвергай меня!

Тамара видела, какой ценой досталась Юрию его победа над самим собой. Она не могла не оценить его благородного порыва, отказа от своих прав и великодушной решимости подчиниться ее воле. Но она не только не имела возможности вознаградить Юрия за принесенную жертву, но должна была горько разочаровать его, отняв последнюю надежду на свое согласие. Однако Тамара ясно понимала, что в том душевном состоянии, в каком находился Юрий, опасно было доводить его до отчаяния. Поэтому она вступила с ним в беседу, стремясь подготовить его к походу, где, как ей казалось, он мог скорее излечиться от тяжкого душевного недуга.

— Если бы ты осмелился посягнуть на мою честь

Без моей воли, — начала она мягко, но непреклонно, — то никогда больше ты бы не увидел меня, я навсегда сохранила бы о тебе память, как о человеке грубом и жестоком. Но судьба предостерегла тебя от подобного несчастья. Зачем ты терзаешь себя напрасно, зачем забываешь, что всевышний никогда не покинет человека, не пошлет испытания сверх силы, даруя ему то, чего он достоин?

Слова Тамары можно было истолковать различно — и как желание подготовить его к отказу, и как неясное обещание соединиться с ним, ссылаясь на волю всевышнего. Юрий воспринял ее слова в благоприятном для себя смысле, и радостная надежда окрылила его, заставив мгновенно забыть про все страдания. Тамара перешла к мягким увещаниям, стремясь отвлечь его внимание от себя, но Юрий все время порывался выразить ей свою благодарность и любовь. Тамара, видя, что он нисколько не утихает, а разгорается все сильнее от ее близости, решила прекратить опасное свидание, тем более, что измученный вид его не предвещал ничего доброго. Но как только она поднялась, изъявила желание удалиться, Юрием вновь овладело безумство.

— Не оставляй меня! Знай, что живым я отсюда не уйду, и, если не здесь, то в вечности соединюсь с тобой!

Эта угроза скорее разгневала, чем испугала Тамару, но мрачное и искаженное от боли и ужаса его лицо заставило ее прислушаться к голосу его призыва.

— Если ты будешь держать себя пристойно, как подобает благородному витязю, я останусь с тобой и не помяну твоей дерзости, — промолвила она твердо, — но помни, как только ты изменишь своему слову, — никакие угрозы не заставят меня сносить твое присутствие.

Спокойствие и твердость царицы сразу отрезвили Юрия. Он дал клятву не выходить из повиновения, послушно сел возле ее ног, сокрушенно каялся в своем дерзком порыве и несчетное число раз повторял:

— Ты моя жизнь! Ты моя радость и отрада! Не губи мою душу, будь моей женою!

Впервые за все время их супружества они мирно сидели вдвоем, вели душевную беседу, лучше узнавая

друг друга и даже находя удовольствие от этого неожиданного сближения. Тамара внимательно выслушивала его рассказы о прошлом, о неудачах в жизни и примечала по отдельным высказываниям, что он обладал большим природным умом, смелым и решительным характером и мог быть хорошим правителем. Она умело направляла его внимание к государственным вопросам, воинским подвигам, и он послушно следовал за нею, сливая мечты любовные с мечтами о славе.

— Когда ты будешь моею и даруешь мне свою любовь, — в упоении говорил Юрий, — клянусь твоей родиной, весь Восток будет покорен, слава о тебе прогремит по всему свету!

Мысль о просьбе Бека неожиданно всплыла в ее памяти, и она вдруг тихо прервала его излияния и спросила:

— Скажи мне, ты ли выписал мастера Бека из Описы? Для какого дела он нужен тебе?

Юрий вначале как бы смутился от ее вопроса, затем оживился и уклончиво произнес:

— Разрешите мне сейчас не отвечать на твой вопрос. Пока не будет начато важное дело, не следует преждевременно разглашать его. Бека не должен сидеть в монастыре, когда требуется его помощь и искусство у нас в столице.

— Он просил меня отпустить его в Опису. Я обещала исполнить просьбу Бека, — тем же тихим, но непрекаемым тоном сказала Тамара и строго посмотрела на Юрия, как бы не позволяя ему думать об отказе.

Юрий низко склонил перед нею голову и еще тише, чем она, почти беззвучно, прошептал:

— Твоя воля — для меня закон! Да будет так, как ты хочешь!

— Поведай мне, что ты хочешь делать! Я должна знать о всех твоих начинаниях, дабы не мешать и помогать тебе в их выполнении.

Ничего не утаивая, Юрий со всей искренностью рассказал ей о своем плане построить храм по тому образцу, по какому был выстроен храм во Владимире отцом его, Андреем Боголюбским.

До рассвета они пробыли вместе, хотя Тамара не произнесла ни одного слова о будущем, тем не менее Юрий преисполнился уверенностью, что после похода, когда он вернется с победой, Тамара станет, наконец, его женой.

Прощаясь, Юрий сказал:

— Помни: ни смерть, ни враги, ни сам дьявол — не страшны мне. Одно страшно: если ты покинешь меня, и я не увижу тебя в жизни. Молю тебя, не толкай меня в пропасть, дабы тьма не поглотила меня и неоплаканным не сошел в могилу!

— Да сохранил тебя всевышний от этой страшной участи! — поспешно вымолвила царица, испытывая теперь к Юрию чувство большее, чем жалость, и благословляя его.

Он долго смотрел на ее бледное, расстроенное лицо и точно стремился угадать: было ли это свидание последним или оно являлось преддверием к их будущему счастью? Потом низко поклонился и дрогнувшим голосом, оставшимся у нее навсегда в памяти, тихо произнес:

— Полюбил я тебя, чистую голубицу, не на жизнь, а на смерть! Не губи меня, а ежели отвергнешь, не видать мне больше жизни... — не кончив, быстро вышел, боясь утратить разум и опять впасть в безумство.

Когда Астар, спустя некоторое время, вошла в покои царицы, она нашла свою повелительницу повергнутой ниц перед иконой богоматери и потрясаемой горькими рыданиями.

ГЛАВА V

Корабль, на котором плыл Давид Сослан со своей свитой в Палестину, во время страшной бури разбился в Латмийском заливе, а его выбросило на берег недалеко от древнего греческого города Милета. С большим трудом и опасностью для жизни, спасши свои драгоценности и золото, они решили остановиться в Милете, так как в Латмийском заливе свирепствовали непрерывные шквалы и бури, и ни один корабль зимой не заходил в это место.

Они побыли в Милете довольно продолжительное время, ожидая захода случайного корабля, и до них доносилось много печальных вестей, связанных с происшествиями в Палестине. Особенно сильное впечатление произвело на них сообщение о трагической гибели немецкой армии во главе с их знаменитым полководцем Фридрихом Барбароссой. Хотя немцы, подобно другим европейцам, принимали участие в крестовых походах и отличались воинственностью, тем не менее они каждый раз терпели поражения, и все их попытки стать на защиту Иерусалима кончились для них катастрофически.

Давид Сослан и Гагели знали, находясь еще в Иверии, что германский император Фридрих Барбаросса, стремясь снискать расположение римского папы, снарядил огромную армию для борьбы с Саладином и, не дожидаясь остальных крестоносцев, отправился вместе со своим войском в Палестину. Хорошо помня о страшном поражении, понесенном немецкой армией во втором крестовом походе под предводительством Конрада III, Фридрих Барбаросса принял все меры, чтобы избежать ошибок своего предшественника. Но тщетными ока-

зались все его усилия. Голод, лихорадка — бич Азии, чумная эпидемия, трудности горных переходов и беспрерывные нападения турок превратили его многочисленную, хорошо снаряженную армию в жалкое сборище изнуренных людей, быстро таявшее по мере приближения к Палестине.

К довершению катастрофы, не дойдя до Палестины, Фридрих Барбаросса утонул в реке Селеф. Лишившись своего полководца, последние остатки его войск рассеялись по окрестностям, а многие, не пережив несчастия, покончили с собой. Не менее печальная участь постигла и сына Барбароссы, Фридриха Швабского, который никак не мог найти место, чтобы похоронить кости своего отца, и возил их с собой до тех пор, пока, наконец, и сам не последовал за ним в могилу.

Гибель немецкой армии доставила большую радость Саладину, который неожиданно для себя освобождался от одного из сильнейших противников, а крестоносцы теряли союзника с огромной армией, прибытия которой они нетерпеливо ожидали. Но вместе с тем, как узнал Гагели, немцы приобрели своими неудачами такую дурную славу на Востоке, что крестоносцы избегали соединяться с ними, боясь, что их постигнет тот же злой рок, который преследовал немцев.

— Судьба наказывает их за высокомерие и гордость, — заметил Сослан, — и если они не образумятся, то лучше было бы не вступать им в борьбу с сарацинами и не обречь заранее себя и других на неудачу.

— Во избежание несчастия лучше не встречаться с ними, — заключил Гагели, — надо принять все меры, чтобы не попасть в их лагерь.

Весной с первым же кораблем Давид Сослан и его спутники отплыли в Акру, куда незадолго до них со своим флотом явился английский король Ричард Львиное Сердце.

Чем ближе становилась Палестина, тем более возрастало их волнение, так как само море, усеянное парусными судами, своим необычным видом напомнило о несметном скоплении народов, о битвах и собранном здесь воинстве со всей Европы и Азии.

Акра лежала на обширной равнине, которая с севера ограждалась горою Сарон, а с востока — горами Галилейскими и с запада — Средиземным морем. Огромные башни поднимались на ее стенах: между ними выделялась так называемая башня «Проклятая». Роши и сады покрывали окрестности Акры, на холмах возвышались виллы богачей, а на скатах гор раскинулись деревни.

С моря была видна — крепость Акры, высившаяся на уединенной скале среди морских пучин, и за Акрой — раскинувшийся обширный христианский стан, больше похожий на город, чем на военный лагерь. Позиция Акры была защищена самой природой, и начатая крестоносцами осада, несмотря на ряд кровопролитных битв и решительных сражений, пока не сулила им близкой победы.

Сойдя с корабля рано утром на берег, где происходила высадка европейцев, Сослан со своими спутниками прямо направился в христианский стан, вынужденный, таким образом, с самого первого момента прибытия в Палестину связать свою судьбу с судьбой крестоносцев.

На берегу стояли датчане, фрисландцы и другие воины Севера, которые охраняли высадку христиан, прибывших морем из Европы.

Войдя в стан, Сослан и его спутники очутились в укрепленном городе, который был так хорошо защищен от неприятеля, что даже опытные лазутчики с трудом могли туда проникнуть. Кругом были вырыты рвы, воздвигнуты стены, и осадные машины крестоносцев день и ночь громили твердыни Акры. Саладин раскинул свои шатры позади христианского стана, расположившись со своими войсками на горах Кайзанских, откуда был виден берег моря. Он не допускал выхода крестоносцев из занимаемого ими места, постоянно сзади нападал на них, так что, осаждая Акру, крестоносцы были сами осаждены и крепко заперты Саладином в своем убежище. На далеком пространстве, какое только можно было окинуть взглядом, развевались знамена мусульманских ополчений.

Гагели, благодаря хорошему знанию европейских

языков, в тот же день узнал обо всем, что делалось в лагере, и вернулся озабоченный и крайне встревоженный.

— Мы попали сюда, как в западню, — сообщил он, — в самом стане все пути строго охраняются тамплиерами. Перебежчиков убивают на месте. Но если бы мы даже и вышли отсюда, то на краю равнины все проходы заняты мусульманской стражей, которая никого не пропускает в свой лагерь. Саладин находится недалеко, но пройти к нему невозможно. Нас примут за лазутчиков или изменников и расправятся с нами без всякой пощады. Кто позволит в такое время перевозить золото Саладину?

— Ты прав, — согласился Сослан. — Надо было ехать не в Акру, а в Тир и оттуда пройти к Саладину. К сожалению, перенесенные испытания еще малому нас научили, и за это мы несем наказание. Видно пока нам придется остаться в Акре и ждать, когда кончится осада. Надо полагать, что с прибытием европейских королей крепость будет быстро взята, и мы освободимся!

Гагели, опасавшийся, что Сослан огорчится его сообщением и будет настаивать на немедленном свидании с Саладином, умолчал о том, что быстрое взятие Акры было маловероятным, так как в армии франков было больше храбрости, чем дисциплины, и вожди их жестоко враждовали между собою. Саладин же, пользуясь беспорядками и неурядицами среди крестоносцев, умело добивался успеха и почти в каждом сражении вырывал из их рук победу. Гагели умолчал также о том, что на европейских королей рассчитывать было нечего. Каждый из королей тайне замышлял отнять первенство и славу у другого. Зато, скрыв от Сослана печальное, Гагели с большим оживлением остановился на приятных сторонах предстоявшей им новой жизни в лагере и близком знакомстве с приемами и методами войны как мусульман, так и крестоносцев.

— Редкий случай привел нас сюда, — говорил он с увлечением, — здесь, на этой равнине, мы позаимствуем самые усовершенствованные способы ведения войны и привезем их в Иверию. Нам не будут страшны ника-

кие противники после того, как мы постигнем военное искусство на примерах здешних сражений. А пока нам нужно разбить свой шатер, как делают это все рыцари, и обзавестись конями.

Сослан предоставил Гагели полное право распоряжаться их устройством по своему усмотрению, так как всецело был занят мыслями о том странном положении, в какое они попали. Зная хорошо намерения Тамары поддерживать мир на Востоке, Сослан не мог прикнуть к крестоносцам и участвовать в войне, которую они вели с Саладином. В то же время, находясь в христианском лагере, он не мог оставаться безучастным зрителем всего происходившего и по своему воинственному характеру не в состоянии был избегать сражений и отказывать в помощи своим братьям по вере.

Положение осложнялось еще тем, что Сослан стремился как можно скорей выполнить поручение Тамары и с победой вернуться в Иверию, а случайная остановка становилась в известной степени трагической, обрекая поездку к Саладину. Здесь, находясь у крестоносцев, он должен был подчиняться суровым условиям военной обстановки и не мог никуда двинуться без разрешения франков. Таким образом, сделанная в выборе пути ошибка становилась в известной степени трагической, обрекая Сослана с его спутниками не только на вынужденное бездействие, но, самое главное, ставя его в зависимость от тех событий, какие разыгрывались в стане крестоносцев.

Эти чувства настолько волновали Сослана, что он не заметил, как слуги поставили шатер, занесли туда вещи и он оказался в своем новом жилище, убранном с воинской простотой и суровостью. Мелхиседек устал ложе Сослана барсовой кожей, Гагели развесил по стенам их лучшее оружие: сабли, мечи, булатные клинки Арчила, и Сослан с грустью смотрел на это скромное украшение, напоминавшее ему о дорогой Иверии, с которой мысленно никогда не расставался.

Видел я у англичан хороших борзых, — с сожалением сказал Мелхиседек.— Они могли бы сослужить нам хорошую службу — защищать от всяких воров и про-

ходимцев. Говорят, у английского короля огромные белые борзые, он с ними ходит на охоту. С такой собакой можно спать спокойно.

— А ты попробуй купить у них, — посоветовал Гагели и насмешливо прибавил, — чего только нельзя купить у этих рыцарей! За деньги продаются целые царства. Рассказывают, что Ричард Английский перед походом в Палестину нарочно устроил гонение на евреев, чтобы таким путем добыть деньги на снаряжение своего войска. А Филипп Французский тоже под стать ему. Он завидует Ричарду, что тот богаче и славится своей силой. Если бы они знали, сколько золота хранится в наших казнохранилищах, что у нас драгоценностей больше, чем во всех их владениях, они бы нас окружили царскими почестями и пригласили бы к столу Ричарда.

— Сохрани тебя бог от такого бахвальства! — остановил его Сослан. Вечером, когда они легли спать, Сослан с любопытством спросил Гагели:

— Скажи, что ты слышал про Ричарда? Этот государь больше всех меня интересуется.

— Здесь много говорят о его неукротимом нраве и подвигах, превышающих всякое понятие о человеческой силе и мужестве, — ответил Гагели, — свирепость столько же, сколько и храбрость, доставила ему прозвище «Львиное Сердце».

— Хотел бы я померяться с ним силою, — заметил Сослан, — я готов сразиться с ним даже за борзую собаку.

— Господь избавит нас от такого несчастья, — живо откликнулся Гагели. Этот царь, говорят, чрезмерен во всех делах и без границ в гневе. Он запальчив до крайности и лучше не попадаться ему на глаза!

— Ты разжигаешь мое любопытство. Собери о нем, пожалуйста, самые подробные сведения и проверь, правду ли болтают, будто он упражняется в словесности и ведет дружбу с поэтами? Тогда он — благородный рыцарь, и нам приятно было бы сломать копьё с таким витязем. Иного пути, вероятно, и нет, чтобы завязать с ним знакомство.

— И чтобы сделаться его врагом, ежели Вы не поже-

лаете остаться побежденным, — возразил Гагели, но в то же время сочувствовал желанию Сослана, был уверен в непобедимости своего повелителя и не мог побороть соблазнительную мысль присутствовать при таком поединке.

— Ты ошибаешься. Благородным рыцарям чужда зависть к своим соперникам по оружию. Английский король так прославлен своими победами, что, наверное, ищет подобного себе рыцаря, с кем бы он мог сломать копьё и приобрести новую славу. Известно, что сражаясь с храбрецами, человек делается еще храбрее. Не все же мне бороться со львами и тиграми. Наконец-то, я нашел могучего ратоборца, с которым еще никто не сравнялся из знаменитейших рыцарей!

— Приведет ли к добру подобная встреча? — все еще сомневаясь, но склоняясь уже мысленно к словам Сослана, произнес Гагели. — О нем легко собрать сведения, здесь только и разговоров, что об английском короле. Говорят, Французский Филипп более спокоен и осторожен, и хотя отличается храбростью, но благоразумно удерживается от громких подвигов, полагая, что ратная слава не принесет столько пользы его государству, сколько твердая и мудрая политика. Не следовать ли нам его примеру?

Это было последнее возражение, которое он счел нужным сделать Сослану, но тот был одушевлен какой-то мыслью, которую считал пока преждевременным раскрывать Гагели.

— Узнай все, что говорят здесь про Ричарда, — повторил он перед сном свою просьбу Гагели, — а больше всего о том — не поддерживает ли он какие-либо связи с Саладином. Судя по его характеру, от него можно ожидать самых невероятных поступков и крайних решений.

На этом беседа их прервалась. В походной палатке, в боевом лагере, отрезанном от сообщения с внешним миром, где каждый момент можно было ждать вражеского нападения, среди чуждых им народов они заснули крепким сном, со счастливым сознанием, что, наконец, они в Палестине, и самая трудная и длинная часть их пути закончена.

Так началась их жизнь в Акре, настолько необычная и любопытная, что на некоторое время они забыли об истинной цели своего путешествия и с жадностью отдались наблюдениям над крестоносцами. Называясь франками, собранные в одном стане крестоносцы, однако, были строго разделены между собою, каждая нация имела своего вождя и отдельное место в лагере. Каждый народ, кроме того, имел свой характер, нравы и обычаи, весьма различные между собою. Так, итальянские купцы на своих флотилиях, перевозившие богомольцев в Палестину, зарабатывали огромную прибыль и не подчинялись никаким уставам. Генуя, Венеция, Пиза — морские республики, доставлявшие крестоносцам оружие и продовольствие, получали громадные привилегии и располагались особыми кварталами с базарами и церквями. Рыцари для своих нужд прибегали к услугам местных христиан, которые крайне недоверчиво, с опаской относились к франкам, отягощавшим их всякими оброками и ненормальными работами. Дружины крестоносцев часто соперничали и враждовали друг с другом, особенно во время дележа добычи после победы над мусульманами, называвшимися здесь сарацинами.

Жизнь в стане крестоносцев для простых воинов была очень суровой. К ним применялись самые строгие наказания, если их уличали в воровстве, распущенности или даже в небольшой драке между собою. Но совершенно иначе протекала жизнь предводителей войск, знатных рыцарей и королей, которые привезли с собой пышную обстановку своих замков и без стеснения предавались всевозможным развлечениям и излишествам, особенно в короткие промежутки перемирия. Часто печальное однообразие Акрской долины оживляли рыцарские празднества и турниры.

Как раз с прибытием Сослана наступило некоторое затишье, так как Ричард и Филипп страдали лихорадкой и лежали в бездействии в своих палатках, войска с нетерпением ждали их выздоровления.

Однажды вечером Сослан и Гагели в полном вооружении отправились осматривать лагерь. Гагели обратил

внимание Сослана на рыцарей, облеченных в длинные кольчуги, и сказал:

— Смотрите на этих рыцарей, как мрачны и грубы их кольчуги. Издали они напоминают змей, на них нельзя смотреть без отвращения. Я уверен, что Ваша кольчуга и вооружение скоро привлекут к себе внимание любопытных и Вас почтут за принца или за какого-нибудь знатного рыцаря.

— Не смущайся ее изящной отделкой, — возразил Сослан, — она выдержит удар любого меча, ни одно кольцо ее не погнется. Самое приятное, что она легка и плотно прилегает к телу.

Увлечшись прогулкой, они зашли далеко, почти в конец стана, где на склонах холмов стояли башни, внизу были раскинuty шатры, высоко развевалось знамя креста, охраняемое стражей.

— Наверное, здесь разместились предводители войск, — промолвил Гагели, и они хотели повернуть обратно, как заметили, что возле одного шатра в задумчивости сидел некий рыцарь и внимательным взглядом следил за ними. Видимо, рост Сослана, его мощная фигура и вооружение сильно заинтересовали рыцаря; он, не сводя с них глаз, что-то сказал стоявшему рядом с ним оруженосцу, и тот подал ему шлем и меч. Прежде чем они успели отойти от шатра, он встал и стремительно двинулся к ним навстречу.

— Не говорил ли я Вам, что к Вашей кольчуге не останется равнодушным ни один витязь, — тихо сказал Гагели, — хотел бы я знать, что ему нужно от нас?

Они заметили, что стоявший возле шатра оруженосец хотел следовать за рыцарем, но он сделал нетерпеливое движение рукой, означавшее, чтобы его оставили в покое. Подойдя к Сослану, он еще раз с интересом рассмотрел его фигуру, как бы меряясь с ним силою, и высокомерно спросил на местном наречии:

— Кто вы такие? Кто вам разрешил гулять в местах, куда не позволено проникать чужим воинам?

— Если мы преступили дозволенное, прошу снисходительно отнестись к нашей вине, так как мы недавно прибыли и недостаточно знакомы с вашими правилами.

ми, — с достоинством ответил Сослан и тоже с любопытством посмотрел на стоявшего перед ними витязя. Он был почти одинакового с ним роста, широкоплечий, могучего сложения, с открытым и смелым лицом, курчавыми светло-русыми волосами и большими голубыми глазами, сверкавшими умом и веселой насмешливостью. Гегели почему-то испытал необъяснимое беспокойство при этой встрече и острым взглядом всматривался в незнакомца, стараясь понять, чем вызвано его любопытство и какие намерения он преследует, преграждая им дорогу и заставляя беседовать с собою.

— В какой дружине вы состоите, — быстро спросил витязь, — и принимали ли участие в сражениях?

— Вам, наверно, известно, как и нам, — уклончиво ответил Сослан, — что с болезнью королей Филиппа и Ричарда прекратились все битвы, мы обречены на бездействие.

По лицу рыцаря пробежала тень досады и огорчения, но он ничего не сказал и как бы на мгновение погрузился в раздумье. Затем веселая усмешка опять заиграла на его губах, прикрытых темными усами, и он спросил:

— Король Ричард скоро оправится от своего недуга. Близок час, когда заиграют трубы и начнется решительный приступ.

— Ты принес нам добрую весть! — воскликнул Сослан. — Ничего я так не желал бы, как выздоровления короля Ричарда!

— Ты, наверно, чужеземец, — усмехаясь, сказал веселый рыцарь, — здесь никто из князей не любит короля Ричарда, они укоряют его в гордости и запальчивости, — затем он быстро повернулся и широким жестом пригласил их следовать за собою. — Пройдемте ко мне в шатер. Я хочу побеседовать с вами.

— Позволь отказаться от твоего любезного приглашения, — вежливо, но решительно возразил Сослан. — близится вечер, а мы должны спешить к дому, так как не знаем хорошо здешнего расположения.

Рыцарь вспыхнул от гнева, очевидно, чувствуя себя оскорбленным их отказом, и с раздражением произнес:

— Еще никто никогда не отказывался разделить со мной трапезу из-за дальности своего жилища. Не будем спорить по-пустому! Я хочу провести с вами вечер за стаканом доброго вина.

Он говорил тоном, не допускавшим возражений, и Гагели готов был уже склониться, чтобы исполнить его желание, как Сослан с твердостью, тоже исключавшей всякое предложение о возможных уступках, ответил:

— В другое время я охотно принял бы твое приглашение, но сейчас, к сожалению, я спешу домой и не могу воспользоваться твоим гостеприимством.

Добродушная усмешка пропала на лице рыцаря, голубые глаза загорелись местью и гневом. Казалось, он готов был схватиться врукопашную со своим неожиданным противником.

— Не пробуй вступать со мной в поединок, — угадав его намерение, произнес Сослан со снисходительной небрежностью. — За твое приглашение я не хочу причинять тебе зла, так как по всему видно, что ты веселый и хороший малый. Оставь нас в покое, и мы пойдем своей дорогой!

Презрительный ответ Сослана еще более разжег незнакомца. Он крикнул своему оруженосцу:

— Дай копьё и щит!

— Безрассудный! Что ты делаешь! — воскликнул Сослан, а Гагели побледнел от волнения, видя, что незнакомец был вне себя от ярости и больше не хотел ничего слушать, стремясь, как можно скорей отомстить за нанесенную ему обиду. Гагели не сомневался, что поединок примет серьезный характер, и рыцарь будет биться с ожесточением, желая проучить чужеземца.

— Я готов сразиться с тобой, — добавил Сослан, обнажая свой меч. — Но скажу тебе правду, что я никогда не дрался по такому пустому и ничтожному поводу.

— Надо полагать, что дамы в вашей стране так безобразны, что ни одна не стойла осколка копья, сломанного в честь нее, — уже насмешливо кинул рыцарь, — иначе ты умел бы драться по всякому пустому поводу!

Он, видимо, наслаждался предстоящим поединком и ни за что не хотел идти на примирение.

Из шатра вышло несколько витязей, заинтересованных происшествием, и рыцарь знаком руки отослал их, не желая, чтобы кто-либо присутствовал.

Сослан, потеряв хладнокровие, решил жестоко отомстить рыцарю за его непристойную и оскорбительную шутку.

— Я тебе покажу, какие у нас дамы, и стоят ли они осколка копья, сломанного в их честь! — крикнул он. — Но прежде чем драться, скажи, есть ли на тебе панцирь? Я подожду, пока ты приведешь себя в порядок.

— Ты обо мне не заботься, — ответил рыцарь, потрясая мечом, — лучше подумай о себе. Ты, видно, больше привык гулять на пирах, чем ломать копья в сражениях. Твоя нарядная кольчуга не защитит тебя от моего удара!

— Дело покажет, чья кольчуга лучше выдержит удары, — возразил Сослан. Рыцарь скинул с себя мантию, под ней оказалась плотная кольчуга с бляхами на груди, такой искусной и прочной работы, что она могла выдержать любое нападение. Рыцарь, как видно, искушенный в боях воин, с такой ловкостью направил копье свое, целясь прямо в голову Сослана, что копье его ударилось о гребень шлема и раздробилось на мелкие куски до самого нарукавника.

Удар был такой силы и мощи, что ни один боец не мог бы после него устоять на ногах. Но Сослан успел сделать едва уловимое движение головой, которое ослабило силу удара, не только не упал, но сейчас же ответил ударом так метко и сильно в грудь рыцаря, прикрытую щитом, что невольно покачнулся на месте и издал громкий возглас удивления.

Испытав силу друг друга и поняв, что каждый из них имеет дело с neodолимым противником, они стали биться напряженно, но осторожно, постепенно входя в азарт и нанося все более меткие и опасные удары. Они несколько раз уже сменили рассыпавшиеся по самые рукоятки копья, скрещивали мечи с силою громового удара, но ни одному еще из них не удалось свалить дру-

того на землю и нанести последний сокрушительный удар, после которого кто-нибудь из них должен был бы признать себя побежденным. Поединок уже длился долгое время, и Гагели с отчаянием взирал на Сослана, как бы умоляя его прекратить схватку, которая могла иметь самые печальные последствия для них, но Сослан не хотел прекращать боя, стремясь довести его до конца без всякой снисходительности и пощады. В мыслях своих он теперь бился за Тамару, горя желанием именно в этом поединке показать силу своей любви к ней и явить западному рыцарю образец преклонения перед дамой, ради которой он мог бесстрашно принять смерть, ни минуты не скорбя об утере жизни.

Гагели видел, что положение становилось угрожающим. Несмотря на запрещение рыцаря, из шатров выскочили витязи, крича что-то непонятное для Гагели, и видно было, что каждое мгновение они могли вмешаться в поединок. Если бы даже Сослан одержал победу, то десятки новых витязей тотчас же вступились бы за своего военачальника и не допустили его поражения. Кроме того, они могли схватить Сослана, наложить оковы и, выяснив, кто они такие, взять их имущество. Бесчисленные беды мерещились Гагели и, не дожидаясь нового столкновения между Сосланом и целым отрядом крестоносцев, он вскричал в сильном волнении:

— Доблестные рыцари! Вы уже в достаточной мере испробовали мужество и силу друг друга. Каждый воздаст хвалу вашему бесстрашию и искусству. Но неужели ни у одного из вас не хватит мужества опустить меч и любовно разойтись, выпив стакан доброго вина в честь несокрушимой силы и славы друг друга!

Крики воинов, раздавшиеся сзади, как угадал Гагели, также требовали прекращения поединка, поэтому он крикнул Сослану по-иверийски:

— Ради царицы прекратите брань! Иначе мы погибнем!

Это воззвание Гагели сразу достигло цели. Сослан приостановился, заметил бледность на лице рыцаря, то ли вызванную утомлением, то ли другими причинами, и опустил меч, промолвив тихо, но выразительно:

— Я готов биться хоть до утра и не вложу меч в ножны, пока не достигну победы! Но я охотно готов предложить тебе мир и первым прекратить поединок!

Рыцарь не поверил словам Сослана и махал мечом, призывая его продолжить бой, но Гагели решительно крикнул ему:

— Мы — твои гости! Не нарушай правил гостеприимства!

Снова веселая улыбка заиграла на губах рыцаря. Он бросил меч в сторону и с благородной откровенностью произнес:

— Признаюсь тебе, что с подобным противником я еще ни разу не бился, рад был испробовать твою силу! Что это за страна, в которой рождаются такие исполины?

— Иверия! — с гордостью ответил Сослан, невольно раскаявшись в своей вспышке.

Вокруг шатра уже стояло множество воинов, готовых кинуться на дерзкого чужеземца, посмевшего затеять драку в лагере, где строго соблюдались воинские правила. Если бы Сослан на минуту продолжил состязание, а Гагели опоздал со своим предупреждением, ему пришлось бы теперь жестоко расплачиваться за проявленное легкомыслие и безрассудство.

Дружески беседуя, они направились к шатру рыцаря. Палатка, в которую они вошли, была убрана коврами с большой изысканностью и вкусом; на полу и на скамейках лежали шкуры льва и леопарда, а в воздухе стоял густой и пряный запах благовоний, приготавливаемых на Востоке. Войдя в шатер, рыцарь снял мантию и облачился в тунику из алого бархата, отороченную по краям золотою парчой. Его мужественное, открытое лицо казалось усталым и бледным; он возлег на ложе, сославшись на нездоровье, — приглашая возлечь и своих гостей, по восточному обычаю.

Когда они выпили вино и закусили дичью, между ними началась непринужденная беседа.

— Не было пока в моей жизни ни одного противника, — говорил Сослан, — которого я не повергал бы на землю после нескольких ударов, а ты не только усто-

ял, но сражался с такой силой, что победить тебя — большая слава. У кого такая крепкая рука, тот в самом себе заключает целое воинство. Неужели у вас много подобных витязей?

Рыцарь весело засмеялся, показывая блестящие белые зубы из-под темных усов. Глаза его заискрились лукавой усмешкой, так как похвала Сослана, видимо, ему была очень приятна.

— Ты еще не испытал моей крепкой руки, — сказал он. — По нездоровью я дрался только наполовину. Но клянусь моей саблей, как только мы возьмем Акру, то мы с тобой встретимся на турнире. И кто бы ты ни был — князь, простой дворянин или полигрим — я вступаю с тобой в бой, так как твоя доблесть является для тебя лучшей славой. А теперь скажи мне, ты хотел бы драться под стенами Акры и под чьими знаменами?!

— По уставам греческой церкви, к какой я принадлежу по вере, я не имею права сражаться вместе с крестоносцами, — ответил Сослан. Гагели наблюдал за выражением лица рыцаря, боясь, что ответ Сослана вызовет его раздражение и поведет к новому столкновению. — Но, несмотря на это, — продолжал Сослан, — я не хотел бы оставаться праздным и с удовольствием принял бы участие в битвах. Мы никого не знаем из здешних вождей, и потому я не могу тебе сказать — с кем бы мы хотели соединиться, чтобы драться с сарацинами?

Гагели, неослабно следивший за выражением лица рыцаря, к своему удивлению заметил, что он сделался вдруг задумчивым, веселость его сменилась озабоченностью.

— Я тебе дам одно поручение, — помолчав немного, промолвил рыцарь и долгим, пронизательным взглядом посмотрел на Сослана, как бы взвешивая его силы. Скажи мне чистосердечно, хочешь ли ты быть полезным королю Ричарду?

— Ни с кем бы я не хотел так встретиться и померяться силой, как с ним, — воскликнул Сослан, — и я готов выполнить любое твое поручение, лишь бы принести ему пользу!

— Твое желание будет исполнено, — с видимым удо-

вольствием ответил рыцарь, уже испытывая полное доверие к своему недавнему противнику, — с королем Ричардом ты встретишься, когда он выздоровеет, но прежде выполни мое поручение. Между королями Флиппом и Ричардом условлено, что, когда один из них с войсками пойдет на приступ крепости, другой должен охранять безопасность стана и удерживать Саладина. Но ни один из этих государей не желает оставаться в бездействии и охранять стан. Здесь есть один вход в стан, куда обычно устремляются сарацины, как только мы уходим к Акре. И вот тебе мое поручение: скоро мы пойдем на всеобщий приступ, и ты будешь одной своей силой охранять этот вход. Он окружен ровом с башней, и там легко отражать натиск сарацин, пока мы не подоспеем на помощь. Накануне приступа я пришлю гонца, который укажет тебе место, а твоему другу, — он указал на Гагели, — передаст к кому надо обратиться за помощью в случае внезапного нападения самого Саладина. Ты не будешь оставлен нашим вниманием. Только никому не говори о моем поручении.

— Охотно исполню твою просьбу! — живо ответил Сослан. — Передай королю Ричарду, что он может спокойно идти на приступ. С божьей помощью, я один справлюсь с врагами, если только не подоспеет Саладин со своими войсками. Скажи мне, что знаешь ты о Саладине? И действительно ли он мудр и великодушен, что вызывает удивление даже среди своих противников?

Лицо рыцаря расцвело самой приятной и привлекательной улыбкой.

— Кто может сравниться с этим героем? — с искренним чувством произнес рыцарь. — Он своим благородством и доблестью превзошел всех рыцарей и заслуживает самого глубокого почтения и уважения! Признаюсь вам в том, что у меня лежит на сердце, но чего я никому не открывал. Если бы Саладин принял христианскую веру, то он был бы величайшим и лучшим государем на Востоке, но сейчас он является нашим злейшим врагом, и мы должны с ним сражаться, чтобы вырвать из его рук крепость Ислама, какой по его воле стала Акра!

— Правду ли болтают злые языки здесь, что Конрад

Монферратский из зависти к королю Ричарду хочет вступить в переговоры с Саладином и даже обещал уступить ему Акру?

Неосторожное замечание Сослана возымело совершенно неожиданное действие на рыцаря. Он вскочил со своего ложа и в припадке сильнейшего гнева крикнул:

— Сей вероломный поплатится головой за свою измену! У короля Ричарда не дрогнет рука расправиться с изменником! Хорошо, что вы принесли мне это известие!

Он в ярости, как лев, ходил по своей палатке и повторял про себя на чужом для них языке какие-то отрывистые и гневные восклицания.

Сослан с удивлением взирал на него, не понимая причины его гнева, а Гагели тщетно старался уловить, о чем он говорит, и не понял ни одного слова.

Рыцарь мгновенно забыл про своих гостей и сразу потерял интерес к беседе. Теперь его мысли были сосредоточены на принятии каких-то срочных и весьма важных решений. Он, усталый от гнева, возлег на свое ложе и впал в мрачное раздумье.

Гагели сделал тайный знак Сослану, показывая, что самое лучшее для них — немедленно удалиться отсюда, чтобы не раздражать рыцаря своим присутствием.

— Приношу тебе благодарность за гостеприимство, но я хотел бы знать имя рыцаря, встреча с которым у меня навсегда останется в памяти, — любезно спросил Сослан, поняв намек Гагели, и поднялся. — Твое имя будет славным среди народов, я хочу унести его с собою.

— Мое имя? — с заминкой спросил рыцарь и, немного помолчав, с прежним лукавым добродушием промолвил: — Герцог Гвиенский. «Рыцарь тростника». А ваши имена, доблестные рыцари?

— Мы подданные иверской царицы Тамары. Я именуюсь Давидом Сосланом, витязь мира. Мой друг — Гагели.

— Рыцарь хромой ноги, — добавил Гагели, и улыбка опять появилась на лице рыцаря. Он велел невольнику проводить их, и после ухода гостей долго ходил по своему шатру и, видимо, никак не мог успокоиться.

По дороге они встретили Мелхиседека, который бес-

покоился их долгим отсутствием, и сообщил, что купил пару арабских лошадей за весьма высокую цену. — Но люди говорят, — прибавил он, — что ведут они свой род от кобыл самого царя Соломона.

От кого бы ни вели свой род, — воскликнул Сослан, — хорошо, что у нас, наконец, есть кони! Нет коня — нет жизни. Есть конь — есть рыцарь!

Они вернулись домой утомленные, но возбужденные радостным известием Мелхиседека. Оставшись наедине, Гагели сказал:

— Мы вышли из большой беды. И сейчас еще не могу избавиться от страха, который внушил мне герцог Гвиенский. Я бы никогда не доверился этому человеку.

— Это неустрашимый рыцарь, и я очень рад, что свел с ним знакомство. Напрасно ты недоволен. Через него я получу доступ к самому Ричарду!

Не хотел бы я видеться с королем Ричардом, раз у него такие свирепые слуги, — пробурчал Гагели. — Пока он еще ничего не сделал для нас, а дал поручение, которое грозит большими неприятностями и для жизни, и для нашего дела.

В другое время Сослан обратил бы серьезное внимание на предупреждение своего друга. А сейчас, напротив, поручение герцога Гвиенского подогревало воинственный жар Сослана и звало его к подвигам и воинским состязаниям на поле брани. Он заснул крепким сном, не думая больше ни о делах, ни об опасностях.

Только Гагели долго не мог заснуть, размышляя о грубых и жестоких нравах, царивших в лагере крестоносцев, о герцоге Гвиенском и особенно о том, почему тот впал в такую мрачную меланхолию при известии о Конраде Монферратском и его предполагаемых переговорах с Саладином.

Г Л А В А VI

Наконец-то, кончилось проклятое затишье! — как-то, вернувшись в шатер, сообщил Гагели. — Все войска пришли в движение. Сегодня на рассвете Саладин проник в Акру и своим присутствием воодушевил защитников крепости. С утра оттуда доносятся крики: «Ислам! Ислам!»

— Ужели близится наше освобождение? — обрадовался Сослан. — Сколько времени мы находимся в ожидании, кругом царит уныние, а герцог Гвиенский не дает о себе знать!

Вероятно, он занят ссорами и раздорами, как и его патрон! Но Саладин прекратил их распри своей победой. Слышно, что он уже отогнал войска франков и назначил вождем в Акру своего сподвижника, самого неукротимого из всех эмиров — Каракуша. Галилейские пути усеяны мусульманскими ратниками, которые подходят из Дамаска. Кругом говорят, что ожидаются решительные сражения.

— Первый раз ты принес мне благоприятные вести. С какой бы радостью я пустился на своем славном коне в битву с сарацинами и добился бы решительной победы!

— Боюсь, что герцог Гвиенский направил наши мысли на ложный путь, — покачал головой Гагели, — не пристало нам, посланникам царицы, пускаться в битву с сарацинами против ее воли. Не для этого мы приехали с Вами в Палестину!

— А нам теперь что делать? Не можем мы, христианские рыцари, стоять и смотреть, как бьют наших братьев по вере? За это я отдам ответ богу.

— А что Вы скажете Саладину, сражаясь против него? — спросил Гагели, испытывая то же чувство, что и Сослан: желание сразиться с неверными. — Как мы явимся к нему и что скажем, имея поручение от царицы?

— Скажи мне лучше, — перебил его Сослан, — где короли и что о них слышно?

— Слышно, что Саладин их вылечил своим лекарством и прохладительными напитками. Своей добротой и любезностью он так пленил обоих монархов, что Ричард даже потерял охоту с ним сражаться. Но теперь, когда они выздоровели, Саладин решил положить конец затянувшейся осаде и изгнать крестоносцев из их стана.

Сведения, принесенные Гагели, скоро подтвердились: к вечеру того же дня под Акрой разгорелась жаркая битва. Полчища франков понеслись к стенам крепости с быстротой потока. Воины взбирались на стены, подобно диким козам, вскакивающим на крутые скалы, в то время, как сарацины заливали их оттуда кипящим маслом и лавой свинца, не допуская никого к твердыням крепости. Многих витязей пожрал огонь, другие пали жертвой меча и рукопашных схваток на стенах башен, но пролитая кровь не была возмещена победой.

В следующие дни крестоносцы двинули к крепости три осадных башни, высотой в несколько этажей, где помещались метательные машины, тараны, и несколько военных отрядов. Вслед за ними лавиной устремились франки, надеясь этим неожиданным и сокрушительным нападением преодолеть сопротивление сарацин. Но осажденные подожгли башни, воины едва выбрались оттуда, спасаясь от лавы раскаленного песка, который сыпался на них со стен крепости.

Непрерывные битвы, потери, всевозможные препятствия и трудности изменили жизнь лагеря. Все думали только о скорейшем взятии крепости. Разнеслись слухи, что Каракуш заявил, что они будут защищать Аккон, как лев защищает пещеру свою, и что легионы европейцев лягут на Акрской равнине.

В эти тяжелые дни Сослан нетерпеливо ждал известий о взятии Акры крестоносцами, так как это являлось для него сейчас единственным спасением. Он боль-

ше не горел желанием сразиться с сарацинами и быть в рядах противников Саладина. Слова Гагели глубоко запали в его сердце, и он со всей ясностью понимал теперь всю необычность и действенность своего положения. Желание у него было только одно: любой ценой вырваться из лагеря крестоносцев и поехать с письмом Тамары к Саладину. Но впереди его ждали большие испытания.

Однажды под вечер к их шатру прискакал всадник на крупном вороном коне, с закрытым забралом, и крикнул:

— Где здесь Давид Сослан и Гагели, подданные иверской царицы?

— А на что они тебе? — отозвался уклончиво Гагели, испытывая большую тревогу при появлении незнакомого всадника.

— Я от герцога Гвиенского, — ответил тот, и Сослан пригласил его в палатку.

— Мы — подданные иверской царицы, — любезно сказал он. — Рад получить известие от герцога Гвиенского. Что ты привез нам?

— Я послан герцогом Гвиенским сообщить вам, что на завтра назначен всеобщий приступ, в котором примут участие оба короля, Ричард Львиное Сердце и Филипп Французский, — с гордостью произнес гонец. — Согласно условию, вам поручено защищать вход в стан, который я укажу вам. Вы не должны никому разглашать тайны, вверенной вам герцогом Гвиенским. Никто не должен знать о начале приступа, а также о том, кому поручено охранять стан. — Сказав это, он попросил их следовать за собою. Сев на коней, они помчались в конец лагеря, где были вырыты рвы и стояли башни. Он указал место, где могли прорваться сарацины, и дал подробные разъяснения о том, где находилась ставка Саладина и откуда можно было ждать нападения мусульманской рати.

— Как только вы заметите движение войск, идущих с той стороны, — сказал он, указывая на видневшиеся невдалеке горы и обращаясь уже к Гагели, — немедленно скачите по направлению башни «Проклятой», расположенной с восточной стороны Акры. Спросите графа

Генриха Шампанского, и он со своим отрядом окажет вам немедленно помощь. Но помните: в случае нападения нельзя терять ни одной минуты, иначе стан наш весь будет уничтожен!

Гагели заверил его, что не допустит приближения мусульманской рати и немедленно известит графа Шампанского об опасности.

— Известно ли, где находится сейчас Саладин? В Акре или в своей ставке? — спросил Сослан.

— Никому не известно местопребывание султана, — ответил всадник. — Одни предполагают, что он сам сейчас руководит защитой Акры; другие говорят, что он по настоянию эмиров удалился опять в свою ставку, дабы внезапным нападением с тыла лишить нас возможности взять крепость. Завтра будет видно, где находится султан. Обычно он как-то бывает осведомлен о наших намерениях и быстро переходит в наступление.

Он исчез так же быстро, как и появился, а Сослан и Гагели долго стояли и смотрели на Кайзанские горы, где были раскинута шатры Саладина.

— Как быстро мы могли бы достигнуть ставки Саладина и закончить свое дело, — произнес Сослан. — Посмотри на коней! Они летают без крыльев, с ними можно умчаться на край света. Недаром арабы называют их «сынами воздуха»!

— Какую мы совершили непоправимую ошибку, — не удержался от горестного восклицания Гагели, — теперь и арабские скакуны не смогут перенести нас к Саладину. Погоня будет и с этой, и с той стороны, как за лазутчиками и изменниками. Надо желать только одного, чтобы уцелеть и не попасть в руки Саладина как его противники.

Сослан не возразил ни слова, так как тоже опасался неожиданных последствий завтрашнего дня, но в то же время он был доволен, что может проявить, наконец, свою мощь и отвагу.

— Я охраняю, но не нападаю, — пытался он утешить самого себя.

Ночью, перед сном, Сослан неожиданно сказал Гагели:

— Мы, воины, должны быть готовы ко всяким случайностям. Если завтра я не вернусь с боя, ты поспеши с возвращением в Иверию. Не разлучайся с Мелхиседеком, а сокровища передай в здешние монастыри, чтобы они молились о моей душе. — Затем, помолчав немного, он тихо добавил: — Скажи царице, что я уйду из этого мира с чистой совестью. Пусть ведают все, что я неповинен в смерти царевича Демны.

Больше он ничего не сказал, не захотев продолжать беседу. На Гагели эти несколько слов оказали такое сильное действие, что он не мог заснуть всю ночь и поклялся найти Липарита Орбелиани и раскрыть тайну гибели Демны.

На другой день, на рассвете, вдруг раздались на стенах Акры звуки рожков и труб и послышались иступленные крики: «Ислам! Ислам!» Все христианские рати быстро были собраны вместе, предводители войск, уже осведомленные о решении королей, объявили, что надо немедленно идти на приступ и, чего бы это ни стоило, взять Акру. Разнесся слух, что Саладин с моря проник в крепость. Не боясь больше, что стан их будет подвержен нападению с тыла, крестоносцы с большим воодушевлением двинули вперед две колоссальные башни, недавно только построенные ими из дерева, железа и стали. Вслед за башнями к стенам Акры бросились полчища воинов, надеявшихся своим неожиданным нападением сломить сопротивление сарацин и принудить их к сдаче крепости. Черные кольчуги рыцарей, казалось, затмевали небосклон, целое море сверкающих шлемов, длинных копий заняло все пространство от стана до города. Десятки тысяч мечей загорелись ярким блеском при утренних лучах солнца. Все многочисленные разноплеменные рати христиан пришли в движение и с яростью напали на стены, стремясь одним совместным ударом машин и непрерывного человеческого потока преодолеть неприступные твердыни и ворваться через какой-либо проход или образовавшуюся в стенах брешь в Акру.

Сзади наступавших войск медленно двигался чрезвычайной высоты земляной курган, который вырастал по мере своего продвижения, так как воины все время про-

должали сыпать на него землю. Под Акрой вдруг выросла целая гора.

Непрерывный страшный гул наполнил всю равнину. Стрелы пронизывали свистом воздух; от сильных ударов мечей, копий и сабель раздавался треск, с которым сливался звон щитов и шлемов.

При виде этого зрелища Сослан мгновенно забыл о своих сомнениях и тоске и преисполнился отваги и рвения. Он надел боевые доспехи, которые сделали его еще более неуязвимым и величественным. Стальной панцирь с богатой золотой насечкой облегал его высокий стан; ноги и бедра были покрыты легкими кольчугами, а башмаки украшены бляхами, как и нарукавники. На голову был надет стальной шлем с забралом, который должен был не только предохранять его от ударов, но и скрывать лицо, так как он не хотел, чтобы его видели. Широкий длинный меч висел на правом бедре, на левом боку — стальная секира, а в руке он держал копье со стальным наконечником. Щит он подвязал вокруг шеи, чтобы руки могли свободно действовать.

В такие же доспехи облекся и Гагели; и, сев на своих скакунов, они помчались к указанному месту, строго приказав Мелхиседеку не отлучаться от шатра и ждать их возвращения. Мелхиседек проводил их с глубокой скорбью, как бы надолго расставаясь, вопреки приказанию поручил Тимофею, старшему из слуг, хранить золото и драгоценности, захватил оружие, доспехи и направился за царевичем.

Сослан и Гагели недолго оставались без дела. Толпа мусульман напала на окопы, и им пришлось отбиваться так решительно, что большинство было сброшено в ров, остальные убиты на месте. Вслед за ними появились новые отряды, действовавшие с большим проворством и ловкостью. Они засыпали стрелами бесстрашных витязей, охранявших вход, пробрались через ров и вступили в единоборство с Сосланом, надеясь свалить его и пробиться в лагерь крестоносцев. Очевидно, это были только разведывательные отряды, так как вскоре на горизонте появилась подозрительная темная туча.

Гагели, хоть и помогал Сослану в борьбе, но ни на минуту не забывал следить за ставкой Саладина и, заметив, как потемнел небосклон, в тревоге промолвил:

— Клянусь святым Георгием, это движется мусульманская рать. Вчерашний посланец был прав. Вероятно, Саладину стали известны намерения королей идти на приступ; он ввел их в заблуждение, сделав вид, что проник в крепость. Я уверен, что он находится в ставке и решил внезапно напасть на стан и отрезать нам путь к отступлению.

Туча медленно, но грозно росла, и вскоре уже не оставалось сомнений, что это двигались полки сарацин, очевидно, знавшие о начавшемся приступе на Акру и спешившие на помощь осажденным. Своим нападением они могли внести страшное смятение в ряды христиан и быстро разбить их в сражении.

— Немедленно отправляйся к графу Шампанскому, — распорядился Сослан, — и извести об опасности. Если это рать Саладина, то он захватит стан, и я буду отвечать перед герцогом Гвиенским.

— Убирался бы он к самому дьяволу, этот герцог Гвиенский!! — выругался про себя Гагели, с ужасом думая, в какую ловушку попал Сослан и все благодаря неосторожности и доверчивости, проявленной им по отношению к какому-то неизвестному рыцарю, о котором они ничего до сих пор не слышали в лагере. С беспокойством и возмущением Гагели сел на коня и помчался в сторону Акры, решив найти самого герцога Гвиенского и заставить его бросить свои войска обратно в стан на помощь Сослану.

Тем временем под стенами города шла кровопролитная битва. Все христианские рати смешались, нельзя было надеяться найти там кого-либо из витязей или начальников войск, так как все они сражались уже на стенах самой крепости.

— Где отряд графа Шампанского? Где герцог Гвиенский? — спрашивал он всех попадавшихся ему по дороге рыцарей, но никто не слушал и не давал ему ответа. Он поскакал по направлению башни «Проклятой», но там шло самое ожесточенное сражение, и граф Шам-

панский с королем Ричардом, как ему сказали, бросились на приступ башни, надеясь прорваться и водрузить там английское знамя.

— А где герцог Гвиенский? — в отчаянии спрашивал Гагели, видя, что никакой помощи не получит для Сослана, который обречен был пасть первой жертвой в неравной схватке с ратью Саладина.

«Чего я больше всего боялся, то и случилось, — подумал Гагели, — ни герцога Гвиенского, ни графа Шампанского я не найду, и весь стан будет захвачен».

— Где герцог Гвиенский? — неистово закричал он, чтобы привлечь к себе чье-либо внимание, и рыцарь в черной кольчуге, оказавшийся с ним рядом, свирепо крикнул по-французски:

— Что ты кричишь — герцог Гвиенский! Нет такого рыцаря здесь. Что тебе надо?

— Идет султан со своей ратью! Надо защищать стан! — тоже по-французски крикнул ему Гагели. — Надо немедленно двинуть войска, иначе все вы погибнете!

— Молчи! — крикнул черный рыцарь. — Не вноси расстройство в наши ряды! Еще одно усилие — и победа наша! — и он помчался к башне «Проклятой».

Гагели понимал, что в момент, когда все были объаты одним желанием одержать победу под Акрой, нельзя было призывать спасать стан. Он молил небо только об одном, чтобы мусульманская рать задержалась в своем движении и крестоносцы успели ворваться в город. Тогда потеря стана не была бы катастрофой для христианских армий. Он слышал, как попеременно то воины Запада, то воины Саладина ударяли в щиты.

Впереди виднелась колесница крестоносцев, на которой возвышалась башня с водруженным знаменем. Она обычно предводительствовала ими в самые решительные минуты сечи; Гагели заключил, что перевес в битве склонился на сторону европейского воинства.

— Остается одно: вернуться назад и умереть вместе с моим повелителем! — мысленно решил Гагели, уже потеряв надежду на спасение стана и защиту Сослана. Он помчался назад, но вдруг увидел на ближнем холме

группу всадников, наблюдавших, как видно, за битвой и ожидавших исхода сражения.

Вероятно, они знали план наступления и готовились в нужный момент перебросить войска в наиболее уязвимое место, откуда можно было бы потом ринуться в город. Гагели поскакал к ним, чтобы сообщить о приближении войск Саладина.

Но с возвышения уже заметили, что их стану угрожает опасность. Всадники внезапно снялись с наблюдательного пункта и помчались вниз, прямо навстречу Гагели, очевидно, поняв, что он спешил известить их о чем-то важном, что требовало немедленного вмешательства в дело защиты христианского лагеря.

— Охраняет ли кто вход в стан? — поравнявшись с Гагели, крикнул по-французски витязь в синей броне и осадил коня, желая выслушать его донесение. Вслед за витязем остановились и другие рыцари, сохраняя почтительное молчание во время его беседы с Гагели.

— Охраняет один только иверский рыцарь, — ответил ему Гагели также по-французски, что сразу возвысило его во мнении франков. — Он будет стоять у входа до тех пор, пока к нему не подоспеет помощь или пока не скосит смерть.

— Достойный ответ истинного рыцаря! — произнес витязь, видимо, довольный ответом Гагели, и, обратившись к своим спутникам, приказал:

— Немедленно соберите наши войска и отправьте их на защиту стана!

Несмотря на свое волнение, Гагели обратил невольное внимание на витязя в синей броне и поразился его красивому лицу, благородной осанке, мягким, но повелительным жестам и всей манере держать себя, как подобало человеку, облеченному высокой и незыблемой властью.

— Неужели Ричард? — подумал Гагели, но тотчас же отогнал от себя эту мысль, вспомнив, что Ричард сражался на стенах башни «Проклятой».

Двое из всадников отделились от них и поскакали вверх исполнять приказание витязя в синей броне, ос-

тальные поехали вместе с ними к стану. Гагели быстро заметил, что поверх шлема необыкновенного размера лежал золотой обруч, и прежде чем он догадался, кто был этот красавец-витязь, к ним со всех сторон мчались всадники, услышавшие об опасности. И всюду разносились приветственные возгласы: «Да здравствует король Филипп! Победа наша!» Гагели вначале смутился, узнав, кто был его спутник, но затем обрадовался при мысли, что теперь Сослан не будет предоставлен собственным силам, Филипп сделает для него то, что обещал, но не сделал герцог Гвиенский.

Сзади слышен был топот коней, возвещавших о приближении конницы франков. Гагели ехал по стану вместе со свитой Филиппа, когда он несколько успокоился, услышал любезное обращение Филиппа:

— Укажите мне этого доблестного рыцаря, чтобы мы могли достойно наградить его...—Но он не закончил своей фразы, так как по улицам бежали воины и громко кричали: «Сарацины! Сарацины! Саладин идет на нас!» Иные же восклицали: «Святой Георгий сошел с неба и защищает наш вход в стан!»

Они пришпорили лошадей и помчались к месту, где находился Сослан, причем Гагели, не соблюдая этикета, мчался впереди, объятый одним желанием — быть как можно скорее возле своего друга и повелителя. Еще издали они увидели, что невдалеке от стана поднимался целый лес сверкающих копий приближавшейся мусульманской рати. Но двигалась она медленно и, очевидно, боясь внезапной встречи с противником, выслала небольшой передовой отряд, который должен был открыть им свободный доступ в стан. Глубокие рвы и высота вала преграждали путь сарацинам, и они с яростью пробивались к единственному доступному входу, возле которого, как заметил Филипп, стоял невиданный богатырь и мощной рукой поражал всех, кто осмеливался приблизиться к нему.

Бесчисленные стрелы, камни, удары копий не уязвляли его, он стоял спокойно, весь утыканный дротиками, вызывая у одних крики восторга, у других вопли проклятий и ужаса. Крестоносцы величали его святым

Георгием, который сошел с неба, чтобы помочь им, мусульмане же считали его демоном.

Гагели, радуясь, что Сослан стоял невредимый на месте, громко крикнул Филиппу:

— Вот он, рыцарь из Иверии, для которого не страшна смерть! — и, соскочив с коня, бросился на подмогу Сослану. С удивлением он увидел, что возле царевича находился верный Мелхиседек, следивший за конем, непрестанно менявший оружие и тревожно наблюдавший за боем.

Он укоризненно взглянул на Гагели, как бы упрекая его. зачем он бросил своего повелителя, но, увидев мчавшуюся конницу франков, успокоился и тихо проворчал про себя:

— Святой Георгий! Святая Нина! Помогите нам! Отгоните сих изуверов!

Вблизи кольчуга Сослана напоминала огромного ежа, с острыми иглами: то были стрелы, коими он был весь утыкан.

Филипп не мог скрыть своего изумления.

— Клянусь святой девой! — воскликнул он. — Я никогда не видел ничего подобного! Подвиг, достойный высшей похвалы, который под силу было бы совершить только нашему брату, королю Ричарду!

Сказав это, Филипп сейчас же подумал: «Вот человек, который может затмить славу Ричарда и заставить забыть о всех проявленных им чудесах храбрости!»

И Филипп, который непрестанно завидовал Ричарду и раздражался восхвалениями его славы, тут же решил всемерно областить этих двух рыцарей из Иверии и оказать им свое королевское внимание. Но ему не пришлось предаться сладостным мыслям о том, что нашелся, наконец, достойный соперник Ричарду, как разразились события, предвидеть которые никто не мог в то время. Подоспевшая конница франкских рыцарей, охваченных жаром битвы, происходившей под Акрой, промчалась через уцелевший проход по ту сторону стана, желая разбить сарацин и одержать победу в тот день, когда ожидалось падение Акры. Между франками и сарацинами завязался сильный бой, но едва

успех стал склоняться на сторону франков, они были внезапно окружены конницей сарацин, налетевшей на них сзади, и отрезаны от стана. Видя, что его лучшие рыцари обречены на гибель, Филипп в смятении велел послать за подкреплением и с надеждой взирал на Сослана, который один мог помочь ему в беде и спасти его рыцарей от плена или верной смерти. Прежде чем Гагели успел промолвить слово и остановить Сослана, он вскочил на своего коня и помчался вслед за франками. Ретивый конь его с такой смелостью врезался в ряды противников, опрокидывая и бросая их под свои копыта, что суеверный ужас распространился среди них, особенно, когда они увидели на коне того самого демона, который поражал их у стана. Паника овладела всеми. Сарацины обратились в бегство; гонимые страхом, они бросили дротики, знамена, все вооружение, стремясь скорей спастись от грозного противника. Смелость и ретивость коня увлекли Сослана в дальнейшую погоню. Он не видел, что вслед за ним мчались Гагели и Филипп со своей свитой, и летел на своем коне с такой быстротой, что был сам полуоглушен, полуослеплен стремительной скачкой, не думая о том, что происходило у него позади. Он не заметил, что, увлекшись преследованием, слишком отдалился от отряда франков и остался один среди бегущих сарацин. Ему уже казалось, что он скоро достигнет ставки Саладина, от которого зависело сейчас все будущее его жизни. Но вдруг появилась новая армия сарацин, которая со свежими силами могла возобновить битву.

Филипп Французский, видя безнадежное положение, в которое попал неустрашимый рыцарь, благоразумно повернул со своей свитой обратно, иначе ему грозила опасность попасть в плен к Саладину. В это время на ратном поле появилась конница Конрада Монферратского.

Несмотря на усталость, Сослан твердо держался в седле, по-прежнему наводя ужас на противников, которые не выдерживали сокрушительных ударов его меча и разбежались в разные стороны.

Гагели, успевший прискакать вместе с франками,

бросился вперед на помощь Сослану. В то же время он зорко наблюдал за течением боя, чтобы в нужный момент вывести своего друга из окружения и прекратить битву, в которой обе стороны понесли значительные потери. Сражение продолжалось до вечера. Земля была покрыта изорванными знаменами, переломленными копьями и мечами; конница и пехота слились вместе, сарацины и франки дрались с ожесточением, близким к изуверству, и вскоре сарацины были вновь опрокинуты.

В самый разгар сечи, когда победа была почти в руках франков, на правом крыле появился всадник на белом коне с отрядом телохранителей, бесстрашно врезался в середину боя и остановил отступавших мусульман. Гагели поразился, с какой быстротой и умением он снова ввел в битву свои расстроенные войска, поднял мужество сарацин и заставил их не только отразить все атаки крестоносцев, но и ударить на них с такой силой, что сразу внес в ряды франков смятение и беспорядок. Всадник носился перед войсками на белом коне, воодушевляя мусульман своим присутствием, установив порядок на правом крыле, он быстро укрепил середину и оттуда пронесся на левую сторону. Вскоре победа была исторгнута у крестоносцев, конница дрогнула, но Сослан продолжал сражаться впереди всех, не допуская мысли о бегстве, мужеством своим ободряя рыцарей, которые дрались рядом с ними.

Сраженный ударом Сослана, упал на землю эмир, особенно яростно нападавший на него, но конь его вырвался и поскакал к крестоносцам. Сарацины погнались за ним и врезались в конницу франков. Распространился слух, что христианская рать побеждена и рассеяна, дружины, объятые ужасом, искали спасение в бегстве. Сарацины, воодушевленные успехом, бросились вслед за ними, и в начавшемся беспорядке Гагели потерял из вида Сослана.

Наступившие сумерки закрыли ратное поле. Один из рыцарей, бывших с Сосланом, передал Гагели, что видел, как неустрашимый витязь промчался назад к стану защищать его от нападения сарацин.

Гагели вместе с остатками разбитой конницы Конра-

да Монферратского вернулся в стан и тут узнал страшную весть: Сослан, окруженный сарацинами как главный трофей, взят в плен.

Мелхиседек все также неподвижно стоял у входа, узнав о пленении своего господина, заплакал горькими слезами. Однако он не потерял мужества и твердым голосом произнес:

— У нас есть золото. Отдадим его за выкуп царевича. Я слышал, что пленниками здесь торгуют, как рабами. Пока мы живы, жив будет и царевич!

Гагели, онемев от ужаса и скорби, ничего не ответил Мелхиседеку, решив про себя во что бы то ни стало найти скорей герцога Гвиенского и заставить его вырвать Сослана из плена.

В тот же день, поздно вечером, когда бой утих, прискакал гонец от короля Филиппа и попросил Гагели немедленно следовать за ним. Король с почетом принял его в своем шатре.

— Сей герой не останется в плену! — сказал он твердо и решительно, показывая, что на его слова можно вполне положиться. — Мы войдем в переговоры с Саладином об его выкупе. Надеюсь, что этот великодушный государь не оставит моей просьбы без последствий.

— Мой господин в состоянии сам за себя заплатить хороший выкуп! — с гордостью произнес Гагели, думая о том, что больше нечего прикрываться перед королем. — Наши царские казнохранилища полны, мы здесь можем предложить значительную сумму золота для его выкупа.

Как он и предполагал, услышав о золоте, Филипп проявил самое живое участие в судьбе Сослана, решив приложить все усилия к скорейшему освобождению его из плена.

— Клянусь святым Бенедиктом, — сказал он, — что Саладин не тронет твоего господина, так как мы сегодня же вечером пошлем к нему наше посольство. Но открой мне правду, кто твой господин? И будь уверен, что французский король сделает все необходимое, чтобы спасти жизнь благородного рыцаря.

Сомнение овладело душой Гагели, он некоторое время молчал, боясь раскрыть правду Филиппу. Помня, однако, что сейчас самое важное было спасти его из неволи, он вскоре склонился к мысли открыться перед Филиппом, умолчав только о посольстве к Саладину, которое, вследствие пленения царевича, теперь само собой отпадало.

Видя его нерешительность, Филипп сделал знак, чтобы удалились присутствовавшие при беседе приближенные витязи, и произнес ласково:

— Доверься мне! Помни, что слово французского короля нерушимо, он умеет хранить чужие тайны!

— Ваше величество! — воскликнул Гагели, удивленный его мягким обхождением. — Наша державная царица Тамара, августейшая повелительница Иверии, взяла с нас клятву, что мы не будем разглашать, кто мы такие. Мой повелитель — иверский царевич, Давид Сослан, облечен высокими полномочиями царицы. Греческий патриарх, как известно, предал проклятию франков, а наша иверская церковь находится в подчинении у Византии. Царица, как верная дочь церкви, будет сильно огорчена, если из-за нашей неосторожности последует разрыв с Византией. До нас же дошли сведения, что константинопольский император Исаак всюду разослал своих лазутчиков, чтобы навредить нашей царице, могуществу которой он очень завидует. Поэтому мы скрываем свое пребывание здесь. Да будет Вам одному известна наша тайна, дабы не подпасть нам под тягчайшее церковное наказание и не навлечь на себя проклятий!

— Будь спокоен! Никто не узнает о вашем пребывании здесь. Царица ваша далеко славится своей красотой, затмевая, как говорят, своей прелестью всех известных цариц в истории мира! Скажи мне, правильны эти слухи или любовь подданных так возвеличивает свою повелительницу?

Гагели видел, как оживился Филипп, говоря о достоинствах Тамары, и пожелал еще больше возвысить ее перед ним.

Поэты не находят достойных слов, чтобы воспеть

красоту ее, а где мне найти такую похвалу, чтобы Ваше величество имели хоть малейшее представление о красоте нашей царицы? Как говорит поэт: «Солнце теряет свой блеск рядом с нею, а планеты меркнут при виде ее!»

Филипп приятно улыбнулся, так как был молод и горяч сердцем, воображение ему ярко нарисовало пленительный образ иверской царицы, он от души откликнулся на слова Гагели:

— Ни один смертный не останется хладным к красоте женской, особенно если она соединена с умом и любезными чертами характера. Рад был услышать о вашей царице. Верно, твой повелитель из-за любви к ней дал обет сражаться за освобождение гроба господня.

— Ваше величество! Вы сказали сущую правду! — с радостью подтвердил Гагели, так как предположение Филиппа освобождало его от необходимости объяснять королю, зачем они попали в Палестину.

— Если так, — разительно заявил Филипп, — то я готов принять вас в свое воинство и охранять от всех лазутчиков византийского императора. На время похода вы будете подданными французского короля и получите соответствующие грамоты за моей подписью. Отныне ты будешь именоваться рыцарем де Пуртиньяк, тем более, что ты владеешь нашим языком в совершенстве.

Гагели, удивленный предложением Филиппа, хотел возразить ему, что не может менять своего подданства, но умолчал, вспомнив, что таков был обычай в лагере крестоносцев: независимо от национальности, они должны были числиться во время войны подданными того короля, в чьей армии служили как воины или как рыцари.

Почтительным поклоном он выразил свою благодарность, а Филипп продолжал:

— Не разглашай никому, что у вас имеется золото. Здесь много охотников наполнить свою тощую казну за чужой счет. Я не лишаю тебя возможности заплатить выкуп за своего господина, но надо сделать так, чтобы об этом никто не знал. Не следует возбуждать зависть в корыстных людях, чтобы не расхитили вашего имущества.

Гагели уловил тайную мысль короля, хотя и прикрытую видимой заботой об их безопасности.

— Если, Ваше величество, — осторожно начал он, — соблаговолили принять нас в число Ваших подданных, то кто, кроме Вас, может вступить в переговоры с султаном и дать богатый выкуп за пленного рыцаря! Пусть Ваши воины, узнав о снисхождении, которое Вы нам оказали, прославят Вашу щедрость и Ваше великодушие. А мы в глазах всех останемся теми же бедными рыцарями, какими были до сих пор и каким я хотел предстать пред Вами, пока Ваша мудрость не раскрыла моей тайны.

Филипп благосклонно улыбнулся. Находчивость и деликатность иверского рыцаря очень понравились королю и вызвали то дружеское доверие, каким редко кто пользовался со стороны осмотрительного и осторожного Филиппа. Мысль о том, что он без всяких расходов, которые обычно болезненно ударили по его бюджету, приобретал себе в подданство неустрашимого рыцаря, способствовала наилучшему расположению его духа и приводила в истинное восхищение. Это удовольствие усиливалось тем соображением, что он мог нанести сильный ущерб славе Ричарда, который был всем известен своей безмерной щедростью и никогда не останавливался ни перед какими затратами, если они могли возвеличить его имя. Ричард не был разборчив в изыскании средств для пополнения своей казны, в то время как Филипп был уверен и благоразумен и не хотел ни с чьей стороны вызывать нареканий. Втайне, однако, он терзался досадой на восхваления Ричарду и желал хоть чем-нибудь повредить его славе. И вдруг представился случай, когда Филипп мог надолго вывести из хорошего настроения брата Ричарда, как он величал его, найдя ему достойного соперника.

Оставшись довольным беседой с Гагели, Филипп решил еще больше обласкать его и сказал:

— Ты повезешь от меня в подарок султану одного из моих любимых соколов, который один раз уже нечаянно залетел к нему и был выкуплен мною за большую сумму золота, достаточную для выкупа многих христи-

ан. Нам известно, что султан весьма пристрастен к этой птице и ради нее не пожалеет отдать своего пленника.

— Ваше величество! Как мне благодарить Вас за все Ваши милости! Я полагаю, что это лучший подарок для повелителя Востока, который, говорят, столько же любит соколиную охоту, сколько свои боевые успехи. Надеюсь, что мой господин, вернувшись, возместит Вам эту утрату.

— Приобретение храброго рыцаря в число защитников креста стоит много дороже, чем утеря любимого сокола, — любезно ответил Филипп и улыбнулся. — Я напишу письмо Саладину и воспользуюсь возможностью поблагодарить его за то внимание и расположение, какое он проявил к нам во время нашей болезни с братом Ричардом. Да переменит он гнев свой на милость и отпустит твоего господина!

Упоминание о Ричарде сразу заставило Гагели вспомнить о событиях дня, и он спросил:

— Разрешите, Ваше величество, узнать, чем кончилась осада Акры, где было пролито столько крови и столько положено человеческих жизней!

— Акра не взята, — с досадой сказал Филипп, и лицо его омрачилось. — Легче было бы завоевать целую Азию, чем два года сидеть под этой крепостью. Можно предположить, что море и земля Сирии сошли в соглашение между собою поглощать то, что доставляет им Европа. В ближайшие дни мы с братом Ричардом завершим это дело — в том порукой мое слово! Но, — добавил он уже веселее, — для твоего господина лучше, что Акра не взята. Иначе султан был бы в расстройстве и не выдал бы своего пленника.

Далее он сообщил, что пошлет с Гагели двух рыцарей, хорошо знающих Палестину, арабский язык и местные нравы и обычаи, которые будут ему незаменимыми помощниками в ведении переговоров с султаном, и кроме них, еще сокольничего с соколом.

Гагели умолчал, что он умеет хорошо объясняться по-арабски, и испросил позволение у короля взять с собой оруженосца Мелхиседека. Во время беседы с

Филиппом он тщательно продумал, что нужно захватить с собой для выкупа Сослана. Для того, чтобы не вызвать ни в ком подозрений, Гагели решил взять ларец с драгоценностями и некоторое количество золота, поручив слугам хранить остальные сокровища.

Филипп расстался с ним дружески, сказав, что письмо султану он передаст своим доверенным лицам, и выразил надежду в самое ближайшее время видеть его вдвоем со знаменитым иверским витязем.

На рассвете, как было условлено, примчались франкские рыцари, в полном боевом вооружении, и Гагели с Мелхиседеком, уже готовые к отъезду, отправились с ними, не подозревая о тех трудностях, какие ожидали их в пути к Саладину. Гагели быстро познакомился со своими спутниками, но оба рыцаря произвели на него неприятное впечатление. Один из них, Рауль Тулузский, самонадеянный, вспыльчивый, был известен тем, что уже много лет подвизался в Палестине, и вместе со своим отрядом совершал безумные по смелости набеги на мусульман, и не знал иного дела, кроме войны и боевых приключений. Он был беден, добывая средства к жизни ратными подвигами и нещадным грабежом мусульман, не стесняясь никакой наживы. Другой, франк Густав Бувинский, солидный, украшенный длинной бородой, был хитер, изворотлив, беспрестанно кочевал из одной армии в другую и стяжал расположение герцога Леопольда Австрийского, который объединился с Филиппом на почве зависти и недоброжелательства к Ричарду Английскому. Густав Бувинский бывал несколько раз в Палестине, в Византии, без стеснения меняя вождей, королей, армии. Он презирал военную славу, снедаемый только одним корыстолюбием, мечтая поживиться при взятии Акры и затем отбыть на родину. Он знал, что происходило на Востоке, и прекрасно разбирался во взаимоотношениях, сложившихся в стане крестоносцев, предугадывал мысли и желания своих властителей и был желанным собеседником для Филиппа. Он умело разжигал его зависть к Ричарду, передавая сплетни, ходившие о нем в лагере крестоносцев.

Спутники с самого начала почувствовали недоверие и неприязнь друг к другу. Рауль с пренебрежением отнесся к Гагели, почитая его за слугу пленного рыцаря, издевался над его хромой ногой в интимной беседе с Густавом и не допускал даже мысли, чтобы он мог быть причастным к рыцарскому званию. Гагели, слыша непристойные шутки Рауля, несколько раз порывался выхватить меч и начать поединок, но мысль, что тогда было бы расстроено все их посольство к Саладину, удерживала его от резкой выходки, и он подавлял гнев, опасаясь повредить Сослану.

Гагели не пришлось раскаиваться ни в своей сдержанности, ни в проявленном благоразумии в отношении спутников, так как он вскоре убедился, что без них не мог бы выехать из стана, и невольно принес в жертву самолюбию спасение Сослана.

Все проходы и выходы из лагеря строго охранялись тамплиерами, сторонниками Филиппа и ярыми врагами Ричарда Английского. Проезжая мимо вооруженных отрядов, проверявших их пропуска, Гагели мог оценить всю важность услуги, оказанной ему французским королем. Тамплиеры любезно пропустили их, указав кратчайшие пути, ведущие к ставке Саладина. Миновав последнюю заставу, они оказались на пустой равнине и быстро поскакали вперед.

Видя крайнюю зависимость от них и полную невозможность пробраться к султану без их помощи, Гагели про себя решил, что если он не может защищать свое рыцарское достоинство мечом, то ему лучше всего оставаться на положении слуги под именем де Пуртиньяка.

«Пребывая Пуртиньяком, — рассуждал Гагели, — я могу спокойно переносить болтовню франков, так как она относится не к иверскому рыцарю, а к некоему Пуртиньяку, защита чести которого вовсе не лежит на моей совести. В создавшихся обстоятельствах полезнее не кичиться своим происхождением, а казаться простаком, который нуждается в их советах и руководстве».

Успокоясь на этой мысли, Гагели больше не стал чуждаться франков и хладнокровно переносил их пре-

зрительное обращение с ним. В то же время он внимательно ловил их отдельные замечания, какими они перебрасывались во время езды, выражая свои мнения и догадки. Из отрывочных восклицаний, донесшихся до него, Гагели быстро выяснил, что они больше всего дивились внезапному расположению Филиппа к неизвестному рыцарю, попавшему в плен, снарядившего для его выкупа специальное посольство. Рауль, слышавший о подвиге Сослана, всячески умалял его заслугу, говоря, что каждый из рыцарей не мог бы поступить иначе и должен был подобно ему, защищать стан: что биться под стенами Акры было гораздо труднее и опасней. Густав же, совсем не интересуясь Сосланом, больше всего дивился тому, что король вручил им письмо к Саладину и необходимые грамоты, однако золото из государственной казны отпустил Пуртиньяку. Он высказывал предположение, что, наверное, сумма выкупа была крупная, и Филипп, не баловавший рыцарей особыми щедротами и умеренный в расходах, очевидно, не хотел обнаруживать перед ними свою расточительность.

Гагели, видя, что Густав знал все до тонкости, что происходило в армиях крестоносцев, решил спросить его про герцога Гвиенского и получил решительный и короткий ответ:

— Такого рыцаря нет в Палестине, за это могу ручаться головой. Герцог Гвиенский должен был бы находиться при королях, а я знаю всех рыцарей и никогда не слышал его имени.

Гагели при этом ответе убедился, что предположения и предчувствия его были правильны, и Сослан сделался жертвой роковой ошибки, доверившись неизвестному рыцарю.

Мелхиседек был погружен в мрачную задумчивость и время от времени говорил Гагели по-иверийски, указывая на рыцарей:

— Недобрые то люди, недобрые! Страшно подумать, что от них зависит освобождение нашего царевича!

Утренняя заря слабым блеском заливала равнину и освещала Кайзанские горы, где раскинул шатры Сала-

дин. Не успели они немного проехать, как на горизонте показались черные точки. Через несколько минут обозначилась группа всадников, несшихся к ним с явным намерением остановить смельчаков, дерзнувших приблизиться к их лагерю.

— Обнажим мечи и приготовимся драться, — сказал Рауль, забывая о мирной цели их посольства, но Густав остановил его:

— Не время драться! Предоставь мне говорить с неверными. Здесь нужно работать языком, а не мечом!

Рауль послушно опустил руку, видимо, доверяя опытности Густава больше, чем собственному благоразумию. По приказу Густава они остановились, ожидая, когда к ним подъедут всадники. Вскоре разноцветные чалмы, дротики и развевающаяся одежда показали, что то были сарадины. Один из них, подъехав, крикнул:

— Клянусь чалмой пророка, вы не дорожите вашей жизнью! Кто позволил вам вступать на священную землю, где обитает царь царей, великий султан Дамаска и Египта? Разве вы не знаете, что обрекаете себя на верную смерть, никто не даст вам пощады?

— Мы едем по повелению могущественного из монархов, короля Филиппа Французского, — ответил Густав на арабском языке. — Мы везем подарки великому султану Саладину, а также письмо ему от короля Филиппа.

Густав говорил уверенно и спокойно, так как хорошо знал нравы мусульман и умел приобретать их уважение и доверие. При имени Саладина всадники соскочили с коней, простерлись ниц в знак почтения и преданности тому, кого они называли «десницей пророка», быстро проверили все бумаги и предложили подождать ответа; они посоветовались между собою, затем тот, кто говорил с ними, вернулся и заявил:

— Сегодня на рассвете наш великий повелитель, царь царей, отбыл на несколько дней в Дамаск, дабы найти там отдохновение от ратных подвигов.

— Как отбыл? Не может того быть! — не удержавшись, воскликнул Гагели тоже по-арабски, чем вызвал

большое удивление Густава. — Вчера он участвовал в сражении, я видел его! Ты, наверное, ошибся или не хочешь пропускать нас?!

Лицо всадника сделалось печальным. Он на минуту задумался, как бы колеблясь: открыть им истину или нет, но, видимо, охваченный страхом, не посмел ничего сказать.

— Клянусь аллахом, я не лгу! Ангелы защитили жизнь его! Воздадим хвалу пророку! — загадочно и коротко проговорил он.

Эти странные слова еще больше смутили Гагели, он сразу потерял надежду на быстрое освобождение Сослана.

— Да разрешит тебе твоя мудрость, служитель пророка, поведать мне следующее, — обратился к нему Гагели. — Вчера в сражении мы потеряли одного воина, который попал к вам в плен. Его печальная участь терзает мою душу! Я, как верный слуга, хотел бы знать — последовал ли он за вашим великим султаном или же остался здесь дожидаться его возвращения?

Вопрос Гагели вызвал изумление у сарацин и, спустя некоторое время, один из них ответил:

— Много пленных было захвачено вчера нашим великим повелителем. Царь царей не издал еще распоряжения, что делать с ними, так как внезапно отбыл в Дамаск. Иные из них нашли себе достойную смерть на кострах, зажженных в честь одержанной нами победы.

Гагели пришел в отчаяние, услышав такой ответ, но отчаяние и заставило его принять решение, от которого он не отступил бы, если бы ему даже угрожали смертью.

— Едем в Дамаск! — воскликнул он, обращаясь к своим спутникам. — Я должен во что бы то ни стало получить свидание с Саладином и добиться освобождения моего господина.

— Твой господин, наверное, сожжен на костре и давно обратился в пепел, — не без удовольствия пробурчал Рауль, завидовавший славе Сослана. — Король не по-

ручал нам ехать в Дамаск, и мы должны вернуться обратно.

Но Густав посмотрел на дело иначе и, подумав, сказал Раулю:

— Почему бы нам не поехать в Дамаск? — и, обратясь к Гагели, деловито прибавил: — Дамаск — город богатый, полный всяких развлечений. Мы бы охотно согласились побывать в нем и, подобно великому султану, отдохнуть там от ратных подвигов. Но король Филипп, столь щедрый к твоему господину, не дал нам золота на такую приятную прогулку. Потому мы не можем следовать за тобою. Поезжай один, пускай сарацины проводят тебя, а мы с письмом и грамотами вернемся обратно к королю Филиппу.

Находясь в возбуждении и безмерной тревоге за Сослана, Гагели не обратил внимания ни на испытующий взгляд Густава, ни на слова его, таившие в себе вместе с насмешкой очень коварное предложение.

Боясь, что они уедут и увезут с собою письмо к Саладину, которое пока являлось для него единственной надеждой к спасению Сослана, он необдуманно заявил:

— В золоте у нас нет недостатка, благородные рыцари! Если вы согласны следовать за мною в Дамаск, то вы будете хорошо награждены за ваше усердие. Эти воины, — сказал он, указывая на сарацин, — также получат щедрую награду, если согласятся сопровождать нас до Дамаска. Помогите мне спасти моего господина!

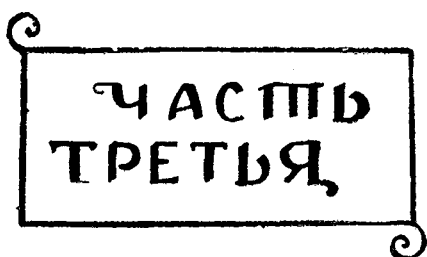
На лице Густава появилась довольная улыбка, обозначающая, что он не ошибся в своих тайных предположениях. Он снисходительно выразил согласие поехать в Дамаск и оказать услугу по выкупу пленного рыцаря.

— Смотри, не вводи в заблуждение благородных рыцарей, — предостерегающе сказал он. — Иначе понесешь наказание за обман и повредишь своему господину.

Гагели подтвердил свое обещание, но в волнении не заметил, как Рауль и Густав обменялись между собой многозначительными взглядами, сопровождая их какими-то непонятными знаками. Вслед за этим Густав

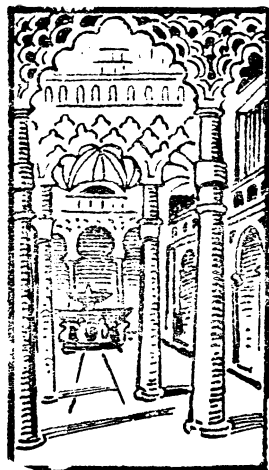

сделался любезным и общительным и твердо заявил, что берет на себя устройство всего дела. Он не медля ни минуты, договорился с начальником отряда и сделал это так умело, проявил такую распорядительность, что тот не оказал ни малейшего сопротивления и выразил согласие исполнить его требование. Они вместе поскакали в Дамаск, надеясь прибыть туда вслед за султаном. Густав успокоил Гагели заверением, что немедленно после приезда он устроит свидание с Саладином и добьется освобождения его господина.

ЧАСТЬ
ТРЕТЬЯ

Между тем Давид Сослан претерпевал все злоключения своего неожиданного пленения. Сарацины, принявшие его за нечистого духа, как только он попал в их руки, настойчиво требовали немедленной казни. В то же время устрешенные его силой, они трепетали перед своим пленником, и никто из них не решался приблизиться к нему, чтобы обезоружить. Сослан несколько минут стоял один, окруженный сарацинами. Если бы его конь не пал в битве, он прорвался бы через неприятельскую цепь и умчался к своему стану, но пеший и изнемогавший от усталости, он не мог ничего сделать для своего спасения и покорился печальной неизбежности. Угрюмое молчание, царившее среди сарацин, было прервано появлением эмира, который с удивлением посмотрел на неподвижно стоявшего великана и оцепеневшую перед ним толпу сарацин.

— Клянусь Мухамедом, — промолвил он, невольно разделяя чувство страха соплеменников, — земля еще не носила на себе такого человека. Ни один из нас не

отойдет в рай, прежде чем не отправит в ад сего демона, который один больше истребил львов ислама, чем целые полки христиан вместе взятые.

Он говорил по-арабски, будучи уверен, что Сослан не понимает его речи, и возбуждал против него фанатизм своих единоверцев. Однако они предпочитали, чтобы эмир сам отправил в ад этого страшного демона, не обращаясь к ним за помощью. Но хотя эмир и славился ловкостью и проворством, тем не менее он никак не решался вступить в единоборство с таким неустрашимым рыцарем.

Сослан, понимая, что подобная нерешительность не могла продолжаться долго и он будет с боем или без боя обезоружен и схвачен мусульманами, решил действовать иным способом, могущим защитить его лучше меча и открытой силы.

— Клянусь моим мечом, храбрый эмир, что тебе нечего желать моей смерти, так как я случайно попал к крестоносцам и прибыл в Палестину вовсе не сражаться против великого султана. Да будет тебе известно, что я принадлежу к народу, который пользуется особыми милостями и благоволением твоего могущественного повелителя и находится с вами в мире и согласии.

На одно мгновение эмир замолчал, услышав родное наречие в устах противника, но вслед за этим он принял важный вид и с негодованием ответил:

— О, дерзновенный! Как смеют твои оскверненные уста говорить о мире, когда ты нарушил и человеческие, и божеские законы, уничтожив столько мусульман, сколько Самсон за всю свою жизнь не перебил филистимлян. Секира или пламя костра будут достойным для тебя наказанием. Сейчас ты увидишь, как правоверные по моему приказу исторгнут твой лживый язык и предадут тебя казни! — Он поднял руку, прекращая разговор и как бы призывая мусульман броситься на нечестивца, но Сослан потряс мечом и остановил эмира.

— Ты не имеешь никакой власти надо мною и можешь казнить меня лишь по повелению великого Саладина. Прошу тебя немедленно известить своего повели-

теля, что в его стане находится пленником иверский царевич, который имеет к нему личное поручение от державной царицы Иверии Тамары. Я приму смерть, лишь повинувшись приказу великого Саладина.

Эмир почтительно склонил голову при имени султана и пребывал некоторое время в безмолвии.

— Слава тебе, что ты принадлежишь к такому отважному народу, который пользуется у нас особым почетом и уважением, — снисходительно произнес он. — Счастлив ты, что мне не удалось лишить тебя жизни, иначе я нарушил бы предсказание царя царей и навлек на себя наказание.

Сослан едва сдержал улыбку при хвастливых словах эмира, смотря на его сухощавую и невысокую фигуру, которая отнюдь не казалась воплощением силы и непреодолимости. Но положение, в котором он находился, обязывало его к крайней сдержанности и тактичности, и он ответил ему вежливо и учтиво:

— Мир царит между нашими народами, храбрый эмир, и нам ли нарушать его, когда мы призваны к тому, чтобы прославлять наших повелителей и исполнять их волю?

— Клянусь пророком, что вражды нет в моем сердце, ты можешь спокойно следовать за мною, пока я не доложу о тебе царю царей и не получу его повеления.

Эмир хотел уже уходить вместе со своим пленником, как между мусульманами начался глухой ропот, вскоре перешедший в открытое возбуждение. Суеверный страх, владевший ими, рассеялся, раздались неистовые крики, требовавшие от эмира, чтобы он отдал им пленника для сожжения на костре, и этим кончить дело. Они никак не хотели мирно отпустить Сослана и меньше всего мирились с обещанием, что он будет казнен по личному приказанию Саладина. Крик, шум, общее возмущение все усиливались; эмир чувствовал себя бессильным перед разъяренной толпой и уже мысленно решил пожертвовать именитым пленником, лишь бы выйти невредимым из рук своих соплеменников.

Видя его колебания, Сослан собрал последние силы и воскликнул, подняв меч:

— Кому не дорога жизнь, пусть сразится со мной! Клянусь пророком, никому из вас не дам пощады! Смерть за смерть! — и в исступленном порыве, прощаясь с жизнью, он хотел ринуться в толпу, но в это мгновение прозвучал сигнал, возвещавший тревогу, и сарацины в страхе отпрянули от Сослана и бросились к своим шатрам, будучи уверены, что лагерь их подвергся внезапному нападению крестоносцев. Разнеслось какое-то ужасное известие, повергшее в смятение всю мусульманскую рать.

Стоны и вопли неслись по всему лагерю сарацин, затем они сменились не менее исступленными молитвами, возносимыми к небу и призывавшими проклятие на всех злодеев, убийц и изменников. Эмир, ни слова не говоря, оставил своего пленника в шатре под охраной вооруженной стражи и исчез мрачный, утерев сразу общительность и веселость. Сослан сидел одинокий, покинутый всеми, не видя и не слыша, что делалось вокруг него. Объятый печальной думой о судьбе Гагели, о всех событиях сегодняшнего дня, превративших его из свободного человека в пленника, Сослан сознавал, что обречен нести наказание за свою опрометчивость, за то, что нарушил повеление Тамары, соединившись с крестоносцами.

Теперь обращаясь мысленно к прошлому, он жестоко корил себя, что, выполняя поручение герцога Гвиенского, взялся за дело, которое имело такие зловещие для него последствия. Тогда он не думал, что, охраняя стан, вынужден будет сражаться на стороне франков и участвовать в одной из самых яростных битв против Саладина. Из-за своей непростительной горячности он неожиданно сделался противником Саладина и навлек на себя заранее гнев и мщение со стороны султана. Сослан видел теперь все свое спасение в эмире, который мог доброжелательно сообщить о его пленении Саладину, и если бы султан даровал ему жизнь, то в дальнейшем он мог бы испросить у него свидания. Сослан ничего не боялся и ни на минуту не задумывался о предстоящей впереди казни. Его терзала мысль, что он находится в ставке Саладина, куда стремился попасть столько времени.

и не может выполнить поручения, данного ему Тамарой. Несколько шагов отделяли его от человека, державшего в своих руках все будущее счастье его жизни; и он не мог преодолеть это короткое расстояние, и, вместо того, чтобы вступить с ним в переговоры о выкупе древа креста, должен был ждать от него пощады. Его грустные мысли были прерваны приходом эмира, который вместе с важностью соединял теперь в себе суровость и, как видно, не был расположен больше миловать своего пленника. Но он не мог удержаться, чтобы не высказать волновавших его мыслей, и, отослав стражу из шатра, с ужасом рассказал Сослану:

— Наш великий царь царей отрекся принять учение исмаэлитов и поклялся истребить их с лица земли. И сегодня, когда мы должны были праздновать победу над врагом, двое исмаэлитов напали на него, и один из них ранил его кинжалом в голову. Наш великий повелитель схватил его за руку, но убийца не переставал наносить ему удары, пока сам не был убит на месте. Удрученный печалью царь царей удалился в ставку, отменил празднества и предался молитвенному размышлению.

Сослан выразил искреннее негодование по поводу нападения исмаэлитов и радость по случаю избавления султана от смертельной опасности. Проявленное им сочувствие, а также изъявление готовности сразиться с исмаэлитами смягчили раздражение эмира.

— Не знаю, что делать с тобою, — признался он. — Едва ли великий султан в течение ближайшего времени будет распоряжаться судьбой пленных и согласится даровать тебе жизнь. Он разгневан нападением и не пощадит теперь врагов ислама.

— Великодушный султан не захочет нарушить мира с Иверией в то время, как он отовсюду тесним врагами, — с живостью возразил Сослан. — Я не собираюсь бежать от тебя. До тех пор я не уйду отсюда, пока не увижу султана и не выполню данного мне царицей поручения.

Его смелость понравилась эмиру, который боялся навлечь на себя гнев Саладина и остерегался прояв-

лять миролюбие к пленнику, но в то же время в нем зародилось желание провести время в приятной беседе с чужеземцем и узнать от него, что делается в стане крестоносцев. Эмир предложил гостю снять вооружение, отдохнуть на мягких подушках и освежиться вместе с ним прохладительным напитком из серебряных чаш, стоявших на маленьких столиках из черного дерева. Заметив колебание Сослана, эмир торжественно провозгласил:

— Разве тебе неизвестно, что служители пророка нерушимо и свято хранят данное слово, хотя бы оно служило во вред им?! Клянусь Абубекром, преемником Мухамеда, что жизни твоей не грозит никакая опасность! Ты предстанешь перед лицом нашего великого повелителя, который сообразно со своим великодушием и мудростью решит твою участь!

— Клянусь крестом быть верным твоим другом, пока сама судьба не разлучит нас! — произнес радостно Сослан, знавший нравы сарацин и то, что они никогда не нарушали своей клятвы и священных законов гостеприимства. Исторгнув у него клятву, он вполне доверился эмиру.

Несколько успокоившись, Сослан заметил, что палатка была пышно убрана коврами, индийскими тканями, золотой парчой и, как видно, служила местом приятного отдыха после ратных подвигов и сражений. Он положил меч, снял шлем и панцирь и скромно уселся против эмира, доставляя ему удовольствие рассматривать себя вблизи без всякого риска и страха для своей жизни. Сам эмир представлял полную противоположность Сослану. Он был худощав и миниатюрен. Зеленый полукафтан прикрывал его тонкий стан, а чалма вместе с черной курчавой бородой несколько удлиняла его худое лицо, отличавшееся мягкостью и приятностью. Веселое выражение блистало в глазах его, показывая, что он был жизнерадостен, не чуждался развлечений и крайне интересовался нравами и обычаями европейцев.

Сослан подробно рассказал ему о всем, что дове-

лось видеть в лагере крестоносцев, и эмир не мог сдержаться от изумленных и сочувственных восклицаний.

— Во время перемирия, — признался он, — на Акрской равнине всегда происходили празднества, и мы участвовали в них вместе с ними, а в турнирах состязались вместе с их рыцарями. В прежнее время между народами царила ненависть: и верные, и неверные беспомощно истребляли друг друга. Теперь же вводятся всюду новые обычаи, никто не хочет возвращаться к древним порядкам. — Затем, помолчав, он добавил. — Доселе мы подвизались со славой, и ислам повсюду торжествует. Но великий султан подвержен недугам, а непрерывная война сильно расстроила его здоровье. Слышно, что короли ищут мира, узнав много любезного от нашего повелителя. Что говорят об этом рыцари?

Из его слов Сослан понял, что среди мусульман господствовали такие же разногласия, как и среди крестоносцев, а при подобных раздорах Саладину трудно было бы долго выдерживать осаду Акры.

— О, храбрый эмир, я должен сказать тебе, что, хотя и к крестоносцам прибывают подкрепления в неиссякаемом количестве, войска их не имеют полководца, который мог бы сравниться по своему искусству с великим Саладином. Рвение к славе запрещает им бесславно покинуть твердыни Акры, но, как только будет взята крепость, никто из королей больше не будет сражаться в Палестине.

Это сообщение доставило эмиру большое удовольствие, обещая ему конец войны, хотя и с некоторым ущербом для славы их великого султана. Помолчав, он сказал с покорностью, проникнутой светлой надеждой:

— Ангелы окружают царя царей и защищают его на поле брани. Но было бы благоразумней подчиниться правилу корона, повелевавшего принять мир от врагов, если они того требуют.

Для Сослана стало ясно, что если у крестоносцев были несметные полчища без полководца, то Саладин, напротив, походил на полководца без войска, так как

не встречал поддержки среди своих военачальников. Эмир во время беседы приказал принести разнообразные закуски, показывая своему гостю, что он не с особенной строгостью придерживался постановлений корана. Они предались пиршеству, совсем забыв, что еще недавно были врагами и один угрожал другому смертью. Но их приятная беседа и отдохновение были прерваны внезапным приходом гонца от султана, который кратко известил эмира:

— Царь царей повелел тебе вместе с ним ехать в Дамаск. Он хочет вознести благодарственные молитвы аллаху за свое спасение в главной мечети. Коня готовы, собирайся в дорогу!

Гонец ушел, доставив этим сообщением радость эмиру, который уже давно стремился в Дамаск, чтобы отдохнуть от длительных и упорных боев под Акрой. Но Сослан пришел в ужас при мысли, что ему придется сейчас расстаться со своим покровителем и переносить одному все ожидавшие его в неволе бедствия.

Эмир быстро поднялся и на некоторое время забыл про Сослана, весь поглощенный поспешными и короткими сборами. Затем, вспомнив о нем, остановился и повелительно произнес:

— Ты останешься здесь до моего приезда! К сожалению, я не могу взять тебя с собою.

Сослан понял, что если он сейчас не заставит эмира переменить свое решение, то опять попадет в руки ожесточенных сарацин, и больше никто уже не спасет его от смерти.

— Не ты ли говорил мне час тому назад, благородный эмир, — решительно возразил он, — что, по велениям Абубекра, нерушимо хранишь данное тобою слово, хотя бы оно служило во вред тебе? И ты дал мне слово не отпускать меня от себя до тех пор, пока не представишь мое дело великому султану. Еще заря вечерняя не сменилась зарей утренней, как ты нарушил свое слово и хочешь оставить меня одного здесь. Скажи, что мешает тебе взять меня с собою и выполнить данное слово?

— Клянусь Меккой и Медной, ты, видно, захотел

испробовать моего дротика! — заносчиво сказал эмир, и гнев на одно мгновение искажил приятные черты его лица. Но он был веселого и подвижного нрава. Мысль, что в дороге он будет иметь приятного собеседника и, не в пример прочим военачальникам, ехать в сопровождении знатного пленника, быстро вернула ему хорошее расположение духа.

— Кто тебе сказал, что я нарушил данное слово? — с важностью промолвил он. — Если ты хочешь сопровождать меня в Дамаск в качестве пленника, то поедем со мной. Но помни, что тебе нечего рассчитывать на хорошее обращение, ибо сказано мудрым: — «Не ищи друга в бою, не жди снисхождения от врага». При первой же попытке к бегству ты будешь предан смерти, не дождавшись суда великого султана.

— Если бы я хотел бежать, то предпочел бы остаться здесь, а не ехать с тобою, — с твердостью ответил Сослан. — Но клянусь тебе своим мечом, что если бы ты мне предложил сейчас на выбор: свободу и возвращение в стан крестоносцев или ехать пленником к Саладину, я избрал бы последнее. Надежда видеть великого султана преодолевает горечь неволи, и я готов ехать за тобой даже в оковах!

Ответ Сослана убедил эмира в том, что он может вполне положиться на благоразумие пленника. Больше не колеблясь, он вынес решение:

— Храни свое слово так же, как хранят его правверные, и ты возблагодаришь аллаха за свою судьбу. Разрешаю тебе ехать в полном вооружении как представителю отважного и правдивого народа!

Эмир распорядился дать Сослану лучшего арабского скакуна, затем они вместе быстро присоединились к отряду конницы, сопровождавшей Саладина. Этот отряд, как заметил Сослан, был снабжен оборонительными и наступательными орудиями и мог служить крепкой защитой в дороге могущественному султану Дамаска и Египта. Вслед за конницей следовал многочисленный корпус телохранителей, среди которых Сослан, к своему изумлению, быстро распознал иверийских невольников, вооруженных кинжалами и саблями. За ними шли не-

гры, нубийцы, и все это многочисленное воинство как бы замыкало круг, в котором находился Саладин, который пока не был виден. Они двинулись в путь под звуки труб, цимбал с литаврами, освещенные факелами, усиливавшими торжественность всей процессии. Необычное и красивое зрелище на некоторое время развлекло Сослана, а мысль, что через короткий промежуток времени он будет в Дамаске и добьется свидания с Саладином, волнующей радостью отозвалась в сердце, помогая верить в благополучное завершение всего дела. С большой страстностью желал узнать он о судьбе своих спутников и о том, что с ними случилось. В этих думах он не заметил, как погасли звезды, темная синь неба поблекла и осветила утренние краски. Стало как-то особенно тихо и трогательно грустно. Но как только заблестал первый луч солнца и искрами рассыпался по песчаной степи, раздался чей-то одинокий громкий возглас:

— На молитву! — и, к удивлению Сослана, все мусульмане соскочили со своих коней и простерлись ниц, обратясь лицом к востоку. Вместе с эмиром опустился на землю и Сослан. Когда молитва кончилась и он поднялся, глазам его предстал тот всадник на белом коне, которого он видел во время сражения. Сослан сразу понял, что то был знаменитый Саладин. В то же мгновение всадник скрылся из вида, но образ его навсегда запечатлелся в памяти Давида. Весь остальной путь он думал о Саладине, о том, как встретиться с ним и какие найти слова, чтобы убедить султана не только вернуть ему свободу, но и отдать крест для Иверии. Между тем они проезжали по местам, как бы являвшимся некрополем древних цивилизаций, покрытым облаками развалин когда-то могучих империй. Триумфальные арки, воздвигнутые проходившими здесь великими завоевателями, гробницы, памятники эпохи Цезаря, остатки дворцов и театров сохранились здесь с незапамятных времен, несмотря на все бури и разрушения.

Печальная пышность развалин и величавость обстановки больше располагали к молчанию, чем к веселой беседе, и Сослан промолчал всю дорогу, слушая

эмира, который был доволен присутствием такого внимательного и почтительного слушателя.

Подъезжая к Дамаску, эмир оживился и с увлечением начал рассказывать Сослану о резиденции великого султана, куда были устремлены теперь все чаяния народов Востока и взоры западных монархов, видевших в Саладине самого могущественного и непобедимого своего противника.

— Дамаск существует 30 веков! — говорил эмир. — Все, что земля может породить приятного для человека, есть здесь, и недаром предание говорит, что сады, окружающие его, были тем земным раем, где жили наши прародители. Этот город — место откровения. Здесь отдыхает слугитель божий, великий Саладин, и испрашивает помощь бога на борьбу с неверными.

— Скажи мне, — обратился к эмиру Сослан, прерывая поток восторженных похвал, — где находится сейчас крест, отнятый султаном у крестоносцев в битве при Тивериаде? В Дамаске или в Иерусалиме?

— О, неверный, зачем ты вспомнил о знамени христиан, принесшем им столько несчастья? Наш великий султан никому не отдает его и держит в Дамаске, дабы не подвергать крест случайностям войны и не дать похитить изуверам.

— «Итак, крест в Дамаске! — подумал Сослан. — Здесь я могу получить его и, известив Гагели с Мелхиседеком, уехать в Иверию!»

Сослан меньше всего был склонен сейчас восхищаться резиденцией султана, но он не мог скрыть своего изумления, когда с вершины горы внезапно открылся пред ним один из древнейших городов мира, овеянный легендами и сказаниями последователей двух религий, неизменно враждовавших между собою.

Среди песчаной и мертвой пустыни Сирии, в долине с яркой зеленью, под шатрами пальм как бы сиял красками бело-розовый Дамаск с бесчисленными озерами, прудами и каналами, на которые дробилась горная речка Хризифроас, или Золотой поток, почитавшийся дамаскинцами за священную реку. Она спадала вниз с высоты гор и, катясь по песку золотого цвета, золотыми

струями блестела на солнце, золотя источники вод, доставлявшие городу прохладу и свежесть. Среди садов и бело-розовых зданий особенно выделялись необычайно высокие минареты главной мечети, напоминавшие путникам, что патриарх городов сменил свои верования, сделавшись оплотом исламизма.

Обилие воды, смешение климатов породили здесь такую причудливую и пышную растительность, которая делала Дамаск одним из привлекательнейших городов Востока. Наряду с масличными деревьями и кипарисами, здесь весело тянулись к небу орешники, под шатрами пальм раскидывали свои ветви яблони и вместе с бананами и лаврами росли сливы, терновик и можжевельник — уроженцы далекого Севера.

Чудесное впечатление от города, однако, вскоре сменилось у Сослана чувством брезгливости и отвращения, когда они поехали по кривым улицам Дамаска с бросающимися в глаза нищетой и грязью. Эту нищету не могли прикрыть ни роскошные дома с журчащими фонтанами, ни яркие ковры цветников, украшавших почти каждое здание. Нищета и роскошь так же мирно уживались здесь, как и разнообразная растительность Севера и Юга, и никто не обращал на это внимания, привыкнув к печальному зрелищу.

Они проехали великолепную аллею из колонн, построенных в римскую эпоху, миновали прелестные чащи садов, затем въехали на улицу, пестревшую зданиями из разноцветного мрамора, и, минуя древнюю базилику, приблизились к главной мечети с тремя высокими минаретами.

Толпы жителей приветствовали возвращение султана, заиграли трубы, полились звуки цимбал с литаврами; в одно мгновение все сарацинские всадники соскочили со своих коней и простерлись ниц, пропуская в мечеть Саладина с его свитой и выражая ему свое преклонение. То была пятница, когда имамы совершали богослужение и воспевали его победы. Служитель божий, как именовали здесь Саладина, повелел отпустить всех, чтобы наедине вознести свою благодарность аллаху и предаться молитвенным размышлениям.

Когда они отъезжали от мечети, Сослан издали заметил одного странного всадника в греческом одеянии. Он с презрением взирал на парадное зрелище, как бы показывая всем своим видом, что хоть он и чужестранец, однако, заслуживает не меньшего почтения и уважения, чем сопровождавшая султана пышная свита. Его радушно-презрительный взгляд, однако, загорелся живым интересом, когда он увидел Сослана с эмиром. Пришпорив коня, он поехал к ним навстречу, очевидно, желая проверить, действительно ли Сослан был тем лицом, за которое он его принял, или то была ошибка, вызванная случайным внешним сходством. Когда они поравнялись, он окинул Сослана пытливым и пристальным взглядом, и они тотчас же узнали друг друга. От изумления грек даже остановился, видимо, пораженный мыслью, как мог иверский царевич появиться в Дамаске, да еще в сопровождении сарацинского эмира? Недоумение его еще увеличилось оттого, что Сослан был без своего неизменного спутника Гагели и по своему странному виду не походил на почетного гостя Саладина. Затем он бросил любопытный взгляд на эмира, очевидно, стремясь хорошенько запомнить его, чтобы не ошибиться при новой встрече. Когда они, наконец, разъехались в разные стороны, эмир сказал Сослану:

— Это злой человек и твой враг. Откуда он знает тебя?

— Ты верно угадал, мой добрый эмир! Этот человек — мой враг, но я столько же знаю о нем, сколько и ты. Зовут его Лазарис, он — приближенный византийского императора Исаака — искал моей гибели в Константинополе. Лучше быть пленником у Саладина, чем свободным у Исаака. Я буду тебе очень признателен, если ты узнаешь, зачем он прибыл в Дамаск и долго ли здесь пробудет?

— Если не хочешь, чтобы змея кусала тебя, избегай с ней встречи, — предусмотрительно сказал эмир, — но не твоя вина, что она тебе попалась по дороге. Обещаю тебе все узнать про Лазариса и в случае нужды защитить тебя от его нападения.

На этот раз самоуверенность эмира не вызвала даже

подобия улыбки на устах Сослана, так как защита эмира была более действенна в Дамаске, чем меч, который он держал в своих руках и с которым не мог напасть на хитрого грека.

Они остановились недалеко от дворца Саладина, в одном из тех пышных зданий, окруженных садами и фонтанами, какие больше походили на загородные виллы, чем на городские дома, и являлись лучшим украшением Дамаска.

Ни в этот день, ни на другой эмир, однако, не был принят Саладином, который не позволял никому нарушать своего уединения и, устранившись от государственных дел и занятий, проводил время в молитве и беседе с имамами. Эмир, столько же любезный, сколько живой и веселый, пользуясь нежданно представившимся отдыхом, наслаждался праздностью и развлечениями Дамаска и почти не виделся со своим пленником. Окруженный воинской стражей Сослан находился в почетном плену и, будучи отрезан от общения с внешним миром, был предоставлен самому себе и своим горестным размышлениям. Он не мог торопить эмира, так как задержка была не по его вине, и не имел возможности что-либо предпринять самостоятельно, остерегаясь допустить ошибку и вызвать гнев Саладина.

Как лев, который после сильного раздражения обычно прохаживается, чтобы охладить свою воспаленную кровь, так и Сослан ходил взад и вперед по обширному помещению, хотя и убранному со всеми претензиями на восточную роскошь, но с окнами, загороженными стальными решетками, отгонявшими соблазнительную мысль о побеге.

Сарацины находились в соседней комнате, но они мало заботились о пленнике, полагаясь больше на его честность, чем на свою силу. Богатырская фигура Сослана внушала им страх, а любезное обращение с ним эмира удостоверяло их в том, что пленник был особенный не подлежащий строгому присмотру и наблюдению.

Томясь в одиночестве, Сослан невыносимо терзался поздним раскаянием за свою непростительную оплош-

ность и не знал, как ее поправить. Без внутреннего содрогания он не мог теперь думать о Тамаре, которая, наверно, ждала его возвращения и, конечно, была в полной уверенности, что он добьется свидания с султаном и выкупит древо креста. А вместо того, чтобы твердо идти к намеченной цели, Сослан увлекся воинственными планами крестоносцев, взялся по поручению герцога Гвиенского охранять стан, принял самое горячее участие в сражении против Саладина, нарушил волю царицы, потерял друзей и превратился в пленника, который должен был ждать милости от султана. Он представлял себе, как будет гневаться царица, узнав о его злополучном соединении с крестоносцами и о том бесчестии, какое он нанес Иверии, попав в плен к сарацинам, тем самым ломая всю осторожную, мудрую политику Тамары на Востоке и грозя сорвать мир между нею и султаном. Последствия его поступка казались Сослану теперь такими ужасными, неотвратимыми, что он с радостью казнил бы себя, чтобы не испытывать мучительных угрызений совести за свою измену. Но самое страшное заключалось в том, что Сослан был уверен, что, как только в Иверии узнают о его пленении Саладином, Абуласан с патриархом тотчас же выдадут царицу замуж за Юрия и, таким образом, навсегда освободятся от ненавистного им царевича. Эти картины, создаваемые больным воображением, доводили Сослана до безумия; он терял здравый смысл и готов был на самые отчаянные и дерзкие поступки.

Однажды к вечеру, ожидая возвращения эмира, Сослан находился в сильном возбуждении; необъяснимое беспокойство овладело им, нетерпение и тревога возрастали с каждой минутой, и он в исступлении метался по комнате, не находя ничего отрадного, чем бы он мог себя успокоить. Нечаянно взор его приковался к окну. Думая чем-нибудь отвлечься от докучных и горьких мыслей, он подошел к решетке и стал вглядываться сквозь зелень сада в очертания минаретов мечети и пролежавшую невдалеке улицу. Внимание его привлекли два всадника, которые приближались к дому, не были похожи на мусульман и, очевидно, принадлежали к кресто-

носцам. Не отдавая себе отчета в охватившем его жгучем волнении, Сослан прильнул к решетке, с напряжением всматриваясь в лица медленно ехавших всадников, причем, один из них показался ему очень знакомым и близким. Когда они поравнялись с домом, где находился Сослан, лица их и фигуры отчетливо обрисовывались в ярком освещении вечернего солнца, и, к своему удивлению и радости, Сослан в первом всаднике узнал Гагели, который и не подозревал, что был близко от своего повелителя.

Он ехал, как быстро догадался Сослан, в сопровождении франка с таким непринужденным и спокойным видом, что становилось ясным и его добровольное прибытие в Дамаск, и доверчивое отношение к своему спутнику. Сослан успел заметить, что ни конь, ни сам Гагели не были отягощены боевыми доспехами, на нем было рыцарское одеяние, но без щита и копья, очевидно, он не предвидел впереди никаких опасностей и чувствовал себя в Дамаске, как в стане крестоносцев. Они ехали не спеша, и франк все время осматривался кругом, как бы с трудом разбираясь в незнакомой местности, чего-то ища и не находя, наконец, остановился возле одного дома и обратился с вопросом к привратнику. Гагели тоже остановился, и теперь Сослан мог ближе рассмотреть его лицо, на котором ясно отпечатлелись тревога и напряженное ожидание, вероятно, связанные с теми переговорами, которые вел франк, и относившиеся, несомненно, к чьим-то поискам.

Сослан из всего виденного заключил, что они искали его, что Гагели, наверное, подкупил какого-нибудь франка и вместе с ним бежал из стана крестоносцев. Оставалось необъяснимым только одно обстоятельство: каким образом Гагели мог узнать, что он в Дамаске, и как его пропустили мусульмане, тщательно охранявшие все пути и дороги, ведущие в резиденцию султана? Сослан едва утерпел, чтобы не выскочить из своего помещения и не опрокинуть охранявшую его стражу, но всадники уже поскакали вперед и скоро исчезли из вида. Мучаясь неизвестностью и стремясь угадать, куда они поехали, Сослан раскаивался, что не выломал ре-

шетку и пребывал в созерцательном бездействии, но раскаяние его тотчас сменилось ужасом, когда он увидел, что по тому же направлению, куда ехал Гагели со своим спутником, промчались вдруг несколько всадников, и в одном из них он узнал Лазариса. Движимый огромным беспокойством за судьбу Гагели, Сослан не мог больше сидеть в своем помещении. Он был уверен, что Лазарис выследил их обоих и, не имея возможности заманить его в свои сети, решил напасть на Гагели и взять его к себе заложником. Желая выручить своего друга, Сослан решил умертвить стражу, если она будет препятствовать ему выйти на улицу, и, схватив меч, направился к выходу. В тот же момент дверь отворилась и вошел щеголевато одетый веселый эмир. В надвинувшихся сумерках он не заметил возбужденного лица своего пленника и мрачной решительности, овладевшей им, и торжественно произнес:

— Желание твое, храбрый ивериец, исполнено! Царь царей, великий служитель пророка назначил тебе завтра явиться к нему на прием. Он с благосклонностью принял весть, что ваша именитая царица прислала к нему свое посольство, хотя и удивился, что ты находишься у меня в качестве пленника. Готовься предстать пред ним и благодари аллаха, что мне удалось исполнить свое обещание!

Сослан бросил меч, который с мягким звоном упал на ковер, устилавший пол, и в восторге протянул руки к эмиру, благодаря его за счастливое известие, ради которого он претерпел плен, разлуку с другом и пытку долгого и неопределенного ожидания. Эмир был доволен изъявлениями радости и благодарности со стороны пленника, который являлся для него теперь почетным гостем, но, тем не менее, помня о суровой требовательности султана, он промолвил с укоризной:

— Завтра тебе предстоит дать отчет нашему повелителю, почему ты сражался вместе с неверными и нарушил мир, установленный вашей царицей между двумя народами? Не хочу вводить тебя в заблуждение и заранее оповещаю тебя: пролитая кровь правоверных не останется без отмщения! Служитель божий столь же

милостив, сколько и справедлив, ему ты и дашь отчет о своих действиях!

Произнося эту речь, несколько огорчившую Сослана, эмир посмотрел на брошенный меч, затем перевел взгляд на своего пленника.

— Не хотел ли ты покинуть это мирное убежище, не дождавшись милости султана? — с укоризной спросил эмир. — О, вероломный, ужели ты уготовлял мне измену и, подобно всем неверным, собирался нарушить свою клятву? Клянусь аллахом! Смерть избавила бы тебя от подобного позора!

— Благородный эмир! Я не утаю от тебя своих сокровенных помыслов и признаюсь тебе, что заставило меня взяться за меч, — с искренностью ответил Сослан. — Ты удержал меня от совершения поступка, в котором мне пришлось бы потом всю жизнь жестоко раскаиваться! — Сослан чистосердечно рассказал, как он видел своего друга в окно, как за ним погнались лазутчики императора Исаака во главе с Лазарисом и как он решил спасти Гагели, бросившись к нему на выручку с мечом, чтобы вырвать его из рук противников.

Выслушав сообщение Сослана, жизнерадостный эмир непривычно задумался и сел на ковер, поджав под себя ноги. В этой позе он сидел долго и безмолвно, выражая тем крайнюю печаль и озабоченность. Сослан тоже присел на одном из низеньких стульев, ожидая, пока, наконец, эмир выйдет из своего задумчивого состояния и пояснит ему, какая кручина внезапно легла на его душу. Молчание, однако, длилось продолжительное время, и Сослан, подозревая, что эмир скрывал от него печальную новость, воскликнул:

— Верно, ты что-нибудь узнал про Лазариса, открой мне всю правду! Незнание беды — хуже самой беды. Будучи во время открыта, она перестанет внушать страх, и можно найти средство к ее преодолению.

— Клянусь бородой моего отца, ты близок к истине, но напрасно ты думаешь с помощью меча избавиться от противника, — наконец, ответил эмир, проявляя большое сочувствие к судьбе своего знатного пленника. — Этот лазутчик, как ты называешь его, прибыл сюда не-

один, а сопровождает принца по имени Алексей Дука, или, как именуют его греки, Мурзуфл, который подобно тебе, ищет свидания с нашим великим султаном по какому-то весьма важному и секретному делу. Завтра тебе предстоит встретиться с ним во дворце царя царей, так как и ему на завтра назначен прием. Храни спокойствие, памятуя, что император Исаак находится в тесном союзе с нашим султаном и оказал нам многие неоценимые услуги в борьбе против неверных. Служитель божий дорожит миром с греками, и тебе не следует говорить о том, что тебя преследовал Исаак. Помни, не вовремя и без нужды сказанное слово отвратит от тебя лицо нашего повелителя. Вместо милости ты обрешь его гнев, и не только не спасешься сам, но и погубишь своего друга.

Предупреждение эмира о прибытии Мурзуфла с каким-то тайным поручением к султану и предстоящая встреча с ним на приеме сильно расстроили Сослана, и он в должной мере оценил всю важность оказанной ему эмиром услуги.

— Клянусь моей родиной, у меня найдутся сокровища, которыми я смогу выразить тебе свою благодарность! Какая бы беда ни постигла тебя в сей временной жизни, ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь, то ли мечом, то ли золотом. Клянусь моим покровителем, святым Георгием, что мы, иверийцы, так же нерушимо храним верность в дружбе, как вы храните свои клятвы, и так же, как вы, презираем вероломство и измену. Прошу тебя еще об одной услуге! Помоги мне узнать, где находится мой друг и, если ему угрожает опасность, дай мне возможность спасти его от гибели!

Эмир не без удовольствия выслушал горячую речь Сослана, которая вполне соответствовала его понятиям о дружбе и поднимала пленника в его глазах.

— К сожалению, отважный ивериец, я твоей просьбы исполнить не могу, — с грустью сказал эмир, — я не хочу подвергать тебя испытанию гораздо большему, чем прежде. Если ты прибегнешь к оружию в Дамаске, в этом священном городе, где обитает служитель божий, то тебе придется, вместо назначенного свидания с ним,

потерять навсегда свободу и никогда больше не увидеть своей родины. Но вижу, что сердце твое смятено, и ты не обретешь покоя, пока не узнаешь о своем друге. Не беспокойся, у нас есть средства получить о нем достоверные сведения и найти иные пути к его спасению.

Он встал, дал знак страже, и через минуту явился невольник в разноцветной шелковой одежде, в парчовой чалме и с кинжалом, украшенным дорогой инкрустацией. Эмир на местном наречии весьма пространно что-то объяснял ему, на что невольник отвечал все время одной и той же фразой по-арабски: «Слышать — значит повиноваться!» — и, отвесив земной поклон, неслышно скрылся.

Эмир не объяснил ничего Сослану, видимо, предпочитая вести свои дела тайно, и затем удалился, сказав, что завтра утром он явится к нему, они вместе отправятся к султану.

В полном безмолвии и печальном одиночестве провел Сослан ночь, готовясь к предстоящему свиданию с Саладином, от которого была в зависимости его личная судьба, судьба Тамары и всего царства. Он искал ответа на все волновавшие его вопросы в тишине ночи, в сиянии ярких звезд, мерцающими искрами рассыпанных по небу, в неумолчном журчании золотого потока, в благоухании ливанских роз, напоминавших ему дворец в Исани в ту последнюю ночь, какую он провел у царицы.

Г Л А В А II

На следующий день после прибытия Сослана в Дамаск туда также явились франки с Гагели, получившие пропуск в резиденцию султана как официальные послы французского короля Филиппа, снабженные особыми полномочиями и доверительными грамотами.

Золото, с большой щедростью отпущенное Гагели на все расходы, связанные с путешествием, способствовало отменному расположению духа Густава Бувинского. Он проявлял невиданную энергию в пути, преодолевая всевозможные препятствия, быстро и легко разрешая возникавшие затруднения, устраняя все преграды с помощью золота, — так что они следовали в Дамаск без остановок и задержек и прибыли туда раньше, чем предполагали. Восхищенные красотой города, живописной местностью и той роскошью, какой была насыщена столица Востока, франки готовились ознаменовать свое пребывание здесь непрерывными пиршествами, разнообразными восточными развлечениями, приобретением оружия и драгоценностей, с беспечностью полагая, что Гагели обязан выполнить все их прихоти и желания, так как от них зависит освобождение его повелителя. Поэтому они не торопились выполнять свою миссию и пребывали в приятном бездействии, желая тем самым удлинить сроки своего пребывания в Дамаске.

Между тем Гагели, мучимый неизвестностью, тщетно старался разузнать, где находится Сослан, прибыл ли он в Дамаск вместе с султаном или же остался в его лагере на Кайзанских горах, брошенный на растерзание мусульман.

Мелхиседек, несмотря на все свои старания, также

не нашел никого из стражи во дворце, кто мог бы за хорошую взятку дать ему сведения о пленнике. И оба они, терзаемые беспокойством, однако опасались действовать открыто, чтобы не возбудить подозрения сарацин.

Сгорая от нетерпения выяснить все подробности пленения Сослана, Гагели в то же время вынужден был сносить беззаботную праздность своих спутников, отнюдь не торопившихся начать хлопоты о свидании с Саладином.

Его мучения стали совсем невыносимыми, когда, проезжая однажды с Густавом по городу, он встретил Лазариса, проводившего их долгим и странным взглядом. Казалось, что грек несколько не удивился неожиданной встрече, а только был рассержен, увидев его одного с франком, без иверского царевича.

Гагели успел заметить, что Густав небезразлично отнесся к встрече с Лазарисом и обменялся с ним коротким, но многозначительным приветствием, обозначившим, что они встречались где-то при иных обстоятельствах, но остерегались при посторонних обнаруживать свое знакомство.

Эта встреча еще более обеспокоила Гагели, внушив ему подозрение, что Лазарис каким-то образом был предупрежден о его приезде и что-то знал о Сослане. Размышляя обо всем этом, Гагели пришел к твердому убеждению, что появление Лазариса в Дамаске было подготовлено и преследовало темные цели. Гагели сразу лишился покоя и привычной рассудительности. Он решил поторопить своих ленивых, нерадивых спутников и заставить их скорее закончить начатое дело. За время пути он хорошо ознакомился с нравами и привычками сопровождавших его франков и понял, что у них было только одно желание:

— Выманить у него как можно больше золота и подольше не возвращаться в Акру.

Видя, что он сам был причиной их праздности и своими щедрыми подачками приучил жить широко и развлекаться на чужой счет, Гагели подумал, что самое лучшее заставить рыцарей самих изыскивать средства к легкому существованию в Дамаске. На очередное

требование Густава дать им деньги Гагели ответил уctивым, но твердым отказом.

— Храбрые рыцари! Как вам известно, я не жалел золота, чтобы вы совершили свое путешествие с приятностью, ни о чем не заботясь и ни в чем не имея недостатка. Но средства мои иссякают, а судьба пленника может иметь зловещий конец, если мы не поспешим с его освобождением, и мы должны спешить с выполнением поручения короля Филиппа.

Ответ Гагели заставил Рауля вспыхнуть от раздражения и досады, и он, не стесняясь, осадил его.

— Не твое дело вмешиваться в наши переговоры с султаном и назначать сроки для нашего свидания с ним! Мы сами знаем, когда нужно освободить твоего господина, и обойдемся без твоей помощи.

Резкий окрик Рауля вывел из равновесия Гагели, который терпеливо сносил всю дорогу придирки и насмешки франков, но теперь готов был жестоко наказать зарвавшегося обидчика, не думая о дальнейших последствиях своего поступка. Он бы не удержался и ударил Рауля, но вдруг заметил холодный, как бы подстергающий взгляд Густава. Рука Гагели застыла: трезвый рассудок взял верх над гневной вспышкой, и он вдруг отчетливо увидел всю безвыходность своего положения. Все бумаги и грамоты с пропусками и разрешениями находились у Густава, в случае ссоры он, не задумываясь, предал бы его мусульманам. Гагели не только не получил бы доступа во дворец султана, но, не имея документа, разрешавшего ему въезд в Дамаск, он как перебежчик или, того хуже, как лазутчик немедленно был бы заключен в темницу. Это ужасное предположение заставило Гагели моментально измениться. принять вид грубоватого, придурковатого слуги, с которого нельзя было много взыскивать и требовать.

— Вы без меня никак не обойдетесь, храбрые рыцари, — с видимой покорностью сказал он. — Я со своим повелителем изъездил все страны и могу такое рассказать султану, что он согласится немедля отпустить моего господина. Помимо того, я имею золото, предназна-

ченное для его выкупа, и должен лично передать его Саладину.

— Ежели ты рассчитываешь больше на свои слова, чем на силу имени французского короля, — запальчиво произнес Рауль, — тогда отправляйся сам к султану и хлопочи за твоего господина. А золото короля Филиппа передай нам, и мы распорядимся им по своему усмотрению.

Гагели понял, что своей прямою и настойчивостью он не только не ускорил желанное свидание с Саладином, но восстановил франков против себя, разжег в них еще большую жадность к деньгам и сильно повредил делу освобождения Сослана. Кроме того, сообщив им, что король пожертвовал золото для посылки султану, и прославляя щедрость, Гагели никак не мог раскрыть правду франкам, чьим золотом он распорядился. Он вынужден был ограничиться обещанием, что Сослан вознаградит их за услуги, когда выйдет из плена.

Густав сохранял подозрительное молчание в течение всей беседы. Он не сделал ни одного замечания, не оборвал Рауля и не выразил досады по поводу отказа Гагели дать им денег. Его выдержка и невозмутимое спокойствие были гораздо опаснее, чем несдержанная резкость Рауля, который болтливостью мог выдать их тайные намерения и заставлял Гагели быть бдительным. Густав был дальновидней и хитрей, чем его самонадеянный и заносчивый спутник, не умевший обуздать свои страсти и легко подчинявшийся любому влиянию. Гагели успел заметить, что Густав, волнуясь, начинал медленно разглаживать свою длинную бороду. И теперь эта привычка выдала его беспокойство, показывая, что он старался охладить себя и трезво взвесить создавшееся положение. Он отпустил Гагели спокойно, сказав, что они обсудят, как нужно им действовать дальше, и тогда известят его о своем решении.

В тот же вечер между франками произошел бурный разговор. Рауль был возмущен поведением Гагели и намеревался во что бы то ни стало проучить, как он его называл, «дерзкого плута».

— Я раскаиваюсь, что отправился в путь, приняв те

унизительные условия, какие угодно было предложить нам его величеству, — с негодованием говорил Рауль. — Король может распоряжаться государственной казной, но только не в ущерб благородным рыцарям, которые сражаются под его знаменами. Прилично ли нам быть в зависимости от какого-то Пуртиньяка, который присоединился к нашему отряду ради корыстных побуждений. А теперь, пользуясь именем французского короля, хочет на его золото выкупить своего господина, подвиги которого еще нигде и никем не были прославлены. Я предлагаю бросить это дело как унизительное для чести франкских рыцарей.

— Безрассудно бросать дело, хотя и начатое по нашему недомыслию, но которое может иметь весьма благие последствия, если мы не будем терять голову и проявим умение кончить его в нашу пользу, — наставительно произнес Густав. — Искони известно, что, если вовремя не исправишь совершенной ошибки, она повлечет за собой великое множество новых ошибок. Неприлично благородным рыцарям находиться по соседству с золотом и не иметь в кошельках достаточного количества монет для удовлетворения своих скромных потребностей. Подобная жалкая оплошность не принесет славы ни одному порядочному рыцарю. Благоразумие говорит нам, что для выкупа неизвестного пленника хватит и одного сокола, которого король посылает в дар Саладину. Наша рыцарская честь требует, чтобы распоряжались золотом мы, королевские послы, кому вверено вести переговоры с султаном, а не простой слуга, которого я не взял бы привратником, чтобы охранять свое имущество. Надо приложить все усилия, чтобы Пуртиньяк отдал нам то, что у него имеется.

Ясная и простая мысль Густава, притом выраженная в грубоватой форме, заставила Рауля вспыхнуть от удовольствия, хотя он и поспешил оговориться:

— Повеление короля — закон для его подданных. Было бы непристойно навлекать на себя подозрение в корыстолюбии в то время, когда мы больше всего озабочены тем, что король сделался жертвой излишней доверчивости.

— Изворотливость всегда лучше прямотушия. Разве не в наших силах отнять у сего грубияна золото, которое не принадлежит ему, и затем сговориться с султаном о выкупе? Королевская казна не оскудеет от того, если Саладин получит меньше золота, а добрые рыцари прилично отдохнут в Дамаске, как полагается, за их доблестные подвиги. Ты увидишь, что это пойдет одинаково на пользу как тем, кто обременен золотом, так и тем, кто нуждается в этом драгоценном металле.

Рауль был несколько озабочен решительностью Густава. С одной стороны, он боялся ответственности перед королем, который мог дознаться об их нечестном поступке и изгнать из своей армии, с другой — ненасытная алчность толкала его на преступный путь, привлекая возможностью безнаказанно получить богатую добычу, вырвав ее из рук надоевшего им Пуртиньяка. Густав, видя его колебания, подкрепил свое предположение еще более вескими соображениями.

— Кто пострадает при этом деле? — продолжал он. — Разве мы пренебрегаем повелением короля и отказываемся платить выкуп за неизвестного рыцаря? Мы предложим Саладину столько золота, во сколько оцениваются христианские невольники на дамасских рынках. Может также случиться, что султан, получив ценный подарок от короля Филиппа — сокола, из любви откажется от золота или же удовольствуется тем, что мы предложим ему за выкуп пленного. Таким образом, мы никому не причиним убытка, кроме султана, который является врагом христиан, и наше золото наверняка употребит на военные нужды, сражаясь с нами под Акрой. Что же касается нашей совести, то уверяю тебя, что наш прелат легко отпустит нам подобное прегрешение, вменив его нам в заслугу.

После небольшого колебания Рауль согласился с его доводами, что недоплата Саладину известной части золота не является тяжелым бременем для совести европейских рыцарей. Напротив, это в известной степени исправит ошибку короля, который соперничал в щедрости с Ричардом Английским и часто совершал безрассудные траты.

Густав, довольный согласием Рауля, весело воскликнул:

— Клянусь моим мечом, что если Филипп не пожалел опустошить государственную казну, чтобы выкупить улетевшего сокола, то я полагаю, сейчас он отпустил не меньше денег, чем за птицу. Да будет благословенна его щедрость!

Не откладывая своего решения, они вызвали Гагели, причем Густав предложил приятелю не вмешиваться в это щекотливое дело, которое он мог лучше провести один, чем с помощью Рауля.

— Не поможешь ли ты сообщить нам, Пуртиньяк, — начал Густав беседу, когда к ним явился Гагели, — какую сумму золота вручил тебе наш милостивейший король для выкупа твоего господина? Являсь с его письмом к султану, мы должны знать, чем располагаем, дабы нам не попасть в ложное положение и твердо держаться своего слова. В таком предприятии оплошность ведет к непоправимому несчастью.

Ласковый и обходительный тон Густава, его серьезный вид и спокойствие не внушили Гагели ничего подозрительного, а, напротив, уверили его в том, что отказ в деньгах понудил франков скорее приступить к делу и не затягивать своего пребывания в Дамаске.

— О, храбрые рыцари! — с живостью воскликнул он. — Сколько бы ни запросил великий султан, я ничего не пожалею, чтобы заплатить за своего господина, лишь бы скорее его выпустили на свободу!

— Видишь ли, Пуртиньяк, хорошо, конечно, что твое сердце проникнуто к своему господину такими добрыми чувствами, но не забудь, что султан может потребовать такой выкуп, который не под силу не только простому смертному, но даже и самому королю. Скажи, сколько тебе дал наш король и что ты рассчитываешь делать, если цена выкупа превысит данную тебе сумму золота?

Вопрос Густава звучал дружелюбно и простодушно и не представлял собой, казалось, ничего особенного, но был так хитро поставлен, что Рауль еле сдержал веселую улыбку. А Гагели невольно вздрогнул, уловив в

нем какой-то неясный и недобрый смысл. Густав требовал от него отчета с явно предвзятым намерением, и неправильный ответ мог привести Гагели к большой неприятности.

Едва оправясь от волнения, Гагели решил притвориться наивным простачком, несведущим в денежных делах, и, вздыхая, промолвил:

— Король взял с меня слово, чтобы я никому не болтал о его щедрости, и не открыл мне, сколько он отпустил золота на выкуп моего господина. Он дал мне сверток, строго приказав не раскрывать его и никому не показывать, а лично передать султану от его имени. Благородные рыцари! Я не могу преступить повеления короля, который сказал мне: «Ответишь головой, если не исполнишь моего приказа!»

Рауль выразительно посмотрел на Густава, давая ему понять, что затеянное им дело — весьма опасное, влечет за собой гнев короля, потому благоразумнее заранее от него отказаться. Иначе глупый Пуртиньяк в своем усердии мог немедленно донести королю о случившемся и опорочить их доброе имя. В то же время он подумал, что наверное Филипп подшутил над этим дурнем и положил очень мало золота. Не желая обесславить королевскую казну, он запретил ему разворачивать сверток, а своих рыцарей освободил от унижения предстать пред лицом султана с подобным жалким выкупом. Эта догадка заставила Рауля разочароваться в их предприятии, но, к его удивлению, Густав вдруг поднялся, лицо его резко изменилось.

— Ты много рассуждаешь! — крикнул он, сразу переменив ласковый тон на угрожающий и требовательный. — Немедленно неси сверток, мы сами передадим его султану. А что касается короля, мы берем ответственность на себя, тебе нечего бояться за свою голову.

Гагели понял, что Густав не отступится от своего решения и что, если он будет упорствовать, не откупится от них золотом, они жестоко отомстят ему, и от этой мести прежде всего пострадает Сослан, а спасение его сейчас всецело зависит от быстроты и ловкости их действий.

— О, храбрые рыцари! Разве я дорожу этим свертком, который изволил передать мне ваш король? Прощу вас, выручите скорее моего господина, и он вам щедро заплатит, когда вы выкупите его из неволи.

— Неси сверток! — приказал Густав, втайне довольный, что слуга не оказал ему сопротивления. Очевидно, Пуртиньяк был больше озабочен судьбой своего господина, чем сохранностью золота, и он не дорожил им, стараясь не показать это.

Гагели едва сдержал приступ гнева, овладевший им при таком грубом обращении со стороны франка, но сейчас ему было не до обид и самолюбия, когда любая вспышка гнева повлекла бы за собой вооруженное столкновение, которое в резиденции султана могло рассматриваться как тяжкое преступление.

Уходя от рыцарей, Гагели не знал и не представлял себе, как он поступит. Никакого королевского свертка у него не было, потому ложь его могла быть легко обнаружена. Придя к себе в помещение, он рассказал Мелхиседеку о своей горе, о необходимости откупиться от рыцарей, и Мелхиседек, подумав, сказал:

— Да не осудит меня добрый господин, если я предложу маленькую хитрость. В Константинополе я захватил с собой сверток с серебром и медью для раздачи сарацинам на тот случай, если бы они вздумали чинить нам всякие препятствия. Бросим туда несколько золотых монет — для этих господ будет вполне достаточно.

Так как Гагели не мог медлить со своим возвращением, то решил последовать совету Мелхиседека. Он захватил объемистый сверток и, попросив Мелхиседека тщательно хранить ящик с драгоценностями, не без волнения направился к рыцарям.

— Вот, храбрые рыцари, сверток! — сказал он и положил его на стол, как бы для доказательства своей полной непричастности к этому делу. — Да не будет на мне вины перед вашим королем Филиппом!

Рауль с изумлением посмотрел на сверток, который по объему представлял внушительную ценность, и встретил взгляд Густава, как бы говоривший: «Теперь мы с тобой обеспечены!»

— Прошу вас не откладывать нашего свидания с султаном, — настойчиво произнес Гагели. — Время не терпит, и не сегодня — завтра Саладин может уехать из Дамаска. Если взялись за дело — надо его закончить.

— К вечеру известим тебя о нашем решении, — ответил Густав, — больше занятый соображениями, сколько золота вмещает этот сверток, чем исполнением просьбы Гагели. Он даже не обратил внимания на пренебрежительную фамильярность его обращения, горя нетерпением скорей выпроводить от себя назойливого дурня, который не смог даже прилично воспользоваться вверенным ему богатством.

— Не беспокойся, — прибавил он, — твой господин не останется в неволе.

Оставшись одни, они тотчас же развернули сверток, желая узнать, обладателями какого сокровища они являются, и были неприятно поражены, когда вместо золота в их руках оказалась груда серебра и меди с кое-где мелькавшими золотыми монетами. Раздосадованные и недовольные, что обманулись в своих ожиданиях, они некоторое время молчали. Наконец Рауль со вздохом сказал:

— Надо было ожидать, что король посмеялся над глупостью Пуртиньяка и заставил его хранить сверток, пригодный больше для раздачи невольникам, чем для выкупа знатного рыцаря. Невысоко же оценил король его господина! Удивляюсь только, почему он снарядил посольство, если не нашел других даров для султана, кроме серебра и сокола? Можно подумать, что наш король находился в веселом расположении духа и захотел подтрунить над султаном. Но султан может снести нам головы за подобные шутки!

Пока Рауль говорил, Густав тщательно и медленно осматривал содержимое свертка, с большим вниманием приглядываясь к золотым монетам, и после продолжительного изучения их насмешливо бросил:

— Не король посмеялся над глупостью Пуртиньяка, а он сам посмеялся над нами, обманув нас своим свертком. Посмотри, чьи эти динары, чье изображение на них и надпись? Таких монет никогда не было в казне коро-

ля Филиппа и не могло быть! — Он взял золотую монету и передал ее Раулю. Рауль долго всматривался в монету, на которой с лицевой стороны были вырезаны два слова на незнакомом ему языке, а на обратной стороне были арабские литеры.

— Царица Тамара, — прочитал он по-арабски начальные буквы и посмотрел на Густава.

Густав, довольный разрешением сложной задачи, торжественно поднял руку.

— Клянусь прахом моего отца, что этот молодец имеет столько золота, сколько не снилось королевскому казначею! Разве ты не слыхал рассказов о богатстве этой царицы, которая прославилась своей щедростью по всему Востоку? Помнишь, когда мы проходили с нашей армией мимо Иконии, то иконийский султан рассказывал нам о царице Тамаре, равной которой нет по уму и богатству.

Слова Густава произвели большое впечатление на Рауля. Сообразно духу своего века он больше всего любил таинственное и волшебное, и сказание о богатой и умной царице из неведомой, далекой страны внушило ему уважение к пленному рыцарю, ради которого они прибыли в Дамаск и готовились предстать перед Саладином.

— Напрасно ты потребовал у него сверток, — с огорчением произнес Рауль, — никогда не надо начинать дела, если заранее не уверен в успехе. Мы можем получить от него гораздо больше, если освободим пленника из неволи.

— Нелепо раскаиваться в деле, которое еще не окончено, — вспыхнул Густав, в своем упорстве всегда видевший гораздо дальше, чем непостоянный и легкомысленный Рауль. — Но благодаря этому свертку, мы узнали, с кем имеем дело, и можем действовать гораздо обдуманнее, чем поступили вначале. Вчера в городе я видел Лазариса, доверенного константинопольского императора Исаака. Мне с ним пришлось вести переговоры по одному важному делу. Он — осведомленный человек, от него можно узнать все подробности про Иверию и про царицу Тамару.

Из его слов Рауль понял, какое значение придавал Густав этой нечаянной затее и какие блестящие возможности представлялись его изворотливому уму в связи с обнаружением тайны их спутника.

Вслед за этим Густав велел позвать Гагели и без всякого смущения вернул ему сверток.

— Я должен огорчить тебя, Пуртиньяк, — сказал он. — На эти деньги ничего нельзя сделать. Если ты не располагаешь ничем, кроме этого свертка, то нам следует немедленно возвратиться в Акру, не беспокоя султана лишними хлопотами. Хорошо, что ты не утаил свертка и заранее предупредил нас, чем избавил от многих неприятностей, а своего господина — от гнева Саладина.

Тон Густава был простой и деловитый. Он спокойно протянул ему сверток, и не было никаких данных, чтобы заподозрить его в нечестности, а тем более в желании совершить хищение или какое-либо насилие. Гагели, услышав эти спокойные, но звучавшие полной безнадежностью слова, пришел в сильное смятение.

— Добрые рыцари, вы отказываетесь спасти моего господина! — вскричал он вне себя, не думая больше об осторожности, а испытывая ужас перед той участью, которая ожидала Сослана. — Клянусь вам святым Георгием, что мой господин не пожалеет золота, чтобы отблагодарить тех, кто примет участие в его спасении! Не отказывайтесь от этого доброго дела, которое одинаково принесет славу как вам, так и моему господину и спасет души ваши!

— Саладина мало заботит спасение наших душ. Он бы предпочел собственными руками отправить нас в ад, чем уготовить нам место в раю, — ответил Густав, внимательно следя за Гагели, — пойми, к нему нельзя идти с одним соколом, а на твой сверток можно, пожалуй, выкупить пару невольников, но для выкупа благородного рыцаря он не годится, раз ты не имеешь ни золота, ни драгоценностей, с чем мы пойдем к султану? Что будем предлагать ему? Если рассудок у тебя так же хорошо работает, как сердце, то ты поймешь, что я говорю тебе это, исходя из доброго намерения помочь твоему господину.

Его слова прозвучали так убедительно, что Гагели со всей неотвратимостью понял, что он должен или довериться этим рыцарям, или уйти от них совсем и больше не рассчитывать ни на чью помощь.

Наступило продолжительное молчание. Густав с равнодушным видом сидел за столом, медленно поглаживая бороду. Он не проявлял ни малейшего желания что-либо прибавлять к сказанному им и взглядом заставил Рауля соблюдать полное молчание, боясь, чтобы своим неудачным вмешательством Рауль не испортил так хорошо начатое и близкое к благополучному разрешению дело.

Гагели не вымолвил ни одного слова. Он молча повернулся и вышел со свертком, в своем горе не замечая пристального и насмешливого взгляда, которым Густав проводил свою жертву, уверенный теперь в полной победе. Войдя в помещение к Мелхиседеку, он бросил сверток, печально опустился на свое ложе и заплакал, не в состоянии справиться с охватившим его отчаянием и тоскою.

Мелхиседек с сокрушением взирал на него, видимо, поняв, что хитрость их разоблачена, рыцари требуют отдать им золото, а от этого зависит судьба их повелителя. Он долго молчал, дав время вылиться его скорби, а затем тихо промолвил:

— Жизнь нашего царевича дороже золота и сокровищ, сколько бы у нас их ни было. Не будем скорбеть заранее. Если они честные люди, то выкупят нашего повелителя, и мы не пострадаем, что доверили им наши драгоценности. А если они ограбят нас и ничего не сделают для царевича, то пусть бог будет им судьбою! У нас осталось еще золото на древо креста, а если... — Он замолчал и потом закончил. — А если его нет в живых, тогда нам не нужно ни золота, ни драгоценностей, а потребны только одни слезы, чтобы оплакивать того, кого мы безвременно утратили. Отдайте им этот ящик!

Слова Мелхиседека успокоили Гагели, заставляя думать о самом дорогом, что у них было — о жизни Сослана! Он даже не приоткрыл ларца, оставляя драгоценности в том нетронutom виде, как были получены

ими от царицы, и решительно направился к своим мучителям.

— Благородные рыцари, — произнес он твердым тоном. — В этом ларце хранятся сокровища, принадлежащие моему повелителю. До них не коснулась рука его верных слуг; с тех пор, как мы выехали из нашей прекрасной страны, они лежат в полной неприкосновенности. Я взял с собою этот ящик с драгоценностями, чтобы отдать их султану за выкуп того, кто нам дороже жизни и всяких сокровищ. Вверяю вашей чести эти драгоценности, благородные рыцари, в надежде, что вы спасете жизнь моего господина.

Гагели положил ларец на стол перед Густавом и с настойчивой твердостью повторил:

— Поймите, это — цена жизни! Если вы взяли на себя обязательство, то выполните его с честью.

Рауль в запальчивости хотел крикнуть: «Как ты смеешь учить нас?», но Густав, обрадованный богатой добычей, поспешно ответил, отпуская Гагели:

— Иди и будь спокоен за жизнь своего господина! Клянусь тебе прахом отца, что завтра же Саладин примет послов французского короля, и я смогу убедить его немедленно освободить пленника. Иди и готовься встретить своего господина. — И Гагели удалился.

Г Л А В А III

Отдав ларец с драгоценностями франкам, Гагели и не подозревал, что посеет раздор между рыцарями, охладит в них всякое желание хлопотать о свидании с Саладином и принимать какое-либо участие в судьбе его повелителя.

Вскрыв ларец, оба были поражены количеством и величиной драгоценных камней, которые могли считаться редкостью даже на Востоке, где западные короли и рыцари надеялись пополнить запасы оскудевших казнохранилищ различными драгоценностями. Тут были огромные жемчужины, яхонты, гранаты, смарагды, сапфиры, лалы, изумруды, рубины и алмазы необычной величины; все они сверкали и переливались огнями, ослепляли воображение, разжигая страсти, с которыми труднее всего было бороться обнищавшим рыцарям Запада.

Молчание, долгое, напряженное, воцарилось между франками, устремившими взоры на ларец и, видимо, не находившими слов, чтобы обменяться впечатлениями. Каждый из них как бы стыдился перед другим обнаруживать жадность, высказывать затаенные глубоко корыстные мысли. Они не успели высказать своего мнения, как вошел невольник и доложил, что поверенный константинопольского императора Исаака просит графа Бувинского принять его по важному и неотложному делу.

Густав поспешно закрыл и спрятал ларец и с радостным возбуждением произнес, обращаясь к Раулю:

— Этот посланник подоспел как раз вовремя. Он нам может принести большую пользу, если мы сумеем узнать

от него то, что нам надо. Будь осторожен. Не произноси ни слова, иначе мы лишимся того, что имеем, — и, обратясь к невольнику, прибавил, — веди немедля гостя да присмотри, нет ли поблизости каких лазутчиков или, еще хуже, исмаэлитов!

Эта предосторожность была нужна в этой стране, где кишмя кишели перебежчики, шпионы и изменники, переходившие из одного лагеря в другой и всячески вредившие негодным им рыцарям, а особенно вождям, которым они служили.

— Если до ушей исмаэлитов дойдет весть о наших сокровищах, — озабоченно промолвил Густав. — они не остановятся перед тем, чтобы напасть на нас. Вот когда тебе надлежит проявить свою храбрость и поговорить с ними языком копий и мечей, дабы освободить землю от этих гнусных изуверов.

Рауль отметил, что Густав назвал ларец «нашим сокровищем», что означало, что он больше не предполагал расстаться с драгоценностями и не только не выключал Рауля из обладания ими, но даже призывал его защищать добычу. Он не успел насладиться радостью сознания, что он — владелец богатства, которое весьма прочно и надолго обеспечивало ему жизнь в будущем, как вошел Лазарис. Рауль сейчас же обратил внимание на наружность грека, на его некрасивое, но резко врезающееся в память лицо византийского склада, которое невольно заставляло остерегаться его и во время общения с ним взвешивать каждое свое слово. Лазарис хорошо объяснялся на многих языках, так как много путешествовал по чужим странам, и заговорил с Густавом по-французски.

— Привет тебе, достопочтенный Лазарис, — любезно ответил Густав, решив осторожными расспросами узнать у него все подробности относительно иверской царницы. — Давно мы с тобой не видались. Что привело тебя в город, где ислам празднует свою победу над христианством?

— Восточная мудрость гласит, что здесь был сотворен первый человек, и сюда соберутся народы в последний день, когда великий судья будет судить живых и

мертвых. Здесь Юг соединился с Севером, Восток с Западом, — мудрено ли здесь не встретиться людям, одинаково любящим свое отечество и пекущимся о процветании веры и религии?

Цветистые фразы Лазариса не удовлетворили пытливой любознательности Густава, который понял, что за ними скрывается желание уклониться от прямого ответа. Вероятно, заметив недовольство Густава, Лазарис закончил:

— Я послан к Саладину с личным письмом императора Исаака. Судьба благоприятствовала мне, так как великий султан после нападения исмаэлитов прибыл в Дамаск и избавил меня от необходимости ехать к нему в Акру.

— Какое нападение? — спросили в изумлении оба рыцаря. С тех пор, как они прибыли в Дамаск, их мысли были всецело заняты золотом, и они не имели сведений о Саладине и его свите.

— Если доблестным рыцарям известно про эту страшную секту, то мне мало остается добавить к сказанному. Саладин решил истребить исмаэлитов, за что они жестоко мстят ему. Провидение, к великому удивлению, сохранило жизнь султану, и он избежал страшной опасности. Это происшествие так повлияло на него, что, объятый смятением, он бросил Акру и на некоторое время удалился в Дамаск. К сожалению, султан предался молитве и уединению, и мне не удалось получить у него свидания.

Извещение Лазариса произвело на рыцарей различное впечатление.

— Да поможет провидение султану истребить с лица земли этих гнусных извергов! — воскликнул Густав в сильном беспокойстве, так как больше всего боялся сейчас всяких грабителей и разбойников. Он не думал о том, что сам уподобился исмаэлитам, беззастенчиво завладев чужими драгоценностями; он даже вменял себе это в заслугу, а не в преступление. Вслед за этим его осенила утешительная мысль, что султан, находясь после покушения в тяжелом состоянии, откажется принять посольство французского короля. Значит, они могут

спокойно уехать, сняв с себя всякую ответственность за невыполненное поручение. Рауль, однако, воспринял слова грека совсем иначе, чем Густав. Теперь он понял, почему битва под Акрой, когда франки должны были уже понести поражение, вдруг закончилась паникой среди мусульман, и они не воспользовались своей победой.

— «Надо немедленно снимать осаду Акры и возвращаться в Европу», — подумал он, и мысли его устремились к ларцу с драгоценностями. Он опять испытал радость от сознания, что может спокойно вернуться в Европу и предаться утехам праздной и разгульной жизни.

— Император Исаак, как я вижу, не изменил своей политики, — ядовито заметил Густав, — одной рукой пишет письма Саладину, а другой шлет ласкательные заверения крестоносцам. Поведай нам, с каким поручением тебе надлежит явиться к султану?

— Император Исаак не удостоил меня своей доверенностью, — скромно ответил Лазарис. — Со мной прибыл принц Алексей Дука. Он как представитель императорской фамилии будет вести переговоры с султаном.

Сообщение, сделанное греком с такой откровенностью, показалось Густаву подозрительным, и он подумал: «Не стал бы Исаак рассылать делегации в такое тревожное время, если бы не задумал чинить вред крестоносцам. Стараясь услужить Саладину, он, несомненно, блюдет свои интересы и преследует враждебные нам цели».

— Насколько мне известно, — продолжал Лазарис, — ваша делегация прибыла к великому султану в качестве посольства французского короля Филиппа и имеет к нему важное дело.

— Твои сведения соответствуют истине, — промолвил Густав, крайне заинтересованный его словами, — и если наши поручения совпадают, можно только удивляться мудрости проведения, сталкивающего людей, желающих творить одно и то же дело.

— Судьба не наделила меня прозорливостью, но

дала мне способность судить о намерениях людей по их поступкам. Не гневайтесь, храбрые рыцари, если я скажу вам, что в вашем посольстве находится одно лицо, за которое император предложил вам хороший выкуп, чтобы получить его в качестве заложника.

— Что ты говоришь, Лазарис? В уме ли ты? — в недоумении спросил Густав, дивясь его странному предложению.

— Могу вас заверить в щедрости нашего императора, — спокойно закончил Лазарис. — Он не остановится ни перед какими расходами; что же касается этого лица, то, клянусь святой Софией, ему не будет учинено никаких обид, жизни его не угрожает опасность.

— Кажется мне, что ты заблуждаешься и обратился не туда, куда следует. — Однако слова о щедрости императора Исаака и заверения, что тот не остановится ни перед какими затратами, приковали внимание Густава и заставили задуматься над вопросом: кого же имел в виду Лазарис? О каком важном лице шла речь, когда, кроме него и Рауля, никого больше в их посольстве не было?

Но гордый Рауль обозлился:

— Твоя наглость, грек, зашла слишком далеко. Ты забыл, что говоришь с рыцарями, которые никогда не торговали заложниками и не предавали своих товарищей по оружию. Иди со своим предложением к сарацинам и покупай у них невольников, сколько потребуется твоему императору.

Лазарис хладнокровно выслушал Рауля и обратился к Густаву, которого он хорошо знал по прежним встречам и считал более сговорчивым человеком, чем вспыльчивый франк.

— Клянусь храмом Софии, равного которому нет на всем свете, что я подставил бы свою голову под ваш меч, если бы осмелился сделать подобное предложение относительно западных рыцарей, проливающих кровь за освобождение гроба господня, — произнес он, несколько не смущаясь. — Но пусть не гnevаются на меня доблестные рыцари, если я скажу, что мое предложение относится к человеку, происхождение и имя которого вам не-

известно, но который, по неизвестным для меня причинам, оказался в вашем посольстве. Этот человек не связан с вами общим вероисповеданием, а подчинен нашей греческой церкви. Он никогда не будет сражаться в ваших рядах и, насколько я выяснил, является вашим тайным врагом, а не другом.

Густав от волнения вскочил и сделал знак рукой Раулю, чтобы он не прерывал их разговора.

— О ком ты говоришь, Лазарис? — задыхаясь от любопытства, вскричал он. — Назови нам имя этого человека?! Клянусь моим мечом, ты не уйдешь отсюда до тех пор, пока не скажешь нам всей правды!

Но угроза, решительно прозвучавшая в устах Густава, ничуть не напугала Лазариса. Очевидно, стремление достигнуть своей цели так сильно овладело его умом, что он и не мыслил уходить отсюда, не соблазнив их своим выгодным предложением.

— Этот человек, да будет вам ведомо, храбрые рыцари, — тянул медленно свое признание Лазарис, видимо, желая произвести на них наибольшее впечатление, — этот человек возглавляет посольство иверской царицы Тамары к султану Саладину и облечен чрезвычайными полномочиями. Как нам известно, он уполномочен вести с ним переговоры о деле, которое способно взволновать умы и сердца крестоносцев.

— Итак, я не ошибся! — воскликнул в чрезвычайном возбуждении Густав. — Вот кем оказался наш грубиян Пуртиньяк. Не говорил ли я тебе, — обратился он к Раулю, — что он обманул короля Филиппа и прикрылся именем Пуртиньяка, чтобы сделать это гнусное дело? Он хотел воспользоваться королевскими грамотами, чтобы проникнуть во дворец Саладина. Не говорил ли я тебе, что у него золото иверской царицы, и он ввел нас в заблуждение своей басней о свертке? Теперь понятно, почему он настаивал на личном свидании с Саладином. Этот предатель не постеснялся обмануть нас, скрыв свое происхождение и богатство!

Будучи сильно возбужден, Густав совершенно упустил из вида, что такое знатное лицо, как иверский посланник, могло обойтись без письма короля Филиппа и

от имени своей царицы явиться к султану. Поглощенный мыслями о ларце с драгоценностями, он ухватился за сообщение Лазариса, как о единственно правильном объяснении странного поведения мнимого Пуртиньяка, отдавшего им с такой легкостью свои сокровища, очевидно, стремясь любой ценой получить свидание с султаном.

Кроме того, он был так заинтересован возможностью нового обогащения через императора Исаака, что не стал расспрашивать Лазариса ни про иверскую царицу, ни про ее посланника и не обратил внимания на явное противоречие между тем, что они слышали от Пуртиньяка, и тем, что говорил Лазарис. Не успев продумать как следует сообщение Лазариса и понять нелепость его предложения, Густав еще более запутал дело, сосредоточив все внимание на Пуртиньяке, и тем самым окончательно ввел в заблуждение как Лазариса, так и Рауля.

— Ужели Пуртиньяк обманул нашего короля? Ужели он пробрался в наши ряды, чтобы предать нас султану? — безостановочно повторял Рауль. — Подобное вероломство должно быть наказано! Но смотри, грек, если ты лжешь — ты испробуешь моего меча!

Лазарис видел по лицам своих собеседников и по их взволнованным жестам и возгласам мог судить, что предположение его оправдалось, и он, наконец, нашел того, кого искал: иверского царевича! Он не удивился, что Сослан скрывался под чужим именем и оказался в стане крестоносцев, так как иного пути попасть к султану у него не было.

Густав успел быстро оценить и взвесить все значение услышанного и с присущей ему деловитостью начал допрашивать грека:

— Хотел бы я узнать, — из каких соображений император стремится получить заложником посланника великой царицы, слава о которой идет по всему Востоку?

Лазарис, вероятно, ожидал этого вопроса, так как без замедления ответил:

— Да будет известно вам, храбрые рыцари, что у царицы Тамары в Иверии находятся заложниками два

юных принца царской крови, и император ничего больше не желает, как получить их обратно. Но царица Тамара отказалась выполнить его желание. Имея заложником ее доверенное лицо, Исаак надеется склонить ее к уступчивости и получить в обмен на него двух принцев.

Рауль с недоумением слушал грека, не зная, в какой степени можно доверять ему, но остерегался излишней болтливостью раздражать Густава. Он с любопытством смотрел на приятеля, стараясь угадать, что он может предпринять в таком трудном и запутанном деле.

Между тем Густав впал в глубокую задумчивость, искренне дивясь тому невероятному обстоятельству, что этот «дурень», как он назвал Пуртиньяка, отдавший им собственными руками, без всякого насилия ларец с драгоценностями, вдруг оказался таким важным лицом, что они могли вторично заработать на нем хорошие деньги. Мысль о подобной возможности усиливала интерес Густава к предстоящей сделке, и он уже решил пойти на сговор с Лазарисом, затребовав с него большую сумму денег. Он мысленно взвесил все обстоятельства: если император Исаак дорожил своими принцами, — что он дорожил ими, было бесспорно, — то он даст хороший выкуп за Пуртиньяка, и они могли бы таким образом вторично обогатиться за счет последнего, — случай совершенно небывалый в богатой практике Густава! Кроме того, они навсегда освобождались от свидетеля их не особенно честного поступка и становились законными обладателями драгоценного ларца, и никто никогда не мог бы посягнуть на их достояние.

Эти глубокомысленные размышления Густава были прерваны неожиданным восклицанием Рауля:

— Что касается меня, то я бы был рад отделаться от этого грубияна и скорее вернуться в Акру!

Испугавшись того, что коварный грек истолкует слова Рауля в желательном для себя смысле и захочет обсчитать их, Густав гневно посмотрел на своего приятеля и сурово остановил его.

— Разве ты забыл про поручение, данное нам королем Филиппом? Если для Исаака важно получить заложником доверенное лицо царицы Тамары, то Филипп,

как тебе известно, дорожит этим рыцарем. Нет, благородный Лазарис, — обратился к нему Густав, — твоя просьба не может быть исполнена! Мы не желаем быть в ответе перед нашим могущественным монархом и должны выполнить его поручение.

Рауль вспыхнул и хотел крикнуть Густаву, что его изворотливость привела их к бесчестному поступку и что напрасно он старается прикрыться рыцарским достоинством и благородством, но его прервал Лазарис. Избегая ссоры между рыцарями, могущей повредить его делу, он сразу пресек их сомнения, заявив Густаву:

— Вы не будете в ответе перед вашим королем, храбрые рыцари, ибо я открою вам тайну иверского посланника. Он направляется к султану с богатыми дарами, чтобы выкупить у него святой крест и отнять у вас знамя, за которое вы боретесь. Судите сами, будет ли гневаться ваш король, узнав, что вы помешали осуществлению его намерений, предав врага в руки императора Исаака? Густав, боясь, что Рауль испортит всю беседу неудачным вмешательством, сразу перешел к делу.

— Ты вполне убедил меня, Лазарис, — ты правильно рассудил. Едва ли наш король был бы доволен, если бы иверский посланник получил через него крест у султана. Но скажи мне, Лазарис, в какую сумму оценил твой император своего предполагаемого заложника?

— В тысячу динаров, — спокойно ответил Лазарис и сразу потушил благородное возмущение Рауля, заставив его забыть про все рыцарские обязанности и интересы короля Филиппа.

Рауль едва не вскрикнул от изумления, но Густав, хотя и не ожидал такой крупной суммы, не высказал своей радости.

— Ты умный человек, Лазарис, и с тобой приятно иметь дело, — сдержанно сказал Густав. — Без лишних разговоров, когда прислать твоего заложника? Нам надо торопиться со своим отъездом из Дамаска!

Лазарис несколько удивился той легкости, с какой франки согласились передать ему иверского царевича, но, подобно Густаву, скрыл свою радость под личиной равнодушия. Полагая, что грек раздумал совершать эту

делку, видя, как быстро они ухватились за его предложение, Густав пожалел, что не запросил больше и не заставил его вести с ними продолжительные переговоры.

Один только Рауль находился в приятном самозабвении, полагая, что они вступили в ту счастливую полосу, когда одна удача следовала за другой и поток щедрых даров судьбы вознаграждал их с избытком за все перенесенные невзгоды и лишения ратной жизни.

Наконец, Лазарис прервал молчание.

— Позволительно спросить, доблестные рыцари, — промолвил он не без оттенка недоумения и иронии, — каким образом предполагаете вы передать нам иверского посланника? Насколько мне известно, вы прибыли сюда без стражи и не можете никоим образом прибегнуть к насилию. Между тем вы сами знаете, этот рыцарь не согласится добровольно попасть в руки императора Исаака, от которого он тщательно укрывался и спасся бегством?

Этот простой вопрос смутил обоих рыцарей, так как они меньше всего думали о практической стороне дела, но Густав быстро справился.

— Об этом надлежало прежде всего думать тем, кто заинтересован в приобретении сего ценного заложника, — тоже не без иронии возразил он. — Мы не тратили, как известно, ни средств, ни времени на его поиски. Если вы приехали сюда без вооруженной стражи, то каким путем вы надеялись доставить его вашему императору?

— У нас есть вооруженный отряд императора Исаака, но на земле Саладина мы не имеем права прибегать к оружию. По моему мнению, можно лишь обманом заполучить его в свои руки, а дальше мы знаем, как с ним управиться.

— Твой ум, Лазарис, укажет нам лучший выход, чем мы могли бы придумать сами, — поощрительно произнес Густав, приунывший было при мысли, что это предприятие могло рухнуть вследствие его неосуществимости. — Скажи, что ты предложишь нам совместимое с нашим рыцарским духом и обычаями?

— Насколько мне известно, иверский посланник всецело занят мыслями, как получить свидание с султаном. Насколько я лично убедился, он уже вступил в сношения с одним из сарацинских эмиров, вероятно, в надежде получить через него доступ во дворец Саладина. Медлить нельзя, ибо иначе он ускользнет от вас, не нуждаясь больше в грамотах короля Филиппа.

— Правильные ты имеешь сведения, Лазарис? — недоверчиво спросил Густав, а Рауль вскричал:

— Я был уверен, что здесь кроется измена! Клянусь своим мечом, что изменник заслужил бы немедленной расправы, если бы ему не была уготована другая участь — стать заложником вашего императора, участь более горькая, чем сама смерть! Мы поставим в известность короля Филиппа и предостережем его на будущее время от излишнего доверия к чужеземцам.

В этот горячий момент ни Густаву, ни Раулю не пришло на ум, что мнимый Пуртиньяк не передал бы своих драгоценностей, если бы решил действовать самостоятельно и завязал сношения с сарацинским эмиром. Они были объаты одним желанием — беспрепятственно завладеть драгоценностями и тем или иным путем избавиться от Пуртиньяка, который мог в любой момент потребовать свой ларец, а в случае отказа — обвинить их в краже и пожаловаться на них королю Филиппу. Густав прекрасно знал, что Филипп не миловал за такие поступки и жестоко расправлялся с теми, кто позорил честь и достоинство рыцаря.

В свою очередь, и Лазарис, озабоченный поимкой Сослана и не встречавший возражений со стороны рыцарей, был уверен, что речь идет именно о Сослане. Он черпал свою уверенность из того факта, что, если он видел вместе с Густавом его неразлучного спутника — Гагели, то, несомненно, и сам царевич находился в посольстве франков, скрытый в целях осторожности под фамилией Пуртиньяк. Это недоумение ни одна сторона, ввиду щекотливости дела, не стремилась выяснить, и франки с горячностью заканчивали сговор с греком, торопясь получить деньги и уехать из Дамаска.

— Выслушайте мой совет и немедленно приведите

его в исполнение, — сказал Лазарис, видя, что рыцари не были осведомлены о сношениях Сослана с эмиром, — постарайтесь сегодня же оповестить его, что ему назначено свидание с султаном. По обычаю, существующему на Востоке, к султану рыцари должны являться на свидание невооруженные, вверяя свою жизнь и безопасность его великодушью. Мы остановились близ дворца Саладина, нам представлены как посольству византийского императора пышные чертоги, где раньше размещались военачальники султана. Ничего не будет подозрительного в том, если вы уверите его, что в этих покоях он будет дожидаться приема и что его тайным ходом проведут к султану. Тому, кто доставит к нам иверского посланника, будет выдана тысяча динаров.

Густав поднялся и коротко промолвил:

— Все будет сделано, Лазарис, согласно твоим указаниям. Сообщи точно, куда его доставить.

Лазарис сделал необходимые пояснения, где и как в посольстве можно было найти его, и затем они распрощались, вполне довольные произведенной сделкой. Лазарис, уходя, предупредил их:

— Прошу вас случайно не обмолвиться о моем посещении. Помните, этот гордый ивериец немедленно скроется, и вы его нигде не найдете.

Дав клятву, что тайна будет соблюдена, Густав, простившись с греком, радостно потер руки и принялся расхаживать по комнате.

— В один день мы из бедных рыцарей превратились в знатных князей, которым могут позавидовать даже храмовники! Вот что получается, когда счастье соединяется с умом, а доблесть подчиняется рассудку!

Он достал ларец и хотел насладиться блеском драгоценностей, но Рауль, озабоченный предстоявшей отправкой Пуртиньяка, остановил его:

— Золото не уйдет от нас, а Пуртиньяк может скрыться, почуввав опасность, нависшую над его головой. От этого изменника следует скорее освободиться, так как он может предать нас сарацинам и разрушить все наши планы.

Густав вполне одобрил его благоразумное предосте-

режение и велел немедленно позвать Пуртиньяка. Следуя точным указаниям Лазариса, он приветствовал его с отменной любезностью, тот остановился выжидательно возле стола; воцарилось непродолжительное молчание.

Франкские рыцари с интересом осматривали много слугу, удивляясь, как они вначале не заметили его привлекательной и изящной наружности, горделивой осанки и всей благородной манеры держаться. Теперь все это настолько ярко бросалось им в глаза, что они окончательно уверились в правильности слов Лазариса и приняли Гагели за то лицо, которое искал император Исаак.

Рауль прервал молчание, которое могло показаться странным Пуртиньяку и, стараясь сохранить непринужденность и поддержать начатую игру, весело сказал:

— Ты можешь быть доволен! Желание твое исполнилось. Ты отправишься сейчас к Саладину и будешь иметь с ним свидание.

Гагели был так удивлен этим известием, что в первую минуту подумал, что это — шутка, придуманная рыцарями для своей забавы. Он молча посмотрел на Густава, который считался руководителем посольства, направленного к Саладину.

Найдя, что Рауль сделал это сообщение несколько преждевременно, Густав решил произвести небольшое испытание.

— Как добрый слуга ты получишь награду за свою верность. Но прежде чем отправить тебя к Саладину с письмом, нам необходимо знать подлинное твое имя. Иначе султан может счесть нас за обманщиков, а короля — введенным в заблуждение. Кто ты? И какому принадлежишь народу?

— Я от вас и не хочу скрывать, благородные рыцари, ни своего имени, ни происхождения. Меня зовут Гагели. Я принадлежу к знатному роду иверских дворян, верноподданный великой царицы Тамары.

— Напрасно ты раньше притворялся простачком, — не утерпел Рауль, который не мог забыть своего первого объяснения с ним, — если ты такой же рыцарь, как и мы,

тебе не следовало обманывать нас, а объяснить честно, чтобы мы знали, с кем имеем дело. Особенно плохо то, что ты скрыл правду от короля Филиппа.

— Его величество знает правду, — живо возразил Гагели, — и от него ничего не скрыто! Ему было угодно причислить меня к своей армии под именем Пуртиньяк, и он повелел мне не разглашать этой тайны.

Рыцари переглянулись между собой. Действительно, Гагели являлся знатным лицом и скрывал свое происхождение по каким-то важным и известным только королю Филиппу государственным соображениям. Боясь, что Рауль по своему подвижному и своенравному характеру проникся расположением к иверскому рыцарю и откажется отправить его к Лазарису, Густав решил прекратить опасный разговор.

— Надобно выполнить главное, ради чего мы приехали сюда, — произнес он. — Времени остается мало. Приготовься, храбрый рыцарь, к свиданию с султаном, чтобы тебе с честью выполнить важное поручение. Не бери с собой оружия в дорогу, ибо по заведенному здесь обычаю представители посольства являются к султану в одежде мирного времени, вверяя себя его чести и великодушию.

Гагели испытующе посмотрел на Густава, решая про себя, не скрывается ли за его словами какая-либо хитроумная ловушка.

— Я еду с тобой, тебе нечего беспокоиться, — заявил Рауль с гордостью, исключавшей возможность коварного замысла, — никогда еще в этой стране не были нарушены правила гостеприимства, и Саладин первый подает пример своим подданным.

Густав обеспокоился неожиданным решением Рауля и не согласился с ним. Он хорошо знал, что Рауль был доверчив и мог по дороге наболтать Пуртиньяку много лишнего. Эта болтовня испортила бы все дело и раскрыла прежде времени их планы. Но Рауль вдруг заупрямился и ни за что не хотел отказываться от своего намерения провожать иверского рыцаря.

— Из нашей свиты больше никому сопровождать его, — решительно заявил Рауль. — Как тебе известно,

вопрос очень серьезный. Кому можно поручить дело, которое мы обязались сами с тобой выполнить? Только тебе и мне!

Гагели понял заявление Рауля, как желание лично передать султану выкуп за пленника и тем заслужить похвалу от своего монарха. Не подозревая о каком-либо умысле с их стороны, Гагели с радостью изъявил согласие ехать к султану и, взволнованный, вышел из комнаты, трепеща при мысли, что через самый короткий промежуток времени выяснится, наконец, судьба Сослана.

ГЛАВА IV

Утро в Дамаске всегда было ясное, веселое и солнечное. В этот день оно казалось особенно ярким и ослепительным, лучи солнца залили своим блеском весь город, рассыпаясь миллионами искр на бело-розовых зданиях, на зеркальной поверхности бесчисленных озер и водоемов. Воздух был наполнен ароматом роз. Знаменитая фиалковая долина, сады и рощи цвели и благоухали. Казалось, что наступил праздник весны, и все кругом сияло, ликовало и веселилось.

Сослан забылся только под утро в легкой дремоте и быстро пробудился, увидев вошедшего эмира. Царевич почувствовал, что наступил тот желанный день в его жизни, когда он мог преодолеть, наконец, свою печальную судьбу и вернуться победителем в Иверию. Хотя он весь был устремлен к одной цели и думал только о предстоящей встрече с Саладином, тем не менее, он прежде всего осведомился: какие вести принес ему невольник? Что он узнал о его друге?

Эмир нетерпеливо поведал ему:

— Сей невольник весьма искусен в подсматривании и выслеживании тайных врагов. Он умеет неслышно входить в дома, видеть глазами больше, чем мог бы слышать ушами, и угадывать по движениям, о чем говорят или что хотят сделать люди. Отправившись по моему приказанию в дом, где остановилось греческое посольство, он проник в помещение, и вот что представилось его глазам.

В комнате находилось несколько хорошо вооруженных греков, переодетых сарацинами. Среди них было

двое франков, из которых, надо полагать, один был твой приятель. Они сидели и мирно беседовали. Греки в сарацинском одеянии тоже переговаривались между собою и, очевидно, кого-то ждали, так как не приступали ни к каким действиям. Затем они поднялись и предложили франкам идти за собою, причем сделали знак, чтобы один из франков остался, а другой последовал за ними. По описанию, надо думать, твой друг, хромой рыцарь, должен был идти за ними, но в это время невольник заметил, что из соседней комнаты кто-то выглянул в дверь, но так, что присутствующие его не видели; затем дверь раскрылась, явился грек и начал сильно спорить с франком, который, по-видимому, сторожил твоего друга. Грек долго кричал, указывая на твоего друга, угрожал мечом, франк тоже выхватил свой меч и с такой силой ударил грека, что тот упал, и его унесли в другую комнату. Греки напали на франка, он долго отбивался от них вместе с хромым рыцарем, затем греки заперли дверь и увели франков в следующее помещение. Они долго шумели, выражая свое недовольство, но твой друг не терял присутствия духа и, уходя, крикнул по-арабски, — невольник только одно это и понял:

«Ведите нас к Саладину! Мы должны освободить моего господина!» Надо думать, что твоему другу не угрожает опасность и он приехал сюда, чтобы выкупить тебя у султана. Поэтому тебе не следует убиваться о нем. Собери свои мысли, чтобы в достойном виде предстать перед нашим великим повелителем.

— Клянусь жизнью, я не испытывал никогда большего волнения, чем сейчас, когда слушал твой рассказ. Что случилось с моим другом? Куда они повели его? От Лазариса нельзя ждать ничего хорошего.

— Потерпи немного и ты все узнаешь. Ты должен вначале получить свободу, а затем думать о своем друге. Нельзя забывать о главном, к чему ты стремился столько времени.

— Ты прав, — согласился Сослан, несколько успокоившись. — Я готов слушать тебя. Поведай, как мне вести себя, чтобы не разгневать султана?

Эмир, довольный его скромностью, счел нужным дать своему пленнику некоторые наставления.

— Ты идешь к царю царей, который, подобно облакам, низводит свои щедроты на народы, ему подвластные. Человеколюбию его нет предела, но бойся навлечь на себя его гнев, особенно в делах веры. Как истый служитель пророка, он не терпит ничего противного вере и торжеству ислама. Он низвергнет в бездну всякого, кто усомнится в его победе над неверными и захочет поколебать его могущество на Востоке. Соблюдай эти правила и ты можешь снискать его благоволение!

Сослан не мог не быть признательным эмиру, который, несмотря на свой веселый и живой нрав, с такой мудрой дальновидностью предупреждал его о характере султана, чтобы он избежал опасного столкновения с ним и не раздражал своими суждениями во время беседы.

Они отправились во дворец в тот утренний час, когда султан, вернувшись из мечети, приступил к делам управления, принимал гостей и посольства, прибывших из далеких стран, и отдавал распоряжения своим эмирам.

Сослан заметил, что эмир был озабочен и, вопреки своему обыкновению, молчалив, видимо, тревожась за исход предстоявшего свидания. Он думал о чем-то большом и серьезном, что нельзя было в такой момент довести до сведения Сослана. Эмир не желал обременять его новыми огорчениями и лишать бодрости, необходимой для беседы с Саладином.

Роскошный дворец султана был окружен телохранителями, вооруженными с ног до головы. Яркого цвета ткани служили им одеждой, а на некоторых из них были платья из серебряной и золотой парчи; зеленые чалмы их были украшены перьями и драгоценными камнями; рукоятки и ножны сабель и кинжалов стальных, с чернью, сверкали золотом и серебром. Эта блистательная стража мерно расхаживала возле дверей дворца, внимательно осматривая гостей, проходивших в переднее помещение, откуда они получали доступ и во внутренние покои дворца. Сослан с эмиром прошли

густым разросшимся садом, где были фонтаны; под шатрами пальм светились зеркальные водоемы, а далее поднимались угрюмые, безмолвные кипарисы, открывая проход к красному зданию дворца.

Несмотря на великолепие сада, Сослан не задержал на нем своего внимания, будучи исполнен тревожного желания скорей увидеть султана и выяснить, что ожидает его в будущем. Он сказал себе: «Пока я нахожусь пленником и разлучен с моим другом, солнце для меня не светит, мрак покрывает мою душу».

В полном безмолвии вступили они во дворец Саладина и, пройдя сквозь многочисленный отряд стражи, очутились, наконец, в приемном зале. Здесь собрались иноземные посольства, мусульманские владетельные князья и духовные лица, одетые с восточной роскошью и как бы выставлявшие напоказ свои драгоценности.

Усталый и возбужденный от необычных и резких впечатлений Сослан с достоинством прошел мимо свиты султана и остановился на месте, указанном ему эмиром. Он с любопытством осмотрел просторный зал, больше напоминающий своим убранством молитвенный дом, чем жилище знаменитого завоевателя Востока. Темные стены с надписями из корана, скромная мебель из черного дерева, отсутствие украшений и орнамента указывали на стремление султана к суровой аскетической жизни.

Строгая тишина в зале прерывалась лишь молитвенными возгласами имамов и вздохами гостей, которые тяготились набожностью султана, стремились скорей закончить официальные переговоры с ним и на досуге проводить все свое время, наслаждаясь жизнью в Дамаске. Сослан уже готовился предстать перед Саладином, как его взгляд приковали двое людей, уединенно сидевших в противоположном конце зала. Они внимательно следили за проходившими гостями, изредка обмениваясь между собой короткими, едва слышными фразами. Давид заметил пристальный взгляд, направленный на него, и тотчас узнал Мурзуфла, который, очевидно, был предупрежден о пребывании в Дамаске иверского царевича. Мурзуфл с насмешливой бесцер-

монностью рассматривал его, а затем, будто что-то выяснив для себя, перевел взгляд на эмира.

Присутствие Сослана во дворце султана вместе с эмиром и в такой час, когда он принимал особенно почетных гостей, видимо, противоречило сложившимся мыслям и предположениям Мурзуфла. Он не мог сдержать своего удивления и начал оживленно что-то говорить, обращаясь к сидевшему рядом с ним греку.

Сослан с трудом выдерживал присутствие Мурзуфла и хотел прямо направиться к нему. Эмир остановил его, предупредив, что встреча с греком по горячности его нрава может привести к столкновению, он рискует быть удаленным из дворца и лишиться свидания с султаном.

— Лазариса нет, — в волнении прошептал Сослан. — Что бы означало его отсутствие?

Не успел эмир высказать ему своих соображений, как показался султан в сопровождении большой свиты; по залу пронесся восторженный шепот, тотчас сменившийся глубоким и почтительным молчанием. Мусульмане склонились ниц, приветствуя своего повелителя. Иноземные посольства выразили ему почтение по обычаям и этикету своей страны, признавая в нем человека, прославленного в боях, мудрого в управлении и снисходительного к своим противникам.

Его поступь, вид, движения, особенно лицо, худое, изможденное, но озаренное блестящими умными глазами, ясно обозначали в нем человека, призванного совершать великие деяния и прекрасно понимавшего свое жизненное назначение. Величавость его облика умерялась простотой и скромностью; сознание достоинства смягчалось строгой набожностью, а присущий ему фанатизм освещался милосердием и сострадательностью. Все это вместе взятое неизмеримо возвышало его в глазах мусульман, видевших в нем несокрушимый оплот ислама.

Султан, как заметил Давид, был одет гораздо проще и беднее каждого из своих телохранителей. Только на чалме его сиял огромный алмаз, по блеску и величине превосходивший все драгоценные камни, а на ру-

ке сверкал единственный бриллиант, вделанный в перстень и служивший ему печатью.

Саладин обошел ряды посетителей, обращая с приветствием к каждому в отдельности, и обхождение его было исполнено учтивости, любезности и вместе с тем величавости. В нем не было ни малейшего проявления надменности или нетерпимости, и он представлял собою противоположность западным королям. Приятные черты его характера, соединенные с твердостью и пламенной верой, с особенной силой запечатлевались в памяти каждого, заставляя одновременно и трепетать перед ним, и испытывать к нему чувство любви и почтительного уважения. Стройный, худощавый стан его казался созданным для трудов и ратных подвигов, которых не мог бы вынести ни один ратоборец. Но эта худощавость и ощущаемая всеми бесплотность тела способствовали ловкости, изяществу и гибкости всех его движений. Сослан на одно мгновение залюбовался султаном, восхитившим его своим внешним видом и душевными свойствами; он понял, что Саладин управлял своими подданными не столько страхом и принуждением, сколько умом и щедростью.

Сообразно с установленными строгими правилами церемониала, Саладин, совершив обход, предупредил гостей, что они приглашены после приема к его столу для торжественного пиршества. Затем он поспешно удалился в свои покои.

Сослан заметил внимательный взгляд, обращенный на него султаном во время обхода. Однако он ничем не проявил своего интереса и с видимой рассеянностью прослушал слова эмира, который рекомендовал ему Сослана как иверского посланника. По движению его руки эмир понял, что султан повелевал им остаться и ждать его приема. Большинство гостей разошлись по многочисленным залам дворца, ожидая назначенного пиршества, и только немногие из присутствующих получили приглашение явиться к султану для личной беседы. Это были представители дружественных ему народов, с которыми он вел переговоры большой государственной важности.

Первым был приглашен греческий принц Алексей Дука, которому еще ранее были оказаны знаки особого милостивого расположения султана. Как пояснил эмир, император Исаак обещал предоставить султану свой флот, численностью в сто судов, для борьбы с крестоносцами и быть его неизменным союзником. Сослан едва сдерживал беспокойство, боясь, что Мурзуфл будет требовать его выдачи или казни. Но эмир тихо заверил его, что великий султан пользовался каждым благоприятным случаем, чтобы заключить союз с иноверными государствами и умножить число противников крестоносцев и поэтому не послушает Мурзуфла.

В безмолвном ожидании прошло довольно много времени. Сослан с усилием прислушивался к тихим речам эмира, сообщавшим ему о деяниях своего государя, и нетерпеливо смотрел в ту сторону, откуда должен был появиться Мурзуфл, надеясь угадать по его лицу, чем закончилась их беседа с султаном.

Когда в дверях показался секретарь Саладина и торжественно провозгласил, что представитель иверской царицы Тамары удостоен приема у царя царей Саладина и может пожаловать к нему для беседы, Сослан, как ни был взволнован его сообщением, все же успел заметить, что Мурзуфл не вышел в приемную, очевидно, оставшись у султана. Он вздрогнул при мысли, что ему придется объясниться с Саладином в присутствии греков. Но тут же твердо решил не отступить ни перед какими препятствиями и закончить свое дело, хотя бы Саладин грозил ему смертью или оставил его вечным пленником.

Эмир проводил его к султану и, кратко осведомив о пленении иверского посла, удалился, предоставив самому Сослану давать отчет перед ним в своих действиях.

Саладин, молча, блестящим и проницательным взглядом окинул Сослана и, как бы убедившись, что перед ним, действительно, стоит витязь, храбростью превзошедший всех на ратном поле, предложил сесть возле себя. Сослан облегченно вздохнул, когда заметил, что греков не было в зале и в отдалении стояли только два невольника, опустив головы, сложив руки, в безмолвии ожидая приказаний султана. Саладин прежде, чем при-

ступить к беседе с необычным посланником, предложил ему освежиться прохладительным напитком и благо-склонно ждал, когда он начнет свою речь. Султан ничем не проявлял нетерпения или неудовольствия, но с кротким видом и приветливым участием, казалось, готов был внимать словам своего гостя, который был едино-временно и его пленником.

— Да будет благословен бог, которому Вы служите и имя которого Вы прославляете на земле своими подвигами! — начал по-арабски твердо и с достоинством Сослан и почувствовал, что его искренние слова, притом сказанные на родном языке, были приятны Саладину. Он воспринял их не как простую любезность, приличную торжественной встрече, но как выражение неподдельного чувства уважения и признательности, какие только мог принести ему ивериец.

— По поручению моей державной царицы, — продолжал Сослан, — я должен был явиться к Вам с ее дарами и собственноручным письмом, но безумие заставило меня предстать пред Вами пленником, судьба которого зависит всецело от Вашей милости. Зная Ваше беспримерное великодушие, о царь царей, зная, что Вы являете собой справедливость и добродетель, я не страдаю от того, что нахожусь у Вас в плену, и не испрашиваю себе свободы. Должен признаться Вам чистосердечно, иные заботы угнетают меня, иное я должен испросить у Вас, что является для меня в настоящее время важнее жизни и свободы.

Саладину понравилось искреннее и сердечное обращение Сослана. Он обладал светлым умом, широтой и смелостью воззрений и больше всего на свете ценил мужество и геройство. Сослан казался ему по выдающейся отваге одним из тех богатырей, какие призваны употреблять свою силу для защиты угнетенных, и Саладин готов был уже проявить к нему знаки расположения, хотя их и нельзя оказывать пленнику, который сражался против него в лагере противника.

— Поведай нам, — произнес милостиво султан, с нескрываемым удовольствием созерцавший красивое лицо Сослана, — каким образом ты оказался в стане

неверных? Ты был направлен ко мне своей царицей, которая предпочла жить с нами в мире и согласии, чем поддерживать народы, против которых сам господь раздражен, отняв у них Иерусалим, где водружено теперь священное знамя ислама. Кто соблазнил тебя перейти к неверным и вступить в битву, которая закончилась их поражением и твоим пленением? Зачем ты преступил повеление твоей царицы!

— Разрешите мне, о великий царь царей, рассказать Вам всю правду! Пусть никто никогда не упрекнет меня в сокрытии истины, которая для меня дороже всех сокровищ в мире и заставляет пренебрегать жизнью и не страшиться Вашего гнева. Выслушайте меня, а затем судите со всей мудростью и справедливостью.

И Сослан правдиво рассказал Саладину о своем путешествии: о кораблекрушении, о том, как они по неведению приплыли к Акре и вынуждены были обосноваться в лагере крестоносцев, умолчав только о преследовании императора Исаака. Он не утаил, что они всячески уклонялись от общения с крестоносцами и скрывали от них золото и драгоценности, предназначенные для султана.

Затем, переходя к сражению, Сослан с такой же правдивостью и прямотой поведал ему про свою встречу с герцогом Гвиенским, которому он необдуманно дал обещание, охранять опустевший стан от вторжения мусульман, и печально закончил:

— Разгорячась боем, в сопровождении франков я ринулся на ратное поле, конь мой увлек меня вперед, я был окружен Вашими воинами и попал в плен. Не скрою, о царь царей, что преступление мое велико перед Вами и перед моей повелительницей, но рыцарская честь и данное слово побудили меня совершить этот безумный поступок, в котором я жестоко раскаиваюсь.

Саладин долго не отвечал ему. В отношении врагов веры и истребителей своих подданных он был беспощаден; гнев его был беспредельным, если его войску наносился сильный урон. Но сейчас совсем другие мысли волновали султана и сдерживали его гнев против иноверца, заставляя снисходительно выслушивать исповедь

Сослана, весь вид которого говорил, несмотря на раскаяние, о его убежденности в своей правоте и выполненном долге чести.

Сослан спокойно выдержал испытывающий, глубокий взгляд султана, который одинаково мог быть приятным или неприятным предзнаменованием. Однако, видя, что Саладин не хотел нарушать тягостного молчания, и боясь, что свидание их будет кем-либо внезапно прервано, он решил смело и откровенно изложить ему свою просьбу.

— Наша царица преисполнена такого же благочестивого рвения, как и Вы, — начал отважно Сослан. — Посылая свое посольство, она поручила мне раскрыть Вам ее сокровенные намерения и надежды, что Вы исполните просьбу ее и тем самым укрепите узы дружбы и мира между Иверией и повелителем Египта и Дамаска!

Прямодушие Сослана, напоминание о дружбе и мире с Иверией вновь вызвали в султানে приятное расположение духа, и лицо его просветлело.

— Благонравие и разум вашей царицы достойны самой высокой похвалы, — без промедления отозвался он. — В то время, как на Западе нет народа, который не усеял бы своими костями священную землю, и нет государя, который не захотел бы здесь получить себе славу, ваша царица устояла против заблуждений века сего и не присоединилась к неверным. О чем бы ни просила твоя царица, все будет исполнено мною! Сказано: — мудрым свойственно просить только о разумном, что под силу исполнить смертным, не обременяя своей совести и веры.

Султан замолчал, как бы отягощенный печальными размышлениями, связанными с опасностями войны. И хотя он был еще в цветущем возрасте, изнеможение уже сказывалось в строгих чертах его лица. Оно отражало все пережитые им испытания и тревоги, которые он выносил долгие годы.

Сослан загорелся радостной надеждой при обещании Саладина, ясно понимая, что им руководило не столько великодушное чувство, сколько политический расчет:

укрепить еще сильнее дружбу с Иверией и получить поддержку самой могущественной царицы на Востоке—Тамары.

Взвесив эти обстоятельства и укрепившись духовно, Сослан, уже уверенный в успехе, спокойно и неторопливо промолвил:

— Наша державная царица, зная тот дух веры, которым окрылена Ваша душа, повелела мне сказать Вам: в Ваших руках находится величайшая христианская святыня, которую Вы исторгли у крестоносцев, победив при Тивериаде. Эта святыня может служить для мусульман только предметом поругания. Набожная душа царицы не будет иметь покоя до тех пор, пока Вы не согласитесь отдать ей древо креста за самый большой выкуп, который Вы назначите по своему благоусмотрению.

Сослан едва закончил свою речь, как Саладин резко поднялся, выражение яростного гнева отобразилось на мягком, приятном его лице, в одно мгновение сделав его неузнаваемым. Теперь перед Сосланом стоял грозный султан, чуждый каких-либо великодушных побуждений, готовый поднять меч и поразить дерзкого. Видимо, он был не в силах подавить свой гнев и, вопреки благоразумию, уже решил отдать приказание невольникам увести от него пленника, с которым он больше не хотел продолжать беседу. Угадав намерение султана и поняв, что он оскорбился его предложением о выкупе креста, Сослан, не желая усилить раздражение Саладина, который мог каждую минуту заковать его в железо, скромно добавил:

— Наша великая царица, если бы в ее руках оказалось священное знамя ислама, почла бы своим долгом вернуть его повелителю Востока, полагая, что нельзя удерживать святыню, составляющую предмет почитания для народа.

Саладин овладел собой, к нему вернулось утраченное спокойствие. Он ответил ему резко, но без раздражения, помня, что перед ним представитель иверийской царицы, которая в любое время могла напасть на него со своими войсками, соединившись с крестоносцами.

— С такой же просьбой, как и ты, ко мне обратился император константинопольский Исаак, посольство которого перед твоим приходом покинуло эту обитель. Я им сказал то же самое, что повторяю тебе. Все выгоды мира не заставят меня отдать христианам сей ненавистный мне памятник их веры, так как я взираю на него как на предмет соблазна, которым иноверные пользуются, как талисманом, для одержания побед над нами.

Свой отказ Саладин произнес так твердо и бесповоротно, что продолжать разговор с ним о выкупе креста было не только бесполезно, но и опасно. Никакие доводы не могли поколебать султана и заставить его совершить проступок, который он считал несовместимым ни со своим достоинством, ни со своими религиозными убеждениями. Отчаяние овладело душой Сослана. Ужасная картина представилась его воображению. Опозоренный, не выполнив поручения царицы, он возвращается на родину. Торжествующий Микель передает его анафеме, ненавистные князья изгоняют его навсегда из Иверии, и он, гонимый, преследуемый всеми, разлучается с любимой и становится вечным изгнанником. Эта мысль наполнила его сердце такой смертельной тоской, что он забыл, где находится, забыл про султана, про свою зависимость от него и сидел неподвижно, склонив голову, беззвучно повторяя про себя слова любимого поэта: «Нет для меня больше никакого утешения, разве только земля даст мне исцеление и могилу».

В таком состоянии он оставался долго, не замечая, что по его щекам текли слезы и руки бессильно сжимали голову. Вздохи, почти переходящие в стоны, исторгались из его груди, обнаруживая ту безмерную степень страдания, когда человек теряет истинное представление о жизни и смотрит на мир глазами обреченного на смерть человека. Сослан не видел, что Саладин с большим удивлением смотрел на него, не нарушая безмолвия. Он старался уяснить себе, чем было вызвано отчаяние такого храброго рыцаря, который не побоялся один сражаться против многочисленного воинства, а, получив отказ в своей просьбе, проявил полную беспомощность

и растерянность, хотя на исполнение этой просьбы он не имел никакого права надеяться.

Саладин твердо соблюдал в своей жизни правило, которое он завещал впоследствии сыну: «Берегись оскорблять кого бы то ни было, ибо люди забывают обиды не прежде, чем отомстив за них!» Смотря на Сослана, он думал, что этот непобедимый рыцарь, восхитивший его своим видом, является послом страны, прославившейся на Востоке твердостью в вере и преданностью христианству, и что, наверно, отчаяние его вызвано опасением огорчить свою повелительницу. Поэтому он без гнева, скорей с жалостью, взирал на слезы Сослана, испытывая живейшее желание утешить его и проявить свойственное ему великодушие.

— Помни, что чрезмерное огорчение никогда никому не приносило пользы, — произнес он, наконец, с той важной кротостью, которая умеряла горечь причиненной им обиды. — Истинная мудрость заключается в том, чтобы ни при каких испытаниях не впадать в малодушие, зная, что вместе с испытанием человек получает и силы для его перенесения и ободряется надеждой, которая всегда приводит к победе.

Удрученный горем Сослан не заметил взгляда султана, горевшего жалостью и сочувствием, а воспринял в его словах насмешку.

— Как может взлететь сокол, когда у него обрезаны крылья? — в исступлении воскликнул он. — Как может биться рыцарь, когда у него отняты меч и щит, служившие ему защитой? Как я могу явиться к своей царице, обесчещенный, и сделаться для всех предметом смеха и глумления?! Легче мне остаться в плену, влачить жалкую жизнь в окопах, чем вернуться на родину и повергнуться в слезы и печаль мою царицу, ради которой я готов терпеть любые страдания и принять смерти!

Смелое и отчаянное заявление Сослана в первую минуту вызвало приступ неудержимого гнева у Саладина, он произнес коротко, но бесповоротно:

— Мы будем преступны, если отдадим вам этот памятник веры! Скорее погибнет все мое воинство, чем я откажусь от своего решения!

— Если нельзя обрести у Вас милосердие, — воскликнул безудержно Сослан, — помните, что крайность моего отчаяния наполнит Вас ужасом. Я предаю себя заклятию своими собственными руками, и пускай моя кровь обратится на Вашу голову и призовет на Вас проклятие бога, которому Вы служите... — Он остановился и, заметив, что Саладин готов был дать знак невольникам, чтобы они схватили его, продолжал мягче, но с невыразимой скорбью, могущей потрясти любое человеческое сердце, — не трогайте меня, ибо я до тех пор не отойду в рай, пока не отправлю в ад всех Ваших служителей! Смерть моя будет страшней для Вас, чем моя жизнь. Но прежде, чем отойти из этой жизни, я обращаюсь к Вам не как к служителю пророка, а как к повелителю Дамаска и Египта, который несет ответ за свои деяния. Разве Вы не знаете, что наша царица не останется равнодушной к поруганию святыни, Ваш отказ принудит ее к жестокому мщению? Зачем Вы подвергаете свой народ новым опасностям войны и хотите держать у себя крест, увеличивая тем самым число своих противников? Да будет ведомо Вам, что если я найду смерть у Вас, то наша царица нарушит мир с Вами и немедля соединится с крестоносцами. Да избегнете Вы подобной участи и не нанесете столь тяжкий удар ее сердцу!

Исступление Сослана, угроза мщения со стороны Тамары поколебали Саладина, который и без того имел много врагов в христианском мире и даже среди самих последователей ислама не находил единодушного желания бороться с неверными. Потому он быстро поборол раздражение и сделался по-прежнему спокойным и приветливым.

Он ничего не ответил Сослану, не желая обнаружить перед ним своего волнения, и долго размышлял про себя, что нужно сделать с этим опасным пленником, который своим безумием мог вовлечь его в войну с Иверией. Вместе с тем он испытывал непреодолимое сочувствие к нему, смешанное с удивлением.

Неожиданно Сослан повернулся к нему и совсем тихо и покорно промолвил:

Наш великий песнописец говорит: «Оказать милость врагу — наивысшая доблесть храбреца», и я надеялся, слыша похвалы Вашему человеколюбию, найти у Вас эту доблесть. Как служитель божий Вы должны помнить: «Несчастья равно падают как на малого, так и на великого, и нельзя избежать печальной участи, свойственной всем нам, смертным».

Он замолчал, подавленный горем, истощив все слова, какими мог убедить султана, и не желая больше оставаться в жизни, где ему были уготованы одни несчастья. Тихая покорность рыцаря после недавнего грозного возбуждения невольно растрогала сердце султана.

Ты сказал истину, — вдруг мягко ответил Саладин. — Мы все смертны, и единственно разумное, что мы можем сделать в жизни, — оказывать милосердие друг другу и прекращать вражду с теми, с кем можем жить в мире. А я меньше всего хотел бы враждовать с твоей благочестивой царицей. Дай мне время размыслить над твоей просьбой. Не предавайся унынию, помня, что невозможное становится возможным, если человек стойко переносит испытания. Служитель божий не допустит, чтобы ты явился печальным вестником к своей царице.

Сослан, не веря себе, с глубоким изумлением смотрел на султана, полагая, что он неправильно понял его слова, и ища на лице его отражение насмешливого презрения, с каким он мог смеяться над его отчаянием. Но взгляд Саладина, мягкий, исполненный глубокой печали и набожности, показывал, что он изменил свое намерение и вовсе не был склонен теперь так яростно противодействовать исполнению желания своего пленника, как выказал это в начале беседы.

— Теперь я познал истину, что народы недаром восхваляют Вашу мудрость и преклоняются перед Вашей благостью. — с искренним восхищением промолвил он. — Каково бы ни было Ваше решение, я приму его с благодарностью! — и Сослан низко поклонился султану.

— Советую тебе хранить спокойствие, — возразил Саладин, испытывая неожиданное чувство симпатии к

иверскому царевичу, тронувшему его своей верностью и глубокой преданностью царице. Он невольно подумал, что у него не найдется ни одного эмира, который мог бы сравниться с ним отвагой и верностью. Все они стали вялы, равнодушны и больше увлекались раздорами и ристалищами, чем его борьбой с западными народами за торжество ислама на Востоке.

— Не забывай мудрого правила, — прибавил он, заканчивая беседу: — «Когда достигнешь блага, к которому стремишься, соблюдай осторожность, дабы наш древний враг — сатана — не подстерег тебя с новым несчастьем». А теперь на некоторое время предадим забвению беседу и вернемся к земным делам. Надлежит послу Иверии оказать подобающие почести, чтобы он вкусил все прелести свободы. В нашем дворце не бывает пленных, отныне ты будешь моим почетным гостем!

Он сделал знак, один из невольников позвал эмира, который в страхе ожидал исхода долгой беседы, и сделал короткое распоряжение:

— Этому пленнику мы даровали свободу и просим его разделить с нами нашу скромную трапезу. Ты будешь сопровождать его к столу как любезного нам представителя иверской царицы.

Он дружественно отпустил Сослана, всем видом показывая, что он не имеет против него недобрых намерений. Сослан удалился от него с чувством легкости и приятности, каких не испытывал давно, почти с ранних лет жизни. Хотя Саладин не дал прямого обещания, трудно было ожидать, что он расстанется с ненавистным ему «памятником веры христианской», однако, Сослан проникся надеждой получить крест у султана. Радость овладела его сердцем с тем большей силой, чем резче был произведенный поворот от отчаяния к надежде и от неволи к освобождению. Эмир понял по обхождению Саладина и по сиявшему виду своего недавнего пленника, что он успешно выполнил поручение своей царицы.

— Где греки? — поспешил спросить его Сослан. — Я их нигде не видел.

— Султан отклонил их ходатайство, — объяснил

эмир, — греки почли себя обиженными и удалились, отказавшись от пиршества.

Сослан изменился в лице и произнес с тревогой:

— Теперь, когда я свободен, я должен прежде всего найти своего друга. Время ли мне оставаться на пиршестве?

— Не навлекай на себя гнев султана. — предупредил его эмир. — иначе ты лишишься того, что успел приобрести, и не выедешь свободным из Дамаска.

Слова эмира, прекрасно осведомленного о привычках и характере своего повелителя, несколько ослабили жизнерадостное настроение Сослана и напомнили ему, что он должен быть осторожным.

Вскоре они были приглашены к столу султана и вошли в пышный зал, убранный с восточной роскошью. Ковры, золотая, серебряная парча, превосходное шитье арабесков украшали сидения, на которые были положены богатейшие подушки. Столы были уставлены золотыми, серебряными блюдами, хрустальными чашами, наполненными шербетом, — все было приготовлено для пиршества, которое, по обычаю, султан устраивал для своих гостей и подчиненных ему именитых представителей мусульманского мира.

Во время пира султан сохранял радушие и приветливость, хотя с грустью взирал на веселье пирующих и не отступал ни на йоту от своего сурового воздержания. Он не притрагивался к явствам и напиткам, обильно заполнявшим стол и напоминавшим Сослану о широком гостеприимстве Тамары и о пирах в Иверии.

Сослан сидел недалеко от Саладина, но не успел вступить с ним в беседу, так как шумное пиршество было вскоре прервано неожиданным появлением гонца, прискакавшего из Акры. Саладин покинул гостей, чтобы немедленно принять его, и в зале сразу воцарилось уныние и безмолвие, изредка нарушаемое долгими вздохами и отрывистыми молитвенными возгласами.

Эмир по своему неугомонному и подвижному нраву не мог усидеть на месте, тихо ускользнул из зала, чтобы раньше всех узнать о новостях, привезенных вестником из-под Акры. Он еще не вернулся, а среди гостей

уже пронеслись слухи, что посланец привез какие-то нехорошие вести.

В дверях появился эмир и коротко сообщил, что защитники Акры открыли ворота и христиане вошли в крепость. Все поднялись со своих мест, готовясь сменить пышное пиршество на ожесточенную брань с неверными.

— Царь царей, — сказал тихо эмир, — преисполнился скорбью, так как делал все возможное, чтобы не допустить падения твердыни исламизма. Он покидает Дамаск, дабы немедленно вернуться к своему стану и напасть на врагов, которые падут под ударами мусульманских мечей, как листья падают осенью под ударами бури.

Сослан был ошеломлен этим известием, так как оно отодвигало на неопределенное время начатые им переговоры с султаном. Он опечалился при мысли, что взятие Акры могло отвратить султана от желания поддерживать дружественные отношения с царицей Иверии. Зал мгновенно опустел. Веселые клики смолкли, и только одни развешанные по стенам мрачные знамена все также вешали о тленности всего земного и о неизбежности конца великого повелителя Востока.

Сослан вышел из дворца вместе со своим покровителем, который был глубоко огорчен вестью о падении Акры, а также необходимостью вместе с султаном покинуть Дамаск.

— Счастлив ты, о храбрый рыцарь, что успел получить свободу, прежде чем это печальное известие достигло слуха нашего повелителя. Иначе тебе пришлось бы сопровождать меня обратно. Я выполнил свою клятву, но клянусь чалмой пророка, что мне жаль расстаться с тобою!

— Клянусь моей родиной, — ответил Сослан с чувством признательности, — что я пребуду верным тебе и никогда не забуду твоей услуги. Не печалься разлукой! Дело мое не окончено, и я вместе с тобою направляюсь в Акру. Мне надо спасти свое золото, которое находится в лагере крестоносцев.

Они дружески распрощались, скрепив клятвой обе-

щение оказывать помощь друг другу, и каждый отправился своей дорогой.

Сослан прощальным взглядом окинул дворец Саладина, куда он несколько часов тому назад вошел пленником, а вышел свободным человеком, и бодро устремился вперед на поиски исчезнувшего Гагели.

Г Л А В А V

После взятия Карса и разгрома турок Юрий вернулся в столицу победителем, с полной уверенностью, что царица признает его заслуги, отметит их перед народом, и они будут, наконец, вместе управлять государством.

Он возвратился в наилучшем расположении духа, с богатыми трофеями и заполнил все казнохранилища золотом, дворцы украсил златотканными материалами, коврами, хрусталем и великолепными вазами. Вонны были награждены всякого рода оружием, отделанным чеканкой, гравированием и эмалью.

Столица Иверии наполнилась пленными, ручными барсами, верблюдами и превосходными конями, к которым Юрий питал особое пристрастие.

Этот поход сразу возвысил царя во мнении иверского общества и собрал вокруг него много приверженцев. Захария Мхаргдзели всемерно старался всю славу победы приписать Юрию, скромно оставаясь в тени, полагая, что эта победа возвеличит царя и примирит с ним царицу.

Город был убран и нарядно украшен в честь возвращения Юрия и его боевых сподвижников. Воины, военачальники чествовали победителя громкими криками восторга и радости, и царица, прибывшая на смотр войск, нисколько не препятствовала оказанию ему почестей, каких царь заслужил своей победой над турками.

Царица милостиво приветствовала Юрия, как бы разделяя общее восхищение его храбростью, но не менее благосклонно встретила Захария, показывая всем, что не делает разницы между ними и чувствует их рав-

но обоих как победителей Карса. Юрий не мог ни на что пожаловаться и не имел оснований считать себя обиженным. Ему воздали царские почести, но царица не устроила пиршества по случаю победы и не выразила никакого желания видеть его у себя во дворце. Юрий, еще не остывший от воинского рвения и исполненный светлых надежд на будущее, решил терпеливо ожидать приглашения царицы и пока не докучать просьбой о свидании. Помимо того, ему хотелось удивить царицу размахом работ по украшению столицы и поразить ее воображение созданием необыкновенного храма — символа единства Руси и Иверии.

Прежде всего он вызвал к себе Арчила и преданных ему людей, от них узнал, что на вершине одной из самых недоступных гор уже начались работы по возведению задуманного им сооружения; были перенесены материалы и запасено большое количество белого камня, гранита и мрамора. Из похода Юрий привез много пленных. Он распорядился отправить их на самые тяжелые работы — в горах пробивать скалы и воздвигать стены под наблюдением иверских зодчих, опытных в этом деле.

Но теперь, после победы, Юрий не хотел устраняться от государственных дел, стремился вмешаться во все стороны жизни Иверии и установить в ней порядок. В этом стремлении его всецело поддерживал и направлял Роман, утешенный тем, что царь больше думал о делах, чем о царице, и вел себя достойно своего высокого звания, как подобало сыну великого князя Андрея Боголюбского.

Охваченный порывом вершить дела высокие и славные, Юрий прежде всего решил ознаменовать свою победу награждением воинов, сражавшихся с ним под Карсом, не только деньгами и оружием, но и землей, чтобы они противостояли крупным владетельным князьям и постепенно ослабляли их силу и влияние.

Он понимал, что ничем не мог так угодить царице и заслужить ее расположение, как разумной помощью в борьбе с князьями и укреплением единовластия в стране. Но помогая в этом царице, Юрий рассчитывал также усилить власть и смирить непокорных противников, ко-

торые в любой момент могут свергнуть его и изгнать из Иверии. Особенно он возмутился, когда узнал от Романа, что в столице появились беглые крестьяне, которые искали защиты и справедливости от притеснений и поборов князей. К этому прибавилось еще сообщение Арчила о Вальдене, которого Джакели в его отсутствие выслал из столицы, по выражению Арчила, «пустил по миру», закрыв мастерскую.

— Куда же он девался? — спросил Юрий с живостью, вспоминая, что Вальден был у него и жаловался на Джакели, и он тогда, перед своим отъездом в Карс, обещал заступиться за него.

— В Палестину уехал искать счастья, — отвечал Арчил, — там, говорит, собрался народ со всего света. Меня звал с собой. Поедем, говорит, выделкой оружия ты заработаешь большие деньги. Вернемся купцами.

— Правильно сказал, — одобрил Юрий, — потерянная жемчужина принесет ему счастье.

— Нашлась жемчужина, — радостно сообщил Арчил, — и где нашлась? Оказывается, закатилась в башмачок. Но было поздно, Вальден уехал.

Не трогая пока Джакели, Юрий долго обдумывал, как умней и безопасней начать борьбу с владетельными князьями, чтобы не встретить с их стороны решительного отпора и не потерпеть поражения. Роман просил его не спешить и не поступать круто и наставительно говорил:

— Пойми, что ты в чужой стране, иноземный царь. Люди здесь гордые, воинственные. Понапрасну не озлобляй их!

— Умное ты слово сказал, — согласился Юрий, — врага нажить легко, а друга приобрести трудно. Но и потакать их вольностям тоже нельзя.

Спустя немного времени, Юрий пришел к мысли, что надо действовать осторожно, но твердо и, главное, незамедлительно; он подумал прежде всего издать повеление, что в случае жестокого обращения крупных землевладельцев с поселянами часть их земель будет передана воинам, защищавшим отечество, или служилым

людям. Такая мера вполне соответствовала возросшим потребностям страны и не могла быть, по мнению Юрия, отвергнута царицей, которая проводила разумные начала справедливости и гуманного отношения к людям.

«Рано или поздно надо вводить новый порядок. — размышлял Юрий, — и на место князей выдвигать служилых людей или воинов, которые полезны государству и будут верно служить нам». Но он не мог ничего сделать без согласия царицы, и потому спешно испросил себе свидание для решения дела государственной важности.

Не отказав Юрию, Тамара, однако, приняла его вместе с Чиабером, показывая этим, что между ними могут быть только официальные отношения и деловые беседы в присутствии посторонних лиц. Она была так строга и холодна, что Юрий не только не вымолвил ни слова о переполнявших его чувствах, но ничего не мог рассказать о себе и о своей жизни.

Видя, что за ним неотступно наблюдает Чиабер, Юрий начал с негодованием говорить о том невыносимом положении, в каком находится население, и о злоупотреблениях властолюбивых и корыстных князей. Будучи открытым и пылким по натуре, Юрий еле сдерживал волнение и, не думая о том впечатлении, какое могли произвести его слова на Чиабера, заявил царице о своем намерении отбирать поместья у наиболее жестоких владельцев и лишать их права распоряжаться жизнью и свободой крестьян.

Заявление Юрия настолько испугало и потрясло Чиабера, что он изменился в лице и с ужасом смотрел на царя, разрушавшего, как ему казалось, самые основы государства. Тамара во время беседы не промолвила ни слова. Нельзя было понять, то ли она соглашалась с решением Юрия, то ли дивилась ему, только едва заметная улыбка на мгновение осветила ее лицо, а затем оно сделалось еще более строгим, непроницаемым, безучастным ко всему окружающему.

Чиабер никак не мог прийти в себя от неслыханного, по его мнению, дерзкого намерения царя, который осмелился говорить о лишении прав феодальной знати.

Однако, будучи осмотрительным и дальновидным, Чиаббер сейчас же решил оградить себя на будущее от возможных нападков царя. Боясь, что и его могут обвинить в каких-либо злоупотреблениях или жестоком обращении с крестьянами, он вдруг обратился к царице с почтительным заявлением:

— О, державная царица! С давних пор имею желание пожертвовать Шио-Мгвимскому монастырю в моленье за мою душу несколько жителей из моего имения вместе с их домами и угодьями, чтобы они пребывали там свободными и счастливыми. Если будет на то соизволение Вашего величества, то я жертвую своих крестьян окончательно, не имея более участия в их доходах и освобождая их от всякой барщины.

Чиаббер произнес свою речь с несвойственным ему жаром, видимо, стремясь показать свое великодушие и непричастность к тем злоупотреблениям, которые вызвали гнев царя и могли повлечь за собою жестокое наказание.

Тамара взглянула на Чиаббера очень внимательно, как бы решая, по каким соображениям он решился сделать такое щедрое пожертвование и сообщить о нем в присутствии Юрия.

— Сердечно радуюсь твоему намерению пожертвовать Шио-Мгвимскому монастырю крепостных людей,— одобрительно произнесла Тамара, — пусть они обретут себе там свободу и жизнь, сообразную человеческому достоинству. Постараюсь быть у тебя в Шинванском имении и утвердить твою дарственную запись Шио-Мгвимскому монастырю!

Юрий вспыхнул от радости, поняв, что царица своим поощрением пожертвования Чиаббера выразила одобрение и его распоряжению о передаче земель воинам. Он порывисто поднялся, желая выразить ей свою благодарность.

— О царица! Будет твоя воля, и я приведу к покорности наших врагов! Пускай простые люди будут опорой твоему престолу!

Чиаббер с испугом посмотрел на царицу, прося ее умерить опасную ретивость царя, но она ничего не при-

бавила к сказанному, поднялась и вежливо распрощалась с гостями. Несмотря на явное желание Юрия остаться после ухода Чиабера, Тамара твердо заявила, что она уезжает в Сионский собор и не имеет времени для беседы.

Вернувшись от царицы в крайнем возбуждении, Юрий вызвал к себе Захария Мхаргрдзели и велел немедленно готовиться к новому походу на персов, не желая больше оставаться в столице. Он понял, что царица медлит с решением, очевидно, ожидая известий от царевича Сослана, и он может заслужить ее благоволение только геройскими подвигами и возвышением Иверии.

Но и громкая победа над персами и еще более богатая добыча, с какой вернулся Юрий, не доставили ему признания и расположения царицы. Напротив, он сразу попал во враждебную ему атмосферу лукавых царедворцев, уже успевших под влиянием Чиабера и Абулсана сплести вокруг него тончайшую сеть дворцовых интриг и ухищрений, сыгравших впоследствии роковую роль в его жизни.

Не разбираясь в этом лабиринте интриг и раздоров, не приноравливаясь больше ни к людям, ни к окружающей обстановке, Юрий начал смело вмешиваться во все дела, всюду посадил своих судей и начальников, которые должны были по его желанию постепенно добиваться ослабления влияния старой аристократии. Он не был добр и милостив, как царица, и не мог приобрести любовь народа, и одних раздражал своим самовластием, других отталкивал от себя слишком крутыми и резкими мерами. Стоя посредине между враждующими сословиями, Юрий забывал, что он находится в иной земле, чем Суздальская, среди иного народа, чем его сородичи, с иными нравами и обычаями.

Чем дальше шло время, тем больше росло в стране недовольство и обострялись разногласия. Владетельные князья не только отошли от Юрия, но смертельно возненавидели его за то, что он посягал на их права и поместья. Теперь они готовы были поддерживать царицу в ее борьбе с нелюбимым мужем и искать нового царя для Иверии. Но зато Юрий нашел сильную поддержку

среди поощряемых им кругов среднего сословия, питавших к нему горячую привязанность за его храбрость, расправу с аристократией и втайне осуждавших царицу за ее отношение к мужу. Несмотря на то, что Юрий успешно сражался и утверждал могущество Иверии, он оставался все тем же одиноким, отвергнутым царем, который не мог ни в войне, ни в государственной деятельности найти себе утешение. Не имея в сердце покоя, в мыслях — трезвости и порядка, в чувствах — тишины и отрады, Юрий метался по Иверии, как по негостеприимной чужбине, не веря никому из приближенных и не ожидая ни от кого ни помощи, ни совета. Замыкаясь в покоях древнего дворца, откуда открывался вид на крепость и на цепь расстилавшихся вдаль холмов, Юрий несчетное число раз мысленно возвращался к тому вечеру, когда перед своим отъездом в Карс он был у царицы. Вместо того, чтобы воспользоваться ее мягкостью и снисхождением, он выказал тогда непростительную нерешительность и навеки погубил себя великодушным отказом от законных прав, дарованных ему церковью. Перебирая в уме все подробности того свидания, Юрий казнил и мучился запоздалым сожалением о прошлом и в то же время изыскивал способы вновь увидеться наедине с Тамарой и напомнить ей о данном обещании.

Но Тамара отлично понимала всю опасность нового свидания с Юрием и твердо решила не встречаться с ним в уединенной обстановке дворца и не допускать его до новых объяснений. С той поры они бывали вместе лишь на официальных приемах в присутствии посторонних лиц. Ему ни разу не удалось наедине повидаться с царицей. Мысли и желания, мучительные по своей напряженности и неотступности, сбивали и путали Юрия, не внося ясности в его душевную жизнь, напротив, толкая к крайним поступкам и решениям, могущим навсегда опорочить его не только в глазах Тамары, но и всего иверского общества.

Он долго составлял план, как тайно проникнуть во дворец Тамары, но главным препятствием по пути к осуществлению этой цели являлась Астар, которая ни-

когда не отлучалась из дворца и все время находилась при царице. Юрий подозревал, что Астар не питала к нему ни доверия, ни расположения и употребила бы все имевшиеся в ее распоряжении средства, чтобы не пропустить его к Тамаре. Будучи беззаветно предана своей повелительнице и зная, что Тамара всячески избегала встречаться с Юрием, Астар усилила наблюдение над охраной дворца, принимая для этого даже скрытые от царицы меры. Не было человека в Исани, кто не был бы дважды или трижды проверен и лично известен Астар своей преданностью царице; все входы во дворец как потайные, так и парадные были тщательно замкнуты; два привратника неотлучно находились на своих постах и должны были немедленно извещать Астар о всех подозрительных лицах, появившихся в Исани. Во время пребывания Юрия в столице Астар с беспокойством, о котором не говорила царице, следила за всем, что происходило при дворе, за поведением приближенных сановников, за выступлениями Юрия, и по отдельным слухам, намекам и речам она решала, чего следовало бояться и откуда ждать беду. Астар всегда знала, в каком настроении находился Юрий, предавался ли он развлечениям и утехам, был милостив и благодушен или, напротив, был суров, уединялся во дворце и не хотел никого видеть.

В последнее свое возвращение из экспедиции Юрий вел жизнь, очень рассеянную и неровную: то устраивал пиры, созывая новых именитых людей Иверии, и проводил время с ними в играх и развлечениях, то вдруг отменял парады и приемы, никуда не показываясь и в одиночестве переживал свое, как он думал, бесчестие и горе. Бурные периоды чередовались с затишьем в жизни царя, доставляя особое беспокойство Астар. Тогда она усиливала свою бдительность, бодрствовала по ночам, опасаясь, что царь внезапно появится во дворце и она не успеет вовремя предупредить царицу.

Астар не подозревала, что в те долгие дни и ночи, когда Юрий изнывал от тоски и не знал, как успокоить свое сердце, единственным утешением для него была беседа с верным дружинником Романом, который, по-

добно ему, не находил себе места от печали и с ужасом взирал на душевное состояние князя.

Более осведомленный, чем Юрий, о придворных интригах и много наслышавшийся о любви царицы к царевичу Сослану, он не ждал впереди ничего хорошего, будучи уверен, что рано или поздно Юрия свергнут с престола и изгонят вон из Иверии. В ожидании подобной катастрофы Роман и не пытался прочно устроиться на чужбине, больше интересуясь близлежащими странами, где, по его расчетам, князь мог более спокойно, чем здесь, обосноваться с остатками своей дружины. Роман, беседуя с Юрием, нарочно складывал речи длительные и монотонные, какие, по его мнению, должны были действовать на князя успокоительно, отвлекая его от жгучих дум о царице и возвращая к безвозвратно ушедшим дням юности. При этом Роман каждый раз упорно напоминал Юрию:

— Негоже благоверному русскому князю кланяться со своей любовью иверской царице, памятуя, что честь превыше всего, а любовь, добытая силой, никогда никому не приносила счастья. Всякую вещь украшает мера, и все, что без меры, не ведет к добру. А ты, князь, преступаешь меру, и потому любовь твоя приносит тебе одно горе.

Юрий снисходительно выслушивал Романа, стараясь в беседе с ним скоротать время, но с доводами его не соглашался и таил в себе иные думы, не решаясь высказывать их вслух, чтобы не омрачать печалью чистое и простое сердце Романа. После тихой нравоучительной беседы Юрий еще сильнее разгорался неукротимыми желаниями и не видел для себя иного спасения, кроме свидания с царицей, которая одна могла прекратить его тяжкие муки.

Однажды он позвал к себе Гузана, возведенного им в сан полководца, бывшего с ним в походах и глубоко ему преданного. Юрий решил обратиться к нему за помощью и поделился с ним своими планами.

— Можешь ли указать мне вход во дворец Исани, который не был бы никому известен и не охранялся бы стражей?

Молодой и предприимчивый Гузан ненавидел Сослана, был горячо привязан к Юрию и всячески стремился содействовать его сближению с Тамарой.

— Если такой вход не существует, — не задумываюсь, ответил он, — то его можно сделать. Кто из привратников или стражи посмеет поднять оружие против царя, если он захочет открытым или потайным ходом пройти к царице? Скажи слово, и все двери раскроются пред тобою!

Смелые, почти дерзкие слова Гузана вернули былую самоуверенность Юрию и зажгли в нем надежду, что печальная жизнь его кончится, как только он увидится с Тамарой. Преодолев свою застенчивость, Юрий признался Гузану, что ему необходимо видеть царицу, но так, чтобы никого не было при этом свидании.

— Тебе известно, — прибавил он, — что царица никогда не бывает одна. Ее прислужница Астар безотлучно находится при ней и при всяком случае готова поднять тревогу. Я хотел бы, чтобы в ту ночь, когда я буду у царицы, ее не было во дворце и никто не помешал бы нашей беседе. Если бы ты нашел способ удалить Астар или дать ей снотворного, чтобы она не проснулась до утра, ты оказал бы мне неоценимую услугу!

Впервые Юрий говорил так откровенно, вскрывая свои тайные намерения, какие могли скомпрометировать его перед подданными и поставить в неловкое положение перед царицей. Но мысленно он уже давно преступил грани дозволенного и, как только представилась возможность, неудержимо устремился к осуществлению заветной цели.

Гузан между тем несколько не был удивлен признанием царя. Сочувствуя страданиям Юрия, он готов был помочь ему в устройстве тайного свидания. Он понимал также, почему Юрий с такой настойчивостью требовал удаления Астар из дворца. Будучи находчивым и сообразительным от природы, он быстро придумал средство избавления от докучной Астар и, довольный своей выдумкой, весело заявил:

— Желание царя будет исполнено. В ту ночь, когда Вы будете у царицы, Астар с вечера исчезнет из дворца

и вернется только поутру. Никто не помешает Вашему свиданию.

Юрий весьма обрадовался, услышав от Гузана такое решительное обещание; приятно было найти человека, который мог облегчить горе и помочь ему, наконец, свидеться с царицей.

Роман уже успел изрядно надоесть ему постоянными укоризнами, назиданиями и, главное, советами заблаговременно покинуть Иверию и бросить все надежды на взаимность царицы. Между тем Юрий нуждался совсем в обратном, — в поощрении своей страсти и в деятельном помощнике для проведения в жизнь его замыслов и облегчения страданий. Он не мог бы найти более почтительного исполнителя, чем Гузан, который считал явной несправедливостью отвержение царицей своего мужа.

— О, царь! — воскликнул он с чувством, — если бы Вы не таили своих мучений, а открыли их верному рабу, то, поверьте мне, многие печали Ваши были бы давно утешены. Вы обладали бы тем, к чему горячо стремилось Ваше сердце. Клянусь Вам, в течение ближайших дней исполнить Ваше поручение!

Гузан тотчас ушел, видимо, желая как можно скорей сдержать свое слово и блеснуть перед царем находчивостью и расторопностью. А Юрий остался в состоянии полного душевного расстройства, бессильный справиться с нахлынувшими на него чувствами. Когда на следующий день к нему пришел Роман для очередной беседы, князь не принял его и приказал не являться до тех пор, пока он сам не позовет его.

Огорченный Роман предположил, что временно князь нашел себе забаву и чем-то утешился. Он не подозревал, что князь вступил на опасный путь легкомысленных походов и не желал больше слушать его благоразумных увещаний.

Гузан явился к Юрию через три дня, вечером, с ликующим видом.

— Нынешнюю ночь вход во дворец будет открыт для царя, — доложил он. — Астар находится в надежном месте и вернется в Исани по нашему распоряжению

завтра к полудню. Никто из стражи не будет знать, что Вы прошли во дворец. Я укажу Вам потайной ход в опочивальню царицы, и Вы никого не встретите по дороге. Трудно сыскать более благоприятное время для выполнения Ваших желаний!

— Каким образом ты достиг подобной удачи? — с изумлением спросил Юрий, боясь даже верить своему счастью. — Чем ты мог прельстить верную рабыню, что она решилась покинуть царицу в такое неурочное время?

Гузан не мог сдержать веселой улыбки.

— Сегодня вечером гонец принес Астар радостную весть:

«Приехал вестник от Давида Сослана с письмом к царице. Поспеши к нему, он ждет тебя в Метехи». Едва она переступила порог Метехского замка, как была похищена нашими верными людьми и посажена в башню, откуда нет выхода. Ей сказано, что завтра в полдень она будет отпущена на свободу и что ничего страшного ей не угрожает. Иного способа разлучить ее с царицей не было, — прибавил Гузан, как бы оправдывая перед царем свой поступок. Но Юрий пришел в восхищение от его хитроумной выходки, не приносящей никому вреда, а ему открывавшей свободный доступ к царице.

Поздно вечером, когда огни в городе погасли, стихло движение, а на улицах не было видно прохожих, они сели на коней и помчались в Исани. Видимо, Гузан за эти дни хорошо ознакомился с расположением дворца, изучил все входы и выходы, ибо безошибочно нашел нужное ему место. Он остановился у главного входа, а с противоположной стороны, где за стеной росли высокие неподвижные кипарисы, быстро нашел скрытую калитку, через которую они проникли в пустынный сад и очутились возле башни.

— Стража стоит у главного входа, а здесь никого нет, — тихо пояснил он Юрию. — Лестница из башни прямо ведет в царские покои, и Вы сможете беспрепятственно пройти в опочивальню царицы. До утра Вас никто не потревожит, ибо по моему распоряжению внутренняя охрана снята, и привратник спокойно спит воз-*

ле калитки. Ныне Вы будете охранять покой царицы, и она не нуждается в иной защите.

Они вошли в башню и поднялись наверх по небольшой лестнице, и, прежде чем открыть потайную дверь, Гузан сказал тихо:

— Теперь я покину Вас. Во избежание всяких подозрений, я скроюсь вместе с конями. Пусть судьба дарует Вам счастья, и Вы получите то, чего так усердно желали!

Он нажал пружину, дверь бесшумно раскрылась, и Юрий с бьющимся сердцем вступил в заветные покои, куда он тщетно пытался проникнуть в течение долгого времени, которых, наконец, достиг обманом и хитростью. Он понимал, что подвергался опасности навлечь на себя гнев царицы и навсегда утратить последнюю надежду на сближение с нею, но не мог больше терпеть свое унижение и быть вдали от любимой.

Полутемные покои с аксамитовыми занавесями, драгоценными камнями, тканями и коврами были освещены расставленными повсюду кадилницами, синими, пурпуровыми, изумрудными, мерцавшими, подобно лампадам, сиянием робким, загадочным, едва рассеивая мрак и сгущая кругом беспокойные тени.

Содрогаясь от волнения в ожидании предстоящей встречи и невыразимого возбуждения, какого не испытывал никогда в жизни, Юрий на минуту задержался на месте, наслаждаясь тишиной и красотой пустынных покоев, где он мог обрести или вечное счастье, или вечное изгнание. Мысль, что он находится рядом с Тamarой и через несколько минут будет с нею наедине, доводила его до иступления, лишала правильного представления о том, как ему нужно вести себя, что сказать ей, как предупредить ее гнев и склонить к милости и снисхождению. Разноцветные кадилницы излучали рассеянный, прозрачный свет, отчего все предметы получали причудливые очертания, то вырастая до гигантских размеров, то совсем исчезая в полумраке. Беспорядочная игра бликов, теней и красок невероятно раздражала, беспокоила и туманила и без того взбудораженное сознание Юрия. Не помня себя, он двинулся вперед, осторожно

и нерешительно раздвинул тяжелый аксамитовый занавес, и пред ним открылась длинная анфилада полуосвещенных комнат, в которых не было видно ни одной живой души, не слышалось откликов и звуков человеческой речи. Было жутко в этой сгущенной тишине немых покоев от полос бледного света, от развеянных повсюду миражей и от ощущения полной замкнутости и оторванности от жизни. Преодолевая это тяжелое чувство, Юрий быстро прошел несколько комнат, ему вдруг показалось, что он заблудился. Он вернулся назад и направился в противоположную сторону, но и там не оказалось опочивальни царицы.

Теряя присутствие духа, Юрий начал беспорядочно метаться взад и вперед по зачарованным покоям, обошел все прилежавшие помещения, но та же тишина, те же мерцавшие камины всюду встречали его. Он мог убедиться в правильности слов Гузана: дворец был пуст, нигде не было телохранителей, нигде не было видно вооруженной стражи. Вернувшись назад, Юрий инстинктивно устремился в правое крыло дворца, где уже не было той пышной обстановки и суровая пустота сменила великолепие и изысканную роскошь убранства.

Отчаяние овладело душой Юрия. Он не надеялся больше в лабиринте темных и запутанных комнат найти опочивальню Тамары и готов был скорее умертвить себя, чем опозоренным возвращаться обратно, не достигнув того, к чему так страстно и безудержно стремился.

Кружась бессмысленно по пустым комнатам, он, наконец, незаметно для себя оказался в покоях царицы, расположенных в самой отдаленной и глухой части дворца, и когда он подошел к опочивальне, то оцепенел от неожиданности. В дверях неподвижно стояла Астар.

— Где царица? — крикнул обезумевший Юрий.

— Наша повелительница отбыла в Метехи к своей тетке Русудан, — почтительно ответила Астар. — Она вернется завтра, не раньше полудня.

Кровь бросилась в голову Юрия при этом ответе, глаза запылали гневом, он в неистовстве схватил Астар

одной рукой за волосы, а другую приставил с кинжалом к горлу и дико закричал:

— Ты — моя гибель! Если ты не скажешь, как сюда попала, то я убью тебя, и никто не взыщет с меня твою кровь!

— Если Вы меня убьете, то ничего не узнаете от меня и к своему горю прибавите новое горе. Кто покупал себе покой ценою крови? Разве только безумные, отчаявшиеся в своей жизни!

Трезвые и спокойные слова Астар вернули Юрию сознание тем более, что она не делала попытки вырваться из его рук и не кричала.

Юрий понял, что поступил круто, выпустил Астар и начал бессвязно повторять:

— Скажи мне, кто тебя сюда пустил? Почему царица столь поспешно покинула свой дворец, не дождав-шись утра? Какой лиходея угрожал ей, чего она испугалась? Скажи скорей, дабы я не лишился рассудка раньше времени!

— Хоть бы Вы сто раз повторили: «скажи», я сто раз Вам отвечу: «нет!». Не пробуйте выпытывать у меня что-либо, я буду молчать даже под угрозой смерти!— стойко ответила Астар, с глубоким сожалением глядя на царя, который подверг себя такому позору и своей неприступной выходкой навсегда оттолкнул от себя царицу.

Астар ожидала, что Юрий вновь разразится бранными словами и угрозами, но он внезапно смолк, в бессилии опустился на скамью и, склонив голову на руки, впал в мрачное раздумье. На некоторое время он утерял всякое представление о том, что с ним было, где он находится и как ему нужно поступить дальше. Он забыл о присутствии Астар, не мучился перенесенным унижением, не ужасался постигшим его несчастьем, а неотступно думал все об одном и том же: как могло случиться, что царица узнала о его тайном намерении и скрылась из дворца? Тем самым она ясно дала понять ему, насколько безнадежна его любовь и насколько глубока разделяющая их пропасть.

Пребывая в тоске и отчаянии, Юрий, однако, ни-

чуть не смутился сердцем, а, напротив, еще больше внутренне ожесточился, видя кругом измену, недоброжелательство и полное пренебрежение со стороны царицы. Он был в тяжелом забытьи, точно прикованный к одному месту, одинаково равнодушный как к жизни, так и к смерти, одинаково ненавидевший всех и желавший как своей, так и чужой гибели.

Астар стояла угрюмо, с неприязнью наблюдая за князем, который внес в жизнь царицы одни невзгоды и огорчения. Но постепенно досада сходила с ее лица, в сердце проникала жалость, и недавняя вражда сменилась сочувствием и желанием помочь его горю. Опасаясь, что отчаяние может довести князя до крайних поступков, Астар решила вывести его из оцепенения и внушить желание покинуть дворец, где он больше не мог найти для себя ничего утешительного.

— Не мучайте себя понапрасну! — тихо начала она, и от звука ее голоса Юрий встрепенулся, поднял голову и долго неподвижно смотрел на Астар. Он терпеливо ожидал, что скажет ему верная рабыня Тамары, более осведомленная обо всем, чем кто-либо из приближенных царицы.

Астар мягко продолжала:

— Подобно тому, как любовь терзает Ваше сердце, она нещадно мучит каждого, кто имел несчастье довериться ей и впустить ее в свое сердце. Если бы царь прежде, чем войти в обитель царицы, подумал о том, что его ожидает, он не послушался бы лукавых речей Гузана, предпочитая скорее умереть, чем навлечь на себя гнев нашей повелительницы.

— Скажи мне, — прервал ее Юрий, — кто освободил тебя из башни? Кто совершил такое предательство?

Астар едва скрыла улыбку, услышав от Юрия слова о предательстве. То, что Юрий считал изменой и предательством, для царицы и для нее служило ярким доказательством верности и преданности людей, не пожелавших изменить своему долгу и перейти на сторону Юрия. Несмотря на явную нелепость слов Юрия, Астар не хотела сейчас вступать в пререкания с ним и ожесточать его против царицы. Она знала, что в столице никогда

ничто не оставалось тайным и втихомолку передавалось из уст в уста. Было предусмотрительней и безопасней ничего не скрывать от царя, а открыто рассказать ему обо всем, дабы впоследствии он ни в чем не укорял ее и не обвинял в злом умысле и коварстве.

— Вам ведомо царь, — начала просто Астар, — что Гузан обманом заманил меня в Метехи и запер в башне. Но бог, видимо, желая наказать его, отнял разум. Он не подумал, что наша повелительница, горя нетерпением получить весть от царевича Сослана, не останется равнодушной к моему долговому отсутствию и, заподозрив недоброе, отправит на мои поиски кого-либо из своих верных слуг. Не найдя меня во дворце и узнав с достоверностью, что никакого вестника от царевича Сослана не было и никто ничего не слышал о нем, Гамрекели доложил царице обо всем случившемся. Наша повелительница выехала в Метехи, приказав немедленно осмотреть все помещения и найти виновников. Один из слуг раскаялся в преступлении, указав на башню, и меня выпустили на свободу. Желая постигнуть причину, побудившую Гузана к совершению сего неслыханного бесчинства, царица распорядилась, чтобы я вернулась в Исани и пробыла здесь ночь, надеясь узнать, кому нужно было удалить меня из дворца и разлучить с моей повелительницей.

Астар замолкла, с волнением ожидая нового приступа бешенства со стороны Юрия, но он слушал молчаливо, хотя каждое ее слово вонзалось, как раскаленная стрела, в его сердце. Затем он весь содрогнулся, поднялся со скамьи и дрожащим голосом произнес:

— Зачем скрылась царица? Кого она убоялась? Разве забыла она, что церковь избрала меня быть ее мужем? Зачем она обрекла меня на бесчестье?! Скажи царице, напрасно она утратилась меня, как некоего изверга. Ни искать свидания с нею, ни домогаться ее любви я больше не стану. Придет час, — он поднял руку, — она сама позовет меня к себе!

Он повернулся и с неузнаваемо изменившимся лицом, на котором как бы запечатлелись, застыв, все пережитые им за эту ночь душевные страдания, медленно

направился к выходу, не видя и не замечая ничего вокруг себя.

Астар, относившаяся до сих пор с явным недружелюбием к русскому князю, считая его виновником всех несчастий царицы, вдруг преисполнилась чувством неустержимого раскаяния и залилась горькими слезами. Не помня себя, она догнала Юрия, схватилась за край его одежды и, плача, воскликнула:

— Простите меня, убогую, если своим неразумным усердием причинила Вам горе. Не гневайтесь на царицу! Не Вас, а себя она утрашила. Она никогда не оставит Вас своей милостью!

Раскаяние Астар, ее слезы и неожиданное признание в другое время не прошли бы бесследно для Юрия, но сейчас все чувства в нем были убиты. Ни сердце, ни разум ни на что больше не откликнулись, и он безучастно смотрел на верную рабыню Тамары.

— Бог простит тебя! — еле слышно вымолвил он. — Передай царице мои последние слова. Нет у меня вины перед нею, ни перед божественным законом, а ее вина велика предо мною! — И с этими тихими, поразившими Астар словами он вышел, охладев ко всему, что еще недавно доводило его до безумия, не имея в сердце больше ничего, кроме жгучей обиды.

ГЛАВА VI

Сослан после долгих напрасных поисков Гагели в Дамаске, пользуясь наступившим перемирием между франками и Саладином, вернулся в стан крестоносцев, где ждали его слуги, сохранившие в неприкосновенности порученное им золото и оставшиеся драгоценности. К огорчению своему, он не нашел здесь Мелхиседека, а старший из слуг, Тимофей, подробно рассказал ему о внезапном ночном отъезде Гагели в Дамаск с двумя франкскими рыцарями. Узнав, что, уезжая с Мелхиседеком, Гагели захватил с собой драгоценный ларец, очевидно, для выкупа его у султана, Сослан вначале подумал, что его друзья сделались жертвой разбойников в Дамаске, которые могли подстеречь их, убить или взять в плен и завладеть драгоценностями. К сожалению, никто из слуг в почной темноте не видел франков. Они положились на опытность Мелхиседека, который поклялся, что он не вернется назад без своего повелителя. Не имея возможности найти спутников Гагели, бывших единственными свидетелями его таинственного исчезновения в Дамаске, Сослан был вынужден томиться в бездействии под Акрой, ожидая случая вновь поехать в Дамаск и там возобновить поиски. Он твердо решил не уезжать из Палестины до тех пор, пока не вскрыет истины: были они похищены греками или ограблены и убиты разбойниками. Внутренне Давид был уверен, что греки были причастны к исчезновению Гагели, которого вместе с Мелхиседеком могли отправить в Константинополь. Эта мысль давала ему надежду, что любимые друзья живы, и он цеплялся

за нее, так как мог, вернувшись в Иверию, тем или иным способом освободить их из плена. Его скорбь и томление усиливались еще тем обстоятельством, что Саладин подписал крайне невыгодный для себя договор с Ричардом и Филиппом, обязуясь уплатить им двести тысяч динаров и возвратить древо креста, уже давно требуемое от него крестоносцами. Этот договор полностью уничтожал все планы и надежды Сослана и вновь возвращал его в то печальное положение, в котором он находился до встречи с Саладином.

В Акре, самом богатом торговом городе Сирийского побережья, было собрано неисчислимое количество всевозможных товаров. Филипп и Ричард поделили между собою богатую добычу, ткани, ковры, военные запасы и остальные богатства города, к великому неудовольствию рыцарей. Филипп выказал в своих действиях мягкость и умеренность, но зато Ричард воспользовался победой без всякого стеснения. Между королями возникли сильные разногласия. Ричард пожелал войти в непосредственные отношения с Саладином, но по своему капризному праву постоянно менял принятые им решения. Он все время создавал затруднения для Филиппа, который стремился скорей покинуть Палестину, понимая, что крестовый поход больше не представлял почетного поприща славы. Эти раздоры являлись единственной отрадой для Сослана, так как он полагал, что короли окончательно перессорятся между собою, оспаривая жребий, кому должен достаться главный трофей победы — святой крест. Зная их нравы, Саладин при своей проницательности мог в любой момент отказаться от выполнения взятого на себя обязательства и внезапно напасть на крестоносцев. Подобные предложения и расчеты заставляли Сослана сидеть в Акре и выжидать действия Саладина, который не примирился с падением цитадели исламизма и тайне готовился нанести решительный удар крестоносцам. Колеблясь между надеждой и отчаянием, Сослан печально отсчитывал дни, смутно ожидая перемен, которые могли бы отразиться на его жизни и вновь столкнуть его с Саладином.

Желая разузнать про Гагели, Сослан прежде всего

вспомнил о герцоге Гвиенском, который только один мог помочь его другу выехать в Дамаск вместе с франкскими рыцарями. Кроме того, Сослан хотел узнать намерения королей, про их отношение к мирному договору, но, несмотря на все старания, он нигде не мог найти герцога Гвиенского. Никто не знал, под чьими знаменами он сражался, никто даже не слышал этого имени.

Сослан был очень удивлен непонятным исчезновением такого храброго витязя, который как будто для того и попался ему на пути, чтобы подвергнуть жестокому испытанию и лишит навсегда верных и преданных друзей.

Однажды вечером, когда на душе у него было особенно грустно, он сидел у входа в свой шатер и смотрел, как направлялись к Акре в боевом порядке войска франков. Вначале проследовала колесница, на которой возвышалась башня с водруженным на ней знаменем креста и белой хоругвью; затем проехали тамплиеры в белых льняных плащах с ярко-красными крестами на левых плечах; за тамплиерами мрачной вереницей ехали иоанниты в черных плащах с белыми крестами; за ними двигались тевтонские рыцари также в белых плащах, но с черными крестами на плечах, наконец, показалась конница Филиппа со сверкавшими на солнце доспехами, щитами, на коих были вырезаны гербы франкских рыцарей, украшенные бляхами. Все это блистательное воинство, как бы щеголяя своими уборами, могучими конями, сбруей и оруженосцами, медленно двигалось к Акре. Сослан с интересом рассматривал вооружение западных рыцарей, уделяя особенное внимание латам, покрытым кожей, какие не поддавались стрелам и стойко отражали удары мечей, позволяя воинам долго оставаться на поле брани. Внезапно он как бы получил сильный толчок в сердце, вскочил и, схватив меч, бросился вперед, но тотчас же вернулся обратно, велел оседлать коня и стремглав помчался за французской конницей.

Среди проехавших французских рыцарей он узнал всадника, которого видел вместе с Гагели в Дамаске, когда был в плену у Саладина, и загорелся желанием скорее догнать его и расспросить про своего исчезнув-

шего друга. Совсем не думая о последствиях принятого им в горячности решения, он был охвачен одним только неудержимым стремлением настигнуть отряд конницы, где ехал неизвестный рыцарь, и мчался вперед на своем коне, не замечая небольшой группы лиц, пристально следивших за всеми его действиями. Особенное внимание к нему проявлял один всадник, одетый в длинную мантию, опущенную горностаем, на шите которого ярко выделялись три лилии. Он не мог скрыть изумления, смешанного с живейшим участием, подозревая к себе одного из ехавших с ним спутников, тихо высказал ему свое предположение и приказал немедленно следовать за витязем, которого он видел при осаде Акры.

Невиль — так звали рыцаря — отделился от них и поскакал за Сосланом, но, приблизившись к нему, он поехал вблизи, не желая вызвать у него подозрений. Точно выполняя приказание своего властелина, он зорко следил за каждым движением чужестранца, но делал это так деликатно, что остался незамеченным среди всадников, представляя событиям развиваться свободно, без его влияния.

Между тем Сослан, поравнявшись с лошадью Рауля, еле сдерживал волнение и негромко, но очень отчетливо произнес, обращаясь к нему:

— Доблестный рыцарь! Остановитесь на минутку! Я вас видел в Дамаске с моим другом, иверским рыцарем Гагели. Где бы нам встретиться, чтобы поговорить о его судьбе?

Обращение Сослана не заключало в себе ничего непристойного и оскорбительного и вполне соответствовало обычаям того времени, но Рауль гневно вспыхнул при упоминании имени Гагели и, обернувшись, хотел резко ответить Сослану. Но в тот же момент черты его лица исказились страхом, как будто он увидел нечто такое для него жуткое и непостижимое, чего он никогда не ожидал увидеть в жизни. Он растерялся, в смущении остановил коня и, прикованный, взирал на могучего всадника, меряясь с ним силой и готовясь к поединку. Но он не успел выразить своих чувств, как возле них внезапно очутился другой рыцарь, который слышал об-

ращение Сослана, видел замешательство Рауля и свирепо крикнул:

— Здесь не место для подобных разговоров, чужеземец! Разве ты не видишь, что въехал в конницу короля Филиппа-Августа? Посторонись, если ты не хочешь попробовать моего копья!

Сослан вспыхнул от ярости; еще мгновение и он взмахнул бы своим мечом, вопреки благоразумию и осторожности, и началась бы ужасная сеча, в которой он один, противостоявший королевской свите, несомненно, поплатился бы жизнью. Чья-то властная и твердая рука вовремя остановила удар, неизбежно грозивший ему гибелью.

— Именем его величества короля Французского Филиппа-Августа прошу тебя, неизвестный рыцарь, немедленно следовать за мною, — произнес всадник, и его слова в одинаковой степени взволновали всех троих участников этого столкновения. Рауль быстро переглянулся с Густавом, как бы упрекая его за излишнюю резкость, но Густав хлыстом тронул его коня, пришпорил своего, и они в одно мгновение врезались в конницу и исчезли. Сослан, полный гнева и отчаяния, готов был бросить своего неожиданного избавителя и гнаться за ними, но опасение, что из-за своей горячности он может вновь лишиться свободы, на этот раз сделало его спокойным и рассудительным. Он продолжительным взглядом посмотрел вслед умчавшимся рыцарям, как бы стремясь запечатлеть в памяти их внешний облик, и затем обернулся к Невиллю.

— Я готов следовать за тобою, — сказал он с достоинством. — Но прошу тебя об одном одолжении: мне необходимо видеться с этими рыцарями. Я не знаю их имен, и потому должен опять ждать такого счастливого случая, какой меня сейчас свел с ними. Раз они находятся в армии его величества короля Филиппа, то ты можешь сообщить мне имена рыцарей, дабы я мог узнать от них, что меня интересует.

— Твоя просьба будет исполнена, если ты поведешь мне, кто ты такой и давно ли находишься в стане крестоносцев? — с любопытством ответил Невиль. Сос-

лан заключил, что его новый знакомый был одним из приближенных короля Филиппа, иначе он не держал бы себя с такой важностью, и, конечно, ему известны были все рыцари, сражавшиеся под знаменем Филиппа.

— Я родом из Иверии, — уклончиво ответил Сослан. — В последнее время я находился в плену у сарацин, отрезанный от стана крестоносцев, и только после взятия Акры вернулся обратно.

Вероятно, ответ Сослана вполне соответствовал тому представлению, какое сложилось о нем у Невилля, так как на лице его отобразился живейший интерес и участие.

— Ты вскоре узнаешь, зачем ты понадобился его величеству, — сказал он с загадочным видом. — Прошу тебя говорить ему всю правду, ничего не скрывая, и он окажет тебе помощь, в которой ты нуждаешься.

Невилль сделал свое предупреждение, когда они уже подъехали к группе поджидавших их всадников. Сослан сразу узнал среди них того рыцаря, на щите которого выделялись три лилии, а шлем был украшен короной. Он понял, что то был король Французский Филипп-Август, и высказал ему полагавшиеся по этикету знаки почтения. Филипп некоторое время внимательно смотрел на Сослана, удивляясь его исполинской фигуре, а затем любезно спросил:

— Ты ли тот доблестный рыцарь, который охранял вход в наш стан от мусульман, когда мы шли на приступ Акры, и затем попал в плен к сарацинам?

— Бог удостоил меня этой милости, — скромно ответил Сослан, еще не разумея, что хотел от него король, и удивляясь его вопросу.

— Известно ли тебе, — продолжал Филипп, — что мною было послано посольство к Саладину, чтобы выкупить тебя из плена, но посольство вернулось ни с чем, так как в это время была взята Акра, и султан спешно отбыл из Дамаска? Поведай нам, кто содействовал твоему освобождению? Куда девался твой верный рыцарь, отправившийся вместе с нашим посольством на твои поиски?

Любезное обращение короля, его сообщение о по-

сольстве и проявленное им внимание к судьбе, когда он находился в плену, так удивили Сослана, что вначале он даже смутился от слов Филиппа, не зная, как понять и чем объяснить его неожиданное благоволение. Однако он быстро овладел собою при мысли, что король может помочь ему в поисках Гагели, и горячо ответил:

— Никогда не помышлял я столь маловажным поступком, который совершил бы каждый рыцарь, будь он на моем месте, заслужить Ваше внимание. Клянусь моим мечом, поскольку хватит у меня сил, я постараюсь быть полезным Вашему величеству! Что касается моего друга Гагели, то я не имею о нем никаких сведений с тех пор, как попал в плен к Саладину!

Сослан правдиво рассказал Филиппу о своем пленении, об эмире, взявшем его под свою защиту, о Лазарисе, с которым у него было столкновение в Константинополе, о том, как он видел из окна Гагели с франкским рыцарем, как получил сведения о них через невольника и убедился в том, что с другом его случилось несчастье.

Он умолчал только о своей встрече с Саладином, полагая, что Филиппу было бы не особенно приятно узнать об истинной цели этого свидания. Он дал понять королю, что освобожден из плена, благодаря перемирию и ходатайству эмира, с которым у него установились дружеские отношения.

Король Филипп из всего рассказанного Сосланом главное внимание обратил на странное поведение своих рыцарей, от которых он получил совершенно противоположные сведения о судьбе Гагели. Сдержанно, но с большой подозрительностью, он расспросил Сослана о всех подробностях виденной им в Дамаске сцены, особенно о том, что рассказал ему невольник, и задумчиво произнес:

— Не хочу устрашать тебя опасением, что здесь произошло насилие, вернее всего, хитрый грек хотел получить за твоего друга выкуп, как за пленника. Однако же напрасно мои рыцари Рауль Тулузский и граф Бувинский не поставили меня в известность о том, что произошло с ними в Дамаске, и скрыли от меня правду. За

это они дадут ответ как рыцари, не оправдавшие моего доверия.

— Прошу, Ваше величество, даровать мне свидание с ними! И да не коснется их Ваша немилость, пока я не выясню, были ли они осведомлены о намерениях Лазариса касательно моего друга или, подобно ему, были сами обмануты греками?

Предложение Сослана, очевидно, совпало с мыслями самого короля, потому что он охотно согласился.

— Ты получишь свидание с ними незамедлительно по нашем прибытии в Акру, — сказал он тем же милостивым тоном и затем добавил. — Твой рыцарь отправился в Дамаск с документами французского подданного Пуртиньяка. Он принял мое предложение за тебя и за себя, что вы будете в стане крестоносцев сражаться под моим знаменем. Надеюсь, что наш договор с ним останется в силе и ты последуешь его примеру.

Сослан, услышав от короля, что Гагели был в Дамаске под именем Пуртиньяк, сильно обрадовался, решив, что неудача его поисков была связана с переменной имени, благодаря чему Гагели мог легко укрыться от коварных греков. Подумав затем, что во время перемирия никаких сражений не будет, а пребывание в армии Филиппа поможет ему скорее найти Гагели, он быстро согласился.

— Сражаться под знаменем французского короля — счастье для каждого рыцаря. Так же, как и мой друг, вверяю себя великодушию Вашего величества!

— Скажи мне, пожалуйста, — вдруг обратился к нему Филипп, — кто поставил тебя охранять наш стан, когда мы шли на приступ? Давно меня тревожит эта мысль, и ни у кого я не нашел ответа. Признаюсь тебе, я был удивлен, когда узнал, что это опасное дело было вверено чужеземцу, хотя и превосходящему всех своей отвагой.

— Герцог Гвиенский поручил мне охранять стан, рассчитывая на мою силу, — просто ответил Сослан. — Накануне приступа он прислал ко мне своего вестника, и я выполнил его поручение.

— Герцог Гвиенский? — с нескрываемым удивлением

повторил Филипп, как будто это имя он слышал впервые, хотя оно было ему знакомо. Он особенным взглядом посмотрел на Сослана, не то сомневаясь в его искренности, не то стараясь проникнуть в его тайные мысли.

— Откуда ты знаешь этого рыцаря? — уже совсем другим тоном, подозрительно и недоверчиво, спросил Филипп.

— Совсем не знаю, — чистосердечно произнес Сослан. — Я его встретил в начале нашего приезда в Акру. Между нами произошел поединок, и он испробовал мою силу. Вероятно, оттого он и поручил мне охранять стан, а я поступил легкомысленно, доверившись ему, и за это потерял друга, — и Сослан передал Филиппу про свою нечаянную встречу с Гвиенским, про их столкновение и был крайне изумлен, заметив, с каким пристальным и жадным вниманием слушал его Филипп, не проронив ни одного слова.

— До сих пор никак не могу найти этого замечательного рыцаря, — закончил Сослан, — хотя он и обещал еще раз сразиться со мной и померяться силой.

— Я должен тебя огорчить. В армии крестоносцев нет рыцаря, который назывался бы герцогом Гвиенским. Наверно, кто-либо иной скрывается под этим именем и нарочно ввел тебя в заблуждение. Не ищи его понапрасну в нашем стане!

Наступило молчание. Воодушевившись какой-то новой мыслью, Филипп с живостью продолжал:

— Я сделаю все, что в моих силах, и обещаю тебе найти твоего пропавшего друга. Но и ты должен исполнить мою просьбу. Вскоре состоится турнир на Акрской равнине, где выступят все лучшие рыцари Запада и Востока. Кто бы ни был твой герцог Гвиенский, если он храбрый рыцарь, он явится на турнир, и ты его встретишь на поединке. Объявляю тебе, что ты выступишь как ратоборец французского короля и будешь защищать честь и достоинство нашей армии! — Сослан очень обрадовался, услышав, что Филипп обещал ему найти Гагели и что в этом турнире будут одинаково сражаться как сарацинские, так и западные рыцари.

Желая, чтобы слава о его подвиге дошла до Саладина, он быстро ответил:

— Надеюсь оправдать доверие Вашего величества и защитить честь Вашего имени!

— Прошу тебя не отлучаться из Акры вплоть до окончания турнира, — продолжал Филипп. — Назначаю тебя предводителем наших доблестных витязей. Ты можешь требовать все, что тебе нужно. Если ты имеешь нужду в доспехах и вооружении, то наши оруженосцы в твоём распоряжении. Помни, что ты выступаешь от нашего имени.

Они подъехали к Акре. Сослан был осыпан всеми знаками внимания со стороны Филиппа, который тотчас же приказал отвести ему богатое помещение в Акре и окружить удобствами, приличествующими его званию.

Через несколько дней после того явился Невиль и известил его, что король просит немедленно пожаловать к нему.

Сослан отправился к нему в некоторой тревоге, усилившейся еще более от сообщений Невиля. Он передал, что в войсках крестоносцев царит сильное возбуждение, что Совет владетельных князей экстренно собирается сегодня ночью, большинство из них восстало против Ричарда и готово вступить с ним в кровавое столкновение.

Сослан сейчас же подумал о том, что Саладин может воспользоваться раздорами между королями, нарушить перемирие и вновь напасть на Акру.

— Несмотря на все старания нашего короля Филиппа примирить противников между собою, — закончил Невиль, — он пока не достиг никаких результатов.

Вскоре они прибыли к великолепному зданию, где развевалось французское знамя. Царила глубокая тишина, никого из стражи не было видно.

Испытывая сильное волнение, Сослан тем не менее твердо и храбро следовал за Невилем, повторяя про себя любимые слова Мелхиседека: «Пускаясь в неизвестный путь, жди всего плохого, дабы беда не настигла тебя внезапно».

Невиль, ни о чем не предупреждая своего спутника,

провел его через полутемный вестибюль в небольшую комнату, увешанную оружием и заставленную китайскими вазами, и коротко промолвил:

— Ты просил короля о свидании с рыцарями. Твоя просьба исполнена! — И исчез, видимо, избегая присутствовать при подобной щекотливой встрече.

Сослан вначале не рассмотрел в полумраке сидевших у огня Рауля и Густава и узнал их только, подойдя ближе.

— Наконец-то, я встретил вас! — радостно воскликнул он. — Прошлый раз вы были недостаточно любезны, но я надеюсь, что теперь, исполняя повеление вашего государя, вы не уклонитесь от беседы со мной. Прошу вас, дайте мне подробные сведения о том, что случилось с моим другом Гагели.

Долго они не отвечали ему ни слова. Рауль хотел, чтобы Густав первым начал объяснение, так как, по его мнению, он был более хитер и искусен на выдумки и мог быстрее придумать какую-либо ложь об исчезновении Гагели. Густав же предпочитал молчать, надеясь, что Рауль, своей бесцеремонной болтливостью скорей вынудит Сослана проговориться и поможет ему выяснить главное, что его интересовало: кто был этот необыкновенный витязь, знает ли он о похищении ларца с драгоценностями? Хочет ли он обвинить их перед королем или ничего не знает и только беспокоится о судьбе своего друга? Густав, кроме того, думал, что ему легче всего будет опровергать Сослана, пользуясь его же собственными словами и теми неосторожными признаниями, какие он мог сделать в запальчивости, не подозревая хитрости Густава. Он про себя негодовал на Филиппа, который в силу неизвестно каких соображений поставил их в унижительное положение перед чужеземным рыцарем. Втайне Густав решил обязательно перебежать к Ричарду, который ничего не знал о их похождениях в Дамаске и осыпал бы милостями за измену Филиппу.

— Что Вам от нас нужно? — мрачно спросил Рауль, не выдержав молчания. — Почему Вы добивались через короля свидания с нами?

— Клянусь святым Георгием! — дружелюбно промолвил Сослан. — Я не имею против вас никаких дурных намерений и искал свидания с вами, дабы выяснить, какая участь постигла моего друга. Почему он не вернулся вместе с вами обратно в Акру?

— Мы потеряли его в Дамаске, вернее, он сам покинул нас со своим слугой, — сухо ответил Рауль. — Кроме того, разве мы обязаны были сторожить Вашего друга? Он обманул нас, прикинувшись простачком, так что мы не знали, с кем имеем дело.

— Как он мог обмануть вас, когда был облечен королевскими полномочиями и должен был по поручению его величества вести переговоры с самим султаном о моем выкупе? Разве от вас было скрыто, для какой цели было снаряжено посольство к Саладину? Разве король не почтил вас своим доверием?!

Ответ Сослана сильно озадачил Рауля и совершенно спутал его мысли. Он успел уже основательно забыть про того пленного рыцаря, ради которого они ездил в Дамаск. А между тем он сам теперь стоял перед ними, и Раулю казалось, что Сослан требовал отчета в их действиях, но, несмотря на испуг, он не сдавался.

— Кто поставил Вас быть судьей над нами?! — в запальчивости крикнул он. — Мы отвечаем только перед королем за наши поступки. Оставьте нас в покое. Мы ничего не знаем!

— Непристойно рыцарю давать подобные ответы, когда он знает больше, чем говорит, — пристально смотря на Рауля, сказал Сослан. — Напомню тебе один вечер в Дамаске. Ты ехал вместе с моим другом, по всей видимости, куда-то сопровождая его. Затем вы остановились возле дома, где находилось греческое посольство, и там произошла ссора между тобой и Лазарисом. Ты ударил его мечом и скрылся. Скажи, что было дальше с моим другом? Зачем ты отвез его к Лазарису? Я искал вас и не мог найти в Дамаске.

Слова Сослана застигли врасплох обоих франков. Переглянувшись друг с другом, они затаились, как бы стремясь ускользнуть от врага и спастись от его преследования или хитроумной уверткой, или изворотливым

нападением. Густав с изумлением, смешанным со страхом, смотрел на Сослана. Он сразу припомнил разговор с Лазарисом об иверийском посланнике, которого Исаак хотел получить заложником, а он спутал с Пуртиньяком. Неприглядная сцена, разыгравшаяся между Раулем и Лазарисом, который отказался заплатить обещанный выкуп и упрекал его в обмане, стала ему вдруг совершенно ясной. Он понял, наконец, что перед ними был тот самый иверийский посланник, которого с такой жадностью искал византийский император и ради которого Филипп с такой поспешностью снарядил свое посольство к Саладину. Но, сообразив слишком поздно, что произошло недоразумение, Густав тут же взвесил в уме всю опасность теперешней встречи с Сосланом, который мог безжалостно стереть их с лица земли, если бы узнал, что они предали Гагели грекам и украли у него ларец с драгоценностями. Увиливать от объяснения с ним было не только бесцельно, но, как думал сейчас Густав, являлось даже непростительной глупостью. Своим умалчиванием они усиливали его подозрительность, разжигали в нем гнев против них и настойчивое желание любой ценой узнать правду о Гагели. Между тем, как Густав расчетливо взвешивал все обстоятельства, стремясь перехитрить Сослана и навести его на ложный след. Рауль был занят только одной мыслью: как избежать позора разоблачения и ответственности перед королем, который мог жестоко наказать их за кражу и лишиться драгоценной добычи? Услышав, что Сослан в какой-то мере был осведомлен об их сношениях с Лазарисом, Рауль нашел самым благоразумным для себя уклониться от прямых ответов и отпираться от всего, полагая, что у Сослана не хватит терпения спорить с ними, и он прекратит надоедливый допрос о Пуртиньяке.

— Если ты видел нас у Лазариса, — произнес он заносчиво и презрительно, — то ты должен также знать, какая участь постигла твоего друга. Зачем ты испытываешь нас, когда знаешь больше нас и не имеешь никакой нужды в наших ответах?

Густав остался доволен ловкостью Рауля, которого жадность к сокровищам сделала сообразительным и

находчивым. Хоть он и полагал, что на Сослана надо влиять иными, более утонченными способами, тем не менее Густав не остановил Рауля и сохранил выжидательное молчание.

— Если бы я самолично видел вас в доме Лазариса, то мой друг не был бы похищен, а вы не беседовали со мною, — с горечью сказал Сослан, — но, как вам известно, я находился в плену и видел из окна, как вы проезжали по улице вместе с Гагели. Эмир Саладина послал своего невольника проследить за вами, и он передал нам, что видел вас в доме у греков. К сожалению, не зная языка, он не мог понять вашей беседы и объяснить, чем было вызвано столкновение между тобою и Лазарисом.

Рауль почувствовал облегчение при этих словах, так как Сослан не знал самого главного, в чем мог бы обвинить их перед королем. Таким образом, отпадала опасность быть раскрытыми в совершенном ими преступлении, и он мог теперь действовать более развязно и решительно.

— Твой друг уехал вместе с Лазарисом, — заявил он. — О его судьбе мы ничего не знаем.

— Он мог уехать только как пленник, а не как свободный рыцарь! — в гневе воскликнул Сослан. — Лазарис—наш враг, и Гагели добровольно никогда бы не уехал с ним. Вы предали его грекам и вы ответите мне жизнью за жизнь!

Оба рыцаря вскочили, схватились за мечи. Сослан также извлек свой меч и стал против них с твердым намерением сразиться с ними и отомстить им за друга. Сослан теперь был уверен, что франки по каким-то соображениям, пока неизвестным, сговорились с Лазарисом, выдали ему Гагели и, боясь отмщения за свое преступление, упорно отмалчивались перед ним. Еще мгновение — и мечи засверкали бы в воздухе, но в дверях появился Невиль с поднятой рукой и коротко предупредил их, что рыцари не смеют вступать в поединок в помещении короля, если не хотят лишиться свободы.

— Вложи меч свой в ножны! — приказал Густав

Раулю и опустил свой меч, решив сам докончить объяснение с Сосланом и добиться с ним примирения.

— Не беспокойся за своего друга, — солидно промолвил он, поглаживая длинную бороду. — Напрасно ты усомнился в наших словах. Пуртиньяк, как мы привыкли его звать, уехал добровольно с Лазарисом и греческим посольством в город Тир к Конраду Монферратскому. Жизни его не грозит ни малейшая опасность. Он получит свободу, как только ты явишься за ним в город Тир. Лазарис задержал его единственно из желания видеть тебя, дабы сообщить тебе важные сведения, полученные им из Иверии от царицы Тамары. Вот какие соображения, а не наше предательство, принудили Пуртиньяка покинуть нас и отправиться вместе с Лазарисом в Тир.

Вероятно, сам Густав не ожидал, что придуманная им ложь окажется такой удачной, что Сослан сразу поверит в искренность его слов и прекратит свои домогательства. Взволнованный одним только упоминанием имени Тамары, которое, по его мнению, никогда бы не мог произнести Густав, если бы не слышал его от Гагели, Сослан не обратил внимания на лживость данного объяснения, а принял его за истину и со свойственной ему прямою протянул руку Густаву.

— Благодарю тебя, что ты разрешил мои сомнения, обрадовал меня сообщением, что мой друг жив и что его свобода зависит от моего прибытия к Лазарису. Клянусь мечом, что я немедленно это сделаю при первой же возможности! В моей душе живет раскаяние, что я мог заподозрить вас в гнусном предательстве и едва не обагрив свой меч кровью.

Искренность Сослана пристыдила Рауля; внутренне он возмутился поведением Густава, который не брезгал никакой ложью для достижения своих целей. Он уже готов был по-рыцарски обратиться к Сослану и честно предупредить его: «Берегись Лазариса!», но грозный взгляд Густава остановил его, вспыхнувшее мимолетное великодушие вновь сменилось расчетливой осторожностью.

— Скажи мне, где находится мой верный слуга Мел-

хиседек? — спросил Сослан Рауля, но Густав, боясь затягивать опасную беседу, вместо него быстро ответил:

— Он уехал вместе с Пуртиньяком! Мой совет тебе: поспеши в Тир, пока еще Лазарис не уехал оттуда!

Он поднялся, коснувшись руки Рауля, как бы приглашая его следовать за собою.

— Мы сильно задержались здесь, — высокомерно заявил он, — хотя обязаны были по приказанию короля немедленно явиться к герцогу Леопольду Австрийскому для выполнения его поручений! — и с учтивой любезностью простился с Сосланом. Но Рауль, не ожидавший такого скорого и удачного исхода беседы, стоял в оцепенении, не двигаясь с места.

Они подошли к дверям, где стоял Невиль. Густав пояснил ему, что они дали все требуемые от них сведения, и иверский рыцарь не имеет к ним претензий. Сослан, сильно возбужденный всем тем, что узнал, не успел достойным образом оценить свою беседу с франками и думал о Тамаре, о тех известиях, какие соблазнили Гагели ехать за Лазарисом, и спокойно отнесся к их уходу. Он очнулся от своих дум в тот момент, когда к нему подошел Невиль и сказал:

— Если вы чем-либо обижены рыцарями или вас не удовлетворило свидание с ними, вы можете изложить королю свои жалобы.

— У меня нет жалоб, и я вполне удовлетворен тем, что слышал от них, — лаконично ответил Сослан и тотчас отправился домой, отказавшись от услуг Невиля, который, провожая его, произнес загадочную фразу:

— Приготовьтесь, храбрый рыцарь, выдержать испытание, которое не многим смертным под силу.

Напутствуемый этим торжественным, но несколько мрачным предупреждением Сослан медленно ехал на коне, думая о словах Густава. В тишине, среди ночного мрака свидание с франкскими рыцарями представилось ему совсем иным, чем при первом впечатлении.

То, что вначале казалось ему бесспорным свидетельством, так как было связано с упоминанием имени царицы Тамары, теперь приобрело характер лживого измышления, тонко рассчитанного, чтобы ввести его в заблуж-

дение. Указание на пребывание Лазариса в Тире, несомненно, звучало правдоподобно, так как Тир был подвластен Конраду Монферратскому, женатому на сестре Исаака, и был единственным городом в Палестине, где мог беспрепятственно обосноваться Лазарис и следить за своими жертвами. Теперь Сослан проникся уверенностью, что Лазарис завлек Гагели с целью заставить его, Давида Сослана, явиться к нему для спасения своего друга. Заманив таким хитрым путем обзих иверийцев, Лазарис, наверное, рассчитывал отправить их в Константинополь к Исааку. От Лазариса Сослан мысленно опять вернулся к франкам, вновь проверяя свою беседу с ними. Он не сомневался, что они были осведомлены о тайных намерениях грека и оттого так продолжительно и упорно отмалчивались; только под угрозой меча один из них сделал свое сообщение, которое он мог передать ему гораздо раньше. Сослан припомнил, с какой неохотой Густав принял его благодарности, как заторопился закончить беседу вместо того, чтобы подробно рассказать ему о Лазарисе, о схватке между ним и Раулем и об отъезде греков из Дамаска. Сослан невольно сравнивал их поведение, нарочитую развязность, вызывающий тон первого и молчаливую сдержанность второго, который, однако же, был зачинщиком ссоры при их встрече под Акрой. Сослан не мог не обратить внимания на то странное обстоятельство, что он видел в Дамаске с Гагели первого рыцаря, которого Невиль называл Раулем Тулузским, а сообщение о Лазарисе сделал второй, Густав Бувинский, оказавшийся более осведомленным, чем первый. Уклончивость и некоторая стеснительность рыцарей, явно избегавших говорить о Гагели, внушили Сослану непоколебимое убеждение, что франки имели гораздо более подробные сведения, чем они сообщали в беседе с ним, стремясь к сокрытию истины, а никак не к ее раскрытию.

Одно не было понятно Сослану: откуда Густав мог узнать про царицу Тамару? Он не мог представить также каким образом Гагели мог довериться им, когда осторожность и предусмотрительность не покидали его в самых опасных обстоятельствах, и когда при нем на-

ходился Мелхиседек, один из опытнейших и мудрейших советчиков?!

Но быстро в сознании блеснула яркая мысль, сразу осветившая ему непонятное поведение франков. Они не могли не знать, находясь вместе с Гагели, что он вез Саладину ларец с драгоценностями, а если знали, то, несомненно, прежде чем запродать его Лазарису, они позаботились освободить Гагели от такой дорогой ноши и, украв драгоценности, скрылись из Дамаска. Тогда становилось понятным их молчание перед Филиппом, нежелание видеться с Сосланом, замешательство Рауля при упоминании о Гагели.

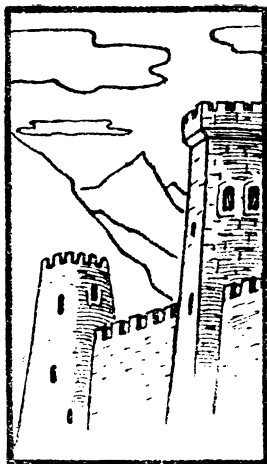
Придя к такому выводу, Сослан решил изловить рыцарей после турнира и силой заставить их отправиться вместе с ним в Тир, к Конраду Монферратскому. «Они продали Гагели, — заключил Сослан, — и они же должны вырвать его из неволи».

Не успел Сослан подъехать к своему дому, как мимо него стремглав, точно опасаясь погони, промчались два всадника. Сослан долго смотрел им вслед, охваченный раздумьем, он смутно догадывался, что те были Густав и Рауль, спешно покидавшие Акру, чтобы навсегда избавиться от преследования.

ЧАСТЬ
ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА I

Мелхиседек, испытанный в несчастьях и бедствиях слуга, не мог остаться равнодушным к уходу Гагели с Раулем Тулузским. Он был ему ненавистен, как и Густав, не только по своему гордому виду и надменному обхождению, но и по тому чудовищному поступку, какой они совершили с ними, отняв драгоценности. В глазах Мелхиседека они были хуже разбойников, так как те грабили открыто, а эти действовали скрыто, прикрываясь благородными побуждениями. Втайне он был уверен, что они никогда не вернут похищенные ими сокровища и ничего не сделают для царевича. Мелхиседек не отговаривал Гагели ехать к султану вместе с Раулем, так как от этого было в зависимости освобождение из плена царевича, хотя не ожидал больше ничего хорошего от франков и твердо решил неуклонно следить за всеми их действиями. Поэтому, когда Рауль с Гагели уехали, он переоделся арабом, захватил с собою оружие и деньги и направился вслед за ними. Он не отставал от них всю дорогу, подробно изучая местность, где они ехали, и тщательно приметил дом, где они остановились. Он видел, как кто-то проскользнул во тьме, вскарабкался на карниз и исчез в окне. Это обстоя-

тельство еще более усилило подозрение у Мелхиседека. Он видел, что здесь готовится какое-то покушение на Гагели, и с жадностью следил за всем, что происходит перед его глазами. Хотя он опасался обнаружить свое присутствие и не отходил от стены, тем не менее от его взора не укрылась ни одна тень, мелькнувшая возле дома, ни один звук, доносившийся к нему сверху из окна, не миновал его уха. Неотрывно наблюдал он за всеми приходившими и уходившими, боясь потерять Гагели из вида. До его слуха вскоре долетела глухая брань греков, затем послышались яростные крики, и он ясно различил голос Гагели, который по-арабски громко крикнул:

— Ведите нас к Саладину! Мы должны освободить моего господина! Помните, что вы жестоко поплатитесь за обман. Хотя бы вы всю жизнь держали меня в заточении, вы ничего от меня не получите!

Затем послышался резкий крик, шум, чья-то фигура отделилась от окна и спрыгнула вниз, а через несколько минут вышел Рауль, вскочил на коня и ускакал, даже не оглянувшись на дом, где остался Гагели, видимо, стремясь скорей покинуть опасное место.

Мелхиседек некоторое время пребывал в неподвижности. Он думал про себя, как ему лучше поступить, чтобы вызволить Гагели из беды. Он не хотел попасть в руки греков и не хотел удаляться от этого дома, где могли произойти важные события. Он быстро постиг своим ясным и простым умом, что бесчестные франки, обокрав Гагели, захотели отделаться от него, а если он, Мелхиседек, будет так глуп, что обратится к ним за помощью, то они умертвят и его, чтобы не иметь лишнего свидетеля преступления. Но Мелхиседек хорошо понимал также, что если бы он сейчас по доверчивости бросился на помощь Гагели, то попал бы в ловушку к грекам и, лишившись свободы, не только не принес бы никому пользы, но сам бы нуждался в спасении и освобождении из плена. Таким образом, Мелхиседеку грозила двойная опасность: и со стороны греков, и со стороны франков. Поняв всю затруднительность своего положения, он решил скрыться от всех врагов под видом

араба и тайно проследить, куда отправятся греки вместе с Гагели, а если будет нужно, то последовать за ними. В чалме, в зеленом полукафтани, подпоясанный кушаком Мелхиседек не мог быть никем узнан. Прокравшись к невольникам, караулившим дом и охранявшим греческое посольство, он быстро подкупил их деньгами и соблазнил всякими заманчивыми посулами. Он назвался купцом из Багдада, который ехал с товарами в Дамаск, но был ограблен по дороге. Невольники приняли его к себе, и он вызвался заменить их в ночную стражу, освободив от тяжелой обязанности бодрствовать и охранять гостей Саладина.

К рассвету в одном из верхних окон за решеткой показався Гагели. Он пристально вглядывался вдаль, точно старался запомнить расположение улиц, вероятно, для того, как предположил Мелхиседек, чтобы бежать от греков и не заблудиться по дороге. Затем взгляд его с досадой остановился на фигуре Мелхиседека, маячившего перед домом. Подумав, что это один из соглядатаев, приставленных к нему, он уже хотел скрыться в окне, чтобы не привлечь к себе любопытных взоров, как вдруг Мелхиседек, не выдержав испытания, запел протяжно и заунывно иверийскую песню, надеясь, что Гагели, услышав родной напев, догадается, кто скрывается в наряде араба. Действительно, знакомый мотив удивил Гагели, он стал внимательно прислушиваться, слова становились все яснее и отчетливей доносились до него в предрассветной тишине. Прильнув к стальной решетке, он уже без опасений рассматривал мнимого араба и, чтобы проверить свою догадку, негромко спел следующий куплет песни. Мелхиседек ответил ему, тем самым давая понять, что им нечего бояться друг друга. Вслед за этим ему удалось в отрывочных возгласах и восклицаниях передать Гагели, чтобы тот соблюдал осторожность, не спешил с бегством, и что куда бы ни повезли его, он всюду поедет за ним и никогда его не бросит. Кроме того, Мелхиседек сообщил ему, что, когда наступит ночь, он той же самой песней вызовет его к окну и расскажет про все новости при дворе султана.

Гагели так сильно обрадовался, увидев Мелхиседека, которого он считал погибшим у франков, что на время забыл про свою неволю и перестал думать о бегстве. Он жестоко укорял себя за доверчивость, проявленную им в отношении франков, которые украли у него ларец с драгоценностями. В то же время он испытывал невольное удовлетворение при мысли, что Лазарис, тяжело раненный Раулем, также был обманут франками. Они обещали ему за хороший денежный выкуп представить иверского царевича, а вместо того доставили хромого Гагели. Отказ Лазариса уплатить тысячу динаров привел в бешенстве Рауля, и он едва не прикончил грека. Хотя Лазарис с трудом переносил боль, тем не менее он не потерял сознания и успел отдать приказ запереть Гагели в отдельную комнату и усиленно следить за ним, приставив к нему вооруженную стражу. Вслед за этим он распорядился отнести себя в помещение Мурзуфла, желая, очевидно, посоветоваться с ним как действовать дальше в отношении пленника. От Мурзуфла Гагели не мог ожидать для себя ничего приятного, так как хорошо знал о его безмерном честолюбии и настойчивом желании изловить Сослана.

Размышляя над всем этим и мучаясь в предвидении коварства и злых подвохов со стороны Мурзуфла, Гагели с нетерпением ожидал ночи, надеясь увидеть Мелхиседека и узнать от него все, что слышал он во дворце султана. Но к вечеру неожиданно открылась дверь и вошел Мурзуфл, как всегда надменный, презиравший людей и пользовавшийся ими только для своих властолюбивых целей. Гагели не успел еще догадаться, что означало его появление, как Мурзуфл довольно мягко поздоровался с ним и неожиданно произнес:

— Сегодня на приеме у Саладина я видел твоего повелителя, иверского царевича. Если он явился к султану по тому самому делу, по какому мы прибыли к нему с поручением императора Исаака, то предприятие его не увенчается успехом. Извещаю тебя, что ты не получишь свободы до тех пор, пока за тобой не явится сам царевич и не выполнит наших требований. Пиши ему немедленно письмо, чтобы он прибыл за тобою, и я пе-

решию это письмо с гонцом во дворец султана. Спешу с этим делом, ибо, в противном случае, мы покинем Дамаск раньше, чем ты предполагаешь.

Гагели едва сдержал радость, услышав от Мурзуфла, что его повелитель не только жив, но даже присутствовал на приеме у султана. Он понял, что Сослан освобожден сам, без помощи франков, и получил свидание с Саладином. Скрыв свое волнение от острого взгляда наблюдательного Мурзуфла, Гагели решил, что ему нечего стесняться грека.

— Вы можете отрубить мне руки, отрезать язык, изрубить на куски мое тело, но я отказываюсь выполнить Ваше требование и писать царевичу, чтобы он явился за мною. Ваше дело держать меня в оковах, а мое дело — охранять жизнь моего повелителя. Делайте со мной, что хотите, но помните: рано или поздно Вы ответите за меня перед царицей Тамарой!

Мурзуфл с юности привык никогда ни перед кем не обнаруживать своих истинных чувств и намерений и всегда последовательно и спокойно шел к достижению цели, скрывая под внешностью суровой и добродетельной коварную душу. И теперь, выслушав Гагели, он улыбнулся насмешливо и произнес лаконично, но с такой сухостью, что сердце Гагели сжалось:

— Тебе придется сильно сожалеть впоследствии, что не послушался моего совета. Напрасно ты думаешь неразумной преданностью спасти царевича. Смотри, как бы ты не навлек на него худших бедствий!

После короткого молчания он сообщил тем же равнодушным тоном:

— Мы скоро уедем из Тира. Акра взята. Надо думать, султан будет разбит крестоносцами! По всей вероятности, чтобы не доставить торжества английскому королю, он передаст в наши руки древо креста. Поразмысли над всем этим, пока не поздно, и вызови сюда царевича. Иначе будешь проклинать себя за совершенную глупость.

Мурзуфл ушел, и по его распоряжению Гагели перевели в новое помещение, расположенное на другом конце города.

Гагели был сильно расстроен угрозой Мурзуфла, его сообщением о взятии Акры и, главное, о передаче креста в руки греков. Он живо представлял себе горе Давида, его страдания и боялся, что в одиночестве, не имея около себя друзей, он решится на отчаянный поступок и бросится на поединок с Мурзуфлом, чтобы отнять у него святыню. Печаль и тревога Гагели усиливались еще тем, что он не видел Мелхиседека и не знал ничего, что делалось при дворе султана. Спустя несколько дней, все греческое посольство вместе с отрядом телохранителей спешно отбыло из Дамаска, захватив с собою безоружного Гагели в качестве пленника. Проклиная свою злосчастную судьбу, он уехал с греками, решив бежать при первой же остановке, но осмотрев своих спутников, вдруг с удивлением увидел Мелхиседека, спокойно ехавшего невдалеке от него на прекрасном арабском коне в одежде греческого монаха. Вид его не внушал никому подозрений, напротив, как вскоре выяснил Гагели, он был принят за настоятеля одного из греческих монастырей в Сирии, и греки оказывали ему большое почтение.

На первой же остановке они обменялись условными знаками и в коротких осторожных намеках сообщили друг другу, что знали. Когда Мелхиседек узнал, что Мурзуфл видел Сослана, слезы потекли у него по лицу, и от глубокого волнения он не промолвил ни слова. У него появилась робкая, но светлая надежда вернуться на родину вместе с царевичем и избавиться от ужасов, пережитых в Палестине.

Однажды вечером, когда они спускались с гор на конях, поблизости раздался сильный шум от топота конских копыт, они были окружены всадниками в шлемах с закрытыми забралами, вооруженными мечами и дротиками. По внешнему облику это было рыцарское войско, похожее на отряд крестоносцев.

Гагели обрадовался при мысли, что может через них получить свободу. Но, издали взглянув на Мелхиседека, он понял, что ошибся, так как вид того обнаруживал крайнюю печаль, растерянность и испуг. Один из всадников крикнул по-арабски:

— Говорите, кто вы? И как вы осмелились ступить на священную землю, где обитает владыка всех царей земных, Старец с горы!

Мурзуфл не оробел от этого грозного окрика и, смело подъехав к герольду, тихо стал ему что-то пояснять, а весь отряд стоял неподвижно. Мурзуфл своим объяснением, видимо, удовлетворил герольда, он больше не размахивал сердито дротиком и внимательно его слушал. После того, как они о чем-то сговорились, Мурзуфл отдал приказ передать пленного иверийца в руки герольда, а грекам — двигаться дальше. Прежде чем Гагели успел воспротивиться повелению Мурзуфла, его тесным кольцом окружили исмаэлиты, а герольд воскликнул:

— Следуй за мной, если хочешь сохранить жизнь!

Тогда Мелхиседек, еле живой от испуга и волнения, боясь потерять Гагели из вида, быстро отделился от греков и, подъехав к герольду, сказал ему по-арабски:

— Бери и меня, ибо это мой господин, и нельзя разлучаться с ним его рабу!

Герольд брезгливо посмотрел на монаха, как бы в нерешимости — исполнять его просьбу или нет, но Мурзуфл воскликнул:

— Так вот кем оказался этот презренный монах! За обман ему следовало бы оторвать голову!

Герольд, довольный произведенной сделкой, счел за лучшее взять сразу обоих иверийцев и, ловко повернув коня, коротко приказал своим исполнителям:

— Берите и слугу, и господина! Наш владыка не будет огорчен, увидев подобную добычу!

Вначале Гагели сильно упал духом от неожиданного пленения исмаэлитами, но близость Мелхиседека душевно его успокоила, и он перестал думать об опасности. В нем пробудился живой интерес к этой страшной секте. Он с нескрываемым любопытством следил за всадниками, с нетерпением ожидая увидеть жилище знаменитого Старца с горы, перед которым трепетала вся Европа и Азия!

Теперь они ехали вместе с Мелхиседеком и оживленно беседовали между собою, радуясь тому, что они, на-

конец, соединились и могут совместно решить, как им поступать дальше.

— Что случилось с Мурзуфлом? — недоумевал Гагели, — вместо того, чтобы везти меня в Тир, а оттуда в Константинополь, он вдруг передал меня исмаэлитам? Что ты слышал? О чем они говорили?

— Говорили они непонятные вещи, — признался Мелхиседек, — я слышал только, как Мурзуфл сказал кому-то: «Все меняется. Из Иверии приехал посланец для свидания с исмаэлитами и просит передать им царевича. Царевича нет — замените его доверенным лицом». Но что они хотят делать с Вами — неизвестно.

— Пусть делают, что хотят. Сейчас важно другое. Кто этот посланец из Иверии? Единомышленник исмаэлитов? Ты больше ничего не слыхал о нем?

— Слышать не слыхал, — что-то припоминая, тихо проговорил Мелхиседек, — а только думается мне, что это тот самый всадник, о котором мне еще в Иверии рассказывал Арчил.

И Мелхиседек сообщил Гагели про странную ночную встречу Арчила с таинственным рыцарем со шрамом, который потом исчез бесследно.

— Царица, видно, знала об этом, недаром, провожая нас, она предупредила, чтобы мы больше всего остерегались этих изуверов. А мы вот попали к ним в руки. С каким поручением приехал этот посланец из Иверии? Я не буду иметь покоя, не узнав об этом. — И затем, понизив голос, предупредил:

— Слушай, Мелхиседек! Не пробуй никого из них подкупать золотом, так как они беспрекословно подчиняются своему Старцу и умертвят любого, кого заподозрят в измене. Ни силой, ни подкупом с ними ничего не сделаешь!

— Лишь бы они не разлучили меня с Вами, — ответил Мелхиседек, — а вместе нам ничего не страшно!

— Будем ли мы с тобой врозь или вместе, помни твердо одно: эти люди не прощают ничего. Недругов уничтожают, за ошибку карают смертью. Сделай вид, что не понимаешь по-арабски, чтобы они могли свободно говорить при тебе. Я же притворюсь больным и буду

просить, чтобы ты прислуживал мне, если они разместят нас отдельно. Про царевича не упоминай, чтобы они не вознамерились схватить его и убить. Не бегством надо спасаться от них, а разумом, склонив их к тому, чтобы сами выпустили нас из неволи.

Уговорившись таким образом, они успокоились, с надеждой взирая на будущее и ободряя друг друга веселыми и приятными речами.

Они ехали то угрюмыми ущельями, то поднимались на отвесные скалы, откуда при малейшей оплошности можно было упасть и разбиться, то скользили над пропастью, пробираясь по узким выступам, и Гагели заключил, что исмаэлиты нарочно вели их запутанными извилистыми тропинками, чтобы никто из пленников не мог запомнить дороги к неприступному жилищу их повелителя. Гагели и Мелхиседек, привыкшие к ущельям и непроходимым горам Иверии, однако, легко запомнили места, по которым они проезжали, иногда по отдельному выступу скалы определяя направление пути и весь привычный для их глаз рельеф местности. Они ехали долго, наконец, показался мрачный и уединенный замок, высившийся на крутой горе; невдалеке стояла цитадель, один из сильнейших когда-либо виденных Гагели. Вся эта крепость была окружена извне каменными, изнутри — медными стенами и башнями и являлась недоступной ни для проникновения неприятельских войск, ни для набега отважных храбрецов, любителей страшных приключений.

Всадники, сопровождавшие Гагели и Мелхиседека, взбирались на эту кручу поодиночке, в строгом безмолвии, точно боясь нарушить тишину гор и суровую уединенность замка. Так же тихо, стараясь не производить шума, они въехали во двор замка, где лабиринт стен, башен, проходов и выходов сразу вселил беспокойство в сердца Гагели и Мелхиседека, ясно понявших, что они будут крепко заперты в этом диком месте и сами выбраться отсюда никогда не смогут.

Навстречу к ним вышли юноши, одетые в белую одежду с красными поясами и шапками, вооруженные кинжалами, больше похожие на изваяния, чем на жи-

вых людей, с лицами, окаменевшими в покорности и безразличии ко всему земному.

Из коротких фраз, оброненных юношами по-арабски, Гагели понял, что то были федави, младшие ученики Старца, призванные жертвовать собой и всецело преданные ему и тайному союзу, к которому они принадлежали. Федави были, как выяснил потом Гагели, слепым орудием в руках старших представителей исмаэлитов и беспрекословно выполняли все данные им поручения. Они всегда хранили молчание, ни с кем из посторонних не вступали в беседу, и их глубокая сосредоточенность придавала всей жизни в крепости отшельнический характер, больше напоминавший по своему укладу монастырь, чем рыцарский замок.

Башня, в которую были заключены Гагели и Мелхиседек, висела над пропастью, узкие отверстия в ней, пропускавшие свет, были расположены так высоко, что к ним едва возможно было вскарабкаться по выступам стен. Оттуда виднелись только унылые, безжизненные хребты гор, перерезанные не менее унылыми впадинами и ущельями.

— Упасть некуда, кроме как в могилу!—сокрушенно вздохнул Мелхиседек, все более и более терявший надежду на спасение; Гагели давно уже бросил мысль о бегстве. Он выискивал иные пути воздействия на изуверов, стремясь как можно скорее войти с ними в контакт. Прошло уже много времени, как они сидели в башне, и никто к ним не заглядывал, никто не заговаривал с ними. По утрам служитель приносил и оставлял им весьма обильную пищу и питье, видимо, не имея приказания подвергать узников физическим лишениям. Наконец, Гагели не вытерпел. Однажды утром, когда к ним, по обычаю, вошел служитель и поставил пищу, он по-арабски обратился к нему, потребовав, чтобы его отправили к начальнику, который мог бы разрешить это дело. Служитель безразлично выслушал просьбу Гагели, ничего не обещав, но и не отказавшись довести его слова до сведения начальника, которому они обязаны были доносить обо всем, что происходило в пределах братства. Он уже хотел уходить, как Гагели, обескура-

женный его безразличием, обернулся к Мелхиседеку и сердито произнес по-иверийски:

— Кто запечатал уста этим несчастным служителям сатаны, что они онемели и стали подобны истуканам? Они имеют голову на плечах только для того, чтобы измышлять всякие подвохи, а руки — дабы обагрять их кровью. Кто попал к ним, не выйдет от них, а останется навсегда замурованным в этих стенах!

Едва он успел произнести эти слова, как служитель остановился в дверях, замерев на месте. Он устремил пронзительный взгляд на Гагели, поняв, что тот сказал, и был ошеломлен его словами. Мелхиседек заметил его замешательство и в испуге сделал предупредительный знак Гагели, чтобы он не проговорился, но служитель повернулся к ним и тихо сказал по-иверийски:

— Не страшитесь! Я вам не причиню никакого зла, ибо у нас с вами одна родина. Постараюсь помочь вам, но будьте осторожны!

Он поклонился и бесшумно исчез, оставив их одних переживать это странное происшествие, которое было богато самыми заманчивыми перспективами, но и таило в себе опасность измены и предательства.

— Слушай, может быть, это и есть посланец из Иверии, которого видел Арчил? — волнуясь, предположил Гагели, — тогда мы погибли. Кто знает, может быть, его нарочно приставили сюда, чтобы следить за нами и доносить начальнику? В этом страшном месте все возможно!

— Пусть у меня выпадут все волосы на голове, если я ошибаюсь! Тот был со шрамом и, наверно, из имени-тых, был близок к визирю, а этот несчастный служитель, наверно, попал к ним в ловушку и не знает, как выбраться. Если он окажет нам помощь, мы не оставим его.

— Если он посвящен в их тайны и связан клятвой, то нам нечего рассчитывать на его помощь, — возразил Гагели. — Те, кого они нашли пригодными для вступления в свой союз, дают обет строжайшего повиновения и никогда им не изменят. После того, как он узнает, кто мы такие, мы можем ждать от него или избавления, или гибели.

Однако, вскоре все разъяснилось. К вечеру дверь раскрылась, и вошел служитель, одетый в белую одежду с красным поясом, держа серебряную чашу в руках. Он подошел к Гагели и тем же безучастным голосом коротко произнес:

— Выпей вина и следуй за мною, — затем по-иверийски тише добавил: — Не бойся того, что тебе нужно будет претерпеть, ибо оно послужит твоему благу!

Когда Гагели послушно осушил чашу, он наложил ему на глаза повязку и молча вывел из башни. Мелхиседек хотел просить, чтобы ему позволили следовать за ними, но взгляд служителя предупредил его, чтобы он не обращался к нему с подобной просьбой. Уходя, он шепнул ему: «Ожидай и будь покорен!» — и затем сделался вновь безмолвным и окаменевшим.

Они шли медленно и, как показалось Гагели, долго блуждали по всевозможным крутым лестницам и переходам, то спускаясь вниз, то поднимаясь вверх. Наконец, служитель остановился и снял с его глаз повязку. Он не произнес ни слова всю дорогу и теперь тоже безмолвно исчез, предоставляя ему самому разобраться в том, что вдруг раскрылось перед его глазами.

Гагели, перейдя от полной темноты к свету, в первый момент был ослеплен, но, осмотревшись, еле сдержал крик изумления. Он находился среди обширного зала, где, возвышаясь, стояли роскошные позолоченные колонны; высокий свод его был из слоновой кости, а широкие створчатые двери блестели серебром, с вделанными хризолитами и рубинами. По бокам дверей лежали две змеи, одна темная, бронзовая, другая серебряная, и охраняли вход в зал.

В открытые двери виднелся прекрасный сад, где цвели необыкновенные цветы и созревали прекрасные плоды на деревьях; весело журчащие ручьи распространяли приятную прохладу; благоухание роз, тенистые дорожки и беседка влекли к отдыху и забвению, а приятное пение птиц смешивалось с мелодичным звоном струн и создавало настроение беспечной радости и веселья.

Как зачарованный, стоял Гагели и смотрел на рос-

кошный сад, который нельзя было сравнить ни с чем виденным им в его странствиях, на ослепительно сверкавший зал. Он долго не мог понять, то ли он во сне видел это зрелище, то ли это было фантастическое жилище Старца с горы, о котором слагались легенды, потрясающие воображение всех, кто когда-либо соприкасался с исмаэлитами. Великолепие раскрывшейся перед ним панорамы, доносившиеся мелодичные звуки, аромат восточных благовоний до боли кружили ему голову, дурманя сознание и лишая привычной ясности восприятия. Он не понимал, где он, что с ним происходит, и совершенно утратил способность отличать призрачный мир от действительного. Контраст был тем разительней, что волшебное видение явилось вслед за мрачной и удручающей обстановкой башни, не имевшей даже отдаленного сходства с тем, что предстало вдруг перед его глазами.

Посмотрев кругом, он не увидел ни одного живого существа. Зал был пуст и мертв, и только один сад жил своей особой загадочной жизнью и манил к себе невиданными переливами красок и гармоний звуков.

Гагели сделал несколько шагов вперед и оказался в саду, где под сенью деревьев возлежали на ложах опьяненные юноши, а меж них сновали черноокие красавицы, разносившие вино в золотых и серебряных кубках. Незаметно для себя Гагели опустился на мягкое ложе, охваченный приятной дремотой, и жизнь представилась ему в удивительно мягких и упоительных очертаниях. Тщетно старался он вспомнить об оставленном Мелхиседеке, пугать воображение грозными и коварными исмаэлитами, — овладевшая им истома притупила все неприятные чувства и заполнила сознание впечатлениями зыбкими, изменчивыми, постепенно доводившими его до сладкого изнеможения. Прелестные девы развлекали его тихим и нежным пением, угощали вином и призывали к райскому блаженству, если он отречется от всего, чем был связан в своей предыдущей земной жизни. Гагели из последних сил всячески старался противостоять их призывам, больше всего боясь потерять рассудок и в бессознательном состоянии совершить какой-нибудь непоправимый поступок. Неясно он что-то лепе-

тал, восхищаясь обольстительными гуриями, но в то же время память не изменяла ему, и связь между явлениями в его сознании не обрывалась. Он находился в приятном забытии, когда к нему подошел знакомый служитель, приведший его сюда, и подал кубок с заранее приготовленным напитком.

— Выпей! — прошептал он. — Близится исполнение твоего желания. Будь смел и решителен. Ты будешь иметь свидание с наместником Старца.

Гагели с жадностью выпил прохладительный напиток. Почти в то же мгновение райский сад исчез, гурич и юноши, как облако, растаяли в воздухе, звуки музыки смолкли, наступила полная тишина.

Сознание его затуманилось, он погрузился в глубокий сон.

Г Л А В А II

Гагели очнулся в полутемной комнате с низкими сводами, увешанной всякого рода оружием, мечами, кинжалами, дротиками, саблями и воинскими доспехами. Вначале Гагели показалось, что комната была пуста, он с удивлением осматривался кругом и постепенно в полумраке различил высокого, худого человека преклонных лет, в одежде знатного мусульманина. Старик стоял неподвижно и острым взглядом взирал на свою жертву, с нетерпением ожидая ее пробуждения. Гагели сразу опомнился от одного только сурового вида старика, живо поднялся, поняв, что перед ним стоял наместник Старца, и мысленно приготовился ко всему худшему, что его могло ожидать в плену у исмаэлитов. Теперь ему предстояло вести серьезное объяснение с одним из представителей этой секты, и от этого было в зависимости или их освобождение с Мелхиседеком, или вечное заточение.

Он успел заметить, что приор был одет изысканно, но просто. Темное полукафтанье было опоясано шелковым кушаком без всяких украшений. Но зато на чалме его ярко краснели два рубина в оправе из индийских алмазов, а рукоятка кинжала, висевшего сбоку, переливалась сине-зелеными изумрудами, с огромным яхонтом посредине.

— Объясни мне, что со мною было? Как я попал сюда, что меня ожидает? — смело спросил Гагели, знавший, что с исмаэлитами нечего было стесняться, так как и они не церемонились в обращении и в средствах борьбы со своими противниками.

Дан-эль-Кебир (так назывался приор — наместник Старца с горы) произнес напыщенно и важно:

— Твоя душа, освободившись от земной оболочки, вознеслась в рай и там созерцала блаженство, приготовленное правоверным. Теперь она вновь вернулась в свою телесную оболочку, и ты предстанешь пред земным судьей, которому и отдашь отчет в своих деяниях.

Хотя объяснение Дан-эль-Кебира несколько не удовлетворило Гагели, и он меньше всего был расположен сейчас внимать бредням о рае, тем не менее он предусмотрительно притворился наивным, восторженным простаком, который принимает слова приора за истину и счастлив, что удостоился наравне с федави наслаждаться райским блаженством. Он с восхищением отозвался о всех виденных им райских красотах, о прелестных чернооких гуриях, о своем желании вечно сохранить их в сердце и тотчас же с удовольствием заметил, что его похвала вызвала улыбку на неподвижном угрюмом лице Дан-эль-Кебира и создала более благоприятные условия для их беседы. Приор благожелательно посмотрел на своего гостя и предложил ему сесть, видимо, располагая беседовать с ним с той непринужденностью и простотой, какая обычно принята у последователей ислама.

— Говори мне правду, — благосклонно начал он, — как, если бы ты присутствовал перед лицом самого пророка. Ты родом из той звездной страны, которая имеет царицей светозарнейшую из звезд, сиянием своим опоясавшую мир, подобно Млечному пути, начиная с Востока и до конца земли. Что привело тебя в эти края, где ты не испытал ничего, кроме великих нужд и плена?

Это витиеватое восхваление царицы Тамары наместником Старца с горы не доставило особенной радости Гагели, так как он слышал, что исмаэлиты были страшней всего для тех, кого они хвалили. Он выказал удивление осведомленности Дан-эль-Кебира и с почтением произнес:

— Если тебе все известно, служитель пророка, кто я и откуда родом, то тебе также должно быть ведомо, что привело меня в Палестину и почему Мурзуфя решил передать меня вам вместе с моим верным слугой

Мелхиседеком. Объясни мне эту загадку, дабы я бесплодно не убивал время на ее разрешение!

Самодовольная усмешка на мгновение разгладила застывшие черты Дан-эль-Кебира, выражая удовольствие, испытанное им от замечания Гагели. Он посмотрел на него внимательней и, не торопясь, чтобы сильней поразить Гагели, наконец, ответил:

— Ты не ошибся, достойный ивериец! Нам известно, что ты прибыл с посланником царицы с тайным поручением к Саладину и что под Акрой он попал в плен к нему. Небезызвестно нам также, что вы привезли большое количество золота и драгоценностей для выкупа креста и что султан отказался выполнить просьбу вашей царицы. То, что я сказал тебе, ты и сам хорошо знаешь, но не знаешь, что за сим последовало. Твой господин направился в Акру и был обласкан милостью французского короля Филиппа. На полях Акры готовится турнир, в котором примут участие знаменитейшие воины всего мира, и ваш царевич будет сражаться одним из первых. Но никто не знает, что свершится в этот день. Откроется воля нашего великого начальника Сидна, или, как вы называете его, Старца с горы, и жребий смерти поразит виновного.

Хотя Гагели и слышал, что исмаэлиты имели опытейших лазутчиков, которые осведомляли их обо всем, что делалось на свете, но и он не представлял себе, как далеко были раскинуты их сети, как искусно они следили за каждым человеком, особенно, если он мог быть полезен их делу. Он был обрадован неожиданным известием о Сослане, его выступлении на турнире и в то же время был крайне напуган загадочным намеком Дан-эль-Кебира, что воля Старца откроется в день турнира и жребий смерти поразит виновного. К кому относилась эта страшная фраза и кто был намечен исмаэлитами в качестве жертвы — оставалось тайной для Гагели, но он боялся задать лишний вопрос Дан-эль-Кебиру, так как исмаэлиты не позволяли никому из непосвященных проникать в их тайны. Однако слова приора о том, что они привезли с собой много золота, требовали немедленного и самого решительного опроверже-

ния, и Гагели тут же приготовил ответ, чтобы лишить Дан-эль-Кебира всякой надежды поживиться их золотом.

— Хорошо, что султан отказался выполнить просьбу царицы, — притворно вздохнул он, — а то бы мой господин оказался перед ним обманщиком. Я вам хочу чистосердечно поведать о том, что постигло меня, когда я пустился на его поиски!

И Гагели рассказал про посольство короля Филиппа, про то, как его обокрали франки, обманным путем отобрав ларец с драгоценностями; вместо свидания с султаном и обещания заплатить выкуп за пленного царевича они предали его Мурзуфлу, а сами скрылись из Дамаска.

Гагели вел свой рассказ с полной искренностью, умолчав только о том, что большая часть золота была схоронена в стане крестоносцев и слуги остались оберегать сокровища вплоть до возвращения царевича. Он пристально следил за тем впечатлением, какое производили слова его, и был удивлен, что Дан-эль-Кебир весьма равнодушно отнесся к сообщению о краже драгоценностей и ничем не проявил своей заинтересованности к ускользнувшей из их рук богатой добыче. Видимо, он был озабочен совсем другим, и Гагели привлекал его внимание не как хранитель ценностей богатейшей царицы на Востоке, а по соображениям более глубоким, касавшимся самих основ их тайного учения. Приор не шевелился, предавшись размышлениям. Наступившее молчание было тем тягостней для Гагели, что он не мог проникнуть в тайные намерения Дан-эль-Кебира и, находясь во власти изощренных врагов, мог каждую минуту ждать от них жестокого приговора. В своей гордости, презирая требования человеческого ума и сердца, исмаэлиты не поддавались ни доводам рассудка, ни жалости и состраданию. Они с упорной последовательностью и свирепостью уничтожали всех тех, кто мешал распространению их господства или выступал открыто против их секты. Дан-эль-Кебир, сумрачный и непроницаемый, с большими черными глазами, горевшими огнем, которые не в состоянии были потушить даже его преклонные годы, заставлял одним своим ви-

дом печально и тревожно сжиматься сердце Гагели и не ожидать от судьбы впереди ничего отрадного. Как бы кончив пытку молчанием, приор вдруг выпрямился и с несвойственной ему живостью повернулся к Гагели.

— Ты спрашивал, почему греки предали тебя нам, и просил разгадать эту томящую тебя загадку. Принц Дукка, по прозвищу Мурзуфл, хорошо знаком с нашим учением и никогда не препятствовал нам проникать в греческие владения, а мы не утруждали его нашими набегами и кинжалами. Передав тебя нашему братству, он оказывал нам услугу, полагая, что вслед за тобой явится к Старцу и сам посланник царицы, который давно служит предметом нашего внимания. Мурзуфл не мог сам захватить его, не имея достаточно вооруженной силы. Он обращался к нам за помощью, но наш начальник распорядился принять тебя в качестве пленника, надеясь через тебя связаться с вашей гордой царицей. Когда же явится за тобой царевич, то мы условились передать его константинопольскому императору Исааку, если не получим от него того, что нам нужно.

Услышав это откровенное признание, Гагели мысленно благословил судьбу, разлучившую их с Сосланом. Теперь он желал только одного, чтобы весть о его пленении не дошла до царевича и он не ринулся бы по своей горячности к исмаэлитам, где мог найти для себя погибель.

— Никогда еще ни один повелитель не жертвовал своей жизнью ради раба и не пускался из-за него в отчаянное предприятие, — возразил Гагели, — ибо так положено от века, что слуга—для господина, а не господин—для слуги. И напрасно Мурзуфл думал, что посланник царицы отправится на мои поиски. Если ему не удалось получить крест у султана, то он не задержится в Акре и уедет в Иверию.

Говоря так, Гагели хотел лишить Дан-эль-Кебира надежды на прибытие Сослана, чтобы тем самым склонить его к мысли даровать свободу ему и Мелхиседеку. Но Дан-эль-Кебир усмехнулся, угадав его тайные мысли и удивляясь его недалекости и недогадливости.

— Известно ли тебе, — вдруг спросил он, — что на-

ше учение имеет своих последователей в вашей стране? Многие из ваших князей, хотя и именуют себя христианами, втайне поддерживают отношения с нами. Да будет тебе известно все это!

Горделивое указание Дан-эль-Кебира на то, что в Иверии существуют последователи их секты, только подтвердило давнишние подозрения Гагели, раскрывая перед ним многое непонятное в поведении иверских князей, гордившихся своей распущенностью и вольномыслием.

В то же время сообщение Дан-эль-Кебира бросало свет на занимавшую его мысль о таинственном посланце Иверии, который, наверно, уведомил исмаэлитов о поездке царевича в Палестину и обо всем, что приключилось с ними в дороге. «Это в своем роде лазутчик, — подумал Гагели, — и нет ничего удивительного в том, что приор все знает и поражает новичков своими сведениями обо всем, что делается на свете».

Однако Гагели было нестерпимо признаться, что Дан-эль-Кебир имел основания считать Иверию в числе тех стран, куда он мог простирать свои виды на господство.

— Мне мало известно об этом, — уклонился он от прямого ответа, — у нас одинаково интересуются как парсизмом, так и эллинизмом. Все учения, заносимые к нам с Востока или с Запада, имеют своих приверженцев и свободно распространяются.

— Тем хуже для вас и лучше для нас, — с мрачной иронией возразил Дан-эль-Кебир. — Там, где возникает много учений, там и много заблуждений. Я хотел бы просветить тебя, чтобы ты сделал дело, полезное не только для твоей жизни, но и для твоего отечества. Имей в виду, что даже пророки ставили земные цели выше небесных и имели последователей для того, чтобы утвердить свою власть на земле.

Гагели не промолвил ни слова, желая, чтобы приор высказал свои мысли до конца, и, подождав немного, Дан-эль-Кебир с важностью продолжал:

— Царица ваша была бы мудрейшей на земле, если бы приняла наше учение и опиралась на наших последователей. Тогда царство ее процветало бы и не было бы

обречено на смуту и кровопролитие. Я предлагаю тебе вступить в наш союз, чтобы, вернувшись на родину, ты предохранил от многих бед свою царицу и приобрел друзей там, где у нее до сей поры были одни враги и противники.

Предложение Дан-эль-Кебира вначале вызвало сильное возмущение у Гагели. Он хотел даже крикнуть надменному исмаэлиту, что напрасно он думает завлечь в свой нечестный союз подданного великой царицы и посеять вражду между ним и царевичем Сосланом, но вслед за вспышкой гнева наступило глубокое раздумье, и он долго не отвечал Дан-эль-Кебиру. Гагели понимал, что его согласие на предложение приора означало одновременно свободу и беспрепятственное возвращение в Иверию. Отказ, напротив, влек за собой заточение, а в случае явного противодействия — неминуемую смерть от рук федави. Он невольно задал себе вопрос: должны ли быть правдивым перед этими изуверами и вместе со своей правдивостью накликать новую беду на Сослана или, прибегнув к обману, спасти царевича и самому выбраться на волю? Пока Сослан находится в Палестине, он в любой момент мог подвергнуться нападению федави и, не будучи предупрежден Гагели, случайно сделаться их жертвой. Обдумав все это и предвидя, сколько несчастья может принести его откровенность и заносчивость перед Дан-эль-Кебиром, Гагели решил действовать с крайней осмотрительностью, не оскорбляя приора и не вызывая его мщениа. «Наши князья, — с иронией подумал он, — наверно, вошли в сношения с исмаэлитами с целью избавиться от царевича. Недаром многие из них кичатся вольнодумством, забывая, куда ведет их эта опасная дорога!»

Между тем Дан-эль-Кебир грозным и неотрывным взглядом смотрел на Гагели. Видимо, он уже принял определенное решение и хранил упорное молчание, тем самым наполняя душу Гагели разъедающим страхом и сомнением. Но он не смутился от его взгляда, так как больше всего заботился о Сослане, а не о себе и, продумав все последствия своего поступка, спокойно ответил:

— Не ищу своей пользы, но ищу пользу для нашей державной царицы. Если вы мне укажете путь, ведущий к истине, то я не имею оснований отказаться от лучшего, лишь бы это не заставило отречься от веры.

— Мы никогда не принуждаем отречься от веры отцов, одинаково принимаем в наш союз как правоверных, так иудеев и христиан. Ибо, когда придет Махди, наш пророк, тогда всем откроется истина. От тебя пока требуется немного: соблюдать молчание и выполнить наше поручение при дворе царицы. Если ты докажешь свою решимость и желание служить нашему делу, то будешь посвящен в высший разряд и удостоишься больших почестей. Но берегись обмануть нас! Где бы ты ни был, тебя везде найдет кинжал федави и казнит как изменника!

— Ваше дело — верить мне или не верить, отпустить меня или казнить,—не растерявшись от его угрозы, сказал Гагели. — Каждый из нас преследует свою выгоду, и не мне доказывать вам, что иметь эмиссара при дворе иверской царицы — такое выгодное приобретение для вас, что для этого можно выпустить из неволи совершенно безвинного человека. Сидя в башне со своим слугой, я не принесу вам никакой пользы. Выйдя на свободу, я могу служить посредником между вами и вашими последователями в Иверии и отвести от царицы многие неприятности.

Смелость и убежденность Гагели возымели быстрое и сильное действие на приора. Привыкший к рискованным и опасным решениям Дан-эль-Кебир немедленно оценил все практическое значение вовлечения в свой союз такого члена, как Гагели. Он ничем не рисковал, выпуская пленника на свободу, так как в представлении исмаэлитов вообще никакой свободы в мире не существовало, они везде достигали свои жертвы и убивали их. Напротив, выпустив Гагели, приор мог рассчитывать получить в его лице тайного сторонника, который стал бы содействовать усилению их влияния в Иверии.

Поэтому он, не замедлив, ответил:

— Дарую тебе свободу с твоим слугой. Но прежде

чем ты выйдешь от нас, я покажу тебе наш замок и немного ознакомлю с нашим учением.

Он вывел его из темного помещения на высокую террасу, откуда открывался прекрасный вид на далекие Ливанские горы. Замок теперь представлялся Гагели совсем в ином освещении, чем когда они подъезжали к нему с Мелхиседеком. Он обратил внимание на непомерную роскошь отделки, на мрамор и камни, украшавшие стены, на монументальную крепость строения; он много дивился тому, как прочно и недоступно было жилище начальника исмаэлитов, владевшего всеми возвышенными местами Сирии и Персии и носившего гордое название — Владыка гор.

Вдруг Гагели заметил внизу цветущую долину, защищенную со всех сторон высокими горами и такими отвесными утесами, что с них нельзя было спуститься в долину, и все приступы к ней были охраняемы высокими крепостными башнями. Дан-эль-Кебир остановился, сделал знак рукой, и Гагели увидел, как из башен выбросились двое часовых в пропасть и разбились насмерть. На лице Гагели отобразился ужас, а приор равнодушно сказал:

— Ваша царица не имеет подобных послушных слуг, какие по одному ее знаку лишали бы себя жизни. Мы же имеем семьдесят тысяч подобных исполнителей нашей воли, какие с жадностью ищут всякой возможности пожертвовать своей земной жизнью, чтобы удостоиться небесного блаженства.

Гагели хотел сказать, что царица по своему чело-веколюбию и милосердию никогда не потребует подобного самопожертвования от своих слуг, но тут же решил про себя, что ему нечего вразумлять и учить этих изуверов, а надо скорее вырваться из плена.

Между тем Дан-эль-Кебир, не ограничиваясь этим, вызвал двух федави; по его знаку они поразили себя кинжалами в сердце и за смертью упали к ногам испуганного Гагели.

Затем приор учтиво распростился с ним, выразив надежду, что их беседа не изгладится из его памяти и он не забудет про свое посещение исмаэлитов. В этой уг-

рюмой иронии, однако, сквозило определенное напоминание о заключении между ними тайного условия, которое должен был выполнить Гагели при своем возвращении на родину.

Дан-эль-Кебир исчез, отдав распоряжение перевести гостей в другое помещение. Гагели оказался в изысканных покоях, убранных богатыми коврами, дорогими тканями.

Еще не оправившись от всех впечатлений, Гагели испытал сильную радость, увидев Мелхиседека, и заключил его в свои объятия. Они долго не верили, что им суждено было не только вновь свидеться друг с другом, но и обсуждать вместе счастливую весть о своем освобождении. Они провели ночь в тревожной, но приятной беседе, говоря чуть слышно по-иверийски, боясь быть подслушанными тем, кто мог бы донести об их разговоре Дан-эль-Кебиру.

— Если вы сейчас направитесь в Акру, то они убьют вас и царевича, — шептал Мелхиседек, когда узнал от Гагели, на каких условиях исмаэлиты обещали ему даровать свободу, — надо скрыться от злодеев, чтобы они не могли найти следов наших и полагали, что вы отправились на родину. Нам следует разойтись: я поеду к царевичу в Акру и расскажу ему обо всем. Вам же надо найти такое место, где бы вы могли спокойно дожидаться нашего приезда с царевичем.

Согласившись разъехаться в разные стороны, они в дальнейшей беседе долго искали подходящий монастырь, где лучше всего было бы укрыться от преследований исмаэлитов, но от усталости и изнеможения скоро заснули, так и не найдя укромного и тихого убежища для Гагели.

Последующие дни внесли большое разнообразие и интерес в их пребывание в замке исмаэлитов. К Гагели был приставлен проповедник, в совершенстве изучивший психологию людей, умевший одних склонять к полному самоотречению и самопожертвованию, а в других — разжигать страсть честолюбия и корыстолюбия и обещаниями почестей заманивать в число последователей союза.

Внимательно слушая своего наставника, следя за их методом воздействия на человека, Гагели вскоре выяснил, что исмаэлиты не придерживались определенного вероучения. Смотря по обстоятельствам, они были то мусульманами, то огнепоклонниками, то свободомыслящими, то проповедниками аскетизма, то отрицателями всякого знания, помимо их тайного обучения.

Отклонившись от мусульманства, предавая проклятию как шиитов, так и суннитов, отвергая коран, они проповедовали, что должен прийти настоящий пророк Махди, который возвестит истину. Они ловко играли именем этого несуществующего пророка, которого они представляли иудеям как Мессию, а христианам как ожидаемого Спасителя, который будет судить человечество. Между тем, в тайном учении исмаэлиты разрушали всякую веру и воспитывали глубоких скептиков, которые в своей гордости презирали нравственность, считая религиозные предписания ничем иным, как аллегориями, выполнение которых не имело ни малейшего значения. Но учение о неверии и полном отрицании нравственных основ жизни было открыто только высшему разряду посвященных, а младшие члены братства призывались к полному самоотречению и слепому повиновению своим руководителям.

Проповедник, не жалея слов, восхвалял силу и мощь их братства, глубокую государственную мудрость Старца с горы, который, сидя в замке, наблюдал за всеми странами и повсюду приобретал множество последователей. Он с гордостью оповестил Гагели, что Моссульский султан был убит федави при выезде из мечети, что один из могущественных калифов, объявивший себя противником Старца, был убит на аудиенции у султана в Багдаде. Видимо, он рассчитывал своими сообщениями внушить страх Гагели и заранее отворотить его даже мысленно от измены.

Однажды ночью к ним кто-то постучался. Мелхиседек с испугом открыл дверь и увидел того самого служителя, который сопровождал Гагели к Дан-эль-Кебиру.

— Что ты хочешь от нас? — спросил Мелхиседек, — но служитель бросился к ногам Гагели.

— Завтра утром вас выпустят на свободу, — тихо пролепетал он, — и вы покинете навсегда это ужасное обиталище! Выслушайте меня, если не желаете моей гибели!

Гагели велел ему сесть и, приняв все меры предосторожности, вступил с ним в беседу.

— Мне было велено следить за вами, и я уверил начальника в вашей полной готовности служить союзу, — начал он по-иверийски, дрожа от волнения и боязни за свое рискованное признание. — Умоляю вас, не выдавайте меня приору! От вас зависит моя жизнь или смерть!

Он передохнул и, несколько успокоившись, тихо продолжал:

— Бойтесь навлекать на себя подозрение! Не оставайтесь в Палестине, где всюду рыщут их последователи и никому не дают покоя.

И он рассказал, как исмаэлиты похищали неопытных людей, обольщали их всякими посулами и соблазнами, затем спаивали наркотическим напитком, известным под названием гашиш. В одурманенном состоянии их переносили в роскошный сад, устроенный в долине, где они предавались самым разнообразным и утонченным наслаждениям, какие только можно представить себе, будучи на земле. Очнувшись от опьянения, одурманенные юноши полагали, что они побывали в раю, и с радостью бросались выполнять самые опасные, грозившие смертью поручения, воодушевленные обманчивой надеждой на вечное блаженство.

— То же самое они хотели сделать с вами, — закончил он свое повествование. — Мне было поручено опить вас гашишем, но я вам дал четверть того, что полагалось, и вы сохранили присутствие духа, ясный рассудок для беседы с приором. Хитрость моя осталась необнаруженной. Теперь моя жизнь в ваших руках, от вас я жду своего спасения!

— Скажи нам, кто ты и чем мы можем помочь тебе? — спросил Гагели, проникаясь невольным сочувствием к несчастному соотечественнику.

— Я не могу открыть вам своего имени, так как свя-

зан смертной клятвой, которую не могу нарушить, пока нахожусь в их обиталище. Если вы желаете мне добра, то не пытайтесь узнать, кто я такой. Бог помог мне сохранить неповрежденным мой разум и послал мне избавителей в вашем лице, если вы не откажетесь исполнить мою просьбу.

— Говори, в чем ты нуждаешься, и мы исполним твою просьбу, если исполнение ее окажется в силах человеческих, — ответил Гагели и с любопытством, смешанным с удивлением, всматривался в измученное лицо служителя ярко блестящими темными глазами, выражавшими крайнюю степень решимости и отчаяния.

Он наклонился к Гагели и сказал совсем тихо, так что Мелхиседек, сидевший рядом, еле расслышал его слова:

— На Черной горе, близ Антиохии, есть иверский монастырь во имя Богородицы. Там скрывается князь Липарит Орбелиани, который бежал из Иверии от царского гнева. Найдите его и поведайте ему обо всем, что видели и слышали от меня. От него вы узнаете, кто я такой, почему меня постигла эта ужасная участь. Он один может спасти меня и вырвать из сего страшного плена! Исполните мою просьбу и примите от меня вечную благодарность!

Он низко поклонился им и мгновенно исчез, видимо, боясь затягивать опасное свидание, которое могло грозить всем самыми печальными и неотвратимыми последствиями.

— Кто мог предвидеть, что здесь, в недрах этой страшной секты, мы найдем следы Липарита Орбелиани? — воскликнул Гагели, едва придя в себя от неожиданного сообщения, сделанного иверийцем. — Клянусь святым Георгием, само провидение сжалилось над нами и ведет нас к раскрытию истины, долгие годы скрытой от всех во мраке лжи и неведения!

— Бог, как видно, указывает Вам путь и место, где Вы можете спокойно ждать нашего возвращения с царевичем, — поучительно прибавил Мелхиседек, сильно обрадованный и удивленный благополучным разрешением вопроса, над которым они долго и мучительно ду-

мали. — Неоднократно я бывал в монастыре с дарами и золотом от нашей милостивой царицы. Хорошо знаю место и тамошних людей, и они Вас укроют на случай беды.

Они провели остаток ночи без сна, с волнением ожидая рассвета, который должен был принести им желанную свободу и надежду на скорое свидание с Сосланом. Гагели весь был охвачен страстным нетерпением скорей ехать в Антиохию, чтобы найти Орбелиани и от него что-либо узнать о судьбе погибшего царевича Демны. Мелхиседек же не мог оторваться мыслью от дьявольской секты, которая хитростью и соблазнами завлекала и губила людей, превращая их в убийц и насильников.

Было еще совсем темно, когда к ним тайно проник ивериец и сообщил:

— Сегодня ночью к приору прибыл гонец от Мурзуфла. Насколько я выяснил, это наш соотечественник. Нельзя ждать от него ничего доброго. Бог да сохранит вас! — он, как всегда, неслышно исчез, повергнув Гагели с Мелхиседеком в невыразимое беспокойство.

На утренней заре они покинули неприступный замок, снабженные отличными конями, вооружением и подарками, в сопровождении двух федави, которые должны были проводить их до Триполи, откуда легче всего можно было уехать из Палестины. В Триполи, освободившись, наконец, от молчаливых, но неотступных наблюдателей, Гагели сел на первый же отходящий корабль и отплыл в Антиохию, а Мелхиседек в тот же вечер на одном из франкских судов направился в Акру, где надеялся найти царевича со слугами.

ГЛАВА III

С того времени, как Юрий побывал в Исани, с ним произошла необыкновенная перемена. Пылкий, порывистый по натуре, открытый и общительный, теперь он сделался замкнутым, до крайности сдержанным, холодным и требовательным к людям. Если раньше им владела неограниченная стихия чувств, толкавшая на необдуманные и рискованные по своим последствиям поступки, то теперь, напротив, вся душевная жизнь его была подчинена рассудку, каждое действие вытекало из строгого расчета и клонилось к одной определенной цели: так управлять государством, чтобы прочно обосноваться в Иверии при всех неудачах своей бурной жизни, сделаться необходимым для царицы и вынудить ее рано или поздно царствовать с ним совместно. Теперь Юрий, сохраняя ясность ума и трезвость чувств, с сожалением оглядывался на прошлое, каялся в совершенных ошибках и тревожно заглядывал в будущее. Юрий прекрасно понимал, что, будучи чужеземцем, возведенным на царство, благодаря интригам царедворцев, он может легко подвергнуться изгнанию и вынужден будет вновь искать себе пристанища в чужих странах. Мысль о том, что он вернется к состоянию, в котором был до прихода в Иверию, приводила его в полное отчаяние.

Юрий никак не хотел покидать Иверию, которая стала для него второй родиной. Здесь его удерживала не только безумная любовь к царице, но и общий строй жизни в Иверии, рыцарские нравы, расцвет науки и искусства. Особенно привлекали его широта умственного кругозора, возвышенные понятия о любви, о доблести и

геройстве — все это имело необычайную ценность для Юрия, и он ни за что не хотел бы с этим расстаться. Он более всего желал сейчас вершить дела, полезные для государства, и быть рядом с царицей, хотя бы и с отвергнутой любовью. Придя к такому решению, Юрий резко изменил весь образ жизни, уже не обольщаясь никакими надеждами на улучшение своего положения.

Он поселился со своими дружинниками в небольшом крепостном здании на горе, напротив Метехского замка, преднамеренно отказавшись от всякой роскоши, и жил в простой и бедной обстановке, подобно той, какая была у него, когда он находился у кипчаков. Здесь он обрел спокойствие, проводя время в труде по устройству государства, чиня суд и расправу над обидчиками. Памятуя слово своего прадеда Мономаха, что вернейшее средство утвердить порядок и тишину в стране—это быть грозным для внешних и внутренних врагов. Юрий последовал этому правилу. Прежде всего, к удовольствию царицы, он отстранил Микеля от государственных дел и отменил все его распоряжения. Затем он прогнал из столицы всех сторонников Абуласана, особенно тех владетельных князей и именитых вельмож, которые по богатству и древности рода соперничали с царями и боролись против Давида Сослана. Не колеблясь, он разослал их по окраинам, лишив многих преимуществ и привилегий, коими они привыкли пользоваться при царице, и, главное, не разрешил им держать ополчение.

Вместе с остальными князьями он отправил в изгнание Варданидзе и Джакели, когда-то приезжавших приглашать его на царство, и на некоторое время очистил столицу от смутьянов. Его крутая расправа с князьями произвела раскол в иверском обществе. В столице началось сильное волнение. Царь жил и правил самостоятельно, ни с кем не считаясь, издавал приказы, неуклонно следил за их выполнением и жестоко наказывал тех, кто не подчинялся его распоряжениям. Суровая жизнь Юрия, подходящая больше для затворника, чем для царя обширного и богатого царства, вызвала большие

нарекания среди придворных, привыкших к пышной и привольной жизни.

Изысканное иверское общество больше всего было раздражено отказом царя от пиршеств и развлечений, пренебрежением к придворному этикету и особенно теми странностями в его образе жизни, которые противоречили их понятиям о чести и достоинстве государя. Нелюдимость Юрия, его отдаленность от придворного круга, мрачная внешность породили в обществе смутное недовольство, подхваченное его врагами и искусно обращенное ими в оружие против царя. Постепенно повсюду расползались темные слухи о тайном распутстве царя, затем эти слухи выросли в зловещую клевету, которой суждено было сыграть роковую роль в жизни Юрия. Втихомолку из всех областей неслышно, неприметно появились изгнанные князья и, пылая мстью, неустанно плели паутину злых измышлений вокруг царя, бесчестили его имя, сея соблазн в народе и создавая беспорядок в государстве.

Осторожный Чиабер зорко следил за всем происходившим в столице, тайно совещался с недовольными и обиженными людьми, тщательно собирал все слухи о поведении Юрия и постепенно пришел к убеждению, что так дальше продолжаться не может: царь, предоставленный самому себе, по мнению Чиабера, мог совершить целый ряд непоправимых ошибок и сильно навредить царице. Но без ее согласия нельзя было освободить страну от непокорного царя, поэтому он осведомил обо всем Русудан и испросил себе свидание у царицы.

Чиабер действовал весьма осмотрительно и дальновидно. Вначале он остановил внимание Тамары на государственных делах, затем, по заведенному правилу, доложил о состоянии войск, положении на границах. Сообщения его были все приятные и радостные, из которых ясно вытекало, что Иверия окрепла и усилилась.

— Ты порадовал меня добрыми вестями, — сказала Тамара, выслушав его доклад. — Вижу, что ты приложил много сил к водворению порядка и мира в государстве.

Наступило продолжительное молчание. Пасмурный вид Чиабера, однако, совсем не соответствовал его приятному донесению и обнаруживал, что он отнюдь не радовался достигнутым успехам в управлении страной. Было видно, что у него на сердце лежала какая-то тяжелая забота, он хотел поведать о ней царице, но не решался.

— Говори, что тебя удручает? — спросила Тамара, заметив резкую перемену в настроении Чиабера. — Говори правду! Что-нибудь случилось в столице?

Милостивые слова царицы расположили его к откровенности, и он решил сказать ей прямо о том, что его тяготило.

— Разрешите просить Ваше величество прекратить соблазн в стране и принять меры против недостойного поведения царя, — вдруг произнес Чиабер.

Тамара с удивлением посмотрела на Чиабера, как бы не понимая, чем вызвано было его резкое замечание.

— До сей поры его деяния шли нам на пользу, — тихо, но твердо ответила царица. — Наши враги удалены из столицы, приверженцы Абуласана не имеют прежней силы, противники царевича Сослана приведены к послушанию. Испытав все превратности судьбы, они с нетерпением ждут его возвращения. Скажи мне, чем ты недоволен и что изменилось для вас в худшую сторону?

— Душой царя овладел сатана, — уклончиво ответил Чиабер. — К великому прискорбию, он творит беззаконие, о коем непристойно говорить Вашему величеству.

Тамара долгим, испытующим взглядом посмотрела на Чиабера, стараясь понять, какой истинный смысл скрывался за его туманными словами. Были ли они отражением его собственных мыслей и наблюдений или он являлся проводником чьих-то посторонних влияний и преследовал в отношении царя недобрые цели, о коих не желал преждевременно осведомлять царицу.

— Скажи мне, известно ли патриарху о том, что ты поведал мне? — строго спросила царица, не доверяя

Чиаберу. — Был ли он у царя и принял ли меры для его исправления?

— Наш святой отец, ратовавший за избрание русского князя царем Иверии, по гордости никогда не сознается в своей ошибке. Он предпочтет карать тех, кого нужно миловать, и миловать того, кто нуждается в наказании, — произнес Чиабера, и в его голосе звучала не только укоризна и осуждение патриарха, но нечто большее, что заставило царицу еще внимательнее отнестись к словам своего министра. Она прекратила беседу как бы для того, чтобы иметь время подумать о всем слышанном, и отпустила Чиабера, не выразив ему ни сочувствия, ни порицания, ошеломленная его сообщением. Однако ей не пришлось долго оставаться в одиночестве, так как явилась чем-то взволнованная и сильно возбужденная Русудан. Она припала к груди Тамары и залилась горькими слезами.

— О, горе мне! — жалобно причитала она. — Солнце повелителей, утренний блеск царей, именитейшая государыня! Как посмел он оскорбить твою честь, бросить темное пятно на твоё светлое царствование! Никогда не было слышно в нашем отечестве ничего подобного! Никогда еще не было такого позора в нашей стране, никогда так не попиралось уважение к царскому званию, как сейчас.

Так жаловалась и плакала Русудан, не находя даже подходящих слов, чтобы выставить Юрия в самом мрачном свете перед царицей. Но Тамара, помня, как еще недавно Русудан с горячностью отстаивала Юрия и ратовала за их примирение, без особого внимания отнеслась к жалобным восклицаниям тетки и решительно прервала ее.

— Я хочу знать правду и не страшусь ничего. Что случилось, что повергло всех вас в ужас и вызвало столь сильное возмущение против русского князя?

— Он, нечестивец, пошел по стопам развратных жителей Содомы, совершая неслыханное беззаконие. Не подобает тебе, обладательнице могущественного государства, быть в супружестве с человеком, на ком исполнилось древнее изречение: «Излечивали Вавилон, но не

излечился». Изгони сего нечестивца из своего царства, расторгни узы, коих ни один человек вынести не может! Прости над ним карающую длань и смети его с лица земли!

Никогда Русудан не клеймила Юрия подобными жестокими словами и с такой решительностью не требовала его изгнания, как сейчас. Зная хорошо характер тетки, ее рассудительность, Тамара поняла, что Русудан была возбуждена и озабочена не столь пороками Юрия, сколько иными, более важными соображениями, побудившими ее требовать немедленного изгнания Юрия из Иверии.

— Поведай мне, что ты знаешь? — беспокойно спросила Тамара. — Как бы горько ни было твое сообщение, мне легче перенести его, чем пребывать в неизвестности.

— О, свет очей моих! Не мучай больше свое сердце, — с живостью отозвалась Русудан, решив, наконец, передать царице принесенную новость. — Сегодня утром прибыл настоятель одного из сирийских монастырей и передал мне вести славные и ужасные. Будучи в Дамаске, он слышал, что в плену у Саладина находился иверийский посланник, прославившийся среди мусульман своими подвигами. Как узнал настоятель, султан, желая сохранить мир с Иверией, даровал твоему посланнику свободу и выпустил его из неволи. К сожалению, настоятель не мог найти его в Дамаске, но слышал, что он уехал в Акру, надо полагать, для завершения своего дела. Осталось немного нам потерпеть, когда наш лев вернется на родину и избавит тебя от нечестивца, покрывшего бесчестьем твое имя!

Тамара, выслушав Русудан, торопливо поднялась с места и некоторое время оставалась безмолвной. Известия, принесенные Русудан, мгновенно изменили ровный и спокойный строй ее мыслей. Они поколебали привычную терпеливую покорность, разбили оковы тех притеснительных ограничений, какие она ввела в круг своей жизни, вынужденная сносить подневольный брак с Юрием и вероломство своих подданных. Весть о скором возвращении Давида на родину осветила надеждой ее лицо, глаза загорелись жизнью и радостью, на губах появи-

лась улыбка, хотя тотчас же погасла, спугнутая мыслью о больших испытаниях, которые ожидали ее в предстоящей борьбе с Юрием.

Она ласково обняла Русудан, и две женщины после продолжительной размолвки, взаимного отчуждения и недоверия, наконец, примирились. Они сели на тахту и повели беседу тихую и задушевную, то предаваясь печальным воспоминаниям о прошлом, то делясь своими чувствами и надеждами, то тревожно обсуждая, как предохранить Давида от козней врагов и до его возвращения расторгнуть брак с Юрием.

Когда в беседе они дошли до Юрия, Тамара внимательно посмотрела на тетку, как бы стараясь угадать правду.

— Скажи мне, откуда пошли эти лживые измышления про царя?

Но Русудан менее всего хотела сейчас раскрывать перед Тамарой свои намерения.

— Никто никогда не знает, где кончается ложь и где начинается правда, — уклончиво ответила она. — Не будем искать ни лжи, ни правды в этом деле. Надо благодарить судьбу за то, что она помогает тебе пресечь узы, которые для всех твоих подданных стали ненавистными.

Из этого ответа Тамара заключила, что Русудан не имела желаний проверять правильность слухов, распространяемых про Юрия, а, напротив, хотела воспользоваться ими как благовидным предлогом для развода. На этом они расстались, не продолжая щекотливого разговора. С уходом Русудан настроение Тамары резко изменилось. Она не могла с такой безразличной жесткостью отнестись к Юрию, как это делали окружающие; втайне она понимала его душевное состояние и не только не судила, но высоко ценила его стремление быть дальше от придворной жизни, и тем более росло в ней чувство жалости к нему, желание загладить вину перед ним и сохранить его своим другом. И теперь, когда ей предстояло расторгнуть их брак и расстаться с Юрием, она, к удивлению своему, не испытывала удовольствия от этой мысли. Перед ней неотступно стоял образ Юрия,

а в памяти оставались слова, сказанные им Астар в последний вечер в Исани: «Передай царице: нет моей вины ни перед богом, ни перед нею, а ее вина велика предо мною».

Она не могла забыть также их последнего свидания перед походом на Карс, когда он мог прибегнуть к своему супружескому праву, освященному церковью, но предпочел лучше страдать, чем выйти из послушания ее воли. Все эти воспоминания отравляли ей радость предстоящего свидания с Сосланом и так глубоко вонзались в сердце, что ей казалось, что они будут преследовать ее всю жизнь, никогда не дадут ей покоя. Кроме того, Тамара не могла не оценить огромной пользы, принесенной Юрием государству. Иверия с его помощью была утверждена в своих границах, имела крепкую единую власть и могла теперь спокойно развиваться и процветать под ее управлением. Она не могла не быть благодарной Юрию за все его старания оградить ее от врагов и освободить от их влияния. Она готова была всемерно поддерживать его, лишь бы он добровольно покинул Иверию. Ее размышления были прерваны приходом Астар, которая одна проникала в сердце Тамары и знала много того, чего не знали окружающие. Лицо верной рабыни выражало крайнюю степень тревоги и огорчения.

— Какие вести ты принесла мне? — спросила Тамара, обрадовавшись ее приходу. — У меня есть к тебе поручение.

— О, милостивейшая царица! Невозможно передать, что делается в столице! Наши князья угнали царевича в Палестину. Теперь они, как змеи, вылезли из своих щелей и шипят против царя, желая ужалить его. Чего только они не выдумывают про него, в каком только грехе не укоряют!

— Подожди, — остановила ее стенания Тамара, — мне надо узнать, кто распространяет клевету про царя, проверить, есть ли какая вина за ним, правильно ли его обвиняют в распутстве! Найди верных людей, которые могли бы следить за домом царя и собрать все необходимые сведения.

— О, повелительница! С той поры, как царь побывал здесь без твоего разрешения, он живет, как затворник. Никто не имеет к нему доступа, кроме служилых людей, вдов и сирот.

— Правильно ли ты говоришь? — усомнилась царица, зная, что Астар была теперь самым преданным другом Юрия и всячески защищала его перед своей повелительницей. — Скажи мне всю правду! Есть ли у него наложницы?

Астар заплакала и долго не отвечала. Видимо, она сильно огорчилась вопросом царицы и не могла на него найти ответа.

— О, милостивая царица! Что на свете горше и неутешней его жизни? Бог простил бы царя, если бы он нашел исцеление от любви и хотя бы в мыслях изменил владычице своего сердца. Вокруг него нет ни одного человека, с кем бы он мог разделить свое горе. Гузан, по Вашему распоряжению, покинул столицу, находится в Кларджети, и царь не воспротивился его отъезду. Кроме дружинника Романа, при нем никого нет.

Ответ Астар вполне удовлетворил царицу. Она поняла, что верная рабыня без ее приказа вела неослабное наблюдение за Юрием и знала все, что делалось в его доме.

— Сжался над ним, — в слезах просила Астар, — чтобы он не проклинал нас ни в этой жизни, ни в будущей! Допусти его свидеться с тобою!

— Не знаешь, о чем просишь, — грустно ответила Тамара. — Иди, пошли гонца к патриарху. Я прошу его пожаловать ко мне для беседы.

Астар ушла. Оставшись одна, Тамара твердо решила положить конец мучительной неопределенности в положении Юрия, той нестерпимой фальши, которая создалась в их отношениях. Она думала, что это поможет ему побороть любовь к ней и даст возможность каждому из них свободно располагать своей жизнью. Теперь, в ожидании приезда Сослана, ей предстояло решить две трудные задачи: склонить Юрия к разводу и получить согласие патриарха. Микель был оставлен почти всеми своими приспешниками, большей частью высланными из

столицы, как она знала, и глубоко сожалел о всем происшедшем. Каждый раз, встречаясь с Абуласаном, он упрекал его за безрассудность, которая была проявлена ими в избрании Юрия на царство, и за несправедливое отношение к царевичу Сослану. Он охотно отправился к царице, надеясь успокоиться в беседе с нею и найти поддержку против своевольного царя, с коим он оказался бессильным справиться.

Тамара встретила его учтиво, но холодно, показывая своим видом, что вызвала его по важному и очень неприятному делу, что ему придется проявить известную уступчивость и сговорчивость и не противиться ее воле.

— Святой отец! Я пригласила Вас к себе, — начала Тамара сухо и официально, — дабы совместно с Вами обсудить и решить дело, которое одинаково важно как для Вас, руководителя нашей церкви, так и для меня, царицы Иверии. Вы помните, святой отец, что корона дана нам для совершения благих дел, прославляющих наше отечество, а отнюдь не для прикрытия пороков, развращающих народ и порождающих в стране насилие и беспорядок. Скажите мне, чьи беззакония надо карать — того ли, кого Вы сами избрали и возвели на царство, или тех клеветников, которые безнаказанно позорят честь царя, одинаково оскорбляя и нашу честь, унижая и наше достоинство?

Тамара замолчала, ожидая ответа, но Микель тоже молчал, находясь в крайне затруднительном положении. Он понял, что от его ответа сейчас зависит дальнейшая судьба Юрия, и понимал также, что царица спрашивала его вовсе не из праздного любопытства, а для принятия определенного решения, которое имело важное значение не только для личной судьбы царицы, но и для всего государства. Микель пожалел, что перед своим приходом, прекрасно осведомленный о настроении царицы, предугадывая ее намерения, мог бы заранее предвидеть все последствия того или иного ответа. Но Микель всегда действовал резко, прямолинейно и никогда не взвешивал ни своих слов, ни поступков. Микель был невероятно раздражен крутыми мерами Юрия, разогнавшего из столицы всех его друзей и сторонников, но в то же

время он не хотел свергать его с престола, полагая, что если бы царица по закону жила с ним, то могла бы сделать царя послушным и сговорчивым и взять всю власть в свои руки.

— Бог будет судить царя, — изрек патриарх лаконично и уклончиво, — тебе же, как дочери церкви, подобает терпеть и вразумлять его кротостью и любовью.

В другое время Тамара не вступила бы в спор с патриархом, но в такой решительный момент она менее всего была расположена внимать призывам к кротости и терпению.

— Святой отец, в свое время Вы отказались вразумлять кротостью и любовью царевича Сослана и хотели предать его церковному проклятию. Почему же теперь, когда вся страна потрясается соблазнами, Вы молчите и не грозите клеветникам церковным проклятием? Где Ваш духовный меч? Почему он не карает преступников?

Тамара ожидала, что ее слова вызовут гневный отпор патриарха, но он молчал, так как сам двоился в мыслях и не знал, что ему делать. Он никак не мог решить: то ли ему поддерживать царя и восстать против его клеветников, то ли ополчиться против Юрия и, не доискиваясь истины в этом деле, воспользоваться общим возмущением, расторгнуть его брак с царицей. Упоминание о царевиче Сослане подействовало на него угнетающе, и он ответил с угрюмой покорностью:

— У каждого из нас есть своя вина перед богом. Если царевич привезет древо креста, все его прегрешения простятся. Мы встретим его с подобающими почестями, ибо он возвеличит наше отечество и прославит его в веках. — Он укоризненно взглянул на царицу. — Немалая доля вины за поведение царя на твоей совести, ибо ты преступила законы церкви, отказавшись разделить с ним брачное ложе.

— Да не вменит мне бог этого греха! — быстро ответила царица. — Прошу Вас, святой отец, развязать узы, которые и мне, и ему стали в тягость, и положить конец соблазнам и нареканиям в столице.

— Я должен расследовать это дело, — не согласился Микель, — богу известно, насколько виновен царь, так

ли велико его растление, как кругом говорят. Но помни, если царь принесет покаяние, тебе надлежит выполнить свой долг перед ним и даровать ему прощение.

— Царь не имеет нужды в нашем прощении, так как Вы сами сказали, что его будет судить бог. Но если Вы отказываетесь расторгнуть наш брак, — решительно заявила Тамара, — то я обращусь за помощью к греческому патриарху и у него попрошу развода.

Обращение царицы к греческому патриарху в таком щекотливом деле не могло доставить удовольствия Микелю. Вмешательство греков в церковные дела Иверии привело бы к умалению его престижа как патриарха и разнесло бы повсюду весть о его разногласиях с царицей. А эти разногласия при наличии общего недовольства и потере сторонников грозили окончательно лишить его влияния и навсегда отстранить от государственных дел. Он крепко задумался, видя необходимость уступить царице, затем встал и поднял руку.

— В писании сказано, — прежним властным тоном произнес он: — «Кого бог сочетал, того человек да не разлучает». Но там, где не было сочетания, там возможно и разлучение. Бесчадие грозит отечеству нашему неисчислимыми бедами и потрясениями. Да сохрани тебя бог от этого наказания! Властью, данной мне свыше, ты получишь свободу, и брак твой будет расторгнут!

Он благословил царицу и тотчас же удалился. Микель торопился скорей повидаться с Абуласаном, оповестить его о всем случившемся и совместно обсудить с ним такие важные дела: куда удалить Юрия, как встретить царевича Сослана и кого наметить в будущие цари Иверии?

Между тем Юрий совсем не подозревал, что при дворе назревают важные события и что судьба его уже решена царицей. Он был крайне удивлен, когда к нему явился Захария Мхаргдзели, которого он уже давно не видел, с опечаленным и расстроенным лицом.

— Что ты принес мне, Захария?—тревожно спросил Юрий, взирая на него с тоской, так как давно перестал ждать хорошего, — какую добрую весть я услышу от тебя?

— Хотел бы я обрадовать Вас, царь, добрыми вестями, — вздохнул Захария, — но хорошие вести идут мимо Вас, а плохие, как тень, следуют за Вами. Видно, кому что суждено от рождения, то и идет за ним до самой смерти.

— Привык я ко всему плохому, и душа моя как бы окаменела от несчастья. Скажи мне, видел ли ты царицу? Что она тебе поведала?

— По повелению царицы я и явился к Вам. Душа ее объята скорбью. Превыше всего она ставит тишину и мир в стране, а теперь нет ни одного дома, где было бы спокойствие. Как в улье не может быть двух маток, так и в государстве не могут править два царя, раздельно друг от друга.

— Не моя вина в этом, — быстро ответил Юрий.

Приход Захария вообще не предвещал ему ничего доброго, а его слова заключали в себе ясный намек на то, что царица больше не хотела терпеть двоевластия в стране и послала к нему своего главнокомандующего, чтобы приготовить его к новому серьезному испытанию. А это испытание, по мнению Юрия, могло относиться только к его пребыванию в Иверии, к отношениям, установившимся между ним и царицей. Сердце у него замерло, почти перестало биться, и он тяжело вздохнул.

— Говори правду, Захария! С чем ты пришел ко мне? — быстро сказал он.

— Я пришел за Вами, царь. Вам надо явиться к царице, — коротко ответил Захария и опустил голову, чтобы не видеть лица Юрия.

Юрий сильно побледнел, услышав это неожиданное приглашение, встал, покачнувшись, потом справился с собой и с таким чувством, как будто его вели на казнь, направился к двери.

— Идем, Захария, мы вместе с тобой смотрели смерти в глаза и не уstraшились. Убьемся ли теперь своей судьбы?!

— Не печальтесь, царь! Идите смело! Ваш верный слуга будет с Вами, — утешил его Захария. — Уповайте на милость царицы!

Они вышли из помещения, сели на коней и помча-

лись в Исани. Юрий больше не сомневался, что впереди его ждала печальная весть об удалении из Иверии. Случилось как раз то, чего он сильней всего боялся: разлука с царицей и отъезд на чужбину.

Тамара приняла их в том же зале, где они были у нее перед походом на Карс, строгая, величественная и печальная. Она приготовилась к мучительному объяснению с Юрием и заранее хотела дать ему понять, что сейчас не время для жалоб и любовных излияний.

Но Юрий вошел совсем иной, чем ожидала Тамара. Она смотрела на него с изумлением, не веря, что это тот самый Юрий, с которым она совсем недавно венчалась в Сионском соборе и с которым она виделась здесь в их последнее свидание. Это был не прежний, порывистый, жизнерадостный, с прекрасным светлым лицом русский князь, каким он приехал в Иверию, а глубоко изможденный, страдающий человек, подавленный тяжелым горем, для которого, казалось, навсегда были закрыты все радости жизни. Необычайно тихо он приблизился к царице, преклонил пред нею колени и низко-низко опустил голову. Он не произнес ни одного слова, не жаловался, не рыдал и не просил у нее пощады. Его молчаливая покорность, сдержанность, проникнутая беспредельным горем и отчаянием, мгновенно изменили все настроение царицы и сразу разрушили преграду, мешавшую ей всегда приблизиться к Юрию. Ею снова овладела безмерная жалость, соединенная с горьким сознанием своей вины перед ним; она не могла без содрогания смотреть на его склоненную фигуру, чувствуя, как его горе пронизывает ей душу, тяжелым гнетом ложится на ее жизнь.

Она больше не могла выносить молчания и, волнуясь, произнесла:

— Прошу тебя, встань! Я хочу вести с тобою беседу как с человеком разумным, прошедшим через великое испытание, которому — видит бог — я желаю только добра и готова сделать все, что в моих силах, чтобы вернуть тебя к жизни, достойной твоего звания!

Юрий вздрогнул от мелодичного звука ее голоса, но не шелохнулся, не подал никаких признаков жизни,

предпочитая лучше умереть у ее ног, чем вести беседу о своем отъезде из Иверии.

— Не падай духом! Помни, где уныние и отчаяние, там всегда действует сатана. — мягко продолжала Тамара, видя, что его неподвижность и молчаливость принимают угрожающий характер, — страдания очищают наши души и ведут нас к совершенству.

Она испытывала невольный страх перед этим человеком, пережившим такие неизмеримые глубины тоски, унижения и внутреннего омертвения, что в его сердце не находили уже отклика никакие человеческие слова, а до сознания не доходило ничего, кроме невыносимой боли от неминуемой близкой разлуки с Тамарой.

— Встань, — строго повторила царица, — я хочу говорить с тобою!

Юрий сразу пришел в себя, поднялся и тяжело опустился в кресло против Тамары.

— О чем ты хочешь говорить со мною? Разве ты не знаешь, что человек не может перенести больше того, что в его силах?! Бог не требует того от человека, что ты потребовала от меня. Ради любви к тебе я отрекся от всего, будучи не монахом, а царем обширного царства, и стал жить отшельником, не видя никакой отрады в жизни. Скажи, чего ты еще требуешь от меня? Какого нового подвига ждешь от человека, лишив его света и разума?

Юрий говорил очень медленно, точно отрывая от себя каждое слово, и ни разу не посмотрел на царицу. Видимо, он чего-то ждал от нее, внутренне на что-то решался, мучился и боролся, но в то же время ни за что не хотел обнаруживать своей душевной слабости перед царицей и больше всего боялся поддаться пленительному очарованию ее близости. Он сидел, как зачарованный, еле противостоя безумию, которое овладевало им каждый раз, как он видел Тамару, и все его душевные силы были устремлены к тому, чтобы удержаться на высоте и вновь не сделаться пленником своей любви.

Юрий не подозревал, что этой неуступчивостью и внешней холодностью он становился гораздо выше и ми-

лее в глазах царицы, которая избегала и чуждалась его исключительно потому, что боялась горячих проявлений его чувств.

— Ты не ошибся!—начала Тамара ласково, но властно. — Я позвала тебя не на радость, а на подвиг. Теперь, когда нам осталось недолго быть вместе, я хотела бы успокоить твою душу и сохранить с тобою мир и дружбу. Поверь мне, так, видно, суждено было нам в жизни, что вместо радости мы принесли друг другу горе. И вот пришло время нам расстаться. Не без горечи признаюсь, что велика моя вина перед тобою за все твои страдания и в прошлом, и в будущем, но иного пути у меня не было. Открываю тебе всю мою душу. Один из вас — или ты, или царевич Сослан — должен уступить место другому. Вспомни, ты обещал быть его защитником, и вот я обращаюсь к тебе как к доблестному витязю... Прошу тебя, исполни мою просьбу! — Тамара остановилась, как бы проверяя, слушает ли ее Юрий, взглянула на него, и впервые после долгого времени взгляды их встретились. Во взгляде Юрия отразилось столько мучительного напряжения, скорби и смертельной боли перед надвигавшейся разлукой, что Тамара невольно склонила голову перед этим невыразимым страданием.

— Если у тебя такая сильная любовь ко мне—запечатлей ее подвигом, — ласково попросила она. — Дай мне свободу, и память о тебе никогда не умрет в моем сердце. Где бы ты ни был, куда бы ни кинул тебя несчастный жребий судьбы, я никогда не оставлю тебя и исполню каждую твою просьбу. Ты приобретешь мою вечную признательность, если дашь согласие расторгнуть наши узы и тихо, без смуты, покинешь Иверию.

Никогда Тамара так ласково и проникновенно не говорила с Юрием, никогда от ее голоса не веяло такой задушевностью и теплотой большого, искреннего чувства, как сейчас, накануне их вечной разлуки. И Юрий не столько умом, сколько сердцем вдруг с неотвратимой ясностью понял, что царица страдает так же, как и он, и что она готова была бы ответить на его любовь, но никогда не поступится своей верностью царевичу Сослану и скорей лишит себя жизни, чем станет когда-либо его

женой. Мысль о том, что Тамара втайне гораздо более благосклонна к нему, чем проявляет это внешне, сразу смягчила душевную боль Юрия, и он успокоился.

— Если бы ты повелела мне отдать жизнь свою за тебя, я почитал бы себя счастливым умереть у ног твоих, — после долгого молчания ответил Юрий, — но ты требуешь жертвы сверх человеческих сил. И я был бы презренным лжецом, если бы согласился, не подумавши. Дай мне время собраться с силами, дабы я мог с честью выдержать новое испытание и быть достойным твоего доверия.

Тамара внимательно посмотрела на Юрия, стараясь угадать, что значит его ответ: отказ, данный в уклончивой форме, или внутренняя невозможность для него сразу покориться ее воле и тем самым навсегда отказаться от своей любви, от всех надежд, связанных с нею?

Между тем, Юрий, поняв, что благосостояние государства и дальнейшая судьба царицы зависит сейчас от его решения, укрепился духом и временно забыл о своих страданиях.

— Не устрашайся моей просьбы! — великодушно произнес он. Воля твоя для меня священна, и я никогда не омрачу печалью светлых дней твоей жизни. Ты не можешь укорить меня в том, что я принес зло на твою землю. Враги твои рассеяны, царство окрепло, живи и царствуй, не проклиная меня!

— Ты заслужил мою вечную благодарность, и я никогда не забуду того, что ты сделал для моей родины. Полагаюсь на твою рыцарскую честь и верю, что ты меня не обманешь.

— Скажи мне последнее слово, которое я унесу с собою в могилу, — тихо попросил Юрий и еще тише добавил, — не могу забыть того вечера перед Карсом. Зачем я послушался тебя и не преступил твоей воли? Теперь я заслужил бы свое прощение, и нам не пришлось бы навечно расставаться. Клянусь, мы были бы счастливы!

— Напрасно ты расстраиваешь себя подобной мыслью, — тоже тихо ответила царица, — я полюбила тебя за твое благородное сердце и никогда не забуду твоего великодушного поступка. И я предлагаю тебе —

прими мою дружбу! Поверь, любовь перестанет тогда сжигать огнем твое сердце и путеводной звездой засветит тебе в жизни.

Тамара протянула руку, прощаясь с Юрием, и, когда он склонился перед нею, совсем тихо, с неизъяснимой грустью закончила. — И вот мои последние слова тебе: ты мой рыцарь! И как рыцарь будь терпелив и верен! Пусть враги клеветают на тебя. В моем сердце ты будешь жить как благородный русский князь, который не посягнул на мою честь и развязал наши узы. Не бойся ничего, что тебе надобно будет претерпеть! Прими обиду за меня, и я тебе возмещу сторицей!

— Взяла ты мою душу! Делай со мной все, что хочешь, — почти в изнеможении прошептал Юрий. — Моя жизнь и моя душа в твоей власти навеки...

Он поцеловал край ее одежды, и когда поднялся, возле него уже стоял Мхаргдзели, давая понять ему, что свидание кончилось. Они вышли, а Тамара осталась одна и долго прислушивалась к мерным звукам удалявшихся шагов.

ГЛАВА IV

Тимофей больше, чем его повелитель, был озабочен предстоящим турниром в Акре, так как ему приходилось выполнять непривычную для него роль оруженосца и следить за боевыми доспехами господина.

Сослан предпочитал лучше иметь дело со своим слугой, чем с иноземным, и хотя Тимофей был неопытен в этом деле, но зато он проявлял такое рвение и смекалку, что мог превзойти любого служителя западных рыцарей.

Как-то, вернувшись из мастерской, куда он носил запаять железный нагрудник для лошади, Тимофей неожиданно заявил Сослану:

— Слышно, что султан прибудет на ристалище, и говорят, будто сам черт выйдет сражаться с ним. На чьей стороне окажется победа, тому достанется крест господень!

Слова Тимофея пробудили живейший интерес Сослана. И хотя он понимал, что Саладин никогда бы не согласился принять подобные условия для своего участия в турнире, тем не менее он сильно разгорячился, представив на одно мгновение, что победа может принести ему такую драгоценную награду.

— Кого ты разумеешь под чертом? — спросил он, уже любопытствуя знать о всех слухах и боясь допустить оплошность, могущую повлиять на тот или иной исход турнира.

— Того самого, кого здесь больше всего боятся: Ричарда Английского, — объяснил Тимофей. — Говорят, по силе и ловкости с ним не может сравниться ни один человек, а что касается его свирепства, то он не уступит

самому дьяволу, оттого все и называют его чертом. Слышно, что французский король боится и завидует ему, и потому, не рассчитывая на свои силы, подбирает себе самых сильных витязей, которые могли бы за него сражаться.

Сослан впервые в словах простеца Тимофея нашел разрешение мучившей его последнее время загадки: почему Филипп обратил на него внимание, снарядил для его выкупа посольство к Саладину, неусыпно следил за ним и избрал его своим ратоборцем на турнире, тем самым поставив неизвестного иверийца выше всех франкских рыцарей? Сослан как воин и как витязь горел желанием встретиться со знаменитым английским королем и померяться с ним силой на турнире, хотя и понимал, что трудно будет добиться над ним победы. Между тем Сослан не допускал даже мысли о своем поражении, так как оно несло ему потерю чести и славы не только у крестоносцев, но, что было важнее всего, снизило бы его во мнении самого Саладина. Единственным развлечением были для него посещения Невиля, который являлся к нему вместе со щитносцами и оруженосцами короля, из коих Сослан должен был выбрать себе наиболее искусных и проворных и приучить их к своей манере обращаться с оружием. Было очевидно, что король рассматривал его успех как свой собственный и принимал все меры к обеспечению победы. Образцы самых разнообразных доспехов и вооружения — латы, шлемы, щиты, кольчуги, палицы, секиры, мечи, копья — заполняли помещение, в котором жил Сослан, так как он должен был тщательно готовиться на случай ожесточенных боев и непрерывных схваток с противником. Эти приготовления отвлекли внимание Сослана от неотвязных и тоскливых мыслей о Гагели. На некоторое время он забыл и о франкских рыцарях, поглощенный одной только жаждой славы и победы. Он даже удивился, когда явился Невиль и объявил ему, что на завтра назначен турнир и что рано утром он должен прибыть на ристалище. После тревожной ночи Сослан с Тимофеем и двумя королевскими оруженосцами отправились на Акрскую равнину, служившую еще недав-

но поприщем кровопролитных боев, где должны были теперь встретиться храбрейшие витязи Запада и Востока.

Равнина предстала перед изумленным взором Сослана совсем в ином виде, чем он привык ее видеть. Стан крестоносцев, где они жили с Гагели, был превращен теперь в грандиозную арену с многочисленными галереями для зрителей. Вместо шатров и древесных насаждений расстилалось огромное пустое пространство, где рыцари могли на свободе отдаться состязаниям, не ограничиваясь ни местом, ни временем, и в полной мере насладиться продолжительной борьбой с сильнейшими и упорнейшими из противников.

Сослан выехал на отличном коне, который тоже, как и он, был в полном боевом вооружении, с железным нагрудником спереди и щитом позади для охранения хребта и груди лошади. Стальная секира была привешена к луке седла, на шее Сослана висел щит, чтобы руки могли свободно действовать и управлять конем и копьём; на щите было изображение Георгия Победоносца, попирающего дракона, взятого из герба Иверии; на правом боку висел длинный меч с крестообразной рукояткой, в руке он держал длинное копьё, сверкавшее на солнце. На широкой равнине собралось множество рыцарей, желающих принять участие в турнире, и среди них Сослан быстро различил мусульманских воинов с дротиками, в разноцветных одеяниях, с любопытством и волнением взиравших на блестящее собрание витязей и с нетерпением ожидавших начала состязания. Арабские скакуны, которых Сослан хорошо запомнил после битвы под Акрой, были столь резвы и прытки, что сарацины едва сдерживали их. Проезжая сквозь ряды рыцарей, Давид не нашел пока ни одного знакомого лица, которое могло ободрить его любезным приветствием. Он преднамеренно ехал с закрытым забралом, не желая обнаружить ни своего звания, ни имени, а — выступать как рыцарь стальной брони, так как весь был закован в стальной панцирь, с богатой дамасской насечкой.

Невиль, неотступно следовавший за ним вместе с оруженосцами, указал ему направление, в котором на-

до было ехать, чтобы соединиться с франкскими рыцарями, окружавшими Филиппа. В первую минуту Сослан испытал странное чувство растерянности и восхищения; он ни разу не был на таком грандиозном турнире, где подвизалось столько отважных воинов, непобедимых рыцарей, прославившихся далеко за пределами своего отечества.

Издали казалось, что Акрская равнина превратилась в сверкающее море шлемов, мечей, длинных копий и щитов, заполнявших, насколько можно было окинуть взглядом, всю необозримую даль. Рыцари блистали на солнце разноцветными бронями и доспехами, с серебряными и золотыми насечками, и грозно возвышались на крепких конях, готовые яростно вступить в бой, не зная ни жалости к себе, ни пощады к врагам своим.

Сослан ехал медленно между великолепными рядами воинов, вызывая своей исполинской фигурой завистливые взгляды одних и порождая недоумение в других, так как никто не знал, откуда и когда появился этот могучий рыцарь, кто были его противники и на чьей стороне он будет сражаться.

Филипп в высшей степени любезно приветствовал Сослана и остался весьма доволен его вооружением, а более всего тем, что он выехал с закрытым забралом, не показывая своего лица, что придавало его ратоборцу ореол таинственности и значительности. Особенный интерес к нему проявляли англичане, знавшие почти наперечет всех выдающихся витязей в армии короля Филиппа и усиленно старавшиеся разгадать, кто был этот неведомый рыцарь, сразу привлечший общее внимание.

Филиппу также понравилось, что на щите Сослана было изображение Георгия Победоносца, попирающего дракона, и надпись гласила: «Сила ничего не сделает, если помощь бога не довершит». В его представлении Ричард олицетворял собою дракона, которого до сей поры никто не мог преодолеть, и он с надеждой взирал на Сослана, горя желанием отомстить высокомерному королю и обесславить его в глазах народов.

Сослан по предложению Филиппа присоединился к группе рыцарей, какими ему надлежало предводитель-

ствовать, и двинулся с ними на место, отведенное войнам, сражавшимся под знаменем Филиппа.

На противоположной стороне выстроились английские рыцари, облаченные в длинные кольчуги, за ними стройными рядами шли сарацины, также приглашенные принять участие в состязаниях.

Как только Сослан остановился, провожаемый любопытными взглядами присутствующих, в тот же момент сотни инструментов самых различных народностей зазвучали в воздухе: барабаны, трубы, литавры, кларнеты слились с арабскими цимбалами и колоколами, а затем полилась сарацинская музыка, заглушив оркестр франков; больше нельзя было ни минуты оставаться на месте. Герольд короля Филиппа провозгласил громким голосом:

— Храбрые рыцари, ратоборцы Ричарда, короля английского, Филиппа, короля французского, — вперед! Сражайтесь за славу! Бессмертие будет достойной наградой за ваши подвиги! Еще не успел смолкнуть призывный возглас герольда, как копья склонились на подпорки, шпоры вонзились в бока коней, противники с быстротой молнии ринулись друг на друга и с такой силой сшиблись посреди арены, что треск копий, гул от ударов мечей, щитов и железных шлемов разнесся далеко за пределы ристалища.

После первого же столкновения арена была усеяна телами людей, копьями и мечами и изорванными знаменами. Те из рыцарей, которые не были вышиблены из седла или успели выпутаться из стремян и вылезти из под упавших лошадей, уже вступили в жестокий бой между собою, сиюсь скорей одержать победу и получить славу победителя турнира. Противники сходились грудь с грудью, бились в беспорядке, презирая смерть и стремясь к быстрейшему окончанию боя, так как задержка и промедление грозили каждому из них роковыми случайностями, потерей сил, могущими раньше времени вывести их из строя.

Франки, сарацины изощрялись друг перед другом в ловкости и меткости ударов; состязавшиеся рати рыцарей слились воедино, представляя собой ужасное зре-

лице. Блестящие доспехи витязей покрылись пылью и кровью, копыта и мечи непрерывно менялись, щиты звенели жалобно и грозно при каждом ударе меча и секиры, как бы напоминая о том страшном конце, который ожидал всякого, кто допустил бы какую-либо оплошность или своевременно не отразил нападения.

Сослан, уцелев после первой боевой схватки, выдержал еще несколько жестоких стычек с наиболее упорными противниками, преследовавшими его с особой настойчивостью и ни минуты не оставлявшими в покое.

Приближался решительный момент, когда большинство рыцарей покинуло арену и остались немногие, рассчитывая в последних сражениях добиться победы. Сослан успел заметить, что среди рыцарей не было ни одного равного по силе герцогу Гвиенскому, и поэтому борьба пока не представляла для него особой трудности. Он не ввязывался в бой, стремясь сберечь свои силы, и больше оборонялся, чем нападал, но наносил такие удары, что противники его быстро выбывали из строя. В это время он увидел, как со стороны англичан отделились двое витязей и один сарацин и помчались на него, как видно, со свежими силами, готовясь вырвать решительную победу на турнире. Они начали поединок смело и дружно, нацеливаясь прямо в шлем Сослана, чтобы сразу свалить его с коня и лишить возможности сопротивляться.

Сослан отбивался от них с большим хладнокровием и выдержкой. Вскоре ему удалось нанести одному сокрушительный удар в самую середину щита, а у другого — острием копья захватить край стальной решетки забрала, отчего шлем свалился, всадник не смог удержаться на коне и упал на землю. В это же время сарацин, с необычайным искусством управляющий конем, налетел на него сбоку и, махая длинным дротиком, стал кружиться возле него на своем арабском скакуне, очевидно, преследуя одну цель: довести Сослана этой дьявольской пляской до полного изнеможения, затем вступить с ним в бой и несколькими ударами выбить из седла, заставить признать свое поражение. Он был неуловим и проворен и, наступая на Сослана, как бы

насмехался над силой великана, столь беспомощного перед его проворством и ловкостью. Но Сослан обладал верным глазомером и, угадав его хитрый прием, в точности рассчитал круги, делаемые сарацином, и, как только он приблизился к нему, быстро перегнувшись в седле, выхватил у сарацина дротик, следующим движением, поразившим зрителей своей силой и ловкостью, он поднял его из седла и повергнул вниз, на арену. Сослан не хотел наносить ему удара, так как считал его побежденным, но сарацин с решительным проворством вскочил на ноги, сел на коня и важно повернулся к нему.

— Клянусь Абубекром! Ты плохо заплатил за мое гостеприимство! — крикнул он. — Но я рад, что сразился с тобой, и ты испробовал моего дротика!

Сослан тотчас же по голосу и хвастливым словам узнал в сарацине своего покровителя-эмира и сильно обрадовался этой неожиданной встрече.

— Клянусь твоим пророком, я предпочел бы быть побежденным, чем лишиться тебя жизни. Я готов искупить свою вину перед тобою. Требуя, чего хочешь!

— Хотел бы я погибнуть от твоей руки, но, видно, — отважно крикнул он, — нам суждено еще встретиться. Спеша выполнить свое дело!

Они не кончили беседы, как ряды рыцарей расступились, к Сослану примчался витязь в темной броне, с изумрудом, очевидно, спешивший на помощь сраженным рыцарям.

— Эй, рыцарь! — крикнул он Сослану. — Хочешь ли сломать копье и стяжать славу победителя?!

Сквозь закрытое забрало не было видно лица его, но глаза блестели весело и насмешливо, и Сослан сразу вспомнил про герцога Гвиенского.

— Наконец-то, ты появился! — приветствовал его Сослан. — Принимаю твой вызов, но больше не жди от меня пощады! Я знаю, кто ты!

— Ты ошибаешься, рыцарь! — уже явно насмехаясь, произнес тот и поднял копье. — Ты совсем не знаешь, с кем будешь сражаться, — и, обрывая беседу, он налетел на него с поднятым копьем, и с такой силой ударил в самую середину щита, что оглушенный конь рухнул:

на землю вместе с Сосланом. На один миг все скрылось от зрителей в столбе пыли. Удар был настолько силен и сокрушителен, что все были уверены в гибели Сослана, но, когда пыль рассеялась, к общему изумлению, оказалось, что он стоял невредимый возле своего павшего коня и высоко держал меч, как бы призывая соперника к единоборству. В это время подоспели другие рыцари, готовясь сразиться с ним грудь с грудью и вырвать из его рук победу, но витязь в изумрудной броне вдруг соскочил с коня и бросился в рукопашную схватку с Сосланом. Видимо, он предпочитал один с помощью своей крепкой руки и доброго меча заставить его сдаться и просить пощады. Мгновенно все замерли в ожидании; обе рати рыцарей, как франков, так и сарацин, пребывали неподвижными, представляя двум сражавшимся витязям решить вопрос: кто же из них будет победителем турнира?

Сослан в должной мере оценил великодушие своего соперника, который не пожелал с чужой помощью добиться победы путем численного превосходства. Как видно, он был уверен, что справится с ним один, блеснув лишний раз перед всеми своей силой и доблестью. Сослан почувствовал по первому удару, что это был витязь несокрушимой силы, перед которым не мог бы устоять ни один человек, и невольно подумал:

— Нет, этот рыцарь превосходит во много раз герцога Гвиенского! — и в первый раз в жизни он испытал тревогу за исход поединка, видя перед собой противника, победа над которым представляла большую трудность.

Они бились долго, с яростью и упорством, не желая ни в чем уступать друг другу, и чем сильнее становился бой, тем с большей ловкостью они сопротивлялись, отражали и наносили удары, и в каждом движении проявляли столько силы, меткости и искусства, что вызывали в зрителях неудержимые крики одобрения и восторга. Отовсюду было слышно: «Хвала храбрым рыцарям! Своими подвигами вы превзошли Геркулеса. Сражайтесь, благородные рыцари!»

Сослан, вначале ощущавший утомление, так как сражался без отдыха в продолжение всего турнира, вскоре

разгорелся от боя. Рука его окрепла, и он преисполнился неистовой ревностью к славе, вспоминая родную Иверию и тех, кто воодушевлял его на борьбу с врагами. Он вспомнил прекрасную Тамару, которую должен был прославлять своими подвигами, и со всей силой вдруг ощутил, что нет большего счастья на земле, как победить этого витязя, поразившего воображение его не столько мощью и крепостью, сколько веселой удачью и беззаветной отвагой. Теперь Сослан убедился, что этот витязь был не герцог Гвиенский, и в сознании его блеснула догадка, что это — Ричард, король английский, но тотчас же погасла. Поединок между ними вступил в последнюю, решающую фазу. Не одолев Сослана в рукопашном бою, витязь распорядился подать им свежих коней, переменить копыя и щиты, а затем они отъехали и стали друг против друга на двух концах ристалища. Как только герольд подал сигнал, они вскачь понеслись вперед и столкнулись на арене с такой силой, что копыя их рассыпались, кони взвились на дыбы, а всадники едва удержались на седлах. На мгновение они остановились, как бы видя бесполезность дальнейшего сопротивления, и Сослан в необычайном волнении воскликнул:

— Я прекращаю бой! Клянусь святым Георгием! Ни один смертный не мог бы выдержать моего удара. Ты — или дьявол, или прославленный Ричард Львиное Сердце! Я признаю твою победу!

Маршал бросил на арену жезл, тем самым кладя конец состязанию, оба они опустили свои мечи, соскочили с коней и устремились друг к другу. Витязь в темной броне поднял свое забрало; то же сделал и Сослан, и они тотчас узнали друг друга.

— Герцог Гвиенский?! — с некоторым разочарованием промолвил Сослан. — А я думал совсем иное.

— Я сдержал свое слово. Мы с тобой встретились и испробовали силу друг друга, — весело отозвался мнимый герцог Гвиенский. — Я в долгу перед тобой. Ты с честью выполнил мое поручение, охраняя вход от сарацин, когда мы дрались под Акрой, и попал в плен к Саладину. Единственное удовлетворение, какое могу пред-

ложить тебе, — это славу, достойную твоей доблести! Пусть знают все, что ты знаменитый ратоборец, которого не мог одолеть даже сам Ричард Плантагенет, король английский.

— Ричард Плантагенет! Так вот кто был моим противником! — воскликнул Сослан. — Итак, я не ошибся! Ваше величество! Я узнал Вас по первому удару Вашей несокрушимой руки. Такой силы, признаюсь, не было у герцога Гвиенского.

— Не умаляй заслуг герцога Гвиенского, — весело ответил Ричард, весьма довольный похвалой Сослана. — Тогда я был болен и дрался только в полсилы.

— Но зачем Вы скрыли от меня Ваше имя? Если бы я знал, что сражаюсь на стороне Ричарда Плантагенета, силы бы мои удесятились, — продолжал с той же искренностью Сослан, — и Вы избавили бы меня от многих мучений!

— Не думай, что я обманул тебя, — живо возразил Ричард, — моя мать — Элеонора Гвиенская, и во Франции я называюсь герцогом Гвиенским.

В это время к ним подъехал Филипп, вполне удовлетворенный результатами турнира и торжествовавший при мысли, что Ричард потерпел неудачу. Но Ричард рассыпался в похвалах его ратоборцу, пользуясь случаем показать всем, что напрасно его укоряли в гордости и высокомерии, что он может быть мягким и уступчивым и всегда готов чтить подвиги храбрецов и героев, если даже они в числе его противников. Он громко и не без иронии возгласил:

— Да будет победителем турнира знаменитый защитник Франции, подобно которому у нее еще никогда не было! Трубы, звучите!

И вмиг раздались громовые звуки труб, барабанов, литавр и кларнетов, и как понял Сослан, это была награда, дарованная ему королем английским за услугу, оказанную ему под Акрой.

Ричард велел привести боевого коня в полном вооружении, предоставляя его победителю, и Сослан с удовольствием отметил ценность подарка и выразил свою благодарность Ричарду. Пока короли состязались между

собою в великодушии и любезности, Сослан должен был объехать кругом арены и отвечать на приветствия. В это время к ристалищу прискакал всадник и попросил немедленно доложить о нем королю Филиппу. Сослан, пользуясь происшедшим замешательством, решил уклониться от дальнейшего чествования и поскорее скрыться от любопытных взоров. Он отъехал подальше от галерей, заполненных народом, и заметил невдалеке, на холме, чью-то одинокую фигуру, закутанную в плащ, которая при виде его вдруг начала беспокойно двигаться и делать знаки, не то призывая на помощь, не то давая знать о себе.

Сердце у Сослана больно забилося и, забыв о зрителях, нарушая установленный этикет, он помчался к тому месту, где стояла фигура в плаще. Вне себя от волнения, он спрыгнул с коня; человек с криком бросился к нему навстречу и упал к его ногам.

— Мелхиседек! Почему ты один? Где Гагели? Что с ним случилось? — восклицал в нетерпении, радости и испуге Сослан, не веря, что перед ним Мелхиседек, которого он вместе с Гагели считал погибшим. Он поднял его, расцеловал и засыпал вопросами, но Мелхиседек был осторожен. Он успокоил Сослана сообщением, что Гагели жив и невредим, дожидается царевича в Антиохии, и просил отложить их разговор до того времени, когда они останутся одни и не будут привлекать ничего внимания.

Хотя Сослан и был огорчен, что Гагели не вернулся, но, тем не менее, радостное сознание, что друг его жив и находится в безопасности, окрылило его радостной надеждой на скорое свидание. Он отпустил Мелхиседека, сказав, что скоро вернется, и помчался вниз к ристалищу. Странное зрелище вдруг представилось его глазам. За тот короткий промежуток времени, что он провел с Мелхиседеком, арена вся опустела. Многочисленные рати рыцарей рассеялись, и оба монарха также покинули место недавнего состязания. Как видно, случилось что-то важное и чрезвычайное, что заставило всех забыть про победителей турнира и раньше прекратить празднество. Сослан оказался один посреди обширного

пространства, усеянного переломанными копьями, мечами, значками и щитами сражавшихся рыцарей, и, находясь в недоумении, хотел уже повернуть обратно, как увидел всадника, стремительно мчавшегося к нему навстречу. Поравнявшись с ним, Невиль поведал ему о случившемся.

— О, доблестный рыцарь! Совершилось страшное злодеяние! Неустрашимый витязь, многих превосходивший своей храбростью, Конрад, маркиз Монферратский, убит в Тире двумя исмаэлитами, извергами человечества! Страшная весть повергла в ужас и печаль обоих монархов. Они удалились с ристалища, повелев в знак траура отменить Ваше чествование. Наш король, бывший в дружественных отношениях с маркизом, оплакивал его гибель. Страх и трепет владеют всеми умами и сердцами!

Сообщение о гибели Конрада Монферратского ужаснуло и взволновало Сослана. В то же время он испытывал невыразимое облегчение при мысли, что слова Густава о пребывании Гатели в Тире были ложными, и он находится вовсе не в Тире, а укрылся в Антиохии.

Между тем Невиль продолжал:

— Наш августейший монарх Филипп потерял покой и сказал мне несколько минут тому назад: «Я хочу покинуть святую землю, ибо опасаясь, что меня постигнет здесь та же участь, что и Конрада Монферратского. Старец с горы не замедлит прислать своих слуг, чтобы убить меня».

Сослан выразил ему сожаление по поводу всех происшедших событий и одобрил решение Филиппа покинуть Палестину. Невиль уехал опечаленный, потеряв всякий интерес к знаменитому ратоборцу. Вернувшись домой, Сослан всю ночь провел в беседе с Мелхиседеком, который подробно передал ему о перенесенных ими испытаниях и больше всего о том, как они были в плену у исмаэлитов и как выбрались оттуда. Его рассказ производил особенно сильное впечатление теперь, когда был убит Конрад Монферратский и могущество фанатической секты казалось несокрушимым. Слушая повествование Мелхиседека о франкских рыцарях и о похищении ларца, Сослан находил подтверждение своим догадкам.

Он жалел только, что не успел схватить их и тем самым предупредить бегство Рауля и Густава из Акры, о чем слышал от Невиля.

Вслед за этим мысли Сослана опять вернулись к исмаэлитам, к таинственному иверийцу, указавшему им путь в Антиохию, где Гагели мог найти Лиларита Орбелиани, и волнение овладело его душой. Смутное ожидание грядущих перемен в жизни заставляло его с одинаковой силой переживать как события прошлых лет, так и счастливые события настоящего, могущие, наконец, соединить его с любимой.

Как и ожидал Сослан, ближайшие дни принесли большие изменения и нарушили установившееся перемирие между франками и Саладином.

Саладин на требование Ричарда немедленно выполнить принятые им на себя обязательства при падении Акры ответил отказом. Он не согласился уплатить 200 тысяч динаров и вернуть древо креста. Ричард, взбешенный его отказом, приказал заколоть перед воротами Акры более двух тысяч пленных мусульман, тем самым бросая дерзкий вызов Саладину.

После этой резни Ричард выступил с войсками из Акры. Филипп, убоившись обесславить свое достоинство в новой борьбе с сарацинами, также покинул Акру, намереваясь в Тире сесть на корабль и морем вернуться во Францию. Саладин почел поступок Ричарда за дерзкое оскорбление, которое можно было смыть только кровью, и через гонцов велел передать ему:

— Пускай погибнет все наше воинство, нежели мы допустим, чтобы неверные остались в Палестине. Мы возбудим язык мечей и копий, который будет для вас вразумительнее слов!

Перемирие было сорвано, и война началась. Сослан вовсе не желал примыкать к войскам Ричарда и, пока проходы были свободны, в ту же ночь поспешил выехать со своими слугами в Дамаск. Там находился Саладин, выжидая, куда двинется Ричард, чтобы направить против него свои силы. Они быстро приехали в Дамаск, и Сослан без всякого промедления был принят султаном.

— Теперь вижу, что ты один из достойнейших рыца-

рей, какие не нарушают своей клятвы, а сочетают храбрость с верностью, — приветствовал его благожелательно Саладин, довольный тем, что Сослан не остался в стане крестоносцев и не пожелал сражаться против него вместе с Ричардом. — Мудрому свойственно предвидеть будущее и уклоняться от зла, сберегая свою жизнь для дел, достойных бессмертия, — прибавил он, стремясь показать Сослану, как высоко ценит его поступок, еще больше укрепивший мирные отношения между ним и Иверней.

Сослан был приятно изумлен этим любезным обращением, которое ясно показывало, что Саладин не только помнил о свидании с ним, но и внимательно следил за его пребыванием в Акре. Но удивление его еще больше возросло, когда султан с нескрываемым удовольствием произнес:

— Силу твою ни с чем не сравнить. Хорошо, что ты не дал торжествовать английскому королю. Но еще превосходней, что ты не воспользовался плодами своей победы и не остался с неверными.

— О, царь царей! Вы даровали мне свободу, как же я мог нарушить клятву и оказаться в стане Ваших врагов? — поощренный похвалой Саладина, ответил Сослан. — Никакие почести и награды не могли бы заставить меня вновь повторить совершенную ошибку! Особенно памятуя о древе креста, которое, к моей радости, осталось в Ваших руках, так как Вы не уступили его Ричарду.

Саладин, охотно вступивший в беседу с Сосланом, вдруг замолчал, видимо, чем-то неприятно задетый, и долго был не в состоянии побороть внезапно вспыхнувшее в нем раздражение. Но Сослан, уже привыкший к характеру Саладина, не побоялся его гнева.

— Разрешите мне, царь царей, сказать Вам правду. Кто из смертных может предвидеть, что с ним случится завтра? Вступая в бой с таким противником, как английский король, не предусмотрительней ли будет с Вашей стороны отдать крест в руки союзников, чем подвергать его роковым случайностям войны и понапрасну разжигать ярость Ричарда?! Не утихнет ли его воинское рве-

ние, когда он узнает, что святыни больше нет в Ваших руках и ему не за что сражаться?! Что касается меня, то клянусь именем нашей великой царицы, что, получив от Вас эту святыню, я в тот же час покину Палестину и уеду в Иверию!

Горячие слова Сослана, как он быстро заметил, не вызвали такого же горячего отклика у Саладина, который, выслушав его, хоть и без досады, но и без явного сочувствия, сделался только еще более задумчивым и печальным.

— Тебе известно, как мне ненавистен ваш памятник веры, — промолвил он, наконец, строго и невыразимо грустно. — Я никогда бы не отдал его христианам, если бы недуги не подтачивали мои силы. Боюсь, как бы смерть не настигла меня внезапно и не воспрепятствовала закончить начатое мною дело ради торжества ислама. Поэтому, помня о смерти и зная, что вместе с собою я не унесу в могилу ваш талисман, я решил уступить настояниям императора константинопольского Исаака, оказавшего мне много услуг, и передал древо принцу Мурзуфлу, который вместе с посольством давно уже отбыл в Константинополь... — Он замолк, увидев на лице Сослана выражение ужаса и отчаяния, затем добавил более мягко, с чувством сострадания и сожаления:

— Но дабы этот предмет соблазна не достался в одни руки и не был обращен когда-либо греками против поборников ислама, я отдал императору Исааку часть вашего талисмана, а другую оставил тебе, полагая, что ты сдержишь свое слово и вернешься ко мне, получив достойную награду за верность. Я не хотел, чтобы ты унес с собой обиду и ушел отсюда исполненный скорби и печали. Да пошлет тебе бог радость и исполнение того, чего ты желаешь больше всего в жизни!

И прежде чем Сослан мог выразить ему свою благодарность, Саладин сделал знак невольнику. В зал внесли большой драгоценный ковчег из черного дерева, оквантый серебром и закрытый двойными створчатыми дверцами.

— Здесь хранится ваш памятник веры! — снисходительно произнес султан. Дверцы ковчега раскрылись.

Сослан увидел горизонтальный поперечник расчлененного креста, вертикальную часть которого он, очевидно, отдал императору Исааку. Сослан долго стоял неподвижно и затем, обернувшись, тихо сказал султану:

— Если бы Вы предложили мне все сокровища мира, то они показались бы ничтожными в сравнении с тем, что я получил от Вас! Мои слабые уста не в состоянии принести Вам достойной хвалы и благодарения, но мое слово порукой, что Иверия будет свято хранить залог мира и дружбы с султаном Египта и Дамаска. Примите, о царь царей, золото, которое мы везли Вам, хотя ценность его ни в коей мере не может сравниться с той великой святыней, которую Вы даровали мне!

Он испросил разрешения султана впустить Мелхиседека со слугами, принесшими золото.

Вначале Саладин как бы обрадовался принесенному дару, так как сильно нуждался в деньгах для продолжения войны с крестоносцами, но вскоре приятное чувство сменилось в нем грустью. Вероятно, предчувствие близкого конца, сознание, что дело его жизни удалось только наполовину и впереди опять предстояла жестокая борьба с Ричардом, своей храбростью приводившим в ужас всех мусульман, тешили и угнетали сердце Саладина. Он ни в чем не находил себе отрады. Он впал в задумчивость, забыв о присутствии гостя и ничем уже не проявляя интереса к жизни. Сослан переждал некоторое время, обдумывая, как утешить султана.

— О, царь царей! — наконец, сказал он. — Хотя различие веры не позволяет мне желать Вам успеха в борьбе с христианами, я должен открыть правду. В стане крестоносцев свирепствуют раздоры и разногласия. Конрад Монферратский убит, Филипп покинул Палестину, остался один король Ричард. Из всех героев, каких породила земля, нет выше Ричарда, и однако он меньше всех способен закончить дело освобождения Иерусалима. Поверьте моим словам, я еще не успею ступить ногой на свою землю, как Ричард Английский прекратит войну и заключит мир с Вами!

Речь Сослана оживила Саладина, и мрачные тени

исчезли с его лица. Желая чем-либо отблагодарить его за доброе предсказание, он приказал невольнику подать свою лучшую саблю с прославленным дамасским клинком. Она была вся испещрена множеством всевозможных линий, показывавших, сколько потрудились над ней рука оружейного мастера, а стальная рукоятка переливалась блеском драгоценных камней, среди которых сиял венчик из алмазных роз.

— Пускай память о нашей встрече живет в твоём сердце! — произнес Саладин, даря ему саблю. — Она охранит тебя от врагов и будет залогом дружбы между нами!

— С радостью принимаю Ваш дар, — ответил Сослан, — и вижу по Вас, что добродетель равно прекрасна повсюду и украшает всякого, к какой бы вере и народу он ни принадлежал! Навсегда уношу светлую память о Вас!

Они простились сердечно. Сослан взял драгоценный ковчег, и Саладин проводил его долгим, сожалеющим взглядом, предвидя, что это было одно из последних приятных впечатлений, которые ему суждено было испытать в жизни.

Выйдя из дворца вместе с Мелхиседеком, Сослан остановился в саду, не веря тому, что испытания его кончились и он может спокойно возвращаться на родину.

Спускались сумерки. В саду разносился тончайший аромат роз; покрытые туманом синели Ливанские горы, в вечернем сумраке тонули очертания древнего города.

— Сколько побоищ, опустошений пронеслось над этой страной, — подумал Сослан. — Сколько крови пролилось в прошлом и сколько ее еще прольется в будущем! — Затем он подумал о Саладине, и сердце его сжалось тоской. Но он не подозревал тогда, что по прошествии менее чем одного года в тех местах, где он стоял, воздвигнется могила великого султана, грозного врага крестоносцев.

Окинув прощальным взглядом дворец, Сослан бодро устремился вперед, поощряемый радостными и призывными возгласами Мелхиседека.

Г Л А В А V

В том же самом помещении, где два года назад происходило бурное собрание, посвященное возведению русского князя на царство, вновь собрались именитейшие и знатнейшие люди Иверии, явившиеся сюда по особому тайному приглашению патриарха Микеля и Абуласана. Собор представлял собою волнуемое море людей духовного и светского звания, изъявляющих царице свою преданность и любовь и горячо обсуждавших поведение царя, о котором шла дурная слава далеко за пределами столицы.

Когда собрание было уже в полном сборе и Абуласан увидел, что оно состоит преимущественно из доверенных лиц и нечего опасаться раздоров и предательства, он, по согласию с Микелем, распорядился послать за царем и сказать, что его требует к себе царица.

Вслед за этим появилась Тамара, окруженная министрами, главнокомандующим Мхаргдзели, старыми вельможами и князьями и чинно следовавшей рядом с ней Русудан, с важностью принимавшей шумные и горячие приветствия от многочисленных представителей духовенства и светской знати. За все свое царствование Тамара ни разу не выступала в полном согласии с Микелем и его приверженцами и не пользовалась такой мощной и единой поддержкой со стороны войска и сановников, как на этом собрании, когда решался вопрос о расторжении ее брака с Юрием.

Она вошла в темной пурпурной мантии, подбитой горностаем с диадемой, украшенной драгоценными камнями и изящной вуалью, спускавшейся вниз по плечам, скромная и в то же время величественная, на-

помятая всем, что перед ними царица, перед которой виноваты многие из ее подданных.

Все присутствующие удивились, как за эти годы изменилась царица, как строго и печально стало ее лицо, какая глубокая дума залегла в ее чертах, сменив привычное выражение кротости и приветливости выражением непреклонной твердости и суровости.

Она воссела на трон уже не как юная, приятная всем, послушная царица, прельщавшая своей красотой и нежностью, а как могущественная царица, знающая силу своей державной власти и готовая дать отпор всем строптивым и непокорным, кто смел бы покушаться на ее трон и царство. Тихо повернула она голову к собранию, как бы отвечая поклоном на приветствия подданных, но все заметили, как сдвинулись ее брови и выражение недовольства сверкнуло в ее выразительных глазах. Даже Микелю стало не по себе от этого взгляда, он в замешательстве отвернулся, испытывая страх перед неизвестным будущим, перед внезапно выросшей силой и властью царицы. Непостижима была для всех происшедшая перемена в Тамаре, но еще загадочней казалось поведение Микеля, который совсем недавно с таким упорством принуждал царицу выйти замуж за русского князя, а теперь созвал собор, чтобы свергнуть его с престола и приговорить к изгнанию.

Абуласан, два года назад торжественно извещавший собор о сыне русского государя Андрея, «царя 300 царей», называя его достойным претендентом на трон Иверии, теперь с большой робостью и тревогой оповестил собравшихся, что великое горе переживает царица и вынуждена из-за распутства мужа расторгнуть с ним брачные узы.

— Страшно подумать, что отечество наше осталось без наследника, и впереди нас ожидают смуты и крамолы, а царскому роду грозит прекращение. Царь не оправдал наших надежд, одна царица может исправить нашу ошибку и вызволить нас из беды.

Абуласан еще не кончил свою речь о царе, но в зале уже раздались недовольные возгласы и стало шумно, как бывает всегда при решении спорного вопроса, когда

мнения расходятся. Но присутствие царицы мгновенно успокоило недовольных. Наступила тишина, и в это время вошел Юрий. Он был одет в богатую царскую одежду, опоясан золотым поясом и держал в руке золотой жезл, осыпанный алмазами и драгоценными камнями. Хотя он был очень бледен, с выражением крайнего изнеможения на лице, тем не менее держался очень спокойно и гордо и, не кланяясь никому, прошел прямо к царице, заняв место рядом с нею. Глаза всех присутствующих были устремлены на царственную пару, точно они восседали на своих тронах не для печальной церемонии развода, а возглавляли торжественное пиршество, сулившее приглашенным большие и разнообразные удовольствия. Никто не мог оторваться взглядом от Юрия, настолько он был привлекателен в царском наряде и настолько страдание одухотворяло и делало прекрасным его лицо.

Вероятно, Тамара разделяла общее мнение, так как встретила Юрия мягким, сердечным приветствием, видимо, желая ободрить его и придать ему мужество для перенесения тяжелого испытания. Юрий понял это и почувствовал уверенность в своих силах, несмотря на то, что наступил час, когда он терял последние супружеские права и лишался трона Иверии. Хотя он и понимал, что мог сейчас воспротивиться расторжению брака и остаться царем, но его ни на одно мгновение не покидала мысль, что царица смотрит на него как на своего рыцаря, и вспомнил ее слова: «Прими обиду за меня, и я возьму тебе сторицей!» Он знал, что по закону для развода требовалось обвинение в измене и безнравственности, и эту вину он должен был принять на себя. Между тем дружественное отношение царицы к Юрию, его серьезность и сосредоточенность изменили общее настроение в зале. Молодые витязи сочувствовали Юрию в его страданиях и догадывались, что слухи о распутстве царя были ничем иным, как измышлением его врагов, и имели целью опорочить Юрия и свергнуть его с престола.

Мучительная неопределенность не могла долго продолжаться, вызывая у всех собравшихся чувство расте-

рянности и недоумения. Не подозревая, что Юрий обо всем осведомлен и действует по согласию с царицей, Абуласан, опасаясь его вмешательства, от имени высокого собрания предложил патриарху расторгнуть брак царицы с русским князем и сделать это безотлагательно, так как прибавил он: «Нельзя допускать, чтобы нечестие пустило корни в нашей крестоносной стране, нельзя позволять безнаказанно попираť нравственность!»

Юрий вспыхнул от гнева, не удержался и крикнул: — Замолчи! Как смеешь ты корить царя, не сделавшего никому никакого худа!

Наступило сильное замешательство. Еще минута, и горячие витязи повскакивали бы со своих мест, столкнулись с владетельными князьями и прибегли к оружию. Предвидя, что и сам Юрий не сможет долго выдержать подобное напряжение, силы его иссякнут, Тамара поднялась, тихо, но с такой отчетливой внятностью, что было слышно в самых отдаленных концах зала, произнесла:

— Хотя божественный закон и запрещает мне оставлять супруга, но я не могу больше оставаться с человеком, который не был и не может быть моим супругом. Подобный брак нарушает чистоту супружества и оскверняет святость таинства, и не грех развязать узы, ставшие в тягость нам обоим. Святые отцы! Любезные братья! Именем бога прошу вас, будьте беспристрастны, исполните святой закон и не судите царя, ибо судья над ним — бог!

С этими словами Тамара сошла со своего трона и в сопровождении свиты направилась к выходу. Отовсюду понеслись крики и восклицания:

— Государыня! Повели защитить тебя! Рука не дрогнет лишить себя жизни ради тебя! Царствуй на славу!

Юрий не тронулся с места и молча взирал на все происходившее. Бурные, противоречивые чувства захватили его душу. Он вдруг очнулся от того оцепененного состояния, в каком находился в последнее время, и увидел себя на краю бездны. Он хотел схватить меч и заколоть себя,

но с ним был Захария, который удержал его за руку, прошептав: — Мужайся, царь! Царица не покинет тебя!

Эти слова вернули самообладание Юрию, и он снова обрел силу и утерянное хладнокровие. Прежде чем кто-либо из присутствующих мог опомниться, он встал и спокойно, с большим достоинством сказал:

— Любезные братья! Хотя за мной нет никакой вины и вы сами призвали меня к вам на царство, насильем я не хочу оставаться в вашей стране и причинять горе царице, мудрейшей и чистейшей из всех цариц мира! Исполню ее волю. Отрекаюсь от престола и изъявляю свое согласие на разрешение ее от уз брачных!

Последние слова Юрий произнес совсем тихо, покачнулся и упал без памяти. Мхаргрдзели и молодые витязи подхватили его и унесли из дворцовых покоев.

Пользуясь наступившей тишиной, Микель заявил о расторжении брака царицы с русским князем.

— Властью, данной мне свыше, — торжественно возгласил он, — освобождаю навек от присяги всех лиц, которые клялись царю в верности, и запрещаю навсегда повиноваться ему под угрозой отлучения от церкви.

После его заявления сановники — духовные и светские военачальники, полководцы изъявили в кликах свою преданность Тамаре. Они потрясали мечами, клялись Сионом, что изрубят каждого, кто посмеет посягнуть на честь их державной повелительницы, всячески выражали свою радость по поводу того, что Юрий свергнут с престола, и царица отныне свободна выбирать себе мужа по сердцу и дать нового царя Иверии. При общем одобрении Микель отслужил благодарственный молебен и распустил собор со словами:

— Я исполнил свой долг, да свершится воля бога!

Хотя все присутствующие клялись в верности царице и призывали гром проклятий на голову Юрия, многие из них возвращались домой совсем с иным настроением.

С того дня в столице началось еще более сильное брожение, и все безнадежно запуталось. Общество раскололось на несколько течений, разделилось во мнениях, настроениях и суждениях. Начались ссоры, разно-

гласия, раздоры между сословиями, распространялись всякие небылицы, зловредные измышления, и никто не мог отличить истину от лжи, и никто не знал, на чьей стороне правда. Старые княжеские роды, удержавшиеся в столице после разгрома Юрием, и те, что успели вернуться, занимались теперь заговорами и интригами. Но после свержения русского князя они окончательно примкнули к царице, надеясь заслужить ее милость и расположение и вернуть утраченные привилегии. Против них восстали служилые сословия, которые были крепко связаны с Юрием и ратовали за его примирение с царицей. Большинство простого населения было на стороне царицы, но войска и многие из военачальников, участвовавшие в походе с Юрием, втайне поддерживали его, хотя открыто боялись выразить ему свое сочувствие.

В то время, как страсти разгорались, власть расшатывалась, противники старались досадить друг другу, не брезгая никакими средствами, Юрий и Тамара уединились в своих дворцах. Царица отменила все празднества и развлечения, никого не принимала к себе, показывая этим, насколько она встревожена и огорчена происходившими в стране событиями и раздорами между своими подданными. Юрий после собора впал в глубокую меланхолию, ночи проводил без сна и находил утешение только в беседах с Романом. Роман, погруженный в чтение священных книг, старался отвлечь князя от «земной скорби», как он называл его любовь к царице, и перевести к более возвышенным мыслям о бренности всего земного, о духовных утехах и отречении от земных привязанностей.

— Премногие из великих князей воссияли добродетелью и почитаются как святые, — назидательно говорил он, — сколько из них приняли иноческий чин и пред престолом господним молятся за свою родину! Твой отец сподобился мученического венца; Борис и Глеб были раньше умучены и прославились чудесами, Василька ослепили. А благоверная княгиня Ольга, а святой Владимир! Сколько их просияло—ведомо только богу! А ты пленился земной сладостью и не хочешь последовать

примеру своих родичей. Отрекись от мира, уйди в монастырь и обретешь покой душе!

Юрий молча внимал словам Романа, не прекословя ему и думая, что старый дружинник был прав, и для него не было сейчас иного пристанища в жизни, кроме тихой монастырской обители. От природы Юрий был великим жизнелюбцем и, хотя жизнь его изобиловала большими скорбями и испытаниями и мало подарила ему радостей, даже в минуту отчаяния он мысленно не искал спасения в монашеском клобуке и не стремился к отречению от мира. Но теперь он начал задумываться над своей жизнью, так как был одинок и ничто не привязывало к жизни, кроме царицы. Его тоскующая душа невольно переносилась к прошлому, где перед ним вставали знакомые образы русских князей, прославивших свои жизни мученичеством и бранными подвигами.

Так протекли самые горькие первые дни после собора, и Юрий с облегчением стал думать, что царица примирилась с его пребыванием в Иверии и он может остаться здесь на некоторое время. Но однажды вечером Роман вошел в покои Юрия и тихо сообщил ему:

— Дворец окружен войсками. Все выходы заперты. Видно, князья поймали нас и не хотят выпустить. Наврасно мы упустили время и не спаслись бегством.

Юрий вспылил, схватил меч и направился к двери. Его не страшили никакие опасности, он рвался к схватке с врагами и хотел найти, наконец, достойное применение своим силам. Но вошел слуга и доложил:

— Амир-спасалар Мхаргрдзели и мандатурт-ухуцес Чиабер прибыли во дворец и просят свидания.

— Зови! — коротко приказал Юрий и в бессилии опустился в кресло.

Он встретил посланцев Тамары молчаливым удивлением, не сказав им ни одного слова приветствия.

Захария отвернулся — ему было тяжело смотреть на бывшего сподвижника боевых походов и воинской славы. Он молчал, предоставляя Чиаберу первому начать речь и взять на себя выполнение поручения царицы.

Чиабер с холодной учтивостью отвесил по этикету поклон Юрию и сказал:

— Царица прислала Вам богатые дары. Из своей казны отпустила Вам золото и драгоценные камни, дабы Вы могли отбыть из Иверии с почетом, ни на что не жалуясь, а имея все в избытке. Да будет Вам впереди жизнь тихая и приятная!

Юрий усмехнулся и зло посмотрел на Чиабера.

— Благодарю царицу за внимание, но в подарках ее я не нуждаюсь. У нас с нею общая казна, и я в любое время могу взять то, что мне понадобится. Никуда из Иверии отбывать я не думаю и обременять казну лишними расходами не собираюсь, ибо могу и в сем дворце проводить жизнь тихую и приятную.

Слова Юрия звучали, как насмешка. Взгляд у него был суровый, презрительный и выражал такую обиду и непримиримость, что Чиабер не остался в заблуждении относительно его намерений. Было ясно, что Юрий отнюдь не сделался уступчивым и вовсе не склонен так легко поступиться своими правами.

Чиабер взглянул на Мхаргрдзели, как бы предлагая ему склонить бывшего царя к добровольному отъезду из Иверии. Но Захария едва перевозмогал свою слабость, борясь с чувством сострадания и привязанности к Юрию, и стоял неподвижно, печально опустив голову.

Тогда Чиабер, видя, что ему пока нечего ждать помощи от Мхаргрдзели, проговорил сухо и деловито:

— Вам надлежит немедленно покинуть Иверию, — такова воля нашей державной царицы! Все готово к Вашему отбытию. Корабль ждет Вас у берегов Понта. Вам разрешено взять из слуг и людей всех, кого Вы пожелаете, в Константинополь. Золото и драгоценности украсят Вашу жизнь у греков и избавят от всяких лишений.

— Не ты ли, Захария, наденешь на меня оковы? — с горечью обратился Юрий к неподвижно стоявшему Мхаргрдзели. — Не ты ли разобьешь цепи нашей дружбы, политой кровью в боях и ратных подвигах? Бери и веди меня! Рука моя не обогрится твоей кровью, но пусть твоя совесть горит огнем неугасимым от этой черной измены!

— Нет! Я не изменил Вам, но Вы изменили своему слову царице, — воскликнул Захария, не будучи в силах более сдерживать волнение.—Посмотрите, что делается в столице! Каждый день Вашего пребывания здесь увеличивает раздоры, беспорядок и смуту и грозит ввергнуть нас в пучину зла и напастей. Царица не имеет ни днем, ни ночью покоя. Она просит Вас покинуть Иверию и готова осыпать Вас своими милостями. Почему Вы не желаете исполнить ее волю, а хотите кровью залить наше отечество и зажечь в нем брани и крамолы?!

— Кто сказал тебе, Захария, что я отказываюсь исполнить волю царицы? — прервал его Юрий. — Слово мое нерушимо, но не ему, моему врагу,—он указал на Чиабера,—следовало передавать мне волю царицы. Ради тебя, ради нашей дружбы я сделаю все, о чем попросишь.

— Клянусь святым Георгием! Каждый из нас сохранит навеки о Вас добрую память, если вы в последний раз поможете царице справиться с врагами и с Вашим уходом успокоится народ. Я имею повеление царицы сегодня в ночь отправить Вас из столицы, пока не вспыхнуло восстание и заговорщики не убили Вас.

— Мне не дорога жизнь, — быстро ответил Юрий,—и мне лучше умереть здесь, чем погибнуть в неизвестности в чужой стране.

Захария, видя, что разговор принимает неблагоприятный оборот, сделал знак Чиабери, чтобы он удалился, так как его присутствие крайне раздражало царя, и он мог из самолюбия воспротивиться отъезду и не исполнить воли царицы. Чиабер, как ловкий и тонкий царедворец, быстро понял намерение Мхаргдзели и, предоставив ему уладить дело с Юрием, поспешно вышел, чтобы не мешать им и сделать необходимые распоряжения для скорейшего выезда из столицы свергнутого царя.

Как только Чиабер скрылся, Юрий порывисто поднялся и обнял своего друга.

—Захария! От твоей руки я с радостью приму смерть.

Жить на чужбине изгнанником, никогда не видеть царицы — хуже смерти! Исполни мою просьбу! — Он протянул ему меч и прошептал чуть слышно: — Убей меня, освободи от мучений!

Захария не вымолвил ни слова. Испытанный в боях, он не знал душевной слабости, а теперь еле сдерживал слезы и не мог смотреть на Юрия. Он один из придворных понимал всю глубину страдания и отчаяния Юрия, никогда не забывал про него и неустанно скорбел о его несчастной и одинокой жизни.

— Если Вам нестерпима скорбь, — наконец, вымолвил Захария, — то и царице не менее скорбно, чем Вам. Своей смертью Вы причините ей горе и положите темное пятно на ее царствование. Ничего она так не желает, как того, чтобы Вы успокоились душой. Поэтому она избрала Константинополь, где вы не будете терпеть никаких лишений и сможете отвлечься от тяжелых мыслей и начать новую жизнь. Пока Вы в столице, ни Вам, ни ей не будет покоя!

Напоминание о царице, искренние взволнованные слова Мхаргрдзели, его преданность и участие так растрогали Юрия, что он не стал больше возражать.

— Пронзил ты мое сердце острее копья, Захария! Я исполню волю царицы и отправлюсь в Константинополь. Но помни! Если душа не выдержит этой пытки, не вини меня ни в чем! Я не волен над собою, я не ручаюсь за себя...

— Я буду сопровождать Вас и не дам печали иссушить Ваше сердце. Готовьтесь к отъезду! Чуть заря поднимется в небе, мы должны оставить столицу.

Мхаргрдзели ушел, торопясь явиться к царице, которая ожидала его, несмотря на поздний час.

Оставшись один, Юрий позвал Романа и коротко сообщил ему:

— Сегодня в ночь уезжаем в Константинополь. Не медли со сборами! — На это Роман тоже коротко ответил, перекрестившись:

— Бог, видно, сжалился над нами и послал нам избавление! — и, не прибавив больше ни слова, начал готовиться в дорогу. Юрий немного успокоился и затих, в

известной мере даже испытывая некоторое облегчение при мысли, что томительная неопределенность кончилась, впереди предстояла какая-то перемена.

В глубине души Юрия таилась хотя и робкая, но светлая надежда, что отъезд его временный, что царевич Сослан не вернется из Палестины, царица в награду за верность призовет его в Иверию, и они будут вместе царствовать. Эта тайная надежда дала ему бодрость и силу приготовиться к отъезду. Когда ночью явился Мхаргрдзели, опасавшийся, что царь впадет в безумие и откажется ехать, Юрий ласково встретил его, и они вышли на улицу. Возле дворца их дожидались кони, навьюченные тюками с золотом, ценным оружием и другими подарками царицы. Там же стоял отряд отобранного войска, изъявившего согласие следовать за князем в изгнание. Юрий, ошеломленный, остановился и долго стоял неподвижно возле своего коня, прощаясь мысленно с царицей и с Иверией, где протекло самое яркое и самое страдальческое время его жизни. В одно мгновение пронеслись в его памяти все перенесенные им здесь испытания; сердце обожгла горечь неразделенной любви, и вновь с неодолимой силой его схватила тоска и ослепила разум. Ему казалось, что не было на свете жизни более мучительной и нестерпимой, чем та, которая выпала на его долю: иметь родину—и потерять ее, сделаться царем—и стать изгнанником, любить — и быть навеки отвергнутым. Теперь он раскаивался, что не заколол себя мечом, когда был у царицы, и не прекратил своей мучительной жизни.

Мхаргрдзели откликнул его, так как приближался рассвет, надо было спешить с отъездом.

Юрий молча сел на коня и, обернувшись к другу, тихо обронил:

— Совсем обезумел я. Прости, брат! Я тебе земно кланяюсь, за все благодарю! Передай царице, пусть живет и благоденствует...—Он не докончил, тронул коня, и за ним двинулись все остальные. Когда они проезжали мимо дворца в Исани, Юрий, потрясенный, остановил коня, сердце его было готово разорваться от боли и восторга. Во мгле рассвета на балконе дворца

стояла царица в белом одеянии. Подняв руку, она попрощалась с ним и благословляла в далекий путь.

Юрий хотел соскочить с коня и броситься к царице, но видение исчезло.

— Успокойся! — тихо сказал Захария. — Царица велела передать, что будет молиться за тебя и никогда не забудет тебя.

Юрий ничего не ответил, но с безумной скорбью помчался вперед, стремясь скорее покинуть столицу. Вслед за ним поскакали воины, военачальники, Мхаргрдзели, и вскоре все они исчезли в горах, окутанных дымкой предрассветного тумана.

ГЛАВА VI

Гагели, прибыв в Антиохию, не стал задерживаться в городе, так как здесь правил Боэмунд, человек, привыкший к насильственным действиям, соединившийся то с крестоносцами, то с войсками Саладина, готовый изменить всем и каждому, всегда преследуя только цели личного обогащения. Гагели помнил, что Боэмунд искал руки Тамары для своего сына, но, получив отказ, затаил обиду против иверской царицы и мог причинить ему большие неприятности.

Не открывая никому своего имени, он поселился в иверском монастыре на Черной горе и стал ожидать здесь возвращения Сослана и Мелхиседека из Акры. Место было глухое и уединенное, и Гагели, боявшийся преследования исмаэлитов, избегал всякого общения с антиохийскими жителями и вел беседы только с монахами и настоятелем монастыря. Перед окнами его кельи рос большой платан, всегда возбуждавший в нем веселые и приятные мысли. Его подвижная листва, колеблемая ветром, умеряла солнечный жар и освежала воздух; однако она не заслоняла собою неба, и Гагели мог свободно любоваться бледными переливами красок коротких сирийских вечеров и ярким блеском восходящего солнца, с невольной грустью вспоминая при этом сходные очертания и виды родной Иверии.

Стремясь найти успокоение в занятиях, Гагели усердно переписывал богословские книги, совершал длительные прогулки в горах и изредка беседовал с монахами. Он быстро выяснил, что Липарита Орбелиани в монастыре никогда не было и о нем никто не знал ничего достоверного. Одни говорили, что он бежал в Пер-

сию, другие — что он погиб у исмаэлитов, иные уверяли, что видели его в Антиохии при дворе Бозмунда.

Гагели скоро убедился в беспечности своих поисков в стенах монастыря и начал бродить по окрестностям, бывать тайно в Антиохии, вести беседу с простолюдинами о всех пришельцах и беглецах из дальних мест.

Путем расспросов он надеялся напасть на след Липарита или, по крайней мере, выяснить время его окончательного исчезновения.

В одно из путешествий в Антиохию случайно на базаре он натолкнулся на чистильщика обуви, внешним видом и одеждой похожего на иверийца, но весьма в жалком и печальном состоянии. Желая помочь ему, Гагели спросил, кто он и откуда, и был крайне изумлен и обрадован, узнав, что это башмачник Вальден, недавно бежавший из Иверии от преследований князя Джакели в Палестину искать себе заработка, но он нигде не мог устроиться. Обрадованный Гагели обещал достать ему заказ на обувь для монахов и взял с собой в монастырь. По дороге Вальден успел рассказать ему про все, что делалось в Иверии: про нового царя, про недовольство князей, про царицу, которую насильно выдали замуж. Гагели не мог прийти в себя, слушая рассказ Вальдена об этих новостях, которые до основания разрушили все надежды Сослана и делали в известной степени бессмысленным не только их пребывание в Палестине, но самое главное — уничтожали значение всего предпринятого ими путешествия к Саладину и тех скитаний и лишений, какие пришлось перенести в прошлом, и ожидавших их в будущем страданий. Гагели со всей ясностью представлял себе отчаяние Сослана, когда он узнает о браке Тамары с Юрием и обо всех происшедших в Иверии переменах.

Но Гагели быстро поборол овладевшие им ужас и растерянность и начал напряженно думать о том, как приготовить Сослана к такому роковому известию, которое могло изменить все направление его жизни. Он проговорил весь вечер с Вальденом, и ему стало легче на душе, так как из разговора он узнал, что положение русского князя шаткое, что его никто не слушается, и

все знают, что он—нелюбимый муж, что царица живет отдельно от него. Выслушав все эти новости, Гагели пришел к убеждению, что когда они с Сосланом благополучно возвратятся в Иверию, царица примет их, и все положение в стране сразу изменится.

Наверное, царица уверилась, что нас нет в живых. Неизвестно, дошло ли до нее какое-нибудь известие. Самое важное сейчас — послать к ней вестника, что царевич возвращается. Если царица узнает об этом, она будет ждать его и примет все меры к тому, чтобы удалить русского князя.

Рассудив так, Гагели спросил Вальдена:

— Хочешь ты вернуться домой?

Слезы градом покатались по лицу Вальдена. Веселый башмачник изрядно намучился в дороге, в чужой стране, и ему даже трудно было представить себе такое счастье, как возвращение в Иверию.

Птица, и та, вылетая из гнезда, опять летит на старое место. Медведь, и тот, идет в свою берлогу, как же мне не хотеть вернуться на родину! — воскликнул Вальден. — Я бы продался в рабство, лишь бы иметь деньги, чтобы отправиться домой. Но мне не на что ехать!

— Ну вот слушай, что я скажу тебе. Я дам тебе денег. Поезжай сейчас же в Иверию. Доберись до царицы, скажи ей, что царевич Сослан жив и возвращается на родину вместе со своими спутниками. Больше ничего! Исполнишь поручение — получишь награду и деньги и в мастерскую вернешься. Но помни, что об этом поручении никто не должен знать. Не попадайся на глаза русскому князю. Сделаешь, о чем говорю?

— Ну, как не сделать? — воскликнул Вальден, — и Арчил поможет мне в этом деле. Он бывает при дворе и проведет к царице. Что хотите — все сделаю, лишь бы попасть в Иверию.

Вальден долго не мог понять, что в жизни может произойти такой неожиданный поворот. Гагели подробно рассказал ему, как нужно вести себя, и Вальдену стало ясно, что дело серьезное и касается не только личной жизни царицы, но и государства.

Будучи толковым и сметливым по природе, Вальден быстро разобрался во всем и на следующий день с первым караваном, отходившим в Киликию, пустился в путь, надеясь по дороге найти доброго коня и спутников.

Проводив Вальдена, Гагели еще с большей энергией принялся за поиски Липарита Орбелиани, полагая, что теперь это может иметь решающее значение и для судьбы Сослана, и для завершения борьбы царицы с князьями.

Однажды один из монахов, много лет живший на Черной горе, выслушав сетования Гагели, что он не может нигде получить сведений о Липарите Орбелиани, сказал ему:

— Не печалься раньше времени! Хочу я дать тебе один совет. Здесь, недалеко от монастыря, в пещере, живет один отшельник, ввергнувший многих в соблазн своим странным поведением. Он никогда не бывает в храме и, хотя ведет жизнь суровую и уединенную, несколько не похож на благочестивого пустынника. Люди видели, как он бродит по окрестностям, собирает травы и сушит их, но что он делает с ними — никто не знает. Слышно, что он бежал из Иверии и, надо полагать, что совершил большое преступление, если вынужден укрываться от людей в пещерах. Сходи к нему и тщательно расспроси, кто он, откуда, да смотри, будь осторожен! Говорят, будто он общается с бесами, а такие люди редко когда приносят человеку счастье!

Гагели поблагодарил его за совет, расспросил о месте, где укрывался отшельник, и быстро отправился в путь, радуясь, что, благодаря случайности, мог, наконец, напасть на след, который, возможно, приведет к давно исчезнувшему Орбелиани. Он прошел несколько селений и ущелий: то поднимался в гору, то спускался вниз, наконец, он увидел миндальный сад, где, по описанию монаха, находилось убежище пустынника. Осторожно подошел он к отвесной скале, в которой была пробита низкая дверь, нагнувшись, вошел в пещеру и с изумлением осмотрел небольшую комнату, освещенную многочисленными разноцветными лампадами. В

келье было пусто и тихо, сильно пахло сушеными травами, вдоль стен стояли высокие сосуды и кувшины, как видно, наполненные пряностями, благовониями, тонкий аромат которых разносился по комнате.

Гагели с большим интересом осматривал келью, совсем забыв о том, зачем он пришел сюда. Он долго стоял неподвижно, взирая на мерцавшие лампы, отрываясь от всего земного.

— Как ты попал сюда, дерзновенный? — вдруг раздался сзади чей-то голос. Оглянувшись, он увидел высокого старца с длинной седой бородой, глядевшего на него строго и укоризненно. Хотя и в полумраке, Гагели однако рассмотрел, что он был в длинной рубахе, подпоясанной вышитым поясом, в башмаках из цветной кожи и в высокой синей шапке, простой и важный, грубоватый по внешнему виду, но сановитый по своим манерам и движениям.

— Не гневайся на путника, нечаянно забредшего в твою обитель, — скромно ответил Гагели по-иверийски, в то время как старец обратился к нему со своим нелицеприятным приветствием на местном наречии, очевидно, предполагая, что гость был из соседних селений и зашел к нему из праздного любопытства.

Старик посмотрел на него пристальным, изумленным взглядом, как бы раздумывая, что это значит, и начал тихо тоже по-иверийски:

— Воды жизни давно унесли всех моих близких, и я забыл про страну, где я родился и где испытал столько несчастий. Если ты из Иверии — будь моим гостем! Поведай мне, что творится в жизни, какие перемены произошли в мое отсутствие? Весь мир движется вперед в сроках, положенных ему провидением. Только я один остался на земле — живой среди мертвецов и мертвый среди живых, ожидая дня, когда отзовет меня к себе всевышний судья.

Сказав это, старец пригласил Гагели сесть на скамью, служившую ему вместо постели, и сел напротив него, не прибавив больше ни слова. То ли мысли унесли его к далеким временам, и он переживал свое прошлое, то ли напоминание о смерти встревожило его со-

весть, но он забыл о пришельце. При свете лампы трудно было различить черты его лица, тем не менее Гагели, уже не стесняясь, разглядывал своего соотечественника, который вблизи оказался вовсе не таким древним стариком, как можно было судить по его виду и речи, устремленной больше к вопросам вечности, чем к интересам здешнего мира. Хотя он был седой, однако, его большие глаза сверкали ярким огнем и меньше всего говорили о бесстрастии и равнодушии ко всему земному. В них горела неугасимая любовь к жизни, жадное стремление к людям.

Пока Гагели был занят созерцанием незнакомца, тот уже успел прийти в себя от неожиданной встречи и вернуться к тихим и неизменным устоям отшельнической жизни. С глубоким вздохом прервал он тягостное молчание и, указывая на стол, где лежали хлеб, смоквы и маслины, попросил его разделить с ним скромную трапезу. К удивлению Гагели, он достал из ларца две серебряные чарки, поставил на стол высокий кувшин и налил оттуда густого вина с золотым отливом.

— Давай выпьем за наше прекрасное отечество, — предложил он. — Память о нем вечно живет в моем сердце. Пей! Едва ли земнородные пили такой напиток, как этот. Много лет я трудился над ним, собирая травы, добывая сахар и сок из ягод, и добился секрета, как сделать вино, превосходящее своим вкусом, крепостью и ароматом напиток святого Бенедикта, известный всему миру. Я радуюсь, что могу выпить с тобой и вспомнить прекрасную Иверию, откуда меня за мои преступления изгнало провидение.

После первой же чарки Гагели почувствовал, что напиток необычайной густоты, крепости и вкуса, приведший его сразу в приятное расположение духа. Но вместе с тем он отнял у него возможность передвигаться и приковал к одному месту.

— Что станет с человеком, если он выпьет полкувшина этого доброго вина? — подумал Гагели, заметив, что сам хозяин легко перенес действие своего напитка и уже собирался налить по другой чарке.

— Я с утра не ел ничего, — признался Гагели, — а

твой напиток по своей крепости превосходит все напитки, известные мне. Опасаюсь, что после второй чарки не смогу уйти из твоей кельи и лишусь прежде времени способности управлять своим языком и мыслью.

Улыбка осветила лицо отшельника, настолько ему понравились слова Гагели, бывшие для него лучшей похвалой.

— Не бойся! — добродушно промолвил он. — Вторая вернет тебе силы, а третья — разгорячит мысль и утроит твои способности. В этом убежище найдется для тебя место, если ты не обретишь в себе силы возвратиться обратно. А пока не препятствуй мне угостить дорогого гостя и вспомнить о далекой отчизне, по которой неумолчно стонет и болит мое сердце.

Он достал из ящика несколько штук жареной на вертеле дичи, и Гагели, поев, охотно опорожнил вторую чарку, а за ней третью и через некоторое время почувствовал, что хозяин был прав. Напиток возымел обратное действие, вернув ему ясность мысли, свежесть и крепость тела и повышенную возбудимость ко всем впечатлениям.

Дичь, маслины и финики быстро утолили голод Гагели. Усталость с дороги прошла, и, сильно разгорячась хорошим крепким вином, он воспылал неудержимым желанием узнать о жизни отшельника и о причинах, побудивших его навсегда оставить Иверию.

Вероятно, такое же сильное возбуждение испытывал и гостеприимный хозяин, так как глаза его разгорелись, дыхание стало учащенным, движения — более порывистыми, а выражение удовольствия — более громким и частым.

— Давно всевышний не посылал мне такого желанного гостя, как ты, — произнес он, когда они выпили, закусили и уже стали бросать друг на друга нетерпеливые взгляды, ожидая, кто первый из них переступит грань осторожности и недоверия и начнет, наконец, беседу дружескую и чистосердечную.

— Ты, верно, хочешь знать, как я попал сюда, почему покинул свое отечество, где я с детства жил в праздности и роскоши, — начал он с сильным душев-

ным волнением, теребя седую бороду, стремясь рассказать Гагели о постигших его скорбях и напастях. — Признаюсь тебе, как перед богом, что страшит меня мысль уйти в тот мир и унести с собой в могилу тайну, которую я таил от всех много лет, опасаясь, как бы она не была обнаружена моими врагами. Но твое нечаянное появление здесь, приятный и дорогой сердцу облик сородича всколыхнул давно забытые воспоминания о родине. Мысли мои стали подобно соколу — то взлетают ввысь, то низвергаются в бездну, и я не обрету более покоя, пока не откроюсь перед тобою и не очищу души моей хотя и поздним, но чистосердечным признанием.

Гагели с нескрываемым интересом смотрел на отшельника, с нетерпением ожидая, что он скажет дальше. Самые невероятные предложения теснились в его уме, заставляя мысленно забегать вперед и разгадывать тайну, о которой намекнул ему отшельник. Гагели едва удержался от порывистого восклицания: «Кто ты? Знаешь ли ты Липарита Орбелиани?» Но, боясь расхолодить его и внушить ему подозрение, Гагели сказал совсем другое, более спокойно и безразлично.

— Не утаивай ничего! Открой мне всю правду! Я найду способ вырвать тебя из этого мрачного подземелья!

— Я вижу, ты из знатного рода, и мне перед тобой скрываться нечего, — со вздохом начал отшельник, — скажи мне, знаешь ли ты о тех событиях, которые произошли в Иверии перед воцарением нашей царицы? — Гагели притих, поняв по вопросу отшельника, что он говорит о восстании Демны и что перед ним, наверное, был один из защитников этого восстания и хотел рассказать ему о своем участии в этих кровавых событиях.

— Не только я, но все близкие к царскому дому помнят про ту мрачную годину, когда Иверия была потрясена смутой, — откровенно признался Гагели. — До сих пор у всех в памяти гибель царевича Демны. К сожалению, до сего дня не открыт виновник этого страшного злодеяния. Хотелось бы мне знать, что ты

слышал об этом деле, какая участь постигла несчастного царевича?!

Гагели еще не успел окончить своих слов, как отшельник, бывший до того общительным и радушным, вдруг потемнел, нахмурился и сразу потерял охоту к продолжению беседы. Гагели раскаивался в своей неосторожности, оттолкнувшей от него старика, терпеливо ждал, когда тот успокоится и вернется опять к прерванному разговору. Отшельник поднялся со своего места, прошелся по комнате, перекрестился, точно примиряясь с неизбежной судьбой, и остановился перед Гагели.

— Я — Липарит Орбелиани, — твердо сказал он. — Я бежал от царского гнева, и над моей головой тяготет проклятие. Весь наш род истреблен. Я остался один, бежав из своего отечества. Живу, как преступник, в нищете и бесчестии, не имея надежды вернуться на родину! Беги отсюда, пока тебя не постигло наказание!

— Липарит Орбелиани?! — вскочил в волнении Гагели, уже не сдерживая своей радости. — Спасение к тебе ближе, чем ты думаешь. Царица поручила мне найти тебя. Ты вернешься в Иверию, если чистосердечно поведаешь мне, что случилось с царевичем Демной?

Ошеломленный его словами Липарит поднял руки вверх, точно обращаясь к небу с мольбою о пощаде, и на некоторое время застыл в неподвижности. Крутой поворот судьбы от горя к радости, от отчаяния к надежде обессилил старика, и он, потрясенный, грузно опустился на скамью. Но вскоре он пришел в себя, поднял голову и просветленным взглядом посмотрел на Гагели.

— После многих лет позора и страдания впервые свет проник в мое омраченное сердце, — наконец, промолвил он с печальной важностью, — мог ли я ожидать, что царица вспомнит про меня и хоть на склоне лет разрешит мне вернуться в Иверию? Но признаюсь тебе. Тяжел был для меня гнев царя, еще тяжелее бегство с родины, но самое лютое для меня — воспоминание о несчастном, загубленном царевиче Демне. Кровь его пала на нас и свела всех моих родичей в могилу.

Он замолчал, и в келье опять наступила тишина. Мерцанье лампад, крепкий аромат трав и полумрак углубляли чувство отрешенности от жизни, усиливали тяжесть безмолвия. Но Гагели не торопил Липарита, видя, как трудно ему даже мысленно вернуться к прошлому, и терпеливо ждал его признания. Когда он сел и обратился к своему собеседнику, Гагели заметил, что он стал совсем иным, чем был в начале их встречи.

— Страшно открыть уста после долгого молчания, — тихо начал Липарит, — и касаться событий, скрытых от нас во мгле времени. Как тебе и многим известно, царевич Демна воспитывался в семье моего брата — Иванэ Орбелиани, который надеялся через него получить доступ к власти. Демна, воспитанный в духе противления своему дяде и усилению княжеских родов, однако, про себя таил совсем иные мысли и вполне сочувствовал тому, что делал Георгий. Когда Иванэ поднял восстание, то мятежники вместе с Демной заперлись в Лорийской крепости, а меня отправили просить пощады у азербайджанского правителя. Юный царевич стремился к примирению с дядей, а Иванэ хотел насильно удержать царевича при себе, чтобы иметь в его лице орудие против царя и привлечь на свою сторону народ. Вынужденный скрывать свои намерения Демна тайно ночью покинул крепость и направился к лагерю, где находился командующий войсками царевич Сослан, надеясь найти у него защиту. Опасаясь измены и предательства, Демна не взял с собой никого из приближенных, кроме оруженосца. Он не знал, что по приказанию Иванэ за каждым его шагом следили, чтобы не допустить его перехода к Георгию. Оруженосец, боясь нападения, предпочел ехать с ним глухими горными тропинками, но в одном из ущелий они были внезапно окружены вооруженными всадниками, которые потребовали, чтобы царевич следовал за ними. После отказа Демны они обнажили мечи, и завязался жаркий бой, где никто не мог, кроме оруженосца, оказать помощь несчастному царевичу, оказавшемуся в горах без всякой защиты. Когда Демна был вышиблен из седла и тяжело ранен, его подхватили всадники и скрылись

вместе с ним, навеки похоронив в горах тайну своего злодеяния. Обо всем этом нам рассказал оруженосец, которого мы нашли уже истекавшего кровью и который вскоре после того умер на наших руках. Он был уверен, что никто из царского лагеря не знал об их выходе из крепости, никто не мог преследовать царевича. Я шел на помощь с войсками, но по дороге до нас дошли слухи, что мятежники сдались Георгию. Иванэ ослепили и бросили в темницу. Услышав эту грозную весть, я повернул с войском обратно и с двумя сыновьями бежал в Персию. Бог будет судить Георгия за его деяния, нас же постиг суд земной.

Воцарилось тяжелое молчание, так как от волнения и усталости Липарит не мог больше говорить, покорно предоставляя Гагели выносить свое решение: простить или осудить его, взять под свое покровительство или отвергнуть всякую надежду на его примирение с царицей.

Гагели был так поражен всем слышанным, что долго не мог отозваться на признание Липарита и высказать ему сочувствие. Его рассказ о гибели Демны не открывал истинного виновника злодеяния, но все-таки устанавливал причастность Иванэ Орбелиани к этому убийству. Рассудив про себя, что Липарит своим свидетельством может заставить патриарха снять обвинение с царевича Сослана, Гагели, наконец, отозвался и с искренним дружелюбием ободрил его.

— Твой рассказ мог бы тронуть и самые камни, источая из них кровь и слезы. Но не впадай в уныние. Пусть порукой тебе служит мое слово, что ты будешь помилован и возвращен в Иверию. Полагаю, что судьба нас с тобой свела, чтобы послать тебе избавление.

Здесь мысли Гагели вдруг перенеслись к недавнему плену у исмаэлитов. Он пристально посмотрел на Липарита, что-то вспоминая, и вдруг неожиданно спросил:

— Скажи мне, где же твои сыновья? Давно ли не имеешь от них известий?

Липарит очнулся от оцепененного состояния и тяжело вздохнул.

— Судьба разбросала нас в разные стороны. Я не знаю, какая участь их постигла. Одного я утерять в Персии, а с младшим — Иванэ — несколько лет жил в Антиохии; затем мы направились в Палестину, но по дороге на нас напали разбойники и похитили сына. До сих пор не могу найти следов его и узнать, кем он был похищен. Думаю, что его убили, иначе он прислал бы известие о себе. Видно, господь сулил кончить мне свою жизнь в одиночестве!

— Вспомни, как говорит наш песнопевец: «Ни одна слеза в мире не пропадет бесследно, и никогда всевышний не оставит человека, если он остается ему верным», — с некоторой торжественностью начал Гагели и, помолчав, веселее добавил: — Никогда радость не приходит одна. Если ты не смог найти своего сына и ты думаешь, что он мертв, то я тебе принес радостную весть о нем. У меня есть основания полагать, что он жив, и ты скоро с ним увидишься!

— Иванэ жив?! — воскликнул Липарит и поднялся. — Не ошибся ли ты? Говори скорей, что ты знаешь о нем? Где ты его видел? — дрожа от волнения, не веря, боясь и сомневаясь, Липарит смотрел на Гагели, жадно ловя каждое его слово. Гагели подробно, не торопясь, рассказал ему об исмаэлитах, о своем пребывании в их замке и о слугителе-иверийце, который оказал им неоценимую услугу, помог освободиться из плена.

— Хотя он и скрыл от нас свое имя, очевидно, боясь мести исмаэлитов, — продолжал Гагели, — но, прощаясь, сказал нам: «Найдите на Черной горе, близ Антиохии, Липарита Орбелиани и передайте ему все, что видели и слышали от меня. Он один может спасти меня из плена и открыть вам мое имя». Суди сам, кто другой, кроме сына, мог знать, где ты находишься, и ждать от тебя спасения?!

На глазах Гагели произошла удивительная перемена. Липарит выпрямился, глаза его засверкали жизнью и огнем, лицо от радостного возбуждения покрылось ярким румянцем, и весь он так преобразился, что несколько больше не походил на дряхлого старика, проводившего свои последние дни в пещере.

— Ты принес мне жизнь, мертвого оживил. Кто бы ты ни был, как бы высоко или низко ни было твое положение, ты для меня — вестник с неба, принесший мне спасение. Сын мой жив, и ничто в мире больше меня не страшит!

Он обнял Гагели, выражая ему горячую признательность, и просил его провести с ним ночь в пещере, так как от волнения и радости он лишился сна и больше не мог переносить одиночества.

Утром они сердечно простились, довольные и счастливые своим свиданием.

— В следующий раз я приду к тебе не один, а с тем, кто имеет власть и силу даровать тебе прощение и взять с собой в Иверию, — обещал Гагели. — Ты увидишь царевича Сослана.

Лиларит посмотрел на него и во взгляде его одновременно отражались удивление, страх и уважение.

— Всего я ожидал в жизни, но никогда не думал, что встречу с царевичем Сосланом, — задумчиво ответил он. — Да будет благословенно его имя! А теперь дозвожь мне на время отлучиться и выполнить просьбу моего сына. Я возьму быстрого коня и, не замедлив, вернусь обратно. Когда-то исмаэлиты звали меня к себе, и Старец с горы обещал меня укрыть от царского гнева. Наверно, ради этой цели они похитили моего сына, ожидая, что я, рано или поздно, явлюсь к ним, чтобы спасти его. Но не слишком ли поздно я узнал об этом!

— Ни слова не говори о нашей встрече и не упоминай имени царевича Сослана, — предупредил его Гагели, и они дружески расстались, овеянные воспоминаниями о прошлом и исполненные радостных надежд на будущее.

После этого свидания прошло уже много времени, а Гагели продолжал жить в одиночестве, не получая ни от кого вестей.

Однажды ночью, когда Гагели находился в особе тревожном состоянии и не спал, переписывая богослужебные книги, он услышал вдруг дальней ржание коней, стук копыт и отдаленные возгласы, гулко разно-

сившиеся в ночной тишине. Он поспешил к воротам монастыря, трепеща от неизвестности, внезапно вспыхнувшей надежды и страха от мысли, что может обмануться в своих ожиданиях.

Светила луна, ночь была тихая и прозрачная. Гагели неподвижно стоял в нише ворот, глядя, как приближались к нему всадники, тихо переговариваясь между собою. Видно было, что кони сильно устали, так как шли медленно, а всадники не ускоряли их бега, спокойно и уверенно направляясь к монастырю.

Гагели не выдержал и, выйдя из ниши, громко позвал:

— Мелхиседек!

Он намеренно из предосторожности не назвал Давида Сослана, опасаясь, что это могли оказаться чужеземцы или, что хуже всего, исмаэлиты, и замер от неожиданности, когда увидел, что передний всадник быстро соскочил с коня и бросился к нему навстречу. При свете луны фигура Сослана выросла до гигантских размеров. Прежде, чем Гагели пришел в себя от радости, он заключил его в свои объятия и высоко поднял, показывая его Мелхиседеку и остальным слугам. Все они смеялись и плакали от радости, не будучи в силах произнести ни слова, издавая только бессвязные, отрывистые восклицания, выражавшие их счастье от долгожданной встречи друг с другом; они вновь соединились все вместе и могли думать, наконец, о своем возвращении в Иверию.

— Где найти слова, чтобы выразить мою радость! — воскликнул Гагели, а Сослан тихо сообщил:

— Мы привезли древо креста. Наконец завершилось дело, ради которого мы покинули родину и претерпели столько бедствий!

— Надо спрятать святыню! — прошептал Мелхиседек, точно боясь быть кем-либо услышанным в этом глухом монастыре. — Мы скитались по разным местам и передвигались ночью, так как были предупреждены, что на нас готовится нападение. Мы не спали ни одной ночи. Боялись либо лазутчиков, либо исмаэлитов, могущих напасть на нас и отнять древо креста!

— Идите за мной! Я укажу вам безопасное место,— сказал Гагели, и все тронулись за ним, стараясь не производить в монастыре шума. Слуги тихо вели на поводу коней, Сослан нес ковчег, а следом за ним шли Мелхиседек и Тимофей. Они вошли в небольшой домик, который занимал Гагели, и по его указанию опустили ковчег в каменное подземелье, где хранились церковные вещи, утварь, одежда и бесчисленное множество книг и пергаментных свитков.

Успокоившись немного от пережитых впечатлений, они сели за стол, чтобы подкрепиться пищей, и тут только Гагели заметил, как Сослан изменился и какая невыразимая печаль сквозила в чертах его мужественного открытого лица, носившего на себе следы перенесенных им страданий. Не понимая еще причины этой странной скорби, Гагели принялся рассказывать им о своей встрече с Липаритом Орбелиани, их беседе и его сообщении о гибели Демны.

Мелхиседек, услышав, кто был таинственный иверец, которого они видели у исмаэлитов, не мог удержаться от изумленного восклицания.

— Кто мог подумать, что он — сын такого важного вельможи, находится в услужении у извергов, каких еще не носила земля на себе?

Сослан глубоко задумался.

— Жестокое наказание постигло весь род Орбелиани за их измену и предательство, — со вздохом сказал он, — особенно за то, что они погубили Демну, избрав его орудием своей мести. Но пусть мертвые спокойно почивают в своих могилах! Если Георгий был вынужден проявить жестокость и подавлять восстание, то теперь наступила иная пора, и вместо строгости нужно выказывать великодушие и снисходительность к врагам. Пусть никто из пострадавших не вспоминает больше своей печали и не сетует на постигшие его испытания!

Гагели из этих слов понял, что Сослан решил помиловать Орбелиани, и тут же попросил его взять с собой сына и отца в Иверию, если только они вернутся от исмаэлитов.

Когда удалился Мелхиседек и они остались одни, Гагели не мог скрыть своей тревоги.

— Я вижу, глубокая печаль терзает Вашу душу, — сказал он Сослану, — и радость покинула Вас. Какое известие смутило покой и лишило моего повелителя привычной бодрости духа?!

Сослан сделался еще более задумчивым, как бы не решаясь открыть Гагели мучивших его дум. В свою очередь, Гагели, вспомнив рассказ Вальдена, сильно расстроился, не зная, как сообщить Сослану печальную новость о царице. Затем у него явилось подозрение, не дошли ли какие-нибудь зловещие слухи до Сослана, и, боясь еще более встревожить его, замолчал. Каждый ждал, что скажет другой. Сослан, наконец, пересилил себя и тихо, как-то покорно произнес:

— Много мы видели всяких бедствий. Были в плену, терпели кораблекрушение, преследование и всякие невзгоды, но того не испытывала моя душа, что я переживаю теперь, находясь на пути в Иверию. — Он вздохнул и долго смотрел, как разгоралась заря на востоке, как постепенно светлело вокруг монастыря и сквозь листву платана уже просвечивало бледно-голубое небо.

— Слушай, что я узнал в пути, — начал он еще тише, точно боясь быть кем-либо подслушанным, — оказывается, царица была замужем за русским князем, и только недавно Микель на соборе лишил его престола, расторгнул брак и велел изгнать из Иверии. Страшно подумать, сколько горя перенесла царица.

Сослан посмотрел на Гагели, ожидая, что его сообщение ошеломит друга, но тот, обрадованный тем, что тяжелое объяснение с царевичем отпадало, в восторге воскликнул:

— Если бы Вы знали, какую великую радость Вам ниспослала судьба! Об этом нужно было бы молить небо целые годы. Если сам Микель решил изгнать русского князя из Иверии, то, надо полагать, он жестоко досадил всем и отомстил им за все Ваши обиды. Не печалиться надо, а ликовать, что русский князь довел их до того, что они сами расторгли его брак с цари-

цей. Теперь Вы можете легко усмирить мятежников и оградить царицу от всяких испытаний!

— Ты сказал истину! — оживился Сослан и крепко обнял Гагели. Под влиянием дружеской беседы тоска его рассеялась, чувства гнева и ревности утихли, и он на короткое время забылся сном.

На другой день они поспешили к пещере, где скрывался Липарит Орбелиани, желая обрадовать его приятной вестью о прощении и возвращении на родину, но, когда они подошли к миндалевому саду, Мелхиседек издал вдруг радостный крик и бросился к человеку, выходящему из пещеры. То был молодой ивериец, с которым они встретились у исмаэлитов. Увидев их, он с громким рыданием упал на грудь Мелхиседека. Гагели остановились.

— Вот сын Липарита! — тихо сказал он Сослану. — Как видно, отец нашел его и освободил из плена. Но почему вместо того, чтобы радоваться, он льет слезы.

Придя в себя, Иванэ Орбелиани сердечно поздоровался с Гагели и почтительно поклонился Сослану.

— Не удивляйтесь моей скорби! — пояснил он, обращаясь к Гагели. Я получил свободу, но потерял отца. Дан-эль-Кебир, наместник Сидна, с которым Вы беседовали во время пребывания у исмаэлитов, давно ждал моего отца, желая привлечь его в свое братство. Он объявил согласие отпустить меня, но потребовал, чтобы вместо меня отец остался у них пленником, а я ехал в Иверию и неусыпно наблюдал за вами. Отец, не желая навлекать на всех нас месть исмаэлитов, предпочел остаться в плену. И мне даровали свободу.

— Во время нашего краткого свидания он успел сказать мне, чтобы я нашел Вас и верно служил царевичу Сослану. — «Своей преданностью царевичу, — сказал он, — ты искупишь вину нашего рода и снимешь с нас позор измены». — А теперь я остался один и не знаю, что будет с отцом моим. — Он обернулся к Сослану и с горячностью закончил: — Клянусь жизнью своего отца верно служить Вам. Я никогда Вас не покину!

— Ты помог моим друзьям в несчастье, и я дарую всему вашему роду прощение, — промолвил Сослан. — Ты поедешь вместе с нами в Иверию, а когда мы будем недосыгаемы для исмаэлитов, то выкупим твоего отца из неволи.

— Я был в печали, но теперь сердце мое исполнилось радости и надежды, — воскликнул Иванэ. — Но умоляю вас! Не задерживайтесь ни одного дня в Антиохии! Должен предупредить вас. У нашего приора я видел посланца из Иверии, изуродованного шрамом рыцаря. От него нельзя ждать ничего хорошего!

— Кони готовы! — с живостью отозвался Мелхиседек. — Надо срочно выезжать отсюда!

В ту же ночь они покинули монастырь и счастливые и радостные помчались окольными путями, надеясь более дальним, но безопасным путем скорее добраться до Иверии.

ГЛАВА VII

Юрий въезжал в Константинополь с совершенно иным чувством, чем когда уезжал из Иверии. Большой город с его кипучей жизнью придал совсем другое, более широкое направление его мыслям и заставил его задуматься не только над своей личной судьбой, но и над судьбами народов. Однако Юрий еще не успел освоиться с новыми впечатлениями и решить, как ему устроиться на новом месте и чем заполнить свободное время, как его неожиданно пригласили на прием к императору Исааку. Юрий не подозревал, что весть о приезде свергнутого иверского царя быстро распространилась среди придворных кругов и вызвала большой переполох во дворце Исаака.

Между тем Роман по приезде в Константинополь принялся осматривать все окрестные монастыри, ища приюта для князя, которому, как он полагал, надлежало теперь скрыться от мира и в уединенной тишине найти себе отраду и успокоение. В одном из монастырей ему рассказали о пребывании царевича Сослана в Константинополе и о том, каким преследованиям подвергся он со стороны Исаака и Мурзуфла. Вернувшись к себе, он предупредил Юрия, чтобы тот никому не доверялся в Константинополе, а скорей заканчивал свои дела и перебирался в один из дальних монастырей.

— Не жизнь здесь, а суета сует! — говорил Юрию Роман. — И тебе, князь, кроме обмана и горя, нечего ждать от императора. Слышал я, сколько зла здесь причинили царевичу Сослану, и тебя ожидает та же участь! Бежим отсюда, пока не поздно!

— Бежать некуда! — мрачно ответил Юрий, — а

пользу извлечь из этих людей можно. Что может меня утратить после того, что было со мною в жизни? Может быть, причинив зло царевичу, они захотят быть ко мне милостивы?

И Юрий не ошибся в своих предположениях. Подстрекаемый Мурзуфлом Исаак решил принять участие в судьбе Юрия. Когда тот явился к нему на прием во Влахернский дворец, он устроил ему торжественную встречу, напомнив, что Византия издавна была связана с Русью не только политическими и торговыми отношениями, но и единством православного вероисповедания. При этом Исаак твердо заверил Юрия, что считает своим долгом помочь ему восстановить его погрязшие права и воцариться в Иверии.

Однако, предупрежденный Романом Юрий холодно отнесся к словам Исаака, зная, как легко константинопольские императоры свергали друг друга с престола; еще легче они нарушали обещания и менее всего заботились о помощи обиженным и свергнутым с престола собратьям. Но присутствовавший на приеме Мурзуфл сразу изменил течение его мыслей сообщением о царевиче Сослане.

— Судьба его предрешена, — хладнокровно заявил Мурзуфл. — Исмаэлиты, Вы, конечно, слышали про эту страшную секту, решили сделать его своим пленником, и нечего надеяться, что царевич Сослан при его горячем нраве выйдет от них живым. Нам известно, что эти изуверы хотят подчинить своему влиянию Иверию и ослабить власть царицы. Приютив сына и внуков Андроника, она нарушила мир с Византией, а опираясь на царевича Сослана, она расшатала внутренними смутами и крамолами свое царство. Власть ее пошатнулась. Кто, кроме Вас, царь, будет защищать престол Иверии от злодейских покушений исмаэлитов и смутьянов внутри отечества!

Лукавые речи Мурзуфла смутили Юрия и лишили его душевного равновесия. Несколько успокоившись после отъезда из Иверии, он был застигнут врасплох известием о царевиче Сослане и встревожен опасностями, грозившими царице от исмаэлитов. В нем зароди-

лось непреодолимое желание помочь ей и вновь утвердиться на престоле Иверии. С пленением Давида Сослана, как он думал, исчезло единственное препятствие, которое не позволяло ему соединиться с царицей, и теперь он не видел больше никакой помехи для своего возвращения в Иверию.

Между тем коварный Мурзуфл продолжал, нисколько не стесняясь присутствия Исаака:

— Мы Вам окажем всемерную помощь войсками, снаряжением, военачальниками. Когда Вы займете престол Иверии и станете управлять страной, Вы передайте в наши руки сына и внуков Андроника. Не скроем от Вас, что нам важно иметь дружественного царя в Иверии, который в случае нужды может оказать нам помощь против крестоносцев.

Измученный всем слышанным от Мурзуфла и ободренный надеждой на помощь, обещанную ему константинопольским императором, Юрий не придавал серьезного значения его требованию выдачи Комненов, полагая, что, воцарившись в Иверии, будет действовать сообразно с обстоятельствами. Не колеблясь и не раздумывая, он изъявил согласие принять помощь Исаака, и вместе с Мурзуфлом они обсудили план вторжения в Иверию, наметив для этой цели наиболее удобные места возле Трапезунда и побережье Черного моря. В самый короткий срок Юрий приготовил отборное войско из греков и, к ужасу Романа, предпринял рискованный поход на Иверию. Юрий был убежден, что не встретит никакого сопротивления в Иверии и что царица, извещенная о пленении Давида Сослана, не будет протестовать против его возвращения. Воодушевленный самыми светлыми надеждами и ожиданиями, Юрий высадился с большим войском в Кларджети, где его с восторгом встретил Гузан и примкнул к нему с огромным ополчением; охотно и добровольно присоединились к нему и другие области. Чем дальше Юрий продвигался в Иверию, тем проникался большей уверенностью, что действует в полном согласии с волей царицы и не совершает ничего преступного, что было бы направлено против ее власти и влияния. Он триумфаль-

но прошел почти всю Иверию, а когда дошел до Гори, его провозгласили царем. Но торжество Юрия вскоре кончилось. Тамара долго не решалась начать братоубийственную войну, но видя, что восстание повсюду разгорается, собрала огромное войско, встала сама во главе, ободряя их личным примером и мужеством, выступила против Юрия. Как только он услышал, что сама царица предводительствует войсками, что многочисленные народные ополчения собрались под ее знаменами, он остановился возле Гори. Теперь у него не было больше никакого желания идти на столицу, завоевывать трон, который нужен был ему только для соединения и совместного царствования с царицей. Поэтому он не стал предпринимать никаких мер для дальнейшего завоевания Иверии. В первом же сражении с Тамарой под Гори он был разбит и взят в плен. Неудача так подействовала на войска Юрия, что большинство воинов в панике разбежалось, а остальные сдались в плен, так как им было обещано царицей помилование и свобода.

Тамара пожелала видеть Юрия, но распорядилась, чтобы никого не было при этом свидании. Она полагала, что в присутствии приближенных он не будет искренен и не раскроет истинных причин своего выступления против нее. Тамара еще не знала, как дальше поступить с Юрием, куда отправить его, чтобы он был лишен возможности нападать на Иверию. Решить его судьбу она могла только после окончательного выяснения всех обстоятельств его отчаянного поступка, руководствуясь при этом исключительно велениями совести и рассудка.

Она хорошо понимала, что никто из ее военачальников не только не проявил бы снисходительности к свергнутому царю, но, напротив, все они, как один, потребовали бы его немедленной казни, а в лучшем случае — заточения в темницу и ослепления.

Опасение за жизнь Юрия вынудило Тамару отдать строгое распоряжение, чтобы никто не смел убивать Юрия, чтобы его захватили живым и доставили к царице.

В Горийской крепости, где находилась царская ставка, они виделись последний раз, уже не как друзья и бывшие супруги, а как враги, отрезанные навсегда друг от друга.

С нетерпеливым беспокойством Тамара ожидала появления Юрия, одновременно испытывая и гнев против его непокорства, и глубокую жалость к этому мятежному человеку, который, к ее удивлению, успел заручиться содействием греков и с их помощью совершить поход на Иверию.

Юрий был введен к царице, как пленник, но вид у него был не побежденного и разбитого врага, а великодушного победителя, который предпочел проиграть сражение, чтобы уступить победу противнику. Тамара никогда не видела Юрия таким спокойным, благородно-независимым, как теперь, когда он предстал перед нею, как обезоруженный пленник, оставленный всеми своими сторонниками и не имевший ни в ком опоры и защиты. Тамара тщетно пыталась угадать, чем вызвано было это небывалое спокойствие и какие тайные надежды питал Юрий, не проявляя перед ней ни малейших признаков раскаяния. Он с достоинством занял предложенное ему царицей место и ничем не выразил желаний первым начать беседу с нею или испросить прощения. Видимо, внутренне он приготовился к самому печальному концу и не хотел ни искать, ни просить пощады. Он как бы предоставлял Тамаре право распоряжаться его жизнью, благословляя судьбу за то, что она привела его сюда и дала возможность последний раз свидеться с царицей.

Видя, что Юрий не имеет намерения прерывать тягостное молчание, Тамара тихо и укоризненно произнесла:

— Безумный! Как ты решился на такой дерзновенный поступок и подверг себя позору? Почему ты пренебрег моею милостью и предпочел плен свободе?

— Свобода была для меня лютей плена, я предпочел быть твоим узником, чем почтенным гостем константинопольского императора, — ответил Юрий, — разве ты не знаешь, что император затаил злобу про-

тив тебя и ради Комненов готов воевать с Иверией? Благодарю бога, что он решил действовать через меня и я могу открыть тебе его замыслы.

Тамара с большим вниманием выслушала Юрия и тотчас же припомнила: какие испытания постигли Давида Сослана в Константинополе, как преследовал его Исаак и какое роковое влияние на ее жизнь оказали эти преследования, заставив без ее воли выйти замуж за Юрия. Воспоминания о константинопольских мытарствах Давида Сослана и всех последующих событиях сильно расстроили Тамару, заставив ее сожалеть о том, что она направила Юрия в Константинополь. Теперь в совершенно ином свете представилось ей и загадочное поведение Юрия, и начатое им восстание.

— Поведай мне чистосердечно, что было с тобой в Константинополе и что заставило тебя поднять оружие против меня? — мягко начала Тамара, уже не гневаясь на Юрия, а проникаясь участием к его судьбе. — Почему ты не сохранил верность мне и решил пролить кровь на нашей земле?

Ничто так не могло потрясти душу Юрия, как простые и ласковые слова Тамары, и ничто не могло с такой болью откликнуться в нем, как напоминание о его измене.

Едва сдерживая волнение, Юрий, ничего не утаивая, со всей искренностью рассказал ей о приеме у Исаака, о словах Мурзуфла, о планах исмаэлитов, о помощи, предложенной императором, и о своем намерении помочь ей, чтобы предотвратить нашествие в Иверию исмаэлитов.

Из его повествования Тамара поняла, что Юрий оказался жертвой коварного Мурзуфла и вовсе не думал посягать на ее права. Но чем меньше вины она находила в Юрии, тем труднее было ей вынести решение о его дальнейшей участи и тем ужасней для нее было передать его в руки мстительных врагов, которые никогда бы не согласились выпустить его живым из Иверии.

После долгого раздумья Тамара, наконец, прервала молчание:

— Мурзуфл обманул тебя, и ты напрасно ему поверил. Царевич Сослан жив и находится на пути в Иверию. Твой друг Захария выехал к нему навстречу.

Этих немногих слов было достаточно, чтобы убить в нем последнюю надежду соединиться с Тамарой.

Глубокая, безнадежная тоска вновь овладела Юрием. Он был уже не в силах превозмочь мрачное настроение и продолжать беседу с Тамарой. Он умолк и надолго погрузился в печально-безразличное состояние, из которого его нельзя было больше вывести.

— Враги могут заковать меня в оковы, ослепить, заточить в темницу, обречь на мучения — мне ничто не страшно! На муку я пришел сюда и мукой кончу свою жизнь! И я буду благодарен им, если меня убьют. Я сподоблюсь мученического венца, как и мой отец.

Тихий, подавленный голос Юрия, звучавшее в нем полное равнодушие к ожидавшей его страшной участи и, главное, упоминание об отце совершенно преобразили царицу.

— Я не хочу твоей гибели, — воскликнула она с искренней горестью, — сын великого Андрея Боголюбского, которого чтит мой отец, не может погибнуть в моем царстве! Я дам тебе все, что ты попросишь, только прошу тебя, помоги мне спасти тебя! Я буду благословлять тебя всю жизнь, если ты, как подобает доблестному рыцарю, не останешься у меня в плену, а уедешь отсюда невредимым. И вот тебе знамение, — она сняла со своей руки браслет и подала ему, — оно скранит тебя от всяких несчастий и будет тебе памятью обо мне!

Растроганный Юрий поцеловал драгоценный подарок и спрятал его на своей груди. Затем молча склонился к ногам Тамары и замер, прощаясь с нею навеки. Наступила торжественная тишина. Казалось, что отмирало старое и нарождалось новое, и, проходя через самое тяжкое испытание, Юрий как бы возвышался душой и отрешался от всего прошлого.

Тамара положила руку на его голову и с глубоким сочувствием промолвила:

— Будь достоин своего отца! Он защитил от крамолы свое отечество, а ты защити наше. Не ищи утех в

жизни, помни, что они — временны, и устреми внимание к вечному. Иди на Афон, там ты обрешь покой своей страдающей душе! В молитвах поминай меня, дабы мне посвятить жизнь отечеству и возвысить свой народ среди других народов! Да сохранит тебя всевышний!

Юрий порывисто поднялся. Лицо его было озарено светом неизъяснимого счастья и муки, беспредельной любви, преданности и полного отречения от всего земного.

— Кончилась жизнь! — необычайно серьезно произнес он. — Поминай меня и ты в своих молитвах. Прости за все содеянное, живи и царствуй на славу!

Он отвесил ей низкий поклон, как бы предавая себя ее воле, и они навсегда простились.

Сдерживая слезы, Тамара вызвала к себе верного Гамрекели и поручила ему спасти Юрия от мести ненавидевших его князей. Затем она приказала Гамрекели оповестить всех военачальников, чтобы они не преследовали бывшего царя, так как она помиловала его и отпустила на свободу. Гамрекели исполнил желание царицы, тайно вывел Юрия из Горийской крепости, снабдил всем необходимым для далекого пути, и Юрий с опытным оруженосцем умчались на лучших скакунах к побережью Черного моря.

Тамара не спала всю ночь, волнуясь за судьбу Юрия, и на рассвете покинула Гори, решив объехать места, где проходил Юрий, и заодно поклониться древним святыням в благодарность за одержанную победу. Прежде всего она побывала в Гелатском монастыре, где был похоронен ее великий прадед Давид Строитель, затем посетила монастыри и крепости: Хахули, Опизы, Питарети, всюду ее встречали с любовью как великую и мудрую правительницу.

Несмотря на все эти почести, Тамара не хотела возвращаться в столицу как победительница. В душе ее осталась неизгладимая печаль от последнего свидания с Юрием.

Его слова, что он «предпочел бы остаться у нее пленником, чем жить на свободе у константинопольского императора», запечатлелись у нее в памяти. Теперь, когда

Юрий отошел от нее навсегда, он вдруг заполнил собою все ее мысли, и она думала о нем, стараясь решить вопрос — послушался ли он ее и скрылся на Афоне или его повлекло опять в Константинополь, к коварному Мурзуфлу?

Ответ на эти вопросы она могла получить только в будущем, а будущее пока было от нее скрыто.

Тамара посетила тот храм, на вершине горы, который начал строить Юрий по образцу Владимирского и который своим величием и красотой превосходил все храмы, воздвигнутые как Тамарою, так и ее предками. Этот недостроенный храм так живо напомнил ей о Юрие, что она с большой грустью осмотрела его, не зная, заканчивать постройку или предать ее забвению.

Она нашла большое утешение, посетив любимую Вардзию, где сооружался великолепный пещерный дворец в скале. Она ознакомилась также с состоянием управления во всех частях царства, уделяя особенное внимание сооружению неприступных замков и крепостей, которые должны были украшать и укреплять Иверию.

Во время пребывания в Опизах Тамара вызвала к себе Бека, чтобы переговорить с ним об украшении иконы Богоматери в Сионском соборе, затем она хотела узнать, в каком положении находятся крестьяне, пожертвованные монастырям некоторыми из ее сторонников-феодалов.

Настоятель монастыря обстоятельно доложил ей, что поселяне сдают им воск и мед, их больше не беспокоят никакими поборами; кто же особенно нуждается, тех обеспечивают пропитанием, за что они исполняют хозяйственные службы в монастыре.

Затем Тамара обратилась к Бека с вопросом:

— Скажи мне, нашел ли у вас приют беглец из поместья князя Сурамели? По моему распоряжению он должен был отправиться к вам.

Бека от волнения долго не мог ничего произнести и виновато молчал.

— С ним случилось что-нибудь плохое? — спросила Тамара. — Не скрывай ничего. Говори всю правду!

Мне важно знать, послушался ли Сурамели моего указа или распорядился по-своему?

Бека низко поклонился ей, не зная, что сказать царице. Помолчав еще немного, он тихо, нерешительно начал:

— Не знаю, как поведать, о преславная царица, об этом непостижимом и странном деле, которому у нас все дивятся. Не знаем, что дальше будет и что приключится с Вартаном, плохое или хорошее.

— Говори, что случилось? — приказала Тамара, и лицо у нее стало такое строгое, что Бека стало страшно.

— Милостивица Вы наша! — пролепетал он. — Не гневайтесь, что слов не найду для рассказа. Пришел к нам на послушание Вартан, привел мальчишку, стал работать в пекарне, обжился, думал, что сделается монахом, и вдруг нагрянул князь. Боялись, что он убьет Вартана и нам достанется. А вышло иначе. Князь обошелся мягко, при нас объяснялся с ним.

— «О твоей душе, — говорит, — царица заботится. Покаялся ты или нет?» Вартан испугался и еле дыша ответил: — «Покаялся». «Ну вот, что, — говорит князь, — ты перед богом покаялся, а теперь будешь каяться передо мной. Я тебе тоже дам послушание. И не бегай, чтобы другие с тебя пример не брали, а у царицы заботы не было о спасении твоей души!» — И увез его с собой. Прошло немного времени, и однажды к вечеру явился Вартан. Не узнали мы его, так изменился. Спрашиваем: — «Свободный или беглый?» А он тихо отвечает: — «Помолитесь за меня. Берегите сынишку! Ухожу в горы. Навечно!» Ну мы его накормили, напоили, и он рассказал нам, что с ним было: — «Привез меня князь в усадьбу и говорит мне: — «У нас грех начался с того, что убили моего любимого пса, так за это и работай на псарне. Ухаживай за собаками. Вот тебе мое послушание!» И начал я жить на псарне, кроме псов, ничего не видел. И вот третьего дня князь поехал на охоту и взял меня с собой. Как взглянул я на горы, на родные места — обмер. А он нарочно проехал мимо нашего селения и говорит: — «Видишь, люди живут, как люди, работают и царице не жалуются, а ты взбаламу-

тил весь свет. Казнить тебя мало!» Не знаю, что мною стало. Загорелось в душе. Вся робость прошла. Кинулся ему в ноги и говорю:—«Казни меня, князь! Казни или на волю отпусти! Не могу жить с псами! Заколю себя, а с собаками жить не останусь!» Усмехнулся князь и говорит: — «Вон что ты надумал! Хорошо! Вернемся, поговорим!» Всю охоту был я сам не свой и думал только об одном: бежать надо! Как гляну на горы — займется сердце тоскою, умереть легче, чем так жить! Вернулись; князь позвал меня к себе, долго ходил по комнате, молчал и все думал. А потом подошел к столу, написал бумагу и сказал так отчетливо, что в голове точно выбил слова: — «Вот тебе отпускная. На год. Где хочешь живи. Через год вернешься!» Махнул рукой и пошел. Больше не сказал ни слова. А я бегом к вам, боялся, что гонится за мной князь. Ну, думаю, нет мне жизни на земле. Он всюду меня найдет. А там, в горах, между небом и землей ничья человеческая злоба меня не коснется! Отпустите меня, любимые братья!» Подумали мы, подумали: в любое время князь по своему памятозлобию может снова явиться за ним. И мы его отпустили. Пусть несчастный найдет покой своей душе!

Тамара с глубоким вниманием выслушала рассказ Бека и тихо промолвила:

— Если Вартан появится, скажите ему, чтобы он не боялся и возвращался в монастырь.

Тамара была очень обрадована сообщением Бека, что Сурамели все же послушался ее и отпустил Вартана. Она поняла, что гордый князь этим проступком хотел показать свою власть над крестьянами и в то же время в известной степени подчинился ей как царице.

В Арагвском ущелье, вблизи Мцхетской крепости, князь Сурамели со свитой встретил царицу. Он уже знал, как и все окрестные князья, о ее блестящей победе над Юрием и хотел приветствовать повелительницу Иверии и вместе с тем напомнить ей о себе. К удивлению князя, Тамара весьма благосклонно отнеслась к его поздравлению и сказала:

— Очень была рада, князь, услышать о Вашем великодушии, что Вы простили и отпустили на свободу бег-

леца-поселянина, о котором говорили мне во время моего пребывания у Вас. Помимо того, что Вы исполнили долг христианского милосердия, Вы сделали дело большой государственной важности, подав пример, достойный подражания. Это послужит к славе и процветанию нашего отечества!

Тамара нарочно подчеркнула слова «отпустили на свободу», желая этим принудить князя даровать полную свободу Вартану, и Сурамели вспыхнул, поняв ее намек.

Похвала царицы, с одной стороны, была крайне лестна и приятна для князя и поощряла его служить государству, но, с другой стороны — наносила сильный ущерб его положению, отнимая старые привилегии, утверждая силу царской власти над ним. В другое время князь не поступился бы своими правами и громко заявил бы, что они узаконены веками, но сейчас положение изменилось в пользу царицы, и Сурамели промолчал. Он был пленен умом Тамары, ее высоким стремлением поднять величие Иверии и невольно в душе признал ее господство и победу над собой. И неожиданно получилось, что самый гордый и могущественный из эриставов Рати Сурамели почтительно склонился пред царицей.

— Да будет бессмертно Ваше царствование! Покоряюсь Вашей воле, буду служить Вам, прекрасной повелительнице Иверии, с неизменной преданностью всю жизнь! — торжественно произнес Сурамели.

— Примите от меня благодарность, князь, за Вашу готовность верно служить отечеству! Да будет мир между нами,—ответила Тамара. Расставаясь с ним, она уже знала, что Сурамели больше не будет в числе ее врагов и что она приобрела в нем верного и стойкого защитника.

Прибыв в столицу, Тамара уединилась в Исани, отказавшись от торжественного пиршества по случаю победы над Юрием, и занялась делами по управлению страной. Теперь она имела полную свободу, никто больше не вмешивался в ее распоряжения. В эти печальные дни, когда она не получала известий от Давида и была исполнена опасений нового вторжения Юрия, к ней яви-

лась Астар и доложила, что оружейник Арчил привел человека, только что вернувшегося из Антиохии с важным известием.

— Кто он? — спросила Тамара.

— Наш, ивериец, башмачник Вальден, у него Джакели закрыл мастерскую, он уехал в Палестину, кого-то встретил там и вернулся обратно.

Будучи крайне удивлена этим сообщением, Тамара велела позвать к себе Арчила, которого хорошо знала, и Вальдена. После того, как Джакели изгнали из столицы, мастерскую Вальдена открыли ремесленники из его цеха. Вальден вернулся как раз вовремя.

Связно и толково рассказал Вальден, как на базаре в Антиохии встретил рыцаря Гагели, который дал ему деньги и велел немедля ехать обратно, явиться к царице и передать его слова: «Царевич Сослан жив и возвращается вместе со своими спутниками в Иверию», и прибавил от себя, что дорога дальняя, кишит разбойниками, ехать трудно и опасно. Этого было достаточно, чтобы Тамара поняла, что надо запастись терпением и не ждать быстрого возвращения Давида. К ее утешению, вернулся из своего уединения знаменитый поэт Руставели и сделался одним из приближенных к Тамаре лиц. Великий песнописец утешил печальную царицу, преподнес ей в дар новую поэму, где воспевал свою любовь к ней и страдания своего друга Давида Сослана.

Наконец, после долгого отсутствия явился и Захария Мхаргрдзели, который не только не мог найти царевича, но даже собрать достоверных сведений о его пребывании.

— О, великая царица, не гневайтесь на меня, что я не выполнил Вашего поручения, — сказал в заключении Захария, — но полагаю, что если бы с ним случилось несчастье, то верные слуги его давно бы вернулись в Иверию и известили Вас о всем происшедшем. Видно, нельзя искать орла на земле, когда он парит в поднебесье!

Сообщение Мхаргрдзели могло бы причинить большое горе Тамаре, но после беседы с Вальденом она обрела внутреннюю силу и уверенность, что там, в Палести-

не, совершается что-то большое, важное, что откроется в свое время. Кроме того, после восстания и бегства Юрия Тамара склонна была рассматривать и объяснять все события в жизни как неизбежную расплату за Юрия. Теперь она больше не думала о себе и была поглощена мыслью о том, как прекратить начавшуюся смуту в стране и найти средства к общему умиротворению.

В один из вечеров, когда Тамара была одна и с грустью размышляла о непрочности человеческого счастья, вошла Астар и тревожно доложила:

— Я видела сейчас, как промчались всадники к Метехи и остановились возле дворца. Они совсем не похожи на наших рыцарей. Пусть не беспокоится моя повелительница, но, наверное, это гонцы от царевича Сослана.

С балкона Исанского дворца был виден освещенный Метехский замок, и Тамара с удивлением промолвила:

— Надо думать, что приехали важные гости. Кто осмелился бы впустить их в царские покои без моего ведома?

Тамара приказала взять несколько верных телохранителей из стражи и немедленно отправилась вместе с Астар в Метехский замок. Она была уверена, что то были гонцы от Сослана, явившиеся к ней с каким-нибудь печальным известием. Но она не проявила ни горести, ни малодушия, а спокойно и мужественно приготовилась встретить новое несчастье и, если не поздно, сделать все необходимое для спасения Сослана.

Войдя во дворец, Тамара была сильно удивлена ярким освещением царских покоев. Всюду горели факелы, свечи, камины, и обычно тихие, пустынные комнаты вдруг наполнились живым и неумолчным шумом, громкими голосами, давно уже не звучавшими в глухих стенах дворца, где в последнее время никто не жил и было тихо и безмолвно.

Тамара молча прошла несколько комнат и вдруг остановилась. Послышались знакомые твердые и решительные шаги, могучая рука откинула занавес, и перед Тамарой выросла фигура Давида Сослана в железных доспехах, покрытых пылью, так как он со своими спутниками только сейчас прибыл в столицу.

Сослан только что вышел из дворцовой церкви, куда поставил ковчег с древом креста. Он шел окрыленный мечтой о близком свидании с Тамарой. Внезапная встреча ошеломила его. Он остановился, как вкопанный, не находя слов для выражения своих чувств. Но, сдерживая волнение, он овладел собой и, склонившись перед нею, торжественно произнес:

— Я выполнил твое повеление, царица. Древо святого креста в Иверии. Идем, поклонимся ему, — и, взяв ее руку, вместе с нею направился в церковь.

Она преклонила колено перед ковчегом, исполненная глубочайшей радости и восторга. Здесь, перед древом креста, после многих лет разлуки и страданий как бы произошло их обручение, и они, наконец, обрели свое счастье. Поднявшись, Тамара с глубоким чувством произнесла:

— Отныне кончились все мои невзгоды!

Счастливые, они направились в зал, где их терпеливо ждали спутники Давида.

— Путь окончен! — сказал Сослан, когда они вошли в тот самый зал, где когда-то был пир в честь Юрия. Осматриваясь кругом, он вспомнил, как в последний раз перед отъездом в Палестину он вышел отсюда без всякой надежды вернуться обратно. Он едва привыкал к мысли, что находится в Иверии, что впереди его больше не ждут испытания, изгнание и разлука. Он не верил себе, что видит Тамару, ради которой совершал такие невероятные подвиги, что наступает новая счастливая пора в его жизни, когда никто не сможет разлучить их, и они будут укреплять мир, славу и могущество Иверии.

— Мои верные друзья, не покинувшие меня в несчастье! — промолвил взволнованный Давид, обращаясь к своим спутникам, когда они сели за стол, чтобы выпить вина и подкрепиться пищей. — Какую благодарность я воздам вам за вашу верную службу? Чем отплачу вам за вашу преданность и любовь?

— Они будут достойно вознаграждены, наши верные слуги, — ответила царица и приказала щедро одарить Гагели, Мелхиседека и других слуг, предоставить

им поместья, государеву службу, а Иванэ Орбеллиани даровала прощение и обещала вернуть владения, некогда принадлежавшие его предкам. Она внимательно выслушала все их рассказы о пребывании в Палестине, ободряя каждого своим участием, благодаря за верность и самоотверженность в дружбе. Особенное впечатление на нее произвел рассказ Гагели о свидании с приором исмаэлитов, который даровал ему свободу при условии, что он будет их эмиссаром при дворе царицы.

— Теперь я вижу, — произнесла Тамара. — как далеко простерли они свои дерзкие замыслы. Не слышали ли вы там про рыцаря со шрамом?

— Как не слышать, милостивая царица, — оживился Мелхиседек, — ведь он же нас и предал исмаэлитам. А Иванэ добавил:

— Державная царица, я видел, что он был у нашего приора и говорил с ним относительно царевича. Рыцаря с таким страшным шрамом нельзя забыть.

Затем Мелхиседек и Гагели рассказали царице, в каких трудных условиях совершался их обратный путь в Иверию.

В дороге они узнали, что исмаэлиты убили азербайджанского правителя, что все проходы в Персию заняты ими. Во избежание опасности они передвигались ночью по горным тропинкам. Питались скудной пищей, избегая людных мест, почти до самой Иверии отдыхали днем и не спали ни одной ночи.

— Каждый час мы ждали нападения извергов, — сказал Мелхиседек, — но мы твердо решили защищаться до смерти и живыми не попадать в их руки. Дерево креста спасло нас от верной гибели.

Спутники Давида Сослана уходили из дворца все вместе. Но Сослан задержался на одно мгновение, и Тамара, видя его волнение, коротко сказала:

— Успокой свое сердце! Я не нарушила своей клятвы.

— Отныне моя жизнь принадлежит тебе и нашему отечеству, — весь просияв от счастья, воскликнул Сослан. От чрезмерного возбуждения он больше ничего не мог говорить и, поцеловав конец вуали, прикрывавшей

ее локоны, стремительно удалился вместе с друзьями. Гагели послушно, как и тогда в Палестине готов был всюду следовать за ним, охраняя и предупреждая от всех вражеских нападений. В награду за верность царица подарила ему драгоценный перстень и замок в Бетани, где была ее любимая летняя резиденция.

Пышно и торжественно отпраздновали свадьбу Тамары и Давида, который был провозглашен царем Иверии. Венчание происходило в Дидубийской церкви, так как Тамара отказалась от венчания в Сионском соборе, с которым у нее было связано столько печальных воспоминаний о ее браке с Юрием. Венчание совершал епископ Антоний, так как Микель сильно занемог после приезда Сослана. Он, однако, успел помириться с ним и благословить его на брак с царицей.

Свадебный пир был устроен на Дидубийском поле, и руководила им Русудан, старавшаяся блеском и богатством угощения превзойти пир, устроенный во время свадьбы Тамары с Юрием. Собралось множество народа, воинство, военачальники, для которых потом были устроены военные игры и развлечения.

Никогда так не веселилась столица, как на этом торжестве, никогда не было такого стечения народа и никогда так щедро не опустошалась царская казна, как в этот незабываемый день венчания Давида с Тамарой. Ликовали Грузия и Осетия. Ликовали народы Кавказа.

Э П И Л О Г

Прошли годы. У Тамары и Давида было уже двое детей — сын — наследник Георгий, прозванный Лаша «Блистательный», и дочь, названная по имени любимой тетки Русудан. Иверия обрела, наконец, внутренний мир и достигла зенита своего могущества и славы. Культура Иверии поднялась до высшего развития: воздвигались дворцы, храмы, города; создавались великие произведения искусства, особенно процветали поэзия и наука.

Между тем развенчанный Юрий Боголюбский долгое время не мог найти себе нигде покоя. Скитаясь по разным местам, терзаемый несчастной любовью, он сделал еще раз отчаянную попытку пробиться в столицу, но преследуемый неудачами не только не достиг цели, но был окончательно разбит и скрылся в неприступных скалах Иверии.

Военная сила Иверии, укрепленная Давидом и его боевыми сподвижниками, охраняла страну от вражеских нападений, хотя события в Палестине складывались теперь крайне неблагоприятно для иверского государства.

После смерти Саладина власть захватил его брат Малек-Адель, воинственный и жестокий, который изгнал крестоносцев из их владений и грозился освободить от христиан всю Палестину. Его успеху в немалой степени содействовало то обстоятельство, что крестовые походы утратили былую славу и значение, кроме того, он не имел таких неустрашимых и опасных противников, с какими приходилось бороться Саладину. Ричард Львиное Сердце, возвращаясь из Палестины в Европу, попал в плен к германскому императору Генриху VI, просидел у него несколько лет в темнице, а вскоре после освобождения погиб в одной из схваток во Франции. Филипп Французский отказался ехать в Палестину, но за-

то немецкий император Генрих VI снарядил четвертый крестовый поход, который кончился его полным поражением и победой Малек-Аделя. Разбив немцев, Малек-Адель сильно укрепился, и это тотчас же отозвалось на Иверии. Сопредельные государства турков и персов не могли забыть походов Картвелов и стремились расширить свои владения. Окрыленные успехами Малек-Аделя, они собрались напасть на Иверию. В это время разразились большие события, чрезвычайно изменившие лицо тогдашнего мира. В Константинополе совершился государственный переворот. Исаак был свергнут с престола своим братом Алексеем, который при помощи Мурзуфла ослепил его и бросил в темницу, а себя провозгласил императором. Сын Исаака бежал в Европу искать помощи и защиты для слепого отца. Он обещал содержать целый год армию и флот крестоносцев, дать большую сумму денег на военные расходы и, сверх того, подчинить греческую церковь римской. Тогда венецианский дож Дандоло, который намеревался отдать свои суда для отправки крестоносцев в Палестину, круто изменил решение и вместо Палестины направился с войсками к Константинополю на помощь Исааку.

Тамара не могла безразлично отнестись к событиям в Константинополе, тем более что похититель престола Алексей по наущению Мурзуфла ограбил иверских монахов, которые везли ее дары греческим монастырям, и захватил себе все золото. Тамара, возмущенная его бесчестным поступком, решила наказать оскорбителя и двинуться на Византию, но грозная опасность нависла над Иверией, и ей пришлось изменить свое намерение. Один из повелителей Ирана Амир-Бубакар, собрав несметное воинство, направился к Дербенту. Получив известие, что персы двигались с невероятной быстротой и могли занять неприступные позиции, Тамара немедленно собрала свои войска и, благословляя их древом креста, отправилась навстречу персам под предводительством царя Давида и главнокомандующего Мхаргрдзели.

Давид не только не был встревожен внезапным вторжением персов в пределы Иверии, но, напротив, возгорелся необычайным рвением, так как впервые после

многих лет покоя мог проявить свое воинское искусство и сразиться с сильным противником. Войска Давида нагнали персов под Шамхором и, хотя Амир-Бубакар обладал превосходящими силами, тем не менее Давид так искусно и смело атаковал вражеские полчища под Шамхором, что первым же натиском внес смятение в их ряды. Сослан сам руководил сражением так же, как в Палестине, был неукротим в бою и своей беспримерной храбростью и силой нанес персам большие потери, наполнив их сердца ужасом. Персы были смяты и разбиты, и богатейшая добыча досталась иверскому воинству.

Это была новая блестящая победа Давида над персами, которая увенчала царствование Тамары неувядаемой славой. После Шамхорской битвы влияние Иверии распространилось далеко на Восток. Между тем в Константинополе переворот следовал за переворотом. При помощи крестоносцев сын Исаака был возведен на престол, а брат его, Алексей, бежал из Византии. После его бегства вновь провозгласили императором Исаака, и он царствовал вместе с сыном, но их царствование продолжалось недолго. Константинополь был взят и разграблен крестоносцами, а затем предан сожжению. В пылающем и разграбленном городе больше не было ни власти, ни порядка. Мурзуфл, пользуясь общим смятением и возмущением греков против крестоносцев, задушил сына Исаака и, совершив это последнее злодеяние, сделался императором, а слепой Исаак умер от горя и отчаяния, но Мурзуфлу не пришлось долго царствовать. Отказавшись выполнить обязательства, данные сыном Исаака крестоносцам, Мурзуфл навлек на себя их гнев и вынужден был бежать из Византии к своему тестю, царю Алексею. Тот ослепил Мурзуфла, и он, покинутый всеми, попал в руки крестоносцев, которые отправили его в Константинополь и сбросили с вершины колонны Феодосия.

Услыхав о трагическом конце Константинополя, Тамара снарядила свои войска и под предводительством Давида отправила их к границам Византии, приказав немедленно взять Трапезунд и весь северный берег Малой Азии вплоть до Константинополя. На развали-

нах Византии Тамара основала Трапезундскую империю и во главе этого нового царства поставила Алексея Комнена, внука Андроника, присвоив ему титул трапезундского императора. Таким образом, свершилось то самое, чего больше всего боялся Исаак. Комнены вновь утвердились в Византии под непосредственным влиянием иверской царицы.

После основания Трапезундской империи Давид вынужден был отправиться со своими войсками к Карсу, куда двигался могущественный алеппский султан Нукардин, который собрал мусульман со всего Востока и шел на Иверию мстить за поражение персов. Но это грандиозное нашествие мусульман кончилось их полным разгромом. Нукардин спасся от преследования Давида, только благодаря скорости арабского скакуна, но его знамя, имущество, пленные достались победителям.

Враги Иверии были побеждены, и влиянию ее теперь подчинялись не только народы Кавказа, но и соседние мусульмане до Эрзрума и Исфагани. Иверия в глазах турок и персов имела такую непобедимую силу, что Тамара именовалась победительницей халифов, на ее монетах были вырезаны грозные для мусульман слова: на лицевой стороне по-иверийски — «Тамара и Давид», на оборотной — арабскими литерами: «Царица цариц, слава мира и религии, Тамара, дочь Георгия. Да прославит бог ее победы!»

Давид умер раньше Тамары, истощенный походами, непрерывными войнами, сражениями и трудами по управлению обширным государством. Три дня оплакивала царица Тамара смерть любимого мужа и отца своих детей.

Прославленная царица Тамара перед смертью вызвала своего сына Георгия и Гагели. Она, обратившись к сыну, сказала:

— Похороните меня рядом с Давидом Сосланом и дайте клятву, что вы оба тайну нашего погребения унесете с собой в могилу.

— Клянемся богом, тобой, своей честью, что могила Тамары и Давида останется тайной для всех живущих на земле.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Воинова А. П. 5

Часть первая

ГЛАВА I	9
ГЛАВА II	18
ГЛАВА III	35
ГЛАВА IV	59
ГЛАВА V	74
ГЛАВА VI	89
ГЛАВА VII	114
ГЛАВА VIII	130

Часть вторая

ГЛАВА I	157
ГЛАВА II	176
ГЛАВА III	190
ГЛАВА IV	210
ГЛАВА V	222
ГЛАВА VI	240

Часть третья

ГЛАВА I	267
ГЛАВА II	287
ГЛАВА III	301
ГЛАВА IV	316
ГЛАВА V	335
ГЛАВА VI	353

Часть четвертая

ГЛАВА I	373
ГЛАВА II	387
ГЛАВА III	401
ГЛАВА IV	419
ГЛАВА V	436
ГЛАВА VI	448
ГЛАВА VII	466
ЭПИЛОГ	483

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА ВОИШОВА
ТАМАРА И ДАВИД
(роман)

Книжный сектор Юго-Осетинского издательства
Цхинвали — 1967

АЛЕКСანდრა ივანოვანა ვოიშოვა
თამარი და დავიდი
(რომანი რუსულ ენაზე)
სსრკ-ის იუსკის გამომცემლობის წიგნის სექტორი
ცხინვალი — 1967

Редактор **В. В. Рехвиашвили**
Художники **У. Х. Гассиев** и **У. К. Капуков**
Худредактор **А. Д. Ванеев**
Техредактор **Ш. Г. Елбакиев**
Корректор **М. С. Саткоева**
OCR - Давид Титиевский, август 2017 г., Хайфа

Сдано в набор 20. XII. 1966 г. Подписано к печати 30. V. 1967 г.
Заказ № 1266. Формат бумаги 84x108¹/₃₂ см. Изд. листов 27.
Печатных листов 24.6. Тираж 60000 экз. Цена 1 руб.

Цхинвальская типография Главполиграфпрома
г. Цхинвали, ул. Московская, 5.